

АФГАНИСТАН

БОЛИТ

В МОЕЙ

ДУШЕ...

АФГАНИСТАН

БОЛИТ

В МОЕЙ

ДУШЕ...

**Воспоминания,
дневники
советских воинов,
выполнявших
интернациональный долг
в Афганистане**

Литературная запись
Петра ТКАЧЕНКО

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1990

Дорогой читатель!

О солдатах необъявленной афганской войны ты читал репортажи, очерки, статьи журналистов, публицистов, писателей. И, конечно, заметил, что в общественном мнении на проблему «афганцев» существуют два противоположных взгляда: одни считают их погубленным поколением, другие — лучшей частью нашего общества, людьми, вынесшими из страшных испытаний способность к бескомпромиссным поступкам, умение прямо говорить «да» и «нет»...

Издательство «Молодая гвардия» впервые предприняло попытку дать слово самим «афганцам». Через «Комсомольскую правду» мы обратились к участникам афганской войны — присылать о ней документальные свидетельства. Эти материалы составили данную книгу.

Мы считаем своим гражданским долгом продолжать афганскую тему в наших изданиях, чтобы восстановить правду трагического момента нашей истории во всей полноте. Обращаемся к вернувшимся воинам, родным и друзьям погибших с просьбой присылать нам письма, дневники, воспоминания и другие свидетельства, а также интересные фотоматериалы.

Наш адрес: 103030, ГСП-4, Москва, Сушевская ул., д. 21. Издательство «Молодая гвардия», редакция военной и спортивной литературы.

Афганистан болит в моей душе... : Воспоминания,
А 94 дневники советских воинов, выполнявших интернациональный долг в Афганистане / Лит. запись П. Ткаченко; Предисл. Ю. Теплова.— М.: Мол. гвардия, 1990. 254 [2] с., ил.

ISBN 5-235-01105-8

В книгу вошли воспоминания, а также дневники советских воинов, выполнявших интернациональный долг в Афганистане, — солдат и офицеров, живых и павших. Воспоминания «афганцев» складываются в объективную картину этой необычной и трагической для нашего народа войны, поднимают многие проблемы физической и моральной реабилитации воинов.

А 1305010000—030 КБ—019—022—89
078(02)—90

ББК 68.49(2)243

ISBN 5-235-01105-8

© Издательство
«Молодая
гвардия»,
1990 г.

*Солдат
афганской войны*

Проводы в Кабуле

*Конец войны. Командарм
Б. В. Громов с сыном*

КОНЕЦ ВОЙНЫ

Сражения кончаются, а история вечна. Ушла в историю и афганская война. Но еще долго станут тревожить всех нас голоса погибших и живых — войны не проходят бесследно. Эта книга — тоже живой голос войны.

Героическая и трагическая не только из-за обелисков, она длилась в два раза дольше, чем Великая Отечественная. Никем и никому не объявленная, она требует глубокого осмысления. Нет такого компьютера, чтобы в одночасье извлечь все ее уроки, политические и военные, столь необходимые для судеб общества, происходящих в нем ныне сложных процессов и каждого отдельного человека. Потому пусть память прокручивает: что было? как было? и так ли было?..

Я вижу мост через пограничную реку Аму, так называют местные жители Амударью. Вижу сотни женских глаз, устремленных туда, где стоит у шлагбаума пограничник, и откуда вот-вот должна появиться очередная колонна с нашими солдатами... Вижу девушку в зеленом с поднятым над головой плакатиком. На нем написано: Микитюк Дмитрий. И номер воинской части... Забыв обо всем, она прижала к груди букетик гвоздик и искала глазами, искала. Все вокруг знали: эта девочка в зеленом ждет жениха...

Ох, эта вечная женская доля: ждать! Ох, эти бабоньки, пожилые и юные, в цветастых шالях и простоволосые, с платочками в руках для непросыхающих слез, собравшиеся со всех концов страны к Термезскому мосту!.. Собравшиеся, невзирая на аэрофлотовские препоны, отсутствие мест в гостиницах, базарную дороговизну и малую надежду встретить одного-единственного.

Тот пограничный мост стал мостом ожидания, а река Аму — рекой ожидания.

— Рафис! Рафи-ис! — закричала грузная женщина и метнулась прямо под колеса КамАЗа, узнав в водителе сына. — Рафи-ис!

КамАЗ остановился, колонна застопорилась. Кто-то от моста закричал зычным голосом:

— Продолжать движение!

А из кабины уже выскочили старший лейтенант с прапорщиком. Подхватили женщину под руки, посадили в кабину:

— Езжай, мать!

Сил у матери уже не оставалось. Упала головой сыну на колени и глаза закрыла. «Обеспамятовала», — прошелестело в толпе.

— Продолжать движение! — повторил зычный голос командув.

КамАЗ тронулся, увозя мать с сыном, за ним пошла вся колонна.

А пока машины стояли, девочка-невеста бегала между ними и, заглядывая в переполненные кузова, спрашивала у всех:

— Микитюка не знаете?

Ее жениха никто не знал.

Ей еще долго предстояло встречать колонны. Назавтра я покину мост, уйду через границу на ту сторону, а когда вернусь, снова увижу ее с плакатиком в руках...

А в тот день я тоже вглядывался в лица ступивших на родную землю солдат и офицеров: вдруг увижу сына?.. Хотя он и напи-

сал, что выйдет только 15 февраля, но все графики перепутались, одни пересекли границу раньше, другие задерживались, и на этой стороне не было никакой четкой информации.

Сейчас, когда все позади, есть смысл оглянуться назад и трезво оценить зафиксированные памятью кадры. И не только у моста, все другие тоже — по ту и эту сторону реки Аму...

В вестибюле гостиницы «Сурхан» — куча народу.

— Мест нет и не будет, — директор гостиницы, которую все звали по имени — Соня, обхватывает голову руками. — Даже иностранных корреспондентов не знаю, как расселить!..

«Даже иностранных»... А что делать солдатским матерям и отцам, которые находили пристанище в основном на частных квартирах.

— Сколько приходится платить? — спросил я Валентину Михайловну Семенову, прилетевшую встречать сына с Дальнего Востока.

— Десять рублей в сутки.

— За комнату?

— Нет. За койку...

Говорят, то же самое происходило и во время первого массового вывода войск. Значит, опыт уже должен быть, значит, можно было предусмотреть наплыв людей и подготовиться к встрече. Поставить, например, «бочки» (компактное, но и довольно комфортабельное походное жилье), подготовить несколько модулей в военном городке или отвести для жилья одну из казарм — пусть многочисленные командированные в Термез офицеры живут привычной бивачной жизнью. А гостиницы предоставить в первую очередь родителям и тем, кто только вышел с той стороны.

Хотя из людей «с той стороны» нуждающихся во временном жилье было немного. Все долгожданное свидание длилось, как правило, минуты.

А почему всего лишь минуты? Почему не остановиться колонне на час где-нибудь в километре от моста, в специально отведенном для этого месте? Чтобы мать могла хоть о чем-то спросить сына, передать приветы, чтобы могла прижаться к нему, погладить по пропыленной голове?.. Проявил же такую инициативу Герой Советского Союза полковник Валерий Востротин, остановил свой полк в чистом поле, построил людей, сказал:

— Вот мы и дома. Спасибо, воины, за все, что вы сделали. А вам, родители, спасибо, что встретили.

И дал час для общения с родными...

Сам я при этом не присутствовал, но женщины у моста сообщали друг другу о том событии, как об откровении, как о высшей чуткости и справедливости. А о том, что такое должно быть нормой, даже не помышляли. В те минуты главным было — заметить, увидеть, не пропустить Своего в многоликих колоннах.

Случалось, что и пропускали.

В счастливый день 13 февраля, счастливый потому, что не было среди возвращавшихся ни одной смерти и ни одного ранения, у моста горько плакала женщина по имени Малика. Только что прошла последняя колонна полка, дислоцировавшегося до того в Ташкургане, где служил ее муж, старший лейтенант Сергей Фролков. Ею она так и не увидела.

Кто-то из распорядителей сказал, что первые две полковые колонны уже погрузились в эшелон и готовы к отправке. Она заметалась по стоянке автомашин: на вокзал, на вокзал!.. На воинской железнодорожной площадке мы нашли с ней командира

дивизии, и тот подтвердил, что батальон, где служил ее муж, уже погрузился. И распорядился, чтобы Малику посадили к мужу в вагон. Так она и уехала, забыв про оставшиеся в хозяйской квартире вещи.

А казалось бы, чего проще: объявлять через мегафон номер полевой почты той части, которая вот-вот начнет с той стороны движение по мосту. Тогда бы люди не метались, мешая друг другу, не кричали бы сквозь шум моторов: кто вы? откуда?.. Время для получения такой информации было, войска на той стороне ожидали в накопителе по многу часов и даже иногда ночевали там. И человек, которому можно было бы поручить это,— был тут же: офицер военной комендатуры. Но он лишь молчаливо исполнял обязанности старшего автобуса...

Все это прокрутилось в памяти после прочтения сборника, рукопись которого любезно предоставило мне издательство. Его авторов тоже вот так ждали близкие. А рядовой запаса Алексей Куприянов так и назвал свой рассказ о войне: «Мы вернемся...».

Потому мысленный вопрос: надо или не надо об этом вспоминать? — имеет однозначный ответ: надо! То наша с вами жизнь, в которой уважение к человеку, внимание к его чувствам являются барометром нравственности, общественного здоровья. Внимание и уважение (или невнимание и неуважение) могут проявляться в самых различных ситуациях и сейчас, и в будущем. И чем скорее мы освободимся от скверной привычки, ставшей почти традицией, не думать о людях, тем быстрее произойдет моральное очищение всего общества...

А за мостом войск оставалось совсем немного. В те последние на афганской земле дни солдаты продолжали гибнуть. До последнего мгновения отстреливался от напавших на пост мятежников трубопроводчик рядовой Владимир Стариков... На южном склоне Саланга в упор были расстреляны КамАЗ и его водитель рядовой Сергей Шельгяев... Не дождалась жена и две дочки домой капитана Олега Шишкина. Он и его товарищи по вертолетному экипажу — лейтенант Павел Кроха и старший лейтенант Андрей Слушаев сгорели в афганском небе за пять дней до окончательного вывода наших войск... Позже, 15 февраля, я услышал от штабных офицеров цифру, которая, возможно, еще и будет уточнена: 39 человек — столько погибли за последние полтора месяца...

А в тот день мы сидели в шестидесяти километрах от нашей границы и говорили о будущем. Как сложится судьба солдат и офицеров, тех, кто по срокам службы должен уйти в запас, и тех, для кого это время еще не подошло? Тема, пожалуй, самая животрепещущая для всех, потому что с окончанием войны проблемы не кончаются, а для многих, наоборот, начинаются. Больше всего разговоров было о «сортировке», так в просторечии именовались места временной дислокации, откуда личный состав должен был разъехаться кто куда.

— Почему бы не сохранить полки как боевые единицы? — мыслил вслух подполковник Петр Корытов. — А расформировать другие, без боевых традиций. Все равно Вооруженные Силы надо сокращать...

Вопрос непростой, тем более в связи с предстоящим сокращением. Те, кто служил в армии еще при Никите Хрущеве, помнят, как это происходило. Сначала огульно сокращали, потом,

когда разобрались, что не тех уволили, стали некоторых потихоньку призывать обратно.

Вот и беспокоились офицеры, будут ли на этот раз кадровые органы подходить дифференцированно? Не случится ли так, что уволят, к примеру, военного хирурга, сделавшего операцию тому же майору Игорю Блджану, одному из авторов этого сборника? И не только ему — сотням других раненых, хотя тому хирургу, может быть, и перевалило за полста лет?.. Или военного ученого, который к своему полувековому юбилею только достиг творческой вершины?.. Они без дела не останутся, а армия потеряет по-настоящему опытных специалистов.

Один из офицеров сказал:

— Боюсь, что на сортировке какой-нибудь вредитель предложит написать рапорты нашим лейтенантам. И ведь многие напишут. Нервы у ребят на пределе, первая мысль — домой! И пропадает самое ценное, что мы вынесли из этой войны, — боевой опыт...

Конечно, и среди «афганцев» были такие, кто не нашел места в офицерском строю, а то и просто скомпрометировал себя. От таких, понятно, надо освобождаться прежде всего. Но в основной своей массе — это профессионалы, проверенные в боях. Их фронтный опыт и должен стать составной частью реформы армии...

Такие вот сомнения одолевали возвращавшихся с войны. Спать в ту ночь никто не собирался. И хоть время выступления менялось каждые несколько часов, полк уже стягивался с блоков и застав на обвалованную со всех сторон площадку. Людям надо было проверить, накормить, организовать боевое охранение. Для основательных бесед у хозяев не было и часа, но и урывочные, они стоят того, чтобы вкратце их изложить.

Война есть война, даже если долгое время ее называли то «необъявленной», а то и просто «учениями». Читатель легко может представить ту обстановку по бесхитростным и честным рассказам авторов сборника рядовых запаса Николая Кургана, Александра Банникова, да и многих других тоже. Они хорошо знают, что на войне есть свои законы. Вот только по отношению к афганской войне нередко почему-то случалось, что эти законы не учитывались.

Всем известно наше отечественное качество ремонтных работ, в каком бы ведомстве они ни производились. Не составляет исключения и ремонт боевой техники. Ну, ладно, спишем, как стало привычным и удобным, ремонтные безобразия на застой, признаем как факт, что боевые и небоевые машины требуют после капитального ремонта рук полковых умельцев, и пока эти руки не приложены, они стоят в мирных боксах.

Но там, в Афганистане, мирных боксов не было. Вся техника обязана быть «буру», то есть (в переводе с местного) двигаться, потому что сигнал к боевым действиям мог прозвучать и сию минуту, и завтра. Однако машины из капиталки не все двигались. Даже одна из последних автоколонн, составленная наполовину из таких машин для отправки продовольствия в Кабул, смогла выйти из Хайратона лишь в усеченном составе. Не хватило времени, чтобы все автомобили сделать «буру».

В пути, особенно в районе Саланга, о котором читатель получает представление после прочтения этой книги, было немало поломок, а значит, и незапланированных остановок, чреватых непредвиденными потерями. Лишь геройские, именно геройские

усилия солдат-водителей да фронтное везение позволили дойти до Кабула благополучно...

Снабжение войск зачастую шло по нормам довольствия мирного времени. Только к концу войны появились спальные мешки, столь необходимые для рейдовых действий в горно-пустынной местности. Да и спальников тех было — раз-два и обчелся. Я видел, как отогревались ночью солдаты у костров, вместо того чтобы спать перед завтрашним рейсом.

Еще видел, но это было в одну из давних командировок в Афганистан, саперов в странной, на первый взгляд, форме: при погонах и в белых тапочках. В ней воплотилась кроха горького опыта: в сапогах — без ноги, в ботинках — без ступни, в кроссовках — без пальцев... С той командировки прошло почти шесть лет, а специальной обуви для саперов как не было, так и нет. Какие уж такие неодолимые к тому препятствия находят тыловые специалисты, им одним только и известно. А ведь образцы есть: обувь авиационных техников, удобная, мягкая, приспособленная к жаркому климату.

Да разве только об обуви и спальных мешках речь? Любой участник войны имеет свои соображения и по поводу так называемых «шаланд» (транспортные спецавтомобили), и радиостанций, и о том, что необходимы легкие горные палатки, облегченные бронежилеты, хотя бы такие, как у чехов, и о прочих «мелочах» фронтного быта, цена которым нередко — человеческая жизнь.

Тыловые службы давно стали притчей во языцех. Увы, они дают тому повод своей неразворотливостью, неоперативностью. Решение многих вопросов затягивается на годы из-за обилия согласований, официальных бумаг, многоступенчатости инстанций, этой застарелой болезни брежневского правления... Но бывает, что иногда вдруг исчезают все бюрократические рогадки. Правда, лишь в том случае, когда дело касается комфортабельности или каких-то особых соображений самих тыловых органов. Как, например, в истории с заменой красных чеков на рубли.

Командир полка подполковник Иван Васильев пожаловался между делом:

— Дали на полк десять видеоманитофонов, чтобы отоварить чеки. Как распределить такой мизер?..

Да, было такое решение: выделить из небогатых импортных фондов радиоаппаратуру, чтобы те, кому выпал афганский жребий и кто вместо инвалюты получал в последнее время особые красные чеки, имеющие хождение лишь там, могли бы их израсходовать. Небольшая, в общем-то, привилегия за риск и совершенно справедливая.

Но через некоторое время военная торговля, вернее те, кто ею руководил, вышли в соответствующие инстанции с ходатайством продавать аппаратуру на рубли. Вроде бы нету больше на руках чеков. Такое разрешение было получено.

Об этом мне рассказал сосед по гостиничному номеру работник центрального финансового управления МО СССР полковник В. Перешивкин. Он был как раз озабочен тем, где раздобыть миллион наличными. Потому что московского запаса для обмена один к одному чеков на рубли не хватило. Перед пятнадцатым февраля было уже обменено около двух миллионов рублей.

А куда ушли японские телевизоры и магнитофоны — предлагую читателю самому пофантазировать, исходя из того, что в свободной продаже такого товара нет, а на черном рынке за него переплачивают примерно втрое...

Но и это покажется мелочью по сравнению с тем многим, что наболело у «афганцев» и что они так сдержанно выразили в этой книге — недаром она называется «Афганистан болит в моей душе...». Сейчас самое время заняться анализом того, что накопилось за девять лет, обобщить уроки такой непростой и непредвиденной для нас войны.

...Перед полуночью подполковник Иван Васильев получил новое распоряжение: полк выходит послезавтра на рассвете. И у меня появились целые сутки, чтобы найти сына. Пишу об этом, чтобы прояснить: в афганских проблемах у меня тоже есть заинтересованность.

Было раннее утро 12 февраля. Дул афганец, и временами воздух густел настолько, что его не могли пробить даже включенные автомобильные фары. С Хайратонской трассы свернули в пески, и «уазик» поплыл, как одинокий верблюд, среди барханов. И застава, куда добирались, открылась взору тоже между двумя могучими песчаными буграми. Не было вокруг ни кустика, ни дерева, ни травинки, не говоря уж о колодце или какой луже.

Как стало ясно, начальство незамеченным на заставу не агрнет. Машину служба наблюдения заметила еще издалека, и на КПП уже ждал невысокий худенький офицер. Бойко и звонко представился:

— Заместитель командира роты по политчасти старший лейтенант Тлукашаов.

Мне эта фамилия была знакома по письмам сына.

— Где командир? — спросил я.

— Готовит к передаче «афганцам» технику и вооружение...

Ну как описать встречу с сыном! Я и сам-то не очень хорошо помню ее. Остались в памяти лишь его удивленно-растерянное лицо и он сам, готовый к докладу, с застывшей на пути к козырьку форменной зеленой кепки ладонью...

Раньше тоже приходилось бывать на заставах, но все выглядело проще: был лицом официальным, представителем прессы и чувствовал к себе соответствующее отношение. А тут сын сказал:

— Забудь про работу. Ты — отец и гость. Писать про нашу заставу тебе неприлично.

Ладно, ответил ему, не буду куда соваться, ни с кем беседовать, не стану ничего записывать. Но все же потихоньку кое-что заносил в блокнот, потому что неофициальные откровенные разговоры зримее высвечивали типичность проблем и обстоятельств.

Сын уехал сдавать какие-то противошоковые на случай ранений медицинские препараты. Ему было положено это сделать самолично, так как они содержали наркотик. Мы остались с его замполитом старшим лейтенантом Озиром Тлукашаовым. Слово за слово, и он рассказал, что им повезло на комбата. Подполковник Валерий Григорян, хоть мужик и вспыльчивый, но справедливый, старается как может облегчить песчаный быт подчиненных. Правда, начальство, которое повыше полкового, его не шибко жалует за самостоятельность суждений. Даже наградные листы не пропускает. Ну да самостоятельным во все времена было труднее... Однако у подчиненных о нем свое мнение есть: надежный человек, главное же — людей бережет.

Конечно, каждый пулеметный чих комбат предусмотреть не может. Чуть больше месяца назад во время объезда ночью коман-

диром роты постов боевого охранения был ранен механик-водитель БТР рядовой Василий Билеуш...

— Награжденных в роте много? — спросил я.

— Представленных много.

— Недавно представили?

— Нет, давно. Меня, например, четыре раза представляли к ордену. То ли где теряются бумаги, то ли не пропускают, как комбату, или лимиты кончились...

Мне уже неоднократно приходилось слышать: наградные ушли год-полтора назад, а награды — нет как нет. Что это? Наша бюрократическая машина, позволяющая пылиться таким социальным важным документам в штабных сейфах, или нечто другое? Может быть, на самом деле — лимиты, разнарядки, столь неуместные, при здравом рассуждении, по отношению к наградам?.. Мужество — не продукция ширпотреба, чтобы определять сверху, сколько выделить орденов и медалей на тот или иной период! Командирам среднего звена виднее, на кого и за что оформлять наградные листы... Или еще есть и иные соображения, в которых можно усмотреть политические мотивы?.. Рассказал же командир дивизии, с которым я выходил на свою сторону, о том, что видел на наградных документах чью-то отказную резолюцию: «Война в народе не популярна». Вот ведь как может повернуться! Кто-то из политиков недоучел, недодумал, а отыгаться решили на солдатах и офицерах, ежеминутно рисковавших, кидавших себя в огонь, вынесших на своих плечах всю тяжесть навязанной им войны.

С войной со временем разберутся, почему, как она начиналась и продолжалась, кто стоял у ее истоков. А про солдата уже сегодня можно сказать, что он ни в чем не виноват, что входил он в Афганистан с полным осознанием своей интернациональной миссии. Не вина его, а от незнания беда, что Апрельская революция оказалась обычным офицерским переворотом, и боевые действия набрали пожарную силу. Потому было бы очень справедливо разыскать все наградные документы, чтобы воздать по заслугам каждому, и уж обязательно — тем, кто был в самых горячих точках: от батальонного звена и ниже.

День на заставе пролетел незаметно. Все так же дул колючий афганец, к ночи засыпал с наветренной стороны казарму под самую крышу. Небо было серым и вязким.

Часовые сменялись через час. Все свободные от службы готовили к передаче технику и имущество. Когда передавать — точно никто не знал, но все чувствовали: вот-вот, в ближайшие часы или сутки.

Сын весь был в заботах. Они не кончились и ночью, потому что поступил наконец приказ передать афганцам заставы и посты. На 8.00 был назначен выход в «отстойник», так называлось место, откуда после беглой таможенной проверки вела прямая дорога через Термезский мост домой...

Всю ночь за пределами командирской заставы раздавались пулеметные и автоматные очереди. Это хадовцы, солдаты службы безопасности, став хозяевами огневых точек, пулялы то ли в белый свет, то ли на подозрительные ночные звуки.

С рассветом они прибыли и на нашу заставу. Если бы я встретил их командира случайно, подумал бы: душман, спустившийся с гор. Был он космат, в черном бурнусе, из-под которого выглядывали похожие на кальсоны штаны, в галошах на босу ногу. Принимал имущество и даже бронетранспортеры небрежно, одним взмахом руки: годится!.. Пока он ходил с сыном по тер-

ритории, у меня было беспокойно на сердце. Потому что уже слышал, как в одном из полков вот так же, при передаче заставы, «зеленые», получив в руки оружие, открыли по нашим огонь, и осиротела одна из русских матерей... Да и раньше, наряду с преданными правительству бойцами, о которых с таким знанием обстановки написал в этой книге генерал-майор Виктор Куценко, довольно частые случаи предательства не могли остаться секретом для наших солдат. К противнику перебежали целые афганские подразделения и даже старшие офицеры...

Новый начальник заставы оглядел помещение, где ему отныне предстояло жить, задержался взглядом на застланной кровати, подушках, на полке с книгами, служившими почти два года моему сыну. Приложил в мусульманском приветствии руки к груди, сказал по-русски:

— До свидания.

— Прощай,— ответил сын...

Покидая заставу, мы увидели, как афганцы стаскивают из помещений одеяла, матрасы, простыни, оставленное обмундирование, пакуют все это в узлы — каждый свое. Через час точно такую же картину пришлось наблюдать и в «отстойнике», где местные жители сновали между машинами с ишаками на поводу, грузили на них все, что на радостях скорого свидания с домом отдавали им наши солдаты. Патрули отгоняли афганцев от техники, резонно опасаясь мин-липучек. Но те все равно просачивались в колонны, надеясь на последний бакшиш.

Бедная, несчастная страна, бедные, измученные междоусобными распрями люди! Когда еще зазеленеет злаками их израненная земля, когда еще придет на нее мир!..

А у моста народу не убавилось, хотя оставалось всего три дня до выхода последней колонны. Девочка-невеста все еще стояла на обочине с плакатиком, все ждала своего нареченного. Я подошел к ней, спросил, как зовут, откуда.

— Оля Матвеева,— тихо ответила она. И вроде бы сказала: — С Урала.— Сразу не записал, понадеялся на память, а она подвела.

Да и не столь уж важно, откуда эта девочка прилетела. Она символизировала собой любовь и верность. Есть еще такие, есть, хотя многие любимые не дождалась своих воевавших женихов. И бойцы на бронетранспортерах поворачивались к ней как по команде и ободряюще кричали:

— Придет твой Микитюк! Придет!

Возле нее стоял уже знакомый мне мужичок из Чечено-Ингушетии, полюбившийся иностранным фоторепортерам. Был он небрит, неухожен, суетлив. Так торопился в Термез, что забыл дома и бритву, и адрес сына. Потому никто не мог ему сказать, здесь ли станет выходить его сын или через Кушку. Он держал над головой картонку, на которой было написано чьей-то губной помадой: «Чагаев Висали. 2 года, 4 месяца». Столько времени его Висали находился в Афганистане...

А колонны продолжали идти. Одни, как, например, полк, где служил мой сын, сразу же уходили на погрузку. У других место дислокации было километрах в двадцати от Термеза. И вот там, вдалеке от моста, радость первой встречи постепенно тускнела в солдатах, уступала место обиде, а то и праведному гневу.

Понимаю, что трудно организовать на высшем уровне встречу такой массы фронтовиков, как это было в последний день,

15 февраля, с митингом, с цветами, с речами. Но не понимаю, почему для всех без исключения нельзя было предусмотреть самого необходимого.

Не надо оркестра, и бог с ними, с казенными речами! Но покормить-то солдат необходимо! У многих из них не оказалось сухого пайка, и они сутки просидели голодными. И даже если бы сухой паек был, разве не заслужили вышедшие из войны горячего обеда? Некоторые оказались на родной земле без рубля в кармане, по каким-то причинам их не смогли сразу рассчитать. Согласитесь, это не самый лучший вариант, когда охота поесть.

Такой ситуацией незамедлительно воспользовались всякого рода проходимцы. По ночам в районе дислокации стихийно возникал черный рынок. У ребят скупали по дешевке часы, магнитофоны, барахло, какое было, и тут же продавали им водку, закуску и даже женщин.

Да, встречать «афганцев» прибыли и фарцовщики, и прости-тутки. Как им это удалось, не знаю; мне, например, в агентстве Аэрофлота на улице 1905 года в Москве билета на Термез не продали, пока не представил командировочное предписание.

После того как произошло несколько ограблений прапорщиков и офицеров (а некоторые с черепно-мозговыми травмами), военная комендатура произвела облаву в районе сосредоточения частей. Были задержаны водитель безномерной «Нивы» Ч. Бердикулов, менявший водку на вещи, водитель автобуса Ю. Баймуратов; некоторые любители легкой наживы сбежали, удалось зафиксировать лишь одного по номерному знаку «Москвича» — Н 14-80 СД...

Среди вышедших с той стороны было немало таких, кто уже отслужил срочную и даже сверх того. Им выдали на руки проездные документы, и до свидания! А мест в проходящих поездах не было. Вокзал стал похож на базар в часы пик... А почему бы не выделить заранее для уволенных в запас несколько вагонов, не прицепить их к тому же поезду Душанбе — Москва?.. Тогда бы не случилось на вокзале в одну из ночей безобразной драки.

Увы, такова наша жизнь, и от ее нынешних проявлений никуда не деться, жизнь, которую надо ломать, переделывать, перестраивать. Многое пока не под силу, особенно в тех случаях, когда проблема упирается во что-то материальное. Но чтобы освободиться от равнодушия, могучих затрат не требуется. Оно в нас самих, это сволочное качество, привитое долгими годами лозунговой тарабанщины.

По приказу министра обороны каждому выходящему из Афганистана вручался памятный подарок — часы. Именно памятный и именно об Афганистане, с небольшой грамоткой, чтобы хранился у солдата вечно, чтобы детям и внукам мог показать. Вот бы и вручить подарок в тот час свидания с родными, которого не было, с коротким поздравительным словом, на глазах у близких, прилюдно. А их раздавали работники финорганов (не в укор им будет сказано), словно сухой паек: получи — и отвали!

Второй мой сосед по гостиничному номеру подполковник Мирхатим Габитов рассказал по этому поводу:

— Подходит ко мне командир взвода и говорит: «Скажите что-нибудь ребятам, поздравьте». Я же финансист,— отвечаю,— не привык к речам. «Все равно скажите!..» Ну, сказал как умел...

Равнодушие — это микроб, разъедающий здоровый организм в самых непредсказуемых ситуациях. Оно идет от очерствевшей души, от нежелания доставить себе лишние хлопоты, понять психологию другого человека. И, как правило, проявляется в

инстанциях административных, наделенных властью и обязан-ных по долгу службы организовывать, предпринимать, решать. А народ — нет, равнодушием не болен. Простые люди щедры на чувства. Рубаху снимут — отдадут, не то что обед или ужин. Тот же Озир Тлукашаов, которому пришлось идти к месту временной дислокации в колонне, рассказывал позже, как в таджикских селах люди загоразивали дорогу, чтобы хоть на минуту остановить машины. И солдат буквально засыпали фруктами, конфетами, свежим хлебом: миленькие, родненькие, с возвращением!

А души у «афганцев» обнажены на добро. Но и на зло — тоже. На чуткость и равнодушие, на правду и ложь. Потому легкой жизни в нашем насыщенном перестроечными конфликтами обществе им ждать не приходится: и тем, кто ушел в запас, и тем, кто продолжает служить в армии. Реалии войны, боевой опыт, умение взять на себя ответственность нередко вступают в противоречие с опытом житейским, с системой сложившихся взаимоотношений. И тому уже немало примеров.

Корреспондент «Красной звезды» по ТуркВО подполковник Валентин Астафьев рассказал мне историю «Кобры». Такой позывной был в Афганистане у командира роты разведчиков старшего лейтенанта Нурбека Калекова. Как он воевал, можно судить по боевым наградам: двум орденам Красной Звезды и двум медалям «За отвагу». И еще по тому, что духи за его голову сулили несколько миллионов афгани.

То, чему он стал учить подчиненных по возвращении на Родину, никак не укладывалось в рамки планов и наставлений. Человек он горячий, доказывая свое, стал срывать. Его ставили на место, недвусмысленно напоминая, что здесь — это не ТАМ. И Бек, как называли подчиненные своего командира, не дрогнувший ни разу перед врагом, перенесший несколько ранений, дрогнул ЗДЕСЬ. Написал рапорт об увольнении в запас...

Нурбек Калеков, по прозвищу Кобра, вернулся на Родину с руками, ногами, живой и целый. Но есть еще другие, хоть и живые, но война прокатилась по ним всей своей тяжестью. Я читал их письма, они потоком шли в «Красную звезду» и были похожи на оголенные провода. Встречался с ними в клубах афганского братства, на митингах, в госпиталях. А двоих таких видел в московской церкви Николая в Хамовниках. Один, с медалью «За отвагу», был с протезом вместо левого глаза, другой — на костылях. Верующие молились, а они просто стояли посреди церкви.

Позже, уже за церковной оградой, я подошел к ним. Они не были расположены к разговору и, если б я не упомянул несколько афганских гарнизонов, в том числе и Кундуз, могли бы, пожалуй, послать меня подальше. В Кундузе служил один из них, Виктор Афанасьев, тот, что был на костылях.

— Я изуверился в жизни, — сказал он. — Тут, — показал на верующих, — все друг друга понимают. А там...

Там — это в миру, где мы живем. Там — это в нашей с вами обыденной жизни. Там — это где выдали бывшему солдату протез, который он не носит, потому что растирает культю до крови. Там — это где два молодых человека не нашли в своей послевоенной жизни надежного места.

Таких немало. Они мыкаются с нищенской инвалидной пенсией в ожидании протезов, колясок, жилья, внимания, участия. Они не всегда имеют понятие о положенных им льготах и не всегда умеют эти льготы выбить.

Ну а почему, скажите, надо их выбивать? Почему развалившийся в кресле чинуша, не воевавший и не страдавший, присваивает право вершить судьбы?.. Доколе терпеть такое?..

— Не льготы надо выбивать, а чинуш из кресел выбивать! — сказал один мужественный и сильный человек.

Он тоже воевал в Афганистане, лишился обеих ног, до самоистязания осваивал протезы и добился разрешения продолжать службу в армии. Это майор Александр Гринь, работник Калининского райвоенкомата Москвы.

— Не могу видеть и слышать, как «афганцы» обивают пороги разных кабинетов, — сказал он, — как выпрашивают то, что им положено. У многих ребят душа в клочья. Чтобы она ожила, им не жалость нужна, а Человечность.

Человечности ему не занимать, когда он по долгу службы встречается с запасниками, отвоевавшими в Афганистане. Помогает им как может. Только вот может очень мало. Потому что нет у него ничего, кроме бумажек да клюшки, которой он в гневе готов стукнуть по чьему-нибудь бюрократическому столу... Вот если бы часть средств, высвободившихся от сокращения Вооруженных Сил, передали для жизнеобеспечения «афганцев»! Если бы местные Советы тоже изыскали какие-либо резервы!.. Но все это пока — «если...».

Такие вот мысли возникали в голове при виде счастливых солдатских лиц у пограничного моста. Это ведь и на самом деле счастье — первый шаг на родимой земле. Бронетранспортеры и автомобили были украшены кумачом. И лозунги, написанные на нем, читались как-то по-особенному: «Мы вернулись!», «Здравствуйте, матери!», «Бюрократов — к ногтю!», «Осторожно: третий год службы...»

Рядом со мной стояли Валерия Григорьевна и Игорь Васильевич Сергачевы, прилетевшие в Термез из Закарпатья. Их сын Алексей служил в Афганистане по второму кругу: сперва — рядовым, потом окончил военное училище и снова вернулся туда. Сергачевы появлялись у моста каждое утро, хотя уже знали, что сын выходит с последней колонной вместе с командующим. Об этом Валерии Григорьевне сообщил один из политработников, когда уговаривал ее выступить 15 февраля на митинге от имени матерей.

В тот митинговый день ей велели быть у трибуны, но они с мужем все равно побежали к самому мосту. Выходили самые-самые, два последних батальона десантников. Десантники всегда — первые и последние. Об их службе правдиво рассказал в своем очерке «Как меня убили» подполковник Валерий Ковалев.

Десантники выходили на броне. Сергачевы выискивали среди них своего, но так и не увидели. На той стороне оставался всего один БТР — командующего. Генерал-лейтенант Борис Громов, выполняя обет, шел часть пути по мосту пешком. А навстречу ему бежал подросток, оставшийся после трагической гибели матери и до последнего дня афганской войны без родительской опеки. Это был сын Громова — Максим...

Когда БТР, в котором ехал командующий, появился на нашем берегу, раздалось незапланированное «ура!», в дружном хоре которого преобладали женские голоса. На броню полетели разноцветные бумажные ленты и живые цветы. А самые лихие девчата умудрились кинуть даже бутылку шампанского, которую почти незаметным движением генерал-лейтенант поймал на лету.

Бронетранспортер уходил на митинг, и только тут Сергачевы

увидели сына. В полевой форме с погонами старшего лейтенанта, при боевых наградах, он держал в руках Красное знамя...

Девочки-невесты в тот день у моста уже не было. Ее час пробил накануне. Она стояла, как обычно, с плакатиком, когда увидела своего Микитюка.

— Дима! — закричала. — Дима!

Плакатик выпал из рук. Она кинулась к бронетранспортеру. И сержант на броне приподнялся ей навстречу. Но БТР продолжал двигаться, повинувшись маршевой дисциплине. Девочка бежала рядом, хваталась за металл руками, и гвоздики сыпались по одной на песчаную землю.

Тогда из толпы выскочила самая боевая из встречавших матерей, которую все другие женщины называли: Валя из Сургута. Встала перед бронетранспортером, раскинула руки:

— Стойте! Невесту возьмите!..

Все солдатские руки протянулись сверху к девочке, подняли ее на броню, и она оказалась лицом к лицу с тем, кого так долго ждала...

Так закончилась девятилетняя, никем и никому не объявленная, героическая и трагическая война. Но в памяти людской ей еще жить долго, потому что ее история записана кровью солдат и слезами матерей, обелисками с жестяными звездочками и ворвавшимися фронтовым ветром в нашу жизнь песнями. И уж навечно останется война в душах вышедшего из нее поколения, опаленного огнем и усвоившего ее военные и нравственные уроки, в душах тех, чьи голоса прозвучат со страниц книги «Афганистан болит в моей душе...».

Юрий ТЕПЛОВ

В госпитале

Боевой выход

2 Афганистан болит в моей душе...

Прощание

После награждения

СЛОВО О ДРУГЕ

Вспоминать о нашей службе в Афганистане тяжело, трудно. Сжимается сердце, становится больно. Видимо, судьба у нас такая, что из роты через два года возвратились на Родину очень немногие. Вот как сильно выкосила эта война наши ряды. Так дорого мы заплатили за этот мир, за безопасность наших южных рубежей. И как поется в нашей батальонной песне:

Нам не жалко себя, но обидно за лучших ребят,
Нам обидно за тех, кто однажды не сядет
за праздничный стол
И не скажет: «А помнишь ты, мама,
ведь я обещал и пришел».
Нет, не станем мы плакать, ведь слезы
не красят солдат,
Лишь слезинка мелькнет,
и суровее станет наш взгляд.

Многим матерям, так сильно посевшим за это время, не суждено было встретить сыновей своих у родного порога. Хочется всем им, у кого погибли сыновья в Афганистане, низко поклониться от нас, живых, и сказать, что сыновья их остались верными до конца своему воинскому долгу, Родине.

У меня бывают такие минуты, когда воспоминания переполняют душу, хочется сесть и написать книгу обо всех своих друзьях, обо всем пережитом и увиденном. О том, как смело и решительно наши парни вели себя в боях, как не боялись сойтись в рукопашной схватке на ножах. Как, спасая друга, погибали сами. Какие все-таки смелые наши русские люди, дети тех, кто воевал в Великую Отечественную. В такой обстановке наши ребята обостренной стали понимать, что такое мир и Родина. Они преданы Родине, они знают, чьим оружием убиты их товарищи, и на дешевую пропаганду не клюнут.

Одним из таких был рядовой Сергей Болотников, воин и поэт. Сережа был

КУБАТИН Владимир Сергеевич, рядовой запаса. В Афганистане — с 1979 по 1981 год. Направлен в числе первых воинов.

смелым рабочим парнем с настоящей шахтерской закалкой. На таких, как он, земля держится. Но они, как правило, чаще всего погибают, потому что не прячутся за спины других, а идут впереди. И если бы не тот душман, сколько бы он стихов написал...*

Когда он погиб, у него осталась жена Марина и двухлетняя дочь Светлана. Жена тогда ему писала, что со Светланкой они учат папины стихи. Сейчас Света уже большая, ей десять лет.

Марине я писал, но письма остались без ответа. Может, адрес неверный. Просил ее выслать фотографию Сережи для музея. На службе нам так и не пришлось сфотографироваться. Некогда было, да и некому было фотографировать нас.

С Сережей мы знакомы были с самого начала, как только ввели наши войска в Афганистан. Хорошо познакомился с ним уже в 1980 году в ходе боев и операций, когда служил с ним в одном взводе.

Его трудно было чем-то удивить. Он все время был каким-то сосредоточенным, задумчивым, спокойным, уравновешенным. Не помню такого случая, чтобы он с кем-то о чем-то спорил. Всегда тихо отойдет в сторонку, где-нибудь сядет, достанет тетрадку или блокнот и пишет. Его в этот момент никто не тревожил. Знали, что он пишет стихи. И у него это получалось неплохо, на редкость быстро. Кто-нибудь из нас подсядет к нему — Коля Курган или Вася Виднечук, — спросит: «Ну как, Серега, по-

* Очерк о Сергее Болотникове «Душа моя пронизана ветрами...» см. в газете «Красная звезда» от 16 сентября 1988 года.

лучается?» А он подаст тетрадку: «Ну-ка, прочти, как, на твой взгляд, пойдет или нет?» Прочтем. «Молодец, Серега!» — скажем. Ничего не ответит Сережа, только улыбнется. Таким в памяти он у меня и остался.

У меня сохранилась только часть его стихов, всего тридцать пять. Та тетрадь, в которой он писал стихи последний месяц, осталась у него в нагрудном кармане. Когда он погиб, ее сильно залило кровью. Спасти стихи тогда не удалось...

Последний вечер 23 сентября 1980 года мне тоже запомнился сильно.

Нам сказали, чтобы незаметно готовились к ночному выходу на задание. В этот вечер я проходил мимо палатки и вижу, сидит за углом на земле Сережа с тетрадкой в руке. Задумчивый. И смотрит на заходящее солнце, как раз в ту сторону, куда нам предстояло идти. Я подошел к нему. Вижу, что он сильно изменился. Черты лица другие. Весь бледный. Я спрашиваю: «Серега, что с тобой, не заболел ли?» Присел с ним рядом. Он так спокойно говорит мне: «Нет, Володя, не заболел. Пойми меня правильно. Не подумай, что я трус. Я не хочу идти на задание. Но знаешь ведь, что все равно пойду. У меня такое предчувствие, что меня завтра убьют. Только мать жалко, дочку и жену...» Я его стал успокаивать, не надо, мол, Сережа, заранее себя к этому готовить. И сказал ему, что нет занятия глупее, чем думать о смерти перед боем.

Я заметил, что так всегда бывает, такой случай не единичный за мою службу, когда боец заранее чувствовал, что он погибнет. Но поделать ничего не могли...

Ночью вышли колонной на боевых машинах пехоты (БМП). Прошли километров тридцать. За кишлаком Осмар провинции Кунар повернули направо в ущелье. Проехали в темноте километра два и остановились дожидаться рассвета. На рассвете двинулись дальше. Сразу же завязался бой. Мы спешили. Командир взвода

лейтенант Александр Амосов приказал окружить и уничтожить стоявший справа на сопке дом, из которого стреляли по нам душманы. Мы скрытно стали брать этот дом в кольцо. С левой стороны обходил Сережа Болотников. Душманы заметили, что мы их окружаем, и перевели огонь на нас. Перебежками от камня к камню мы приблизились к дому и начали обстрел окон. Было отчетливо видно, что там человека четыре. До дома оставалось метров сто, когда из него выскочили два душмана. Мы кинулись за ними. Один из них побежал вверх по ущелью, а другой остановился прикрывать товарища. Он дал очередь из автомата, которая и оказалась роковой для Сережи Болотникова. Последние его слова были: «А все-таки жаль маму и дочку Светланку и Марину...»

Мартин Боляк подхватил его и потащил вниз к боевой машине. А тем душманам мы не дали уйти.

Сережу положили в машину. В ней он, кажется, и умер. Как писал он в стихах:

Боевая машина пехоты —
Это дом наш и наша броня.

Что могу сказать о себе? В 1970 году мы переехали на жительство в город Чимкент, где я учился и начал заниматься велоспортом. Сначала я стал чемпионом Чимкента, а в марте 1978 года — бронзовым призером Казахской ССР в индивидуальной гонке. В мае того же года — чемпионом Союза среди юниоров в командной гонке. В 1979 году закончил десять классов и 29 ноября был призван в армию. В Союзе мы только приняли присягу, и нас сразу же отправили в Термез.

Ночью нам сказали, что в Афганистане началась необъявленная война и что мы должны помочь афганскому народу. На рассвете нас вывели в горы. Там, на границе с Пакистаном, и прошла вся моя служба. Вернулся я на Родину тоже 29 ноября.

Продолжив занятия спортом, я понял, что армия выбила у меня все.

Предстояло все начинать сначала. Стал работать токарем на заводе. Но шум и городская суета мне не давали покоя от всего пережитого. Хотелось куда-нибудь уйти, уехать, уединиться, отдохнуть. В мае 1982 года я уехал в Сибирь в село Шевырино. Здесь лес, тишина, то, чего я и хотел. Работаю заводующим механическим двором...

Трудно вспоминать. Но вспоминать надо, чтобы рассказать молодому поколению о наших товарищах, героически погибших на афганской земле. Они останутся в наших сердцах такими, какими мы их знали, прекрасными ребятами, мужественными и стойкими.

У всех ребят нашего взвода были солдатские блокноты, куда мы записывали адреса, а я в свой переписал и стихи Сережи Болотникова, автографы друзей, в том числе и афганские. Особенно я дружил с замполитом афганского батальона в Асадабаде Агагелем. Он всегда был рядом в трудную минуту и помогал нам как никто другой морально и физически. У меня сохранилась подаренная им фотография. Я все записывал в блокнот. Тогда я думал, что все это интересно будет читать, когда вырастет мой сын. Ему сейчас четыре года. И дальше я буду воспитывать его так, чтобы он был полезен людям и обществу.

Расскажу еще о том, как погиб секретарь провинциального комитета НДПА товарищ Махбуб Сангар. Как он мне сам говорил, «по-вашему — парторг». Погиб он 15 сентября 1981 года. Когда мы его привезли в штаб батальона, нас вызвал комбат. Смотрим, там сидят корреспонденты. Представились: «Из «Комсомольской правды». Два дня мы им рассказывали, как и что было. Позже, в Союзе, мне довелось найти эту газету со статьей за 26—27 сентября 1981 года. Очерк называется «Нет на границе тишины».

В двух газетах по очерку. О совет-

ских солдатах, то есть о нас, ни слова. Ну да ладно, дело не в этом. Дело в том, что жалко хорошего человека. Я ведь тогда хорошо разговаривать умел по-афгански, и мы с ним успели познакомиться, пока колонна собиралась в дорогу. Он сидел у меня на боевой машине в командирском отделении. Всю дорогу, пока мы туда ехали, он мне рассказывал о том, как живут афганцы, о том, какие они еще затуманенные муллой. Ну а начну я все по порядку. Пусть будет хоть и длинно, с ошибками, но зато так, как на самом деле было. Все это и сейчас не уходит из памяти, я его вижу до сих пор перед глазами — здорового, курчавого, приветливого со всеми.

Утром 15 сентября 1981 года в 6 часов нас срочно вызвал комбат. Взводный у нас был уже другой. Амосов уволился в Союз еще летом. Вызвал, построил технику — два танка, наши две БМП и один «Урал». Нас по два человека на машину. Людей не хватало. Механик и наводчик. Выехали, построились. Комбат подходит и говорит: «Мужики (чисто по-человечески, по-простому он с нами всегда разговаривал. Мы ведь с ним от начала и до конца все дороги и тропы с боями прошли. Он не только в лицо нас всех знал, но и по имени). Прошу вас, поезжайте с парторгом, проведите митинг в Осмаре. Думаю, техники на охрану хватит. Он же поедет на БМП, присмотрите за ним». Из солдат нашего взвода поехал я, наводчик, механик был Напедваридзе Гия, другой молодой грузин был земляк его, Самакошвили Дато, и другие. На другой БМП был механик-водитель Тарханов Александр из Куйбышева. Танкистов по фамилиям не знал. Выехали мы за Асадабад. Танки впереди, потом наша БМП, следующие афганские две машины, потом снова наши БМП, потом снова афганские две-три машины. Так мы стояли за мостом у Асадабада около часа. Солнце начинало палить. Афганские солдаты бегают, суетятся, го-

товятся в дорогу. Подходит Махбуб Сангар. Я его тогда в первый раз увидел, еще не зная, кто он такой даже. Одет был он, что интересно, в наш советский маскхалат и афганскую офицерскую кепку. Подошел, протягивает руку, я сижу на башне БМП. Я ответил на приветствие. Он улыбнулся. Начал на своем языке спрашивать, как здоровье, как дела. По-русски он кое-что только мог говорить. Я ответил, что все хорошо. Мы познакомились. Я уже и без того понял, что это он и есть, тот человек, которого мы должны сопроводить в Осмар. Он постоял, похлопал ладонью по БМП, похвалил: «Биспор хуб», — значит, хорошая машина. Он сел на БМП. Мы — я и Гия Напедваридзе — завели с ним разговор, я был в качестве переводчика. Говорили, что погода хорошая, что надо ехать, пока не сильно жарко. Он как раз держал в руках какие-то листовки с маленькими книжками. Я спросил: «Вы что, пишете стихи?» Он отвечает, что да, немного, получается «немножко, немножко плохо». Но главное, чтобы попасть в душу афганскому солдату, чтобы он понял, что вот эти горы (и показывают на пакистанскую границу, они как раз только солнцем осветились — зеленые, красивые), что вот эти горы, земля, река, что все это их родное. Что это их Родина. Чтобы они поняли, за что надо бороться. За любовь к родной земле. Я сижу, помню, на башне и слушаю его, и вот эти несколько слов, короткий, но душевный разговор запал в память. В тот момент я, глядя на него, думал: «Боже мой, как ты красиво, хорошо говоришь. И как вас таких вот мало среди афганцев! Таких, которые действительно сейчас собираются в дорогу, зная, что их ожидает, идут защищать свою землю, мать, отца, детей. Да просто Родину свою». Но многие и многие этого не понимали. У многих афганских солдат была на душе обида за то, что они уже по пять-шесть лет в армии и их не отпускают домой, по-

тому что им нет замены. Что на родине у них вырезали семьи, убили матерей, отцов, жен, братьев, сестер. Что душманы зверствовали, сожгли дома. Я это состояние афганского солдата понимал. Но меня брало зло: он тут же говорил, что душман — это плохо, его надо убивать. Я сразу задавал встречный вопрос: «Ну а ты, что ты сделал, отомстил врагу за смерть родных?» Он опускал голову. Говорят, что мусульманину в мусульманина по корану нельзя стрелять. Вот тут уже кулаки я сжимал. Ты, значит, живи и прячься, а мы, русские, тебе свободу завоевывай?..

Так мы с Махбубом около часа сидели, говорили. Он показал книжницу, небольшую, тонкую и какие-то листовки. Я спросил, зачем это ему. Он ответил, что стихи свои он прочитает на митинге в Осмаре, а листовки по дороге будет раскидывать в кишлаках.

Мы тронулись в начале восьмого утра. Колонна пошла. Махбуб не только в кишлаках, но и в ущельях по две-три листовки на поворотах сбрасывал на обочину. Я догадался и говорю ему: «Пусть и душманы почитают?» Он кивнул головой, улыбнулся. Проезжая сухое русло ущелья Шинкарак (про которое сложено много стихов и песен), на выезде из него подорвался на mine передний танк. К счастью, все обошлось. Каток улетел, гусеницу соединили, дальше поехали. Махбуб поворачивается ко мне и говорит, показывая на воронку от мины: «Это душманы предупреждают меня, чтобы я не ехал в Осмар. Поверь мне, рафик (значит, товарищ), на обратном пути они здесь нам устроят засаду». Я только кивнул головой и показал рукой, что ничего страшного, все будет в порядке. Он словно в воду смотрел.

Приехали мы в Осмар, слезли с БМП, он начал проводить митинг. Мы приготовили автоматы к бою, передернули затворы, так как лица дехкан нам что-то не понравились. Гия Напед-

варидзе сразу мне и говорит: «Смотри, Володя, здесь среди дехкан как пить дать половина душманов». Мы стоим возле машины, пока он проводит митинг. Тут подходит афганец и зовет нас выпить чаю в чайхану к себе. Мы сначала отказывались скромно, потом пошли втроем, остальные наши ребята остались стоять возле машин. Зашли в чайхану. Там сидело уже человек шесть молодых бородатых афганцев. По их взгляду мы поняли, что здесь что-то неладно. «По-моему, мы попали в западню», — сказал я Гие, но он же и без моих слов это понял. Саша Тарханов стоял возле стены, а мы посредине комнаты. В комнате было темно-вато. Сзади скрипнула дверь и закрылась. Мы трое резко вскинули автоматы, направили на них и на дверь. Дверь рукой держал здоровый крепкий бородач. Такие злые взгляды у них, что глаза горят. Я по-афгански сказал, чтобы никто не шевелился, а то продырявим головы, приказал быстро открыть дверь. Бородач открыл, мы вышли. Вышли мы и поняли, что такое гостеприимство за два года здесь мы видим впервые. Было понятно, зачем они нас позвали. Нас шесть человек — трое здесь, трое возле машин. В плен хотели взять русских. Махбуба тоже. Жители кишлака Осмара и не пикнули бы. И — через границу, а Осмар стоит почти на границе с Пакистаном, через четыре-пять километров — лагерь Пешавар. Кончился митинг, мы начали собираться обратно. Лица не столь радостные и довольные, больше злых и недоверчивых взглядов у мужчин. Да их и не назовешь дехканами. Махбуб тоже это почувствовал и сказал, что толку мало — здесь много душманов, но если часто такие митинги проводить, и душманы поймут, для чего он приезжает. Мы ему про наш инцидент ничего не сказали.

Едем обратно уже часов в шесть вечера. Доезжаем до ущелья Шинкарак, до той самой воронки. Танки спустились вниз в русло. Наша БМП доехала до воронки, и вдруг со всех

сторон выстрелы, сверху, с гор, зашвистели пули. Махбуб сразу сел в БМП, закрыл люк. Я спрыгнул в башню. Начал водить прицелом по камням, чтобы определить, откуда стреляли. Нашел одного, второго, третьего. Уничтожил осколочным. Но стрельба не прекращалась, а только усиливалась. В нашу сторону полетели трассеры из дома, что стоял вверх по ущелью метров за двести. Я туда, в окно, два снаряда вкатил, утихло. БМП поднялась в гору, уже проехали сухое русло реки. Сзади — колесная афганская машина, по ней сильно стреляют. Быстренко определил, откуда стреляют. Ага, с левого борта, хорошо. Только я развернул башню, вдруг впереди метрах в двух разорвался снаряд. Врезался прямо в стену, в скалу. Думаю: «Мама родная, это ведь из гранатомета, сволочь, стреляет». Сам прицелом вниз ущелья место ищу, где он может прятаться. В это время Гия проехал метров пять, снова остановился. Тут же снова взрыв сзади. В стену, в скалу снова ударил. У меня за две секунды вся моя жизнь промелькнула перед глазами. Вспомнил и мать, и отца, и сестренку. Такое первый раз у меня было за службу. Ведь через три-четыре дня предстояло ехать домой.

Когда душман стрелял второй раз, я увидел его по вспышке и пыли, которая поднялась за его спиной. Тут же выстрелил в него бронебойным. Он в это время заряжал третью гранату в гранатомет. Судьба распорядилась, видимо, так, что ему остаться в горах, а не нам. Опоздай я на несколько секунд... он как раз бы попал в БМП.

В это время, когда я стрелял в душмана-гранатометчика, Махбуб открыл люк и выскочил наружу, и тут его сразу же убили. Он даже не сумел пробежать ни вверх, ни вниз. Молодой грузин, фамилию не могу вспомнить, хотел подхватить его. Но его ранило. Мы с Гией выскочили. Гию в руку выше локтя зацепило, в мышцу.

Местность хорошо простреливаемая, душманы сверху в упор почти стреляют. Выхали наверх, стемнело уже. Комбат Тараканов Н. Н. по связи скорректировал огонь «Града».

Вот так и погиб Махбуб Сангар. А наши ребята получили ранения. Гия так и не полетел в Джелалабад в госпиталь, хотя ранение у него серьезное было. Мы через несколько дней улетели в Союз, и пять человек у меня дома гостили.

Из Кабула на Ташкент — самолетом. А дальше чтобы им лететь — билетов не было. А из Чимкента проще как-то немного. Прилетели в три часа

ночи. В четыре были у меня дома. Мать открыла нам двери. Я первый раз заплакал, когда увидел, какая она седая. Не то слово «седая» — белая. Гие делали перевязки. Сфотографировались впятером на память. Гия, когда мы улетали из Асадабада, посчитал: наша рота входила в Афганистан в полном составе. Домой улетело всего лишь 12 человек. До сих пор живу и не верю этому чуду, что выпало нам такое счастье — вернуться домой.

Это всего лишь один эпизод, один день нашей службы. А ведь таких дней было много, почти каждый.

Зимний перевал

Хлеб для Кабула

Бой

*Ахлад-Шах Масуд с подручными.
Фото Ричарда Маккензи.*

„КОМУ НЕСТИ ПЕЧАЛЬ СВОЮ?..“

В сентябре мы вышли на операцию в провинции Кунар. Шли на Осмар. В подозрительных местах делали обстрелы из БМП. Все шло вроде бы нормально. Мы уже входили на перевал, когда получили от комбата приказ: взводу прикрывать хвост колонны. В это время — вынужденная остановка. Батальон ушел от нас на расстояние двух километров. У первой машины слетела гусеница, мы стали «обуваться». В это время нас и обстреляли. Я и Сергей Сериков по приказу командира взвода лейтенанта Амосова заняли свои места в БМП и стали прикрывать третью машину. Пехота, человек двенадцать, в том числе и Сережа Болотников, раскинувшись в цепь, стали окружать небольшой дуал, откуда, как мы предполагали, нас обстреливали.

Подойдя вплотную и забросав гранатами мазанку, Сережа и Гия Напедваридзе одними из первых ворвались в нее. Дело было сделано, двое убитых душманов находились в ней. Их придавило развалившейся стеной после обстрела.

Уже при отходе к БМП ребят снова обстреляли с противоположного склона. Сереже пробило руку, она висела как плеть. Увидев это, Мартин Боляк мелкими перебежками стал добираться ближе к Сереже. Но тот, крикнув: «Не надо, я доберусь сам!», — стал ползти по серпантину вниз к машине. Мы, то есть водитель Сережа Вдовкин, я и командир взвода лейтенант Амосов, стали карабкаться, в полном смысле слова, на серпантин под углом восемьдесят градусов. Это был последний шанс спасти их. Орудие моей машины не поднималось выше, чтобы обстрелять душманов. Когда оставалось каких-нибудь сто метров, Сережа, истекая кровью, кинулся во весь рост к машине. И в это время

КУРГАН Николай Евгеньевич, рядовой запаса. В Афганистане — с 1979 по 1981 год. Служил в одном взводе с Владимиром Кубатиным и Сергеем Болотниковым.

вторая пуля попала ему прямо в шею. Он только сказал два слова у нас на руках — имя жены «Марина» и «мама».

Сережа был немного замкнут, но со мной он делился всем с первого дня и до последнего.

Он часто садился в десант * машины и писал стихи. Напишет, а потом прочтет их мне и говорит: «Коля, оцени, как, пойдет или нет?» Что я мог сказать, я ведь не поэт. «Хорошо, — говорю, — Сережа, пиши. Пиши как думаешь и читай их всем ребятам, ведь это хорошее дело». Часто вечерами, сочинив стих, он читал всему взводу, а мы слушали. Домой жене он писал в большинстве случаев стихами.

Мне в нем нравилась чуткость, он мог отдать все, как и Рубан Сережа, Чигвинцев Виктор и многие другие.

Я всегда вспоминаю случай, когда заболел во время операции. Бог весть откуда он достал для меня банку сгущенки и таблетки от температуры. И это как раз на мой день рождения, 26 мая. Прилетели вертушки за ранеными и убитыми, а я спрятался под трансмиссию двигателя. Меня искал весь взвод, чтобы отправить в госпиталь. Сережа нашел меня, но я упрямился его не говорить, пока вертушки не улетят. И он согласился, ведь мне уже становилось лучше. Потом я его спросил, где он смог достать сгущенку и таблетки. Таблетки он взял у старшего лейтенанта Синонтрусова, а сгущенку, говорит, он больше месяца берег, помнил, что у меня будет день рождения. С нами прослужил Сережа

* Десант (разг.) — в данном случае десантное отделение машины.

мало. Сначала он попал в хозяйственный взвод. Там я с ним и познакомился. Он просился в пехоту. Я уговаривал лейтенанта Амосова, чтоб он взял моего земляка во взвод на нашу машину. Комбат дал добро, и Сережа стал пехотинцем взвода гранатометчиков. Призывом он был младше меня на полгода. Их недавно только привезли из Союза, так что они были еще не обстрелянными. Мы часто с ребятами беседовали, учили их осторожности, как вести себя в бою, в общем, всему тому, чему нас учили обстоятельства. Не скрою, что он стал моим любимчиком после первой же операции.

Мы сопровождали колонну в кишлак Джелала. Три наших машины БМП, двенадцать ГАЗ-66 с афганскими солдатами и несколько ЗИЛов с продуктами и боеприпасами. Афганцы были на колесных, передние две машины были вооружены ДШК*, с нами находились и советники. Было такое место, когда дорога поднималась вверх, где ее ширина равнялась ширине машины, чуть вправо — и будешь в пропасти. Механикам нужно быть на пределе. Вот в этом месте голову и хвост колонны прямо сверху и обстреляла банда. Отступить или проехать вперед не было никакой возможности. В то время я был механиком. Впереди стояла БРДМ** с советником и афганскими офицерами. Она горела. Сережа первым оказывал помощь раненому афганцу, затащил его в десантное отделение нашей машины. Нужно было сдавать назад. Но триплексы*** все были разбиты пулями. Я не мог двигаться дальше. Больше половины афганского состава было уничтожено духами, а оставшиеся в живых, то есть человек сорок, перешли на их сторону.

Пожар вот-вот перейдет на нашу машину. Открыв люк, я хотел посмот-

* ДШК — крупнокалиберный пулемет.

** БРДМ — боевая разведывательная доторная машина.

*** Триплексы — приборы наблюдения.

реть, куда сдать, чтоб «не оступиться» в пропасть. Каждый люк был на прицеле, они — наверху, мы — внизу, живая мишень. Вот тут-то Сережа и сообразил, что если держаться под самым навесом, под скалой, то лежа на спине можно регулировать мной, чтобы я мог сдать машину назад, ведь она уже начала гореть. У наводчика были два целых триплекса и прицел. Глядя на Сережу, наводчик руководил мною. Сережу пули не доставали, так как он был под навесом, прикрытый валуном. Но всякий раз, когда он высовывался, пули секли этот камень, спасительный для него и для всей машины. В этой операции потерял полностью зрение Эришев. Пуля попала в глаз. Нас духи держали трое суток. Из машин остались наши три БМП.

Как сейчас помню, когда батальон пришел на подмогу, комбат майор Николай Николаевич Тараканов плакал и целовал каждого из нас. Помним мы все первый глоток воды за трое суток, который для многих из нас чуть ли не стал последним. Мгновенные спазмы сдавили горло и — потеря сознания. Боеприпасов у нас было мало, каждый держал во внутреннем кармане хэбэ гранату, чтоб не дать живым, чтоб не глумились над нами. Но все обошлось.

Говорят, что у человека есть предчувствие. Было такое предчувствие и у Сережи. Перед самой операцией. Он как никогда тщательно готовился к ней, автомат — блеск, форму привел в порядок, адрес написал печатными буквами (уходя на операции, на левый рукав мы пришивали домашние адреса. В случае гибели нас по ним отправляли. А на правом — аптечка с промедолом, бинтом и ватой). Впрочем, сидя в «десанте» БМП, он часто вспоминал дом, особенно часто рассказывал мне о жене и дочке. Он уже на операции говорит мне: «Коля, я все сне видел Марину и дочь, значит, либо дома что-то произошло, либо со мной что-то случится». Говорю ему: «За чем так говорит, ведь и мне мать и

брат часто снятся. Неужели это все к плохому?» А он говорит, что за всю службу ему первый раз сон приснился. Он вроде бы хотел сказать еще что-то, но я не стал больше расспрашивать. Ведь это некрасиво и неудобно лезть в душу. Я лишь успокоил его, поднял настроение, сказал, что вот придем домой, то есть в Асадабад, напишем песню с тобой.

А на следующий день Сережа погиб. Боляк Мартин, который кричал Сереже из-за валуна, не мог себе этого простить. Говорил, лучше бы я к нему перебежал, лучше бы меня убило. На нем нет вины. Мы все тяжело прощались с товарищами. А сколько впереди таких ущелий, перевалов и долин нас ждало...

Я всю жизнь буду помнить своих товарищей и своего комбата майора Тараканова. Этот человек был для нас всех примером. Примером мужества и доброты, отваги и храбрости.

Я помню момент, когда наш батальон зажали душманы, дальше идти — терять людей. Садится вертолет с генералом (фамилии и точного звания не знаю). Он приказывает: «Вперед». А комбат отвечает: «Я своих детей под пули не пошлю». У него из-за этого были большие неприятности. А дети — это он нас так называл. «Я вас не для того набрал, чтобы вы головы сложили здесь, не для того матери ваши отдали вас мне. Я должен вернуть вас, научить быть сильнее врага». И он нас научил. А на следующий день банду разогнали и взяли двух в плен.

Я хочу рассказать о Рубане Сереже. Сережа уже отслужил год. Знакомство наше с ним состоялось в Нахрине, куда мы шли колонной из Термеза. Встав там на отдых, мы за трехнедельный переход впервые ели горячее, не всем хватило. Подходит высокий, стройный парень и говорит: «Ешь со мной, мы, кажется, с тобой в одном взводе». За едой и познакомились. Кто откуда, сколько прослужил, откуда родом и т. д. Сережа играл на ги-

таре, отлично пел, был самый веселый парень во взводе. На остановках вылезем из машины, он запоем песню; поем, слышим — и в другом конце колонны запели. Так и служили. Родом откуда он был, точно не помню, откуда-то с Дона, а призывался и жил во Фрунзе.

В Нахрине мы стояли чуть больше месяца и двинулись колонной дальше: Кундуз, Файзабад, Байрам, Газни, Намангалам, Шигап, вышли на Кабул. Под Кабулом стояли почти два месяца — февраль и март.

Сережа был механиком-водителем БМП, я — наводчиком на этой же машине. В командирском отделении — лейтенант Сурков, наш тогдашний командир взвода. Его комиссовали по болезни. Малярия. Во взводе его все любили и уважали. Человек он был спокойный, уравновешенный, решительный. Наш взвод был как спецназ (подразделение специального назначения), часто выезжали в разведку. Каждую ночь проверяли посты батальона, охраняли палатку штаба. Спали по четыре часа в сутки, обучались борьбе самбо (сам комбат Тараканов занимался со взводом).

Спали мы с Сережей в одном «десанте», сложим ящики из-под патронов, шинель постелим, вот и готова наша постель. Друг друга мы по имени никогда не называли, всегда говорили либо «братан», либо «братишка». Пошло время идти на юг, в провинцию Кунар, через Джелалабад. В переходах мы научились многому: вождению след в след, замечать плохо замаскированные мины, места явных засад душманов, которые мы преждевременно обстреливали. В общем, были уже обстрелянными воинами. Первого апреля мы были на подходе к Джелалабаду. Днем отдыхали, разогревали банки с тушенкой и кашей на кострах, шутили. Ведь было первое апреля. Сережа говорит мне: «Тебя лейтенант Амосов зовет к машине комбата». Я собираюсь, иду, а он кричит: «Куда ты, ведь сегодня — первое апреля».

Вечером мы развернули колонну на марш. Впереди — Джелалабад. Мы все были предупреждены о том, что нас ждут непредвиденные обстоятельства, так как там орудовали банды. Ехали почти всю ночь. Мы часто менялись с Сережей, давали отдохнуть друг другу. За командира ехал Ахмедов Габил Фамик-оглы, азербайджанец. Пехота спала в «десантах» БМП, сидя плечом к плечу. Перед самым рассветом при подходе к Джелалабаду батальон разделился на несколько групп. Наш отряд, три БМП, два танка и танк-трал, идущий впереди колонны, должны были проехать мост, за которым в пятнадцати километрах в апельсиновой роще надо было занять оборону. Я было задремал в операторском отделении, когда какая-то сила ударила в голову. Очнулся полулежа, боль в голове. Вылезаю из БМП — слева от машины перепуганная пехота. Сергей Болотников бинтует Ахмедову ногу. Тому вырвало кусок мяса выше колена. Его счастье, что он вылез из БМП и ехал на броне. Кричу: «Где Рубан?» Вижу — люк закрыт. Болотников показывает на машину. Я и не сообразил из операторского отделения заглянуть к механику. Бросился открывать люк. Поднимаю Сережу под руки, а сам себе думаю, что-то сильно уж он легкий стал, поднял выше и все увидел. Меня прошиб пот. Ног не было вообще. Лишь от левой ноги осталась торчать короткая берцовая кость. Положив Сережу Рубана на ребристые листы машины, стали делать с Болотниковым укол. Он держал его, а я в руку ввел промедол. В это время нас стали обстреливать из стоящего недалеко строения. Мой автомат лежал рядом с Сережей. Так вот, когда нас обстреляли, мы прыгнули вниз с машины и в это время услышали очередь. Истекая кровью, Рубан схватил автомат и выпалил наугад в ту сторону с проклятиями и матом. Запрыгнув на машину, мы стащили его в укрытие. На нем не было лица — бледный, глаза запали, от боли скрипел зубами. Я плакал. Се-

режа стал кричать: «Пристрели меня, Коля, пристрели, братуха, мне не жить!» Он лежал рядом с машиной. В днище зияла огромная дыра. Вырвало два катка, внутри страшное месиво крови, костей, железа, земли...

Болотников дал сигнал — красный дым — вертолетам, кружащим над нами, показывая тем самым, что есть раненые и убитые. При заходе вертолет был опять обстрелян. Я кинулся в операторскую, проверил, что еще работает: аккумуляторные батареи. Тогда я кричал все маты, какие есть на свете. Я проклинал эту землю за все причиненное нам. Я превратил это строение в прах. С Болотниковым мы поползли по ручью к другому дому, забросали его гранатами. Ворвались: у окна один дух с буром*, убитый, с волчьим оскалом зубов; еще двое, один был жив...

В следующие дома идти было опасно: все-таки — двое. Пехота то ли с испугу, не зная, почему, не пошла за нами. Вернулись к БМП, сделал укол, уже второй, Ахмедову. Сел вертолет удачно, больше не обстреливали, погрузили Сережу Рубана в вертолет уже полуживым. Ведь даже жгут негде было наложить...

Вышел на связь с комбатом. Приказ: не покидать машины, зря не расходовать боеприпасов, ждать помощи.

Тогда, еще при живом Сереже, мы поклялись мстить тем же. И мы мстили. Я говорю Сереже Болотникову: «Сергей, мы ведь троих людей убили, тебе не плохо?» А он говорит: «Разве это люди, это враги, не мы их, так они бы нас». Так мы получили боевое крещение.

Окопались: все было как следует, пехота — в круговую, танки — один в левую, другой — в правую сторону, между ними еще две БМП, так как могли бить из гранатометов.

Уже поздно ночью пришел тягач. Зацепил нашу бедолагу, наш дом на

* Бур — старинная винтовка.

колесах, нашу кормилицу, и потащил к Джелалабаду...

Утром собралось много солдат, заглядывали в люки машины, расспрашивали. Некоторых подташнивало при виде отсека механика. Останки ног Сережи начали разлагаться, была жара. Расспрашивают солдаты, как было, а у меня слезы, говорить не могу.

Я вот сейчас пишу, плачу. Тяжело писать, а ведь мне очень обидно за тех ребят, что полегли там.

Ведь Серегу даже посмертно не наградили. Это же подвиг — без ног отстреливаться в сторону врага, теряя сознание, силы и последние минуты жизни.

Через несколько дней мы были вовлечены в операцию по освобождению Джелалабада. Вызвал меня комбат Тараканов. Говорит: «Повезешь своего друга на родину с прапорщиком» (не помню его фамилии). Прибыли в Кабул вертолетом, переночевали у десантников в палатке. Ночью привезли тяжелораненых и убитых (рядом была палатка медсанбата). Стоны, проклятия, ругань: спать было невозможно. И так всю ночь. Одни вертушки улетали, другие прилетали с нашими ребятами. Тогда это был единственный медсанбат. Остальных везли в Союз.

Утром заводят в палатку, внутри морозильники, показывают гроб с табличкой «Рубан Сергей», а это не он. Пришлось для опознания чуть ли не все гробы проверить, пока нашли. Погрузили в самолет Сережу да еще нескольких ребят, а нас отправили обратно в Джелалабад. Я так хотел присутствовать на похоронах, но приказ есть приказ. Вот так это все и было.

Как сложилась моя жизнь? Да вроде бы неплохо. Женился в 1985 году. Украл я ее, так бы не дали вместе жить. Алла дала согласие. Ну и украл. Тесть казах, теща украинка.

Растут у нас два сына: старшему, Сереже, — два года шесть месяцев, Виктору — пять месяцев. Назвал их в честь друзей, погибших в Афганистане. Если будет еще сыновья, назову

Ораз, Эсен — тоже в честь друзей. Девчат Алла называть будет.

С женой живем дружно, растим сыновей. Работаю в машинно-тракторной мастерской слесарем, а до этого с 1981 по 1987 год работал оператором по откорму крупного рогатого скота. Награжден знаком ЦК ВЛКСМ.

Я не хотел об этом писать. Я это к тому, что пошел я к директору совхоза товарищу Шнайдеру А. А. с заявлением о переводе в слесарку. Там свободного времени больше. Я ремонт квартиры стал делать — сыро, холодно. Если людей, думаю, директор не дал, то хоть сам после работы буду делать. Сарай прогнил, скотину держать негде. Детей без молока ведь не оставишь. Ну, зашел, а он мне говорит, что я, мол, кроме хвоста и уздечки, ничего не видел. А еще обиднее было, когда он меня на 9 Мая «великим фронтовиком» обозвал, унизил при посторонних людях. А мне хоть сквозь землю провалиться. Стерпел я сначала. Хотел было .....
....., но не сделал этого. Он и этого не стоит.

«Великий фронтовик» — это он сказал так. А здесь двое ребят лежат в могилах, здесь, у нас в поселке: Муха Сергей погиб в 1980 году, Марченко Александр — в 1983 году. А сколько их там, в Афганистане, всего? Вот какие люди бывают.

Так и живу, хоть уезжай. Да куда поедешь? Пока сарая нет, а идти к ним больше не могу. Обращался в сельсовет — бесполезно, к парторгу совхоза — также, к председателю рабочего комитета... Теперь хочу съездить в военкомат, может, они мне чем-нибудь помогут. Нет — придется искать мне место в городе. В общем, не знаю, что делать. Тяжело, что говорить, в больницу к матери съездить и то не всегда отпускают, еще и выматерят. Работаем ведь без выходных, с восьми до восьми, а позже в больницу не пускают. Сам заболеешь, скажут, лодырничал, а здоровья уже такого нет, железного.

Если в ваших силах, то я прошу вас, напишите директору письмо, хотя бы письмо и «большое ему спасибо» за отношение не только ко мне, а ко всем воинам-интернационалистам, живым и павшим.

Каждый год на 9 Мая я езжу в Поповку — три километра от нас. Там

памятник погибшим в Великую Отечественную. После митинга молодежь и специалисты идут на кладбище к могилам Мухи Сергея и Марченко Саши, так наш товарищ Шнайдер Александр Александрович даже не соизволит зайти и посмотреть на могилы солдат.

Задача: оседлать перевал

На вылет

Э Афганистан болит в моей душе...

Санструктор

В бою

АФГАНСКИЕ ИСТОРИИ

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Трудно восстановить по памяти эти впечатления. Дневники скупы и заполнены в основном служебными записями. Здесь следует заметить, что перед входом в Афганистан мы в течение пятнадцати суток вели очень напряженную и интенсивную работу почти без сна. Первые дни такая нагрузка была даже приятна — она глушила естественную тревогу о завтрашнем дне. Но потом стали уставать. Вот вот должен был наступить период безразличия, но тут последовал приказ на выход. Впоследствии мы шутили, что нашим потенциальным противником не надо с нами воевать, чтобы победить. Достаточно того, чтобы они примерно за месяц объявили, что собираются на нас напасть. Мы в стремлении как можно лучше встретить это нападение доведем войска до такого состояния, что их можно будет брать голыми руками — настолько все будет издерганы и изработаны.

Сигнал перехода границы влил в нас новую порцию бодрости, и мы двинулись. Вытягивать колонну начали после обеда 26 декабря 1979 года. Процесс формирования колонны непростой, а если учесть, что колонна должна была пересекать государственную границу по понтонному мосту через бурную Амударью и на ночь глядя...

Но как бы там ни было, а часы пушены, и теперь пока не иссякнет завод, они будут идти.

Уже стемнело, когда моя машина уткнулась в афганский берег. Из машины, а тем более ночью, да еще в колонне, много не увидишь. Однако некоторые детали врезались в память. Первое — это валуны на обочине дороги. Было странно и непривычно видеть их в пустынной местности, где они быть никак не должны. Кроме того,

ФОМИН Николай Петрович, подполковник запаса. В Афганистане — с декабря 1979-го по август 1981 года в должности начальника бронетанковой службы.

было впечатление, что они шевелятся. Но это мы объясняли тряской машины и усталостью, а то бы пришлось креститься и шептать заклинания. Мощь движущейся колонны, которой ничего не страшно, вольно или невольно вселяется в сердца и души тех, кто сидит внутри машин.

Более впечатляющего зрелища, чем танковая колонна на шоссе на максимальной скорости, видеть не приходилось. Ничто не может остановить танковую колонну, если она набрала скорость. И тот, кто хоть раз ощутил это, никогда не станет ни летчиком, ни десанником. Все другие профессии покажутся ему скучными.

Итак, мы движемся, наполненные мощью и усталостью, а валуны почти ошалели, они не только шевелятся, но и перемещаются. А, бог с ними! Раз им хочется перемещаться, пусть перемещаются, лишь бы не мешали движению.

Вторым, удивившим нас явлением, были время от времени попадающиеся на пути сверкающие чудовища. Колонна идет, шум и пыль, вдруг лучи фар упираются в сверкающее флюоресцирующее чудо. Но дорога мчится, и чудо остается позади.

Только утром мы разобрались, что валуны — это не валуны, а афганцы, отдыхающие на обочине дороги от дневных праведных трудов. Обочина дороги — это их придорожная гостиница. Сверкающие чудовища — афганские грузовые машины под очень точным названием бурбухайки. Именно бурбухайки: бур — значит, бурчат; бу — буйство красок, света, украшений; хайки — значит, движу-

щиеся. Слово это чисто афганское и перевод совсем другой, но мы так воспринимали смысл этого названия.

Кто не совершал марш в колонне, тот не знает, что такое борьба со сном. Если бы самого безнадежно больно-го бессонницей посадить в машину, а машину включить в колонну и двинуться на ночь глядя, то к утру можно ставить диагноз — здоров, заснул мертвецким сном.

Ответственность, чувство долга, наконец, волевые качества у каждого профессионального военного в крови, но даже и этих всех качеств недостаточно, чтобы побороть сон. Каких только способов не изобретали: и умывание холодной водой, и курение, и пение или разговоры, и всевозможные болтающиеся амулеты — все не то. Самый действенный способ — остановка и пятнадцатиминутный сон. Но кто же разрешит остановку на марше, если по плану привал только через три часа. Изобретали, конечно, разные способы. Вот один из них, используемый прапорщиком Оноприенко. Как только водитель начинал клевать носом, он участливо, по-отечески спрашивал:

— Что, Федя, устал, в сон клонит?

— Так точно, товарищ прапорщик.

Прапорщик снимает ему пилотку и — кулаком по лбу.

— А как теперь, Федя?

— А теперь не хочется, товарищ прапорщик.

И так периодически. Кто-то посчитает это издевательством — это значит, что он не видел, как из смятой кабины торчат человеческие кости. Я не помню случая за двадцать восемь лет службы, чтобы хотя бы один марш заканчивался без опрокидывания машины. Правда, чаще обходились без жертв, но бывали и трагические случаи.

Не избежали дорожных происшествий и мы в этот раз. Опрокинулась «Шилка». Обошлось без жертв. Бронированные машины тем еще хороши, что в них при опрокидывании никогда

не погибают. Танки на ходу столкнули несколько своих же машин. И тут пострадали только машины.

ПЕРВЫЙ ОБСТРЕЛ

Человек, как известно, меняется. Но в армии изменения всегда и во всем резкие, скачкообразные.

Эти жизненные скачки накладываются на людей военных некий штамп жизненного поведения. Люди становятся иными, не всем понятными и, в дополнение ко всему, любимой мишенью для гражданских острословов. Еще не родился тот студент, который бы не оттачивал свое остроумие на человеке военном. Конечно, со стороны в словах и поведении кадровых военных немало смешного, комичного, алогичного и даже абсурдного. Но самое странное в том, что это впечатление тут же улетучивается, как только такой умник услышит свист пуль.

Вот вам пример. Прибыл к нам в часть в Термез двухгодичник, или, на армейском жаргоне — «партизан». Закончил он Одесский университет — можете себе представить, что это был за юморист! Пародировал и передразнивал он все и вся. Мы, по укorenившейся привычке чернить начальство, во многом потакали ему. Кроме того, позволяли ему небрежно касаться и вещей святых, полагая, что за иронией и юмором скрывается глубокая привязанность к этим понятиям. Как бы там ни было, а начитанность и хорошо подвешенный язык, едкость и незлобивость, наше потакательство побуждали его на все новые «геройства», и за ним закрепилась слава смелого, бесшабашного гусара. Служил он по технической части и был в моем прямом подчинении. Поскольку из-за его гусарства у него мало оставалось времени на исполнение своих служебных обязанностей, он нередко получал взыскания. Взыскания объявлял я, а он сочинял пародии на меня. Естественно, в наших отношениях возникали некоторые трения.

Не скрою, его шутки иногда ввергали меня в сомнения: а действительно, не дурак ли я? Может быть, эти сомнения переросли бы в уверенность, а затем и в убеждение, если бы не Афганистан. Боевые действия все сразу расставляют на свои места, и тут суть обнажается полностью.

Пришлось одесситу быть командиром технического замыкания. По военным понятиям роль эта хлопотная, но абсолютно безопасная. Едешь на тягаче позади колонны, в глубоком тылу, и подбираешь отставших, оказываешь им разные технические услуги. Но в Афганистане тыла нет, даже наоборот, там, где всегда был тыл, сразу оказалась передовая. Вскоре это почувствовал и наш лейтенант. А тут, как назло, сломался тягач, на котором он ехал. Случилось это под Новый 1980 год перед перевалом Саланг. О своей беде он успел передать, и информация дошла до штаба. Можно было послать своего помощника, можно было передать команду в рембат, можно было, наконец, заставить принимать меры командование полка, где он служил. Все было можно, но я решил ехать сам. Не геройство, не альтруизм и даже не злорадство руководили мною, а простая любознательность и жажда впечатления. Загрузил запчасти, набрал сухих пайков, благо, что их тогда выдавали без счета, и тронулся пораньше в путь. Но душа не ликует. Азарт риска вскоре притупился, к тому же пришлось упереться в хвост афганской воинской колонне, и если бы не случай в туннеле, о котором расскажу дальше, то можно было бы разочароваться и заснуть.

На вторые сутки, к обеду, я прибыл к команде лейтенанта. Много поездил по свету, много повидал, приезжал издалека с большими подарками к родным и близким, но ни разу не видел, не ощущал такой честной, такой желанной, такой беззащитной радости, с которой встретили меня лейтенант и его солдаты. Вот великая сила добра.

Красив человек наш в общей беде, в общей настоящей трудности.

Встретились. Оказывается, что они уже вторые сутки ничего не ели; ведь на Новый год все движение остановилось, а свои сухие пайки они частью съели, а больше раздали афганским детям. Сервировка стола у военных самая консервативная, установленная, может быть, еще самим Александром Македонским: плащ-палатка, хлеб ломтями и котелок.

Расположились. Обмякли душой и телом, и вдруг... какое-то неудобство, какая-то интуитивная опасность — по броне нашего тягача бросили россыпь камешков. Потом, с опытом, такой заторможенности сознания уже не случалось. А в тот момент... У всех на лицах отразился недоуменный вопрос: что это значит?

Но недаром военных обучают всему до автоматизма, или, как раньше говорил наш лейтенант, до стирания разума. Сознание не успело сработать, а рефлекс уже действовал. Последовала вполне твердая и своевременная команда: «В ружье! В укрытие!» Автоматы моментально оказались в руках, хотя до этого они были черт знает где, и вся компания сосредоточилась под днищем тягача. «Занять круговую оборону, без команды не стрелять», — последовали следующие приказы. Все делалось быстро. Но неизвестность давила все сильнее. Где противник, каковы его силы, что за намерения у него? Надо было действовать. А как?

Не пойдешь же в атаку на неустановленного противника, и вести стрельбу неизвестно куда тоже не резон. Подал команду на устройство брустверов. Боже мой! Как выполнялась эта команда! Было впечатление, как будто жаждущие путники наконец-то прибыли к роднику и им разрешили напиться. В один момент голыми руками были сооружены подобия окопов для стрельбы лежа. До сих пор преследует суеверное чувство — как можно было мягкими пальцами кро-

шить и рушить каменистую твердь, на ней даже гусеницы танков не оставляли следа. А тут сразу добрались до монолита. Раньше такое же чувство меня посещало, нет, не такое, там было больше удивления, чем страха, когда видел, как верблюд расправляется с колючкой. (По своей колкости, прочности и даже вкусовым качествам эта колючка не намного уступает колючей проволоке. И вот верблюд своим мягким ртом захватывает приличный пучок и... через минуту захватывает уже новый.)

Соорудили окопы, и опять — гнетущее состояние. Мне, как старшему, оно особенно было тягостно, потому что по положению и долгу я обязан руководить, поддерживать боеспособность и моральный дух. Зато мне и легче. Ответственность вытесняет страх. Распределил секторы обстрела и наблюдения. И тут еще две поразительные вещи запомнились мне.

Первое — это глаза, их выражение. Потом это выражение появлялось всегда во время боя, правда, с опытом все на меньшее время. Трудно это выразить словами. Самая грубая, самая приблизительная оценка этого взгляда: «Спаси и сохрани нас». Думаю, что человек выдумал бога именно в такие моменты. Вот слов для выражения не нашлось, а чувство еще живет во мне. Чувство высшего нерасторжимого родства, единства, бескорыстной жертвенности. Если бы не тормозящее действие сознания, то душа толкнула бы тело вперед, навстречу опасности, чтобы этим защитить остальных.

До Афганистана у меня были какие-то моральные сомнения, что ли, когда в книгах читал о подвигах, о том, как солдат грудью закрыл своего командира, или когда грудью — на амбразуру. Вот таран, самоподрыв гранатой сознание воспринимало безоговорочно, а защита командира, извините, воспринималась как какая-то ненормальность. Да, мы часто создаем себе представления, строим планы,

сидя в кресле, не учитывая, не моделируя саму обстановку, где эти представления и планы будут реализовываться, и нередко ошибаемся. Оказывается, кроме естественного инстинкта самосохранения, есть, существует и высший инстинкт — сохранение другого, всех. Слово «коллективизм» затаскано, девальвировано частым и бездумным употреблением. Может быть, «дружина», но это слово уже ассоциируется с тоскливыми пионерскими делами. «Братство», «товарищество»... Все не то, во всех этих словах, как частокол, виден каждый человек. А тот организм неразделим, он один. Что-то подобное бывает у людей при хорошем застолье, в хоровой или солдатской песне, в дружной согласованной работе и на параде. Но все это лишь подобие. Теперь мне более понятно тяга фронтовиков друг к другу. В них во всех сидит эта тоска по былому душевозвышающему родству, они хотят воскресить его, они жаждут хоть на миг оказаться во власти общего, нужного дела. У этого высшего организма, как и у отдельного человека, есть самые главные, ну, и обслуживающие тоже есть. Распределение это происходит естественно, сразу, а главное, безошибочно. И тогда, если в этом организме командир — действительно голова, каждый заслонит его собою. Заслонит так же, как каждый из нас при опасности закрывает голову руками, хотя руки тоже нужны и рукам тоже больно.

Второе, что запомнилось, — это некоторое недоверие, что ли, друг к другу. Каждому был дан сектор, все кругом просматривалось и при необходимости могло простреливаться. И вот вместо того чтобы смотреть безотрывно в своем направлении, каждый смотрел на другого, чтобы убедиться, смотрит ли тот, другой, в своем направлении. У каждого была подсознательная мысль: я-то в своем секторе не прозеваю, не пропущу, а вот как ты, неизвестно. Потом, когда душманы обнаружи-

ли себя, мы в две минуты израсходовали весь боекомплект, и если бы не случайно подошедшая колонна, то нас можно было бы взять голыми руками. А тот лейтенант, как и все кадровые военные, стал смешным, комичным, алогичным и даже абсурдным для всех, кто не нюхал пороху.

ЛЕЙТЕНАНТ ПОЛЯКОВ

Иногда возникает такая крамольная мысль: если собрать всех грешников в одном месте, а потом им объявить, что в связи со сложившимися обстоятельствами всем места в аду не хватит, а поэтому те, которые прибыли первыми, — пожалуйста, а остальные могут быть свободными, то не попавшие сразу же начнут возмущаться, жаловаться, предлагать взятки, одним словом, им страстно захочется быть со всеми. И многие, уверен, своего добьются.

Конечно, Афганистан — не ад, но и раем его не назовешь. Когда наши войска вошли туда, то многие должности были заняты офицерами запаса. Потом их стали заменять кадровыми офицерами, и, как всегда бывает, штабы перестарались и прислали больше, чем надобно. Те, которые приехали позже, оказались невостребованными. Таким лишним тогда оказался будущий Герой Советского Союза Руслан Аушев. Он еле уговорил подполковника Дятла, старшего по комплектованию, чтобы тот взял его на любую должность. И хотя по образованию и прежней службе должность Р. Аушева боевая, взяли его начальником штаба медсанбата, где 70 процентов личного состава составляли женщины. Нечто подобное случилось и с лейтенантом Поляковым. Был он танкистом, но танковые подразделения были укомплектованы. Он ходил по пересыльному пункту чуть не плача, каждого мало-мальски значительного начальника упрашивал взять его. Ему сначала спокойно, а потом с раздражением стали объяснять, что мест ва-

кантных нет и в ближайшее время не предвидится (все мы тогда считали, что в Афганистане будет так же, как в свое время в Чехословакии). Потом он исчез. В то время и в той обстановке все было возможно. Были случаи, когда прибывшие с завода «уазики» вместо Афганистана за солидную сумму исчезали в безграничных ущельях Средней Азии. Пересечь границу тогда было — пара пустяков. Известен случай, когда одного школьника нашли и возвратили домой аж из-под самого Кандагара, откуда до Пакистана намного ближе, чем до советской границы.

Вот так и Поляков оказался в Кабуле. Как потом выяснилось, он сел в одну из машин и без всяких препятствий добрался до цели. Ну, раз приехал, то не отсылать же его обратно, ведь это не школьник. Вскоре нашли ему место — командир взвода по ремонту автомобилей. Хотя автомобили — это не танки, и сами танкисты с иронией называют их фанерой, но лейтенант был доволен. Оказался он смышленным, расторопным и требовательным офицером. Прониклись к нему уважением и солдаты, и командование. Уже поговаривали о его переводе к танкистам (на войне вакансии образуются очень быстро), но командир рембата удержался и ни в какую: мол, нам самим такие офицеры нужны. Был бы понахальнее или разворотливее, он бы и комбата уговорил, и танкистов попросил бы поспособствовать. Вот Аушев через полгода оказался в мотострелковом полку. Но Поляков насколько был толковым офицером, настолько и скромным. Молодой, высокий, красивый, безотказный, единственный сын у родителей. Видимо, в душе он был героическим парнем. Во всех рискованных делах он неброско, но всегда оказывался одним из первых.

Попадал он и в переделки. Однажды при сопровождении колонны в Джелалабад под его автомобилем взорвалась мина. Полкабины снесло

взрывной волной, а ему оторвало полуха, не совсем, потом оторванную половину пришили, так что вид его по-прежнему был бравым. Другой бы на его месте поостерегся, не лез бы на рожон, а он, когда был свободен, ходил вместе с разведчиками в рейды. Одним словом, Петя Ростов с дипломом об окончании высшего танкового училища.

Попади он сразу к танкистам, не миновать бы ему судьбы славной, героической. Но рембат — это не то подразделение, где должны служить такие парни. Самое печальное то, что в Афганистане наиболее опасная служба была у автомобилистов и ремонтников, а сознание, выработанное всем ходом прошлой войны, говорило о том, что это тыловые подразделения. А раз тыловое, то вот тебе медаль «За боевые заслуги» или «За отвагу», и не более.

Однажды надо было доставить топливо для тягачей, обслуживающих перевал Саланг. Тягачи были рембатовские, естественно, им о них и заботиться, хотя свою службу рембатовцы несли в интересах всех проходящих через перевал войск. Попроси они топливо у любой проходящей колонны, им бы не отказали, но они запросили у своих, чтобы повидаться, узнать новости и получить письма.

Время тогда было уже беспокойное, частыми стали обстрелы на дорогах. Особенно душманы «обожали» машины с топливом. Подобьют они такую машину из гранатомета — пламя до небес, спутник тут же зафиксирует, а это уже дополнительные деньги. В тот раз старшим должен был ехать прапорщик Лукьянов, но он неожиданно приболел, а лейтенант тут как тут: «Разрешите мне». Ему не отказали, хотя на одну машину посылать лейтенанта роскошь, но когда мы были жадными, особенно если дело касалось жизни. У нас даже в песне поется: «...мы за ценой не постоим».

Пристроили его к попутной колонне, и поехал лейтенант навстречу сво-

ей судьбе. Еще одна примечательная особенность последних войн — процент гибели лейтенантов самый высокий, и говорят, что составляет он примерно девяносто восемь процентов. Всего лишь два процента сумели проскочить это роковое звание живыми. Возможно, мы когда-нибудь поставим памятник не персонально кому-то, а просто лейтенанту, офицеру, человеку, который из-за самого своего положения не мог остаться живым. В Японии таких сразу причисляют к богам, а у нас говорят — судьба.

Недолго ехал лейтенант в колонне. Ее неторопливый и нудный ход был не в его характере. На одном из привалов он обогнал колонну и поехал в одиночестве. Без происшествий добрался до вершины перевала, преодолел туннель и выехал на северный спуск Саланга. Его машину обогнали три БТРа, на ходу сообщив: «Стой здесь, там впереди душманы». Я думаю, немало бы нашлось у нас офицеров, которые бы выполнили эту команду. А о лейтенанте и говорить нечего, он тут же пристроился в хвост БТРа, и... бешеная скачка началась. БТРа, что, у них броня, восемь колес — и все с тормозами, а у автомобиля все не то. Не раз машина могла оказаться в пропасти или расплющиться о скалы, но судьба пока берегла лейтенанта. Подоспели вовремя, у наших уже заканчивались боеприпасы, а душманы только вошли в азарт. Лейтенант и водитель выпрыгнули из машины, и из-под колес начали вести огонь. Они своим огнем поддерживали других, а о том, что их машина с топливом весьма соблазнительная приманка для душманов, забыли, но у душманов память хорошая, особенно если за нее неплохо платят. Удар гранатомета был точен. Машина вспыхнула, но это еще не беда, страшно то, что огненный ручей побежал к другим машинам, и то, что не могли сделать душманы, мог довершить огонь. Никто не обратил внимание на то, что горящая машина вдруг начала движение, по-

дошла к краю пропасти и свалилась туда. Огненный ручей успели загасить, а тут и душманы успокоились. Поостыли и наши, только один водитель топливозаправщика суетился и все кого-то искал. У него спросили: «Что паникуешь, видимо, впервые в бою?» — «Да нет, лейтенант куда-то запропастился». — «Найдется твой лейтенант». Но найти его не удалось, нашли в машине только обгоревший пистолет и полурасплавленную пряжку от ремня. Реляция была проста и скромна: «При выполнении интернационального долга погиб смертью храбрых, наградить медалью «За боевые заслуги» посмертно».

ГАУПТВАХТА

Армия без гауптвахты, что суп без соли. Гауптвахта нужна как командованию, так и рядовым. Первым она нужна для спасения от инфаркта и самосуда, а вторым для разнообразия жизни и самосохранения. Что касается инфаркта, самосуда и разнообразия — это, пожалуй, ясно для каждого. А вот почему для самосохранения, тут могут возникнуть разночтения. Поэтому пояснения необходимы. Вдруг ни с того ни с сего загрустит, затоскует солдат. Жизнь ему становится противной, товарищи кажутся надоедливыми, командиры нудными; одна дорога — в петлю. Но до петли он, как правило, дойти не успевает — на пути оказывается спасительная гауптвахта. Она тем целительна, что после нее обыкновенная солдатская жизнь кажется раем. Не сразу, конечно, не в первый день, а примерно суток через трое, когда нестерпимо захочется покурить или хотя бы отдохнуть на кровати с матрацем. Вот тогда тоска и грусть проходят, и солдат снова боеготов и боеспособен.

Сначала в Афганистане гауптвахт не было. Во-первых, негде их было размещать, а во-вторых, не было надобности. Но вот войска обжились, налачился кое-какой быт, и все по-

чувствовали, что чего-то не хватает. Оказывается, не хватало самой малости — комендатуры в гарнизоне и, конечно, гауптвахты при ней.

Располагались мы тогда в Баграме. На должность коменданта прислали к нам майора Переделкина. Откуда только такое чудо выискали, трудно предположить, но факт тот, что у него начисто отсутствовал страх перед любыми словами и делами. Армия не институт благородных девиц, всякое может быть, но такого беспардонного матерщинника встретишь разве что у прилавка пивного ларька. Это же надо, на представительном совещании, с высокой трибуны он однажды заявил, что с нарушителями, мать их в горло, церемониться нечего, а надо их... раз, еще раз, еще много, много раз. И сказано это было с такой простотой и неподдельной сердечностью, что ни у кого не хватило смелости указать майору на неприличие. В соответствии со словами были и его дела.

Через неделю после вступления его в должность в гарнизоне воцарился мир и порядок.

Мой друг Виктор Сигизмундович Адамчик имел связи со всеми значительными людьми Центральной Азии. Не обошел он вниманием и коменданта гарнизона майора Переделкина. К тому же майор выдавал пропуска на движение после комендантского часа, а для делового человека пропуск — это не пустяк. Вот в один из дней и заглянули в комендатуру. Поговорили, обменялись новостями и поинтересовались, не пустует ли его гауптвахта.

— Как же пустует, у нас, мать-перемать, нельзя без личного состава, у нас кирпичный завод.

— Как? Кирпичный завод?

— А что ж вы хотели, едрена вошь, зачем я приехал сюда за тысячу километров?

Вошли мы посмотреть. Видим, действительно, работа кипит. Одни месят глину, другие заполняют формы, третьи выкладывают кирпичи для про-

сушки. Все при деле, все заняты, только очень уж отличаются друг от друга. Глину месят наши пехотинцы, а бригадиром у них бородатый афганец. Были там и афганские солдаты, и какие-то гражданские лица разбойной наружности. Всех майор держал в одних условиях, никому поблажек не делал, работать заставлял всех. От удивления и восторга мы ничего сказать не могли. Потом опомнились и забросали его вопросами: «Откуда у тебя их столько? И почему такой интернационал? Сколько они уже сидят? Как душман стал бригадиром?»

Майор не торопился с ответами. Во-первых, потому, что он и рассчитывал на шоковое восприятие своей деятельности и не торопился нейтрализовать его; во-вторых, как бы ни были велики его запасы нецензурных слов, он за время нашей встречи изрядно поистратился, и не в его правилах было повторяться даже в этом. В-третьих, просто наша въевшаяся в кровь и плоть скромность, выражаемая словами: «Каждый на моем месте поступил бы так же». Как бы там ни было, а интернационал работал и с завода непрерывным потоком шли кирпичи на строительство новой школы. Времени на дальнейшие расспросы у нас не было, поэтому Адамчик пригласил коменданта к себе в гости. Там-то Переделкин и поведал нам, как он оказался в Афганистане, как решил кадровую проблему по укомплектованию штатов кирпичного завода, как попал к нему душман и как стал бригадиром.

Не попасть в Афганистан Переделкин не мог, так как для его деятельной натуры места в Союзе уже не находилось. Больше одного года на одном месте его не держали. Эпоха застоя выталкивала его со своих орбит. Возможно, что и в словоблудие он ударился в качестве протеста против существующих порядков. Был он не только храбрым, но и с большим чувством ответственности. Поэтому слова: «Товарищ майор, на вашей

ответственности лежит наведение порядка в районе Баграма» — он воспринял с радостью и буквально. Со своим помощником на простом армейском автомобиле он носился днем и ночью. В него не раз стреляли, дважды подрывался на минах, но это только усиливало его рвение. Душмана будущего бригадира, он схватил лично сам, когда тот с минами пытался пробраться на аэродром. Он мог бы разделаться с ним на месте, мог отдать ХАДУ* или царандою**, но он, немножко поколотив его, привел в комендатуру, накормил и посадил в камеру. Может, он хотел потом его передать или, подержав немного, отпустить, но в текучке бурных дней забыл об этом. Однажды сам душман напомнил ему о себе. В это время завод уже работал, вернее, влачил жалкое существование. Производительность была низкой, а качество и подавно. Сухие кирпичи рассыпались. И вот когда майор проходил мимо камеры душмана, тот задергался, зашипел, завращал глазами и все показывал на работающих солдат. Что он говорил, чего хотел, майор не разобрал, но понял, что тот чем-то недоволен. Майор открыл дверь, душман, чуть не сбив коменданта, бросился к солдатам, месившим глину, в мгновение ока разбросал их по сторонам. Часовые схватились за автоматы... Но майор остановил их. Душман начал что-то бросать в глину, начал приплясывать на ней и все щипел и вращал глазами. Вид его был страшен и завораживающ. Он сразу покорила всех своей неистовостью, напором и профессионализмом. Первые кирпичи, изготовленные по душманской технологии, оказались прочными, как бетонные блоки. Душмана стали выводить ежедневно на консультации и работу. Вскоре к нему привыкли, нашли и переводчики, которые уже за честь

* ХАД — служба госбезопасности Афганистана.

** Ц а р а н д о й — народная милиция.

считали свои беседы с ним. Пришло время, и с его камеры сняли замок, а потом и охрану. Вот так он и стал бригадиром. Уходить он не торопился, ему явно по душе пришлась и сытая жизнь, и начальническая должность. Своего шипения и вращения глазами он не прекратил, и это очень здорово стимулировало работу новичков. При одном таком спектакле пришлось присутствовать. Но мне показалось, что и душман, и его подчиненные пехотинцы очень искусно разыгрывали майора. Естественно, что в первые дни в норму никто не укладывался, но зато потом, с опытом, с приобретением навыков, успевали наверстывать упущенное. Охранниками и помощниками коменданта были десятники, поэтому порядок и дисциплина на гауптвахте были образцовыми.

Афганских солдат майор брал обычно за нарушение комендантского часа. Они тоже работали на кирпичном заводе, и, думается, это была лучшая школа интернационализма для наших и афганских солдат. Прикармливал майор и одного муллу, который приходил читать проповеди для арестованных. Потом ходила молва, что жители Баграма направили петицию в центральные органы с просьбой причислить майора Переделкина к лику святых...

СУДЬБА

Это случилось в июле 1981 года. По делам службы мне надо было попасть в Кабул. К тому времени транспортная проблема была уже решена. В Кабул строго по расписанию, как рейсовые автобусы, ходили бронетранспортеры. Проезд бесплатный, надо только накануне записаться в журнале у оперативного дежурного. В то утро набралось нас человек семь. Были два прапорщика (секретчик и из строевого отдела), лейтенант из дивизионной газеты, который сопровождал своего старшего товарища из газеты, два

солдата (водитель, его помощник) и я.

Досталась нам машина марки БРДМ-РХ — бронетранспортер химической разведки. По вооружению самый хилый из всех бронетранспортеров.

Собрались, огляделись. Народ все молодой и по армейской привычке беспечный. К тому же дело было утром. А если оно не жаркое, то настроение бывает приподнятым, все мрачные мысли и предчувствия отодвигаются на вечер. Я заметил, что утром человек бывает смелее, чем к вечеру.

Сели и поехали. Отъехали всего километра два, как машина вдруг остановилась. Водитель нырнул в силовое отделение, как будто знал, отчего заглох мотор. Через пару минут мы снова поехали. Пришлось нам останавливаться еще раз пять-шесть. Но это не испортило нашего хорошего настроения, а только разнообразило нашу поездку. Зато мы узнали, что водителя зовут Федей и родом он из Оренбургской области, что, не в пример вчерашнему, останавливались мы в два раза меньше.

По службе вся бронетанковая техника, в том числе и этот «бэтээр», находилась на моей ответственности как начальника бронетанковой службы дивизии. Поэтому по прибытии в Кабул я распорядился, чтобы на машине заменили карбюратор.

Пока меняли карбюратор, пока обеды, пока собирались, время затянулось, и недалеко было до темноты. Но кто и когда припомнит случай, чтобы наш человек, собравшись, одумался и отложил поездку до лучшего времени? Раз собрались, надо ехать, хотя оперативный дежурный предупредил нас, что на дороге беспокойно и что завтра с утра пойдет большая колонна под усиленной охраной. Но, посоветовавшись, мы единодушно решили ехать. О, если бы не это единодушное, то скольких бы ошибок можно было избежать. Ведь всем было известно, что дорога опасная, что об-

стрелы практически неминуемы. Надо бы принять меры — взять оружие на изготовку, да и ждать противника. Так нет же, все держали автоматы в самом неудобном для стрельбы положении, все единодушно боялись друг перед другом обвинения в трусости.

Машина с новым карбюратором работала как часы. Ободряла нас и поговорка, рожденная в этих краях: «Тот, кому суждено быть повешенным, не утонет». Так сказать, вариация нашего незабвенного «авось». Едем, машина умиротворенно урчит, и мы постепенно оттаяли, начали разговаривать, даже шутить. Вот корреспондент газеты и говорит: «Ну, Федя, если довезешь без остановки, то напишу о тебе в газете». Слова вполне обычные, а всем приятно и смешно. И когда лейтенант из дивизионки предложил начать заметки: «Несмотря на все старания Феди, машину поломать ему не удалось», — то веселью не было предела. Особенно усердствовал секретчик Володя.

Не успели наши лица принять скупающие выражения, многие еще улыбались, как машина остановилась. Остановись она в любом другом месте, было бы не так опасно, а то прямо по середине Мирбачакота. Для многих Мирбачакот только набор непривычных звуков, но для тех, кто ездил по маршруту Кабул — Саланг, это слово наполнено особым смыслом. Стреляли здесь намного чаще, чем в любых других местах. Надо признать, что присутствия духа никто не терял и свой индивидуальный страх держал под контролем. Все вылезли из машины, начали традиционный обмен с афганскими мальчишками, тут же появившимися. Я полез в моторное отделение выяснять причину поломки. Она вскоре была найдена — ремень вентилятора перетер бензопровод. Неисправность, прямо скажем, пустяковая, будь под рукой изолента или хотя бы пластырь.

Пока пробовали разные варианты, стало уже смеркаться. Тут прапорщи-

ки обращаются ко мне за разрешением добраться до ближайшего нашего поста, взять там БТР и на буксире перегнать нашу машину на пост, там и переночевать. Предложение было разумное, и я разрешил. Остановили они афганскую «Волгу». Между прочим, нам в Афганистане было приятно, что наша отечественная машина ГАЗ-21 пользуется среди афганцев особой популярностью. Любой состоятельный афганец с радостью меняет любой «мерседес», «кадиллак», «шевроле» или «тоёту» на нашу старую «Волгу». Сели они в попутную машину, не успели заехать за поворот, как послышались автоматные очереди. Стреляют в Афганистане везде и всюду, но выстрелы в своих всегда каким-нибудь чутьем определяешь сразу. Так и есть, через пару минут прибежал один из прапорщиков, запыхавшийся, без шапки, схватил автомат и назад — к выстрелам. Все происходило быстро и молча, только успели спросить: «Что случилось?»

— Там напали душманы. Володя отстреливается, а я прибежал за автоматом.

Разговор этот я слышал, находясь в машине, и пока выбирался из тесного силового отделения, спиной почувствовал одиночество. Убежали все, убежали, конечно, не куда-нибудь, а на помощь товарищу. Уж что-что, а правило: «Сам погибай, а товарища выручай», заложенное в нас со времен Суворова, а может, и раньше, в Афганистане выполнялось свято. Само собой, ремонт прекратился — не до ремонта было в такой обстановке. Начал я искать в машине оружие. Свой автомат я умышленно не брал, чтобы не достался душманам после гибели. Был у меня трофейный пистолет, подарок офицера из «мусульманского» батальона, но его накануне попросил мой лучший друг Адамчик. Таким образом, оказался я безоружным. Может быть, это и спасло меня...

Всегда и везде, в любой машине есть ящики с патронами, гранатами,

сигнальными ракетами — это и по штату положено, а тут все чисто, ничего не оказалось. Даже у штатного пулемета, есть таковой на этой машине, не оказалось электроспуска. Пока искал оружие, пока страх забирал все новые участки сознания, тело и руки делали свое дело: задраивали люки, прикрывали бойницы. И вот смотрю в триплекс и вижу, как из виноградника крадутся к машине душманы, заросшие, и главное — много. Может быть, их было не так уж и много, но у страха, как известно, глаза велики. И показалось мне, что их тьма-тьмушая. Когда человек в опасности, у него работает весь организм — он становится очень находчивым и изобретательным. Моей изобретательности хватило на то, чтобы забраться в силовое отделение машины, чего до этого никому не удавалось — очень уж там малое пространство. Забрался, прикрывлся заслонкой и жду. Лежу не дышу и слышу шуршание. Душманы ползели на машину, разговор слышался, стали ходить на броне, а значит, чуть ли не по моей спине. Одна мысль — был бы пистолет, застрелился бы... Не хочу бравады, не хочу неправды, сил бы хватило только на один выстрел в себя, хотя в пистолете не один патрон, и жизнь отдать можно было бы подороже. Вторая мысль — только бы не подожгли машину. Пусть палят из гранатомета, пусть подорвут взрывчаткой — смерть скорая. Но пожар не выдержал бы, вылез, ну а плен — страшнее этого не бывает...

Что думали душманы? Возможно, думали, как е машина брошена, и гадали, как ее увезти с дороги. Может, уже кого-то послали за буксиром. Они разговаривали, ходили по машине, строили, видимо, свои планы, а я тихо умирал, и показалось мне это время вечностью. Нет, картины прошлой жизни не мелькали в сознании и другие люди не вспоминались, все заиклилось на одной мысли — жить. Мне казалось, что если бы вдруг открылась броня и душманы увидели меня, то ради са-

мосохранения смог бы остановить сердце, лишь бы не даться им живьем.

Когда я позже рассказывал об этом школьникам, то некоторые из них с симпатичной жестокостью заявляли: «Как бы не так, такие страхи, и не поседеть?» Не знаю, может, седина и пережитое имеют прямую связь, но я столько видел молодых седых мужчин, для которых основное переживание — это опасность остаться без родительских субсидий... Правда, однажды захотел быть модным, начал отпускать бороду, но она оказалась жидковатой и... седой.

Итак, лежу не дышу. Душманы ползают по броне, все вынюхивают. Состояние это для меня становилось непереносимым. Когда потом следовательно «разматывал» все в обратном порядке, то оказалось, что моя «вечность» длилась всего пятнадцать минут.

И вдруг слышу, по броне зацокали пули, душманы затихли, слышу радостно-знакомый звук подошедшего БТРа. Слышу родную речь, а поверить не могу. По голосу даже узнаю, кто говорит, мне все не верится. Открывают они спецключом люк и удивляются: «А где же подполковник?» На членораздельную речь сил у меня не хватило, что-то такое пропищал, закашлялся. Они ищут по всей машине, а в силовое отделение заглядывать и не думают. Чего туда заглядывать, если больше чем полтуловища туда войти не может. Уверовал я в свое спасение и начал с ними разговаривать: мол, здесь я, крышкой закрылся... Пробуют они снять крышку, а гайки не поддаются. Нашли старый ржавый ключ, и он не берет, а ведь я заворачивал их не ключом, а руками... Отыскали наконец торцовый ключ и сняли крышку. Путь свободен, а забраться не могу — заклинило. Они помогать, зацепилось что-то за что-то и не пускает. В таком положении и повезли — машину на буксире, меня заклиненным в силовом отделении, а

прапорщика Володю, как потом я увидел, без головы на броне переднего БТРа...

При движении от тряски обмундирование отцепилось, и я вылез из силового отделения. При экспертизе следователь все измерял то меня, то пространство силового отделения, где я прятался, и выходило, что быть там я не мог, так как одно больше другого почти вдвое... Следствие велось потому, что всякая небоевая потеря расследовалась: не было ли нарушения устава, умышленной преднамеренности или злоупотребления властью. Отделался я легко — очередным «служебным несоответствием» как отвечающий по службе за состояние бронетанковой техники...

КАПИТАН КЛОКОВ

Познакомились мы с ним в Термезе. Собственно, не познакомились. В армии ведь не знакомятся, а представляют. Так вот, капитан Клоков, замполтех инженерно-саперного батальона, представился мне в Термезе, куда он прибыл из академии для прохождения дальнейшей службы.

В армии есть исторически сложившаяся, скажу так, иерархия родов войск. На первых местах — десантники, авиаторы, за ними идут танкисты, артиллеристы и т. д. И замыкают этот перечень саперы и тыловики. Чем же вызвано такое деление? Связано это со многими причинами или, выражаясь научно, факторами. Во-первых, это строительные работы. Конечно, в армии строительством занимаются все рода войск. Но саперам доставались работы всегда самые трудные, самые сложные и самые грязные. И если другие рода войск поработали и переключились на боевую подготовку, то у саперов боевая подготовка — та же работа. И всегда на

полигоне — и в любую погоду, и в любой сезон.

Правда, и на их долю выпадают благородные дела. Так, саперы первыми бросались туда, где происходили стихийные бедствия. Они первыми шли и идут туда, где можно было погибнуть.

Может быть, эта не для всех видимая миссия спасителей и делает их такими терпеливыми и, как я теперь понимаю, сильными.

Второй фактор всеобщей армейской жалости — это саперная техника. Представьте себе танкиста: он должен знать все марки танков, БМП, БТР, словом, всю бронетанковую технику и уметь обращаться с ней. И хотя к бронетанковой технике относятся некоторые автомобили и даже мотоциклы, все равно количество марок бронетанковой техники ограничено. У автомобилистов тоже можно пересчитать их марки. А вот саперы все, что есть у других, приспособили к себе, да еще добавили и чисто свою саперно-инженерную технику.

Несведущий или далекий от техники человек может и обрадоваться: вот, мол, простор для любознательности, на один просмотр уйдет полслужбы. Конечно, если бы эту технику выставить в музей... Но в армии на технику не только смотрят, но и работают на ней, и обслуживают ее, и ремонтируют. За каждую небоеготовную единицу строго спрашивают с должностных лиц. Таким должностным лицом и оказался капитан Клоков.

За дело он взялся умело и энергично, но даже сто таких Клоковых не смогли бы вытащить из прорыва наш инженерно-саперный батальон. На всех собраниях, всевозможных совещаниях первым объектом для критики были саперы, а значит, капитан Клоков. Мы, офицеры других родов войск, должны были быть вроде бы довольными. В армии как-то так случается, что удовлетворение получаешь не от

наград, а от того, что критика достается не тебе, а другому. На память приходит случай с прямо-таки жутким оттенком.

Дело было в том, что до итоговой проверки по количеству чрезвычайных происшествий танкисты были на первом месте, а накануне у артиллеристов опрокинулась машина... Естественно, что все стрелы критики приняла на себя артиллеристы. Танкисты же чуть ли не потирали руки от удовлетворения.

Но когда ругали саперов и в частности Клокова, мы удовлетворения почему-то не получали. Более того, от неловкости прятали глаза. А если бы не прятали, а повнимательнее смотрели на капитана, то увидели бы не слабость, не обреченность, не смирение, а силу и некоторую жалость к критикану.

Что было бы с Клоковым, если бы не афганские события? Скорее всего дотянул бы до пенсии и в звании майора покинул бы эти славные войска. Но в Афганистане его потенциальные способности раскрылись полностью. Первый, а может, и не первый его геройский поступок остался без официального вознаграждения, зато признание среди солдат и офицеров он получил сразу. Когда на третьи сутки наши войска закупорили Саланг, то, чтобы расчистить путь, были задействованы все гусеничные машины. У саперов тоже было несколько гусеничных машин. Приказали и им брать на буксир автомобили и тащить наверх. Есть такая машина УР-67 — установка разминирования образца 1967 года — весом около шестнадцати тонн. Зацепили ей на крюк «Колхиду» с прицепом и — вперед. Будь «урка» помощнее или потяжелее, все бы завершилось без происшествий. А так тащит она «Колхиду», как только небольшое препятствие, даже камешек под колесом — буксует. Механик-водитель начинает тогда работать рычагами, машина рывками, с поворотами,

медленно, но идет. Такое движение — адская работа, и механик вскоре выдохся, устал не столько физически, сколько от нервной нагрузки. В одном месте рванул он рычагом так, что одна гусеница целиком оказалась над пропастью. Теперь злосчастная «Колхида» спасала «урку» от сваливания в пропасть. Бледный водитель сидит на месте и боится пошевелиться, от каждого его движения машина раскачивается. Все растерялись. И только Клоков был спокоен и деловит. Подогнал он вторую гусеничную машину, закорил ею свисающую машину, а механику бросил конец веревки. Тот уцепился за него и стал вылезать, от его движений машина накренилась и держалась теперь только тросами. Много там было умных голов, но все сошлись на одном — отцепить машину и позволить ей стать жертвой ущелья, очередной жертвой, потому что несколько автомобилей там уже покоилось. На это была даже санкция вышестоящего руководства, но недаром Клоков не трусил, когда его ругало высокое начальство.

Он сцепил еще две гусеничные машины, сам сел в первую обреченную и сделал то, на что умные головы и решиться не могли — запустил мотор и почти полностью спустил ее в пропасть. Машина теперь висела над пропастью, в скалу упиралась гусеницами, а не днищем, как было раньше. Сделав это, капитан вылез из машины, собрал механиков-водителей и о чем-то с ними посоветовался. Давно замечено, что если в опасной критической обстановке находится человек спокойный и деловитый, все сразу признают за ним лидерство и подчиняются охотно.

Выслушав Клокова, механики-водители одобрительно закивали и с радостью побежали к своим машинам. Клоков не спеша забрался в обреченную машину, и через две минуты все было кончено — все машины стояли на шоссе, довольно урча моторами. Правда, за эти две минуты у многих зрите-

лей добавилось седины в висках. Как ни опытни были механики, как ни едины были в своем стремлении сделать невозможное, все же полной синхронности в действиях не получилось. Буксировщики на какой-то миг опередили действия аварийной машины, трос натянулся, зазвенел и начал медленно и неотвратно утончаться, не выдержала одна прядь и лопнула, за ней стали следовать другие. Трагический конец был неминуем, и в это время, словно почувствовав свою гибель, машина Клокова гусеницами вгрызлась в край скалы и вытащила себя.

Каждый из присутствующих примерял поступок Клокова на себя, и выходило, что он многим оказался не по плечу...

Чем боевые действия отличаются от мирной армейской жизни?

Во-первых, тем, что при боевых действиях героем становится лишь тот, кто к этому готов, кто воинскую службу выбрал по призванию, кто служил Отечеству, а не начальнику, пишущему аттестацию.

Во-вторых, «мирный герой» в бою сразу же развенчивает себя, хотя если у него высокая должность, то может и проскочить. Но подчиненные все равно поймут, и всеобщая насмешка такому герою обеспечена.

Вспоминается и такой случай. При возвращении из рейда однажды привезли много оружия, были и трофеи неизвестного назначения. На них смотрели, дивились, смельчаки даже трогали руками, но на большее смелости не хватало. Потом все это отвезли на склад, а одну особо привлекательную вещь оставили. Были разные догадки, одни говорили, что это контейнер с ядом, другие — мина-сюрприз. Как бы там ни было, а переходя из рук в руки, вещь оставалась нераскупоренной. Наконец она попала в руки Клокова. Он осмотрел ее, пощупал, понюхал и понес к машине. Там, высунув руки за край брони, начал ее раскручивать. Все затаились поодаль, прикрывшись броней. Ничего

не произошло. При осмотре выяснилось, что это декоративный пенал для пороха — вещь прошлого века. Его использовали в старинных ружьях для насыпки пороха на полку перед стрельбой.

Вот таким был капитан Клоков. Вскоре он досрочно стал майором, а потом был переведен в штаб армии. След его потерялся. Не думаю, что теперь его не критикуют.

НЕ НАПРАСНО

У многих наших людей было непреходящее недоумение: почему мы, такая мощная и великая держава, не можем победить каких-то душманов? Вся наша история убеждает, что нет таких преград, которые не могла бы преодолеть наша армия. Это вошло даже в песни: «...несокрушимая и легендарная...» И вдруг который год идут бои, а победы все нет. Дело в том, что победа в том понимании, как ее представляют себе люди, не бывшие там, нам была не нужна. Можно утверждать, что в конечном счете не нужна она была и нашему народу. Не нужна по тем двум из трех причин, по которым был произведен ввод войск. Мы могли ввести столько войск, что ни один душман не прошмыгнул бы из Пакистана. Могли и теми силами, которые там были, создать спокойствие. Но это было бы спокойствие внешнее, временное. После вывода наших войск сразу бы все восстановилось в прежнем виде, так как правительственных сил не хватило бы для удержания власти. Поэтому, ежегодно теряя до полутора тысяч погибшими, мы не стремились к быстрой победе. Надо было дать возможность революции укрепиться, побольше накопить своих сторонников. Не слишком ли большая жертва для укрепления чужой революции? Нет, не слишком. Это скажет каждый, кто там был.

Конечно, матерям, у которых погибли там сыновья, ничем не докажешь,

что так было надо. Раньше было хоть утешение — такова воля божья. А сейчас, в наш атеистический век, утешений нет, поэтому приходится откупаться льготами и высокими словами. Думаю, что если бы можно было воскресить павших и спросить их: «Пойдете в Афганистан еще раз?» — не все, но, уверен, половина из них ответили бы утвердительно. Да, тот, кто там был, тот скажет, что наши войска находились там не напрасно.

Хорошо жить, когда все беды от тебя далеко. Даже когда ты слышишь, что где-то люди голодают, умирают от голода, ты в любой момент можешь повернуть ручку телевизора, и уже вместо трагических картин — новый шлягер... И чужая беда пронеслась, даже не коснувшись сердца. Но когда ты видишь воочию, как брат продает сестру, чтобы прокормить меньших братьев, тут переключателем не щелкнешь. Когда видишь, что на улице снег, а детишки бегают почти голые из-за крайней нужды, то тут голову в песок не спрячешь.

Еще до ввода наших войск пограничники рассказывали, что у них нередко бывали случаи, когда они ловили странных нарушителей. Приходит оборванный, грязный чужеземец, приходит почти открыто прямо на заставу. Его, конечно, задерживают, начинают допрос — молчит. Живет, ест и молчит. Через несколько дней начинает разговаривать, рассказывает, что шел туда-то, заблудился и попал сюда. Посылают запрос. Действительно, все совпадает. Через неделю, нагрузив его хлебом и другими продуктами, отпускают. Потом попадает другой, и сценарий повторяется. Наконец этих странных нарушителей раскусили.

Оказывается, в кишлаке, откуда прибыл очередной перебежчик, наступил голод. Собирается джирга и решает: одного послать в центр за помощью, другого — на дорогу для грабежа, ну а третьего — на границу,

к шурави*. Попрошайничать афганцу запрещает закон чести, поэтому, прибыв на заставу, он молчит. Молчит он и потому, чтобы затянуть время и побыть на дармовых харчах. Может быть, он молчал бы и дольше, но совесть и думы о бедствующих соплеменниках подгоняют его. Нередко выходило так, что помощь с заставы намного перекрывала первые две возможности — помощь из центра и грабеж на дорогах.

Видеть, слышать, ощущать чужое горе и не отозваться на помощь — не знаю, найдутся ли такие люди у нас? Конечно, единицы отыскались бы, но большинство не смогло бы быть безучастными. Я знаю многих офицеров, которые побывали в Афганистане дважды, хотя и в первый раз им пришлось там нелегко.

Запомнился такой эпизод. Было это в Баграме. Есть там место, где продаются овощи и фрукты. Обычно все это продается в лавках, но те, у кого их нет, продают продукты своего труда прямо на открытом месте. Мой вездесущий товарищ, изучив этот базарчик, за компанию затащил туда и меня. Обошел он торговые ряды раза два и наконец остановился перед стариком. Обычно торговцы, а афганские особенно, народ бойкий, жизнерадостный, даже в некотором роде нахальный. А этот дед — ну просто библейский персонаж! Большой, седой, в рубище и с Христовым лицом. Чувство было такое, что, подойди к нему, попроси отдать помидоры, и он, смущенно улынувшись, все отдаст задаром. Сначала мое внимание привлек не он сам, а его торговый инструмент, так называемые весы. Конструкция их была классической для рычажных весов, но исполнение чисто афганское. Рычагом служила сучковатая деревяшка, подвесками — разнокалиберные обрывки веревок, а вместо тарелок какие-то ржавые бесформенные

* Шурави — так афганцы называют советских.

железки. Хороши были и гири — камни разной величины. Он мог бы продавать помидоры и без весов, как это делают наши тетki на пристанционных базарчиках, на кучку. Но торговля в Афганистане без весов — обман, поэтому он и создал себе весы. Затем внимание привлекли деньги. Если бы не видел это собственными глазами, никогда бы не поверил, что может быть такое. Деньги у него были всевозможные: свои, афганские всех времен, наши рубли, чеки Внешторга, облигации, растиражированные лотерейные билеты и даже царские сотни с портретом Екатерины II. Приоритетом пользовались чеки — за них можно было приобретать вещи в наших магазинах Внешторга. Курс рубля был в два раза ниже официально признанного, а царские деньги шли по курсу афгани. Сам старик ни с весами, ни с курсом валют разобраться был не в состоянии, поэтому при нем был управляющий — мальчик лет шести, не более. Он торговался, взвешивал,

называл цену и производил расчет. Хотел он моему другу вручить сдачу лотерейными билетами, но тот был стреляный воробей и сдачу ухитрился получить афгани. Царские деньги вошли в оборот после того, как наши разведчики в одном из рейдов нашли клад в миллион рублей. Клад состоял из сотенных с портретом Екатерины II и пятисотенных купюр с портретом Петра I. Сотни стали ходить в денежном обороте, а пятисотенные были отвергнуты — таких больших денег быть не может. Конечно, облигации, лотерейные билеты и царские деньги вошли в обращение не по злому умыслу, хотя полностью отрицать этого нельзя, а в результате раздачи их в качестве сувениров. Ну, а в оборот афганцы их запустили сами. Потом и мы перестали удивляться этому.

Тот дед, беспомощный его вид, всегда будет напоминать мне бедственногеронческий афганский народ, не помочь которому — значит предать в себе человека.

«Экипаж машины боевой...»

Безвозмездная помощь

На блоке

Привал

БОЙ В УЩЕЛЬЕ

Когда-нибудь настанет день, когда человек научится понимать сущность всего живого, осознает свое ненасытное желание познавать мир во всех тонкостях и изгибах, который ребенком принимает с первым криком. В общем-то, это не так сложно, хотя этому учатся всю жизнь. В древности русичи ребенку, который встал на ноги и едва научился произносить простые фразы, давали в руки острый нож, зная, что он будет с ним играть, как с простой игрушкой, не подозревая, какую опасность он таит в себе. Любознательности ребенка хватало до тех пор, пока он не проводил пальчиком по острому лезвию. «А-ай!» — только и успевал крикнуть будущий воин, глядя на капающую кровь и заливаясь плачем от неожиданной боли... «Вот, сынок,— говорил отец,— теперь ты знаешь, что такое боль, и никогда не причинишь ее другим». Сегодня маленькому человечку дают в руки игрушечный автомат, и он бежит по улице, стреляя во все стороны, получая удовольствие от того, что убивает вроде «понарошку».

Как важно сегодня, сейчас вернуться ко всему изначальному. Как важно, чтобы проснулась душа от сознания любви к ближнему, который такая же живая плоть.

В самолете было невыносимо жарко и душно, и от этого мне очень хотелось спать. Равномерный гул двигателей, снаряжение, которое было максимально навешано на мне, медленно проплывающие в иллюминаторе облака — все это было неотъемлемой частью моей новой жизни, которая началась со взлета самолета в Самарканде и скорой посадки его в той неведомой стране, куда я летел со своими товарищами по учебной роте. Ни-

СИДОРОВ Юрий Михайлович, старший лейтенант. В Афганистане — с декабря 1981-го по октябрь 1982 года; служил рядовым, был пулеметчиком. Награжден медалью «За отвагу».

кто ни о чем не говорил, и только по лицам ребят было видно ожидание нового, неизвестного. Иные просто смотрели в одну точку и, наверное, вспоминали своих родных и близких. И все же у всех на лицах была какая-то жесткая решимость доказать самому себе, да и другим тоже, что тебя не пугает перемена обстановки.

Серебристый лайнер начал медленное снижение, и я это почувствовал, как только начало закладывать уши. Внизу, сквозь облака, разглядел медленно проплывающие горы, которые я первый раз в жизни видел и которые не раз ответят на мое появление выстрелом. Солдаты несколько оживились и стали ждать, когда шасси коснутся бетонной дорожки. Ту-154 сделал последний разворот и пошел на посадку. По салону быстренько прошел офицер, будя тех, кто еще не проснулся, а я в душе позавидовал их нервам.

— Просыпаемся, парни, просыпаемся. Сейчас стукнемся о землю.

Самолет, приземлившись, прокатился по бетонке и зарулил на стоянку. Рев двигателей прекратился как-то осторожно. Я постарался как можно быстрее выскочить из салонной духоты на свежий воздух и чуть не окаменел на месте. Меня словно оглушило, я ничего не мог понять. Горы на меня оказали какое-то магическое действие и все давили и давили на мое сознание. Я не слышал ни рева боевых самолетов, ни окриков командиров, которые пытались построить нас в колонну. Я не мог понять, чего от нас хотят. Мое сознание было словно в другом измерении, а суетливо бегающие вокруг

меня люди казались взрезанными существами.

— Ты что, заснул? Или еще не очухался после полета? Давай бегом в колонну.

Это наш старшина вернул меня к действительности шлепком по затылку, и я как-то неуверенно побежал догонять колонну роты. Нас довели до распределительного пункта, откуда я попал в разведывательный батальон. С этого подразделения и началась моя учебно-боевая жизнь, о которой я и хочу рассказать тебе, мой товарищ.

Проснулся я не от команды дневального «подъем!», а от крика ишака.

— Вот противное животное! Уже которое утро орет в одно и то же время. Спать не дает,— возмутился Юрка Ковальчук, мой тезка, которого хлебом не корми, но дай поспать.— Уже который день его выгоняем, а он все возвращается.

— А ты иди и спроси его,— посоветовал Олег Морозов,— может, что и ответит. Как-никак соседи. Может, он от радости кричит, что живой.

— И спрошу,— огрызнулся Юрка.— Это же натуральное свинство, которое никак не красит это бестолковое животное.

Вообще у этого ишака интересная история, которую стоит рассказать. Он был единственной собственностью бедного дехканина, которого мы бы не знали, если бы в один из дней его любимец не сломал ногу. Добить больное животное он не решился, а принес буквально на своих руках к нашему врачу. И столько было в его глазах мольбы вылечить ишака, что батальонный врач Сергей Викторович с особым усердием взялся за него. Вскоре, через два месяца, нога у животного была как новенькая, радости дехканина не было предела, и он прыгал от благодарности к нам, как маленький, не забывая при этом потрепать холку своему любимчику. Больше мы бы их не видели, но однажды ночью в киш-

лак, где жили дехканин и его ишак, тихо вошли бородатые. Они врываются в дома активистов и партийных работников и убивали их вместе с семьями. Над остальными они глумились как хотели: женщин насильовали, а мужчин, которые отказывались идти в банду, медленно резали. Бедный дехканин тоже отказался, и его убили выстрелом в голову. На это было страшно смотреть даже ишаку, и он бросился на убийц своего хозяина, кусая их и молотя копытами. И столько в нем было неистового напора, что двоих душманов он здорово покалечил, пока его не сразила пуля.

Мы приехали в кишлак слишком поздно. Бородатые ушли в горы, оставив после себя только смерть. Прочесывая и разминировав кишлак, мы наткнулись на наших знакомых: дехканина и ишака. Афганец был уже мертв, а ишачок еле дышал. Рана была сквозная, и у нас теплилась надежда, что мы его спасем. Оказав первую помощь, мы вновь привезли его к себе, где Сергей Викторович квалифицированно обработал рану.

— Все, ребята, он уже не жилец, но я сделал все, что мог,— сказал он.

— Неужели все? — упавшим голосом прошептал Игорь Коломиец.— А ну, помогите мне, отнесем его в палату, там посмотрим, что делать.

Неделю Амур, так мы его называли, не подавал признаков жизни и ничего не ел. И все это время Игорь аккуратно ухаживал за ним и кормил моченым хлебом. И на удивление всем Амур выжил и теперь никуда не отходил от своего нового хозяина. По такому случаю его даже зачислили на довольствие в батальоне, и он стал полноправным членом нашего коллектива.

Из задумчивости меня вывел команда дневального: «Взвод, подъем, боевая тревога!» Я вскочил, быстро натянул на себя хэбэ и сапоги выбежал из палатки. Схватив снайперку в ружейной палатке, боеприпасы и бронжилет с каской, умчался

на переднюю линейку, где строилась наша рота.

— Равняйся! Смирно!.. Вольно!

Командир роты старший лейтенант Муравьев, как всегда перед строем, был строг и молодежато подтянут. И это невольно передавалось нам. Он внушал доверие каждому своей профессиональной подготовленностью, и от этого я был абсолютно уверен в нем в любой обстановке.

— Противник обороняется в районе высоты 2427.4. Наша задача — уничтожить его и не допустить прорыва его в сторону «зеленой зоны». Марш совершаем «пешим по-конному». Вопросы?

— Никак нет! — хором ответил строй.

— Направо! Бегом марш!

Ну вот. Началась гонка по пыльной степи под изнуряющим солнцем. Рядом со мной бегут Игорь и Юра и в такт бега сопят во все щели. Я, да и все ребята уже знали, что мы будем отрабатывать учебно-боевую задачу, потому что в районе высоты находится огневая директриса. Бежать туда не меньше 25 километров... Ну и солнце печет, прямо как в парной. Пить уже захотелось. Надо потерпеть. Марш только начался. А бежать стало тяжелее. Как назло, портянка сбилась. Ну все, мозоля не миновать. Попробуй остановись, вмиг отстанешь. Надо дожидаться команды «шагом», а там успею перемотать портянку.

— Шагом!.. Всем отдышаться, — посоветовал ротный. — Перемотать портянки, и пятнадцать минут перекур.

Я опустил на землю и тут понял, что здорово устал.

Изредка до нас доносился гул от разрывов бомб. Из-за ближней скалы слышался стрекот, и оттуда неожиданно выскочила пара вертушек. Они зависли на секунду около нас и умчались в сторону базы.

— Духов, наверное, ищут, — сказал Игорь. — «Солдатский телефон» доложил, что недавно границу перешла

крупная банда и шляется где-то в этом районе...

— Значит, скоро и для нас работенка найдется, — закончил мысль Юрка.

На самом деле так и оказалось. Уже месяц эта банда терроризирует местное население. Крестьяне боятся выходить в поле и сидят дома, не появляясь в переулках не только ночью, но и днем. Только собаки время от времени ошалело лаяли, но и те скоро умолкли, потому что бородатые всех их перестреляли.

— Смотрите, по-моему, это за нами, — всматриваясь в даль, кивнул в сторону базы Игорь, — было бы здорово обратно гнать с ветерком.

Мы все лениво повернули головы, и действительно по каменистой дороге мчались два грузовика, оставляя за собой сплошную стену пыли.

— Ну и шпарят, прямо как на пожар.

— Кажется, сегодня будет веселье. Не зря так гонят.

Грузовики резко затормозили около нас, и из первой машины выскочил замкомбата. Ротный подбежал к нему и доложил о ходе учебных занятий. Прозвучала команда: «К машине!»

Мы гурьбой бросились к грузовикам.

Батальон уже жил своей четко размеренной жизнью. Офицеры получили карты и задачу у командира батальона, пехота надевала снаряжение и загружала в «бэтэры» боеприпасы, механики-водители готовили к выходу боевые машины. И не было в этом никакой суетливости, а наоборот, этот механизм заставлял включиться в общую атмосферу работы, подготовки к рейду как можно быстрее, не сбивая его ритма.

— Мужики, поболее берите гранат — как пить дать будем чего-то или кого-то отбивать, — посоветовал сержант Новиков. — Если сейчас не вышли, значит, будет ночной рейд.

Я спешно снаряжал магазины к своей снайперской винтовке, получил и еще раз проверил ночной прицел.

Батальону был объявлен отбой, и все повалились в постели, зная, что ночью спать не придется. Мне спать не хотелось, и я решил побыть один со своими мыслями. Вчера пришло письмо от матери, и хотелось еще раз его перечитать. Как хорошо дома, мама пишет, что довольно весело отпраздновали Новый, 1982 год. Почти все родные приезжали. А вот от Инны нет писем. Неужели уже забыла?

Сзади меня несильно толкнули.

— А! Амур! Что, тоже не спится?

— И-а!

— Ну понятно, понятно, дорогой. Попробуй, засни днем.

Я обнял его голову и почесал за ухом. Амур все время млеет от этого.

Со стороны аэродрома слышался шум, и оттуда, набирая высоту, белой птицей взлетел большой самолет. Он сделал круг над нашим городком и устремился в сторону гор. Я смотрел на него и удивлялся, с какой стремительностью он тает в синеве. Мне казалось, что в нем было что-то сказочное. Сердце в груди защемило от ясной мысли, что белая птица улетела в Союз. И стало так тоскливо.

Рев двигателя боевой машины глушил все посторонние звуки, и потому, если говорили друг другу новости, то только в ухо, напрягая при этом голосовые связки.

— Ты слышал, — орет во всю мощь своих легких Игорь, — духи, когда мы «топтали сапоги», разбили вдрызг колонну?

Я помотал головой.

— Это, наверно, та банда, которая перешла границу, — продолжал свою мысль Игорь, — и сдается мне, что вышли мы охотиться за ней.

У меня от такой мысли мурашки забегали по спине. Машины бежали, покачиваясь на ухабах, и каждый был сосредоточен на своих мыслях. Не знаю, о чем думали другие, но я

думал о том, что для меня это была первая боевая операция, и я не знал, что ждет меня впереди.

По машинам прошла команда спешиться. Мы открыли створки люков и по одному стали выпрыгивать из машин, прижимаясь тут же к прохладной каменистой земле. Машины, урча, с включенными габаритами, не сбавляя скорости, умчались назад, а батальон тихо и безмолвно застыл на земле. Я потерял счет времени, и так хотелось окликнуть Юрку или Игоря, потому что боялся отстать от них в этой крошечной тьме, но не сделал этого. Посчитают трусом. «Коробочки» ушли, их уже не было слышно. Пора бы и двигаться. Заснули там, что ли, командиры...

По цепочке передали команду «вперед», и мы двинулись, осторожно ступая по земле и пристально всматриваясь в темноту. Рядом слева раздался тупой стук и шуршание покотившихся камешков.

А где же Игорь? Он же выпрыгивал за мной. Я оглянулся и попытался разглядеть, кто от меня справа. Ни черта не видать. Надо идти вперед.

— Стой, — передали по цепи, и я тут же юркнул за первый подвернувшийся валун.

— Макаров, — раздался рядом чей-то тихий голос. — Макаров, черт тебя дери, куда ты пропал?

— Да здесь я, здесь. Кто меня зовет?

— Я, Новиков, — отозвался рядом замкомвзвода. — Дай-ка твою оптику посмотреть, что там впереди.

Тихо, как будто вымерли. Есть несколько подозрительных мест, где могут быть огневые точки. Без огневой поддержки будет тяжеловато. Местность слишком открытая.

— Неужели они в этих скалах? — спросил я.

— Разведка сюда перенацелила. Последний раз их засекли здесь. Они сейчас тоже настороже, колонну-то они нашу видели.

По цепочке передали новую коман-

ду: «Третьей роте — влево на сорок пять градусов».

— Ну, двинули,— подтолкнул меня в бок Новиков. Хоть и январь был, но пот с меня катил, как в июле. Я упорно лез вперед, стараясь как можно меньше шуметь. Каска все время сползала на глаза, и мне приходилось постоянно откидывать ее на затылок, чтобы не мешала смотреть в темноту. Глаза понемногу привыкли к тьме, и я начал различать возвышающиеся скалы. Теперь надо быть настороже. Я остановился и прислушался к шуму ветра. Где-то далеко сзади послышался гул моторов, но и он скоро стих. И тут поднялась такая стрельба, что я инстинктивно упал на камни. Взлетела красная ракета, и через минуту отрывисто и гулко заработала артиллерия. Свист проносящихся над головой снарядов заставил невольно вжиматься в камни. Эхом отозвались скалы на их разрывы. Огневой налет прекратился так же неожиданно, как и начался. Взвилась зеленая ракета, и я, с трудом оторвав тело от камней, перебежками побежал вперед. Добежав до отвесной скалы, юркнул под ее тень. Отсюда, из-за камней, отлично просматривалась отдельная линия обороны духов благодаря частым вспышкам выстрелов. Эх, дальше не пройти. Пулеметчик так чешет по нашим ребятам. Хорошо бы никого не задел... Уже начинает светать... Сзади послышалось чье-то тяжелое дыхание. Я развернул винтовку на сто семьдесят градусов и тут же получил пинка.

— Ты что, рехнулся, парень? — заорал на меня Новиков.— Обалдел и не видишь, кто идет?

Честно говоря, я видел, что это сержант, но все получилось как-то само собой. Тем не менее попытался оправдаться.

— Я инстинктивно.

— Инстъективно, — передразнил сержант.— А ну, брысь отсюда, дай-ка зыркну,— и взял прицел.

Он осторожно подошел к срезу скалы.

— Черт, у пулеметчика отличная позиция,— всматриваясь вперед, проговорил сержант.— При таком огне нашим дальше не пройти.

Он повернулся ко мне и в задумчивости посмотрел на меня, а потом на мою винтовку.

— Держи автомат, а я попробую снять пулеметчика из твоей винтовки,— сказал и полез наверх, бросив на всякий случай: — Прикрой, если что.

— Понял!

Я прильнул к скале и стал наблюдать за пулеметчиком. Да, отсюда его действительно не достать. Правильно сержант делает, что позицию выбирает повыше. В это время где-то там наверху раздался сухой выстрел, и пулемет как-то сразу захлебнулся. Снова взвилась красная ракета, за ней другая в сторону позиций духов.

— Ну, сейчас вам врежут! — заорал я.

Где-то в стороне послышался стрекот вертушек. Я всматривался туда, откуда мы пришли, и тем не менее ничего не мог заметить. Гул все нарастал, и они так неожиданно выскочили из-за соседней горки, что я даже удивился их умению искусно маскироваться. Первая пара с крутого разворота сразу ударила нурсами. За ней вторая, третья, четвертая. Скалы гудели от огня, и мне подумалось, что духи сейчас не раз вспоминают своего аллаха. Вертушки пошли в новую атаку, и снова скалы содрогнулись от мощного удара. Я смотрел на это обалделыми глазами и невольно втягивал голову в плечи. Наконец вертолеты отвернули, как бы передавая палочку эстафеты, и за бородастых взялась артиллерия, которая методично обрабатывала каждый метр. Минут через двадцать обстрел закончился, и батальон одним рывком достиг позиций душманов...

Спустя некоторое время я, Игорь и Юрка, с которыми уже сдружился и не мыслил без них своего дальнейшего существования, спустились вниз к на-

шим машинам, которые ждали нас и отсюда, с высоты, казались маленькими корбочками.

— Да, здорово их потрепали вертушечки,— отозвался Игорь, потрясенный увиденным там, наверху,— как бы я не хотел оказаться на их месте. Меня чуть не стошнило, когда мы увидели того, кто лежал в углублении скалы.

Конечно, лучше не вспоминать того духа, но передо мной тоже стояла картина — человек, раздавленный большим обломком камня.

— А по мне все равно,— бравируя, заявил Юрка,— чем меньше их будет, тем лучше. Когда они наших убивают, то, думаю, нисколько не задумываются. Пусть аллах сейчас заботится об их душах.

— Да что ты взбеленился? Ты пойми, что среди них много обманутых людей, и грести всех под одну гребенку несправедливо.

— Ты что их защищаешь? — взъелся Юрка.— Да кто бы они ни были, мне не легче. Они стреляют в нас. Двух парней нашего призыва пулеметчик срезал. Я видел, когда их несли к вертолету.

Мы замолчали, каждый по-своему переживая смерть ребят и в душе замирая от той мысли, что с кем-то из них разговаривал час назад.

— Смотрите,— Юрка аж подпрыгнул на месте.— Чалма.

Мы обернулись и увидели духа, который уходил быстрым шагом к ущелью. Оттуда одна дорога — в горы. Не сговариваясь, мы ринулись за ним в погоню. Давно я так не бегал. Азарт погони подгонял мои ноги.

— Черт, уйдет,— рядом скрипнул зубами Игорь,— он как рыба в воде на этих камнях.

И тут я вспомнил про свою снайперку и стал на ходу снимать ее с плеча. На глаз я прикинул расстояние, метров 800—850.

— Стой,— остановил я своих товарищей.— Дайте мне слово.

Вздохнув несколько раз, я замер и навел мушку в спину. Потом передумал и выстрелил в ноги. Чалма вздрогнула и, будто споткнувшись, повалилась на камни. С радостными возгласами Юрка бросился вперед, а мы за ним. Но из-за камней ударила очередь, и он, не добежав ста метров, подломившись, упал вперед. Мы бросились к Юрке, но вторая очередь прижала нас к камням.

«Ну нет,— подумал я,— третий раз выстрелить я тебе не дам». И, выбрав позицию более удобную, стал ждать. Долго ждать не пришлось. Вначале показался ствол автомата, потом чалма. «Нет, убивать его не стану. Он нужен только живой. Ага, вот и плечо». Я прицелился и выстрелил. Короткий крик свидетельствовал, что пуля достигла цели. Рывком мы с Игорем достигли позиции только что стрелявшего в нас человека. На него трудно было смотреть без двойственного чувства. Первое — ненависть, потому что он хотел нас убить, второе — сострадание, так как он был бледен и едва держался от потери крови, которая сочилась сквозь пальцы рук.

— Ну что, гад, отвоевался? — спросил его Игорь то ли с иронией, то ли со злостью, хотя тот ничего не понимал.— Говорила тебе мама, не бери в руки что попало, а то по попке получишь. А ну дай! — и он стал его перевязывать.

И тут я вспомнил о Юрке и побежал обратно. Никогда я еще не был так рад, когда увидел живым своего товарища. Юрка, корчась от боли, деловито перевязывал простреленное бедро.

— Живой? — обрадованно теребя его голову, спросил я.

— Порядок,— ответил Юрка.— До свадьбы заживет.

Я помог перевязать ему ногу, взял его автомат и, взвалив «пассажира» на спину, оглянулся. Игорь ровным шагом подходил к нам. За спиной у него восседал наш пленник...

К сожалению, я не знаю дальнейшей судьбы этого человека, потому что во время допроса на базе он отказался давать какие-либо сведения о банде, с которой перешел границу. Но бог с ним. Через некоторое время нам сообщили, что главарь банды был один из внуков главаря басмачества в Туркестане Ибрагим-бека. Новость эта была ошеломляющей, но в то же время радостной. Одной заразой на земле стало меньше.

А Юрка скоро подлечился и вернулся в родную роту.

Май месяц был тем временем года, когда боевым подразделениям давали возможность не только отдохнуть, но и обустроиться. Наши заброшенные палатки за время боевых операций превращались в нечто такое, куда ноги сами не хотели входить. А душа солдатская требовала чего-то светлого, по-домашнему уютного, от чего на устах рождались бы слова: «Ну вот мы и дома!»

Мы с радостью восприняли на общем собрании батальона решение о благоустройстве нашего городка.

Я со своими уже закадычными друзьями Юркой и Игорем в составе взвода ездил к засохшему руслу горной реки. Мощные потоки выносили в степь измельченный камень, который походил на песок и вполне годился для укладки дорожек между палатками. Помню, меня удивлял цвет этих камешков. Они были с синеватым оттенком, и я вспомнил про лазурит, месторождение которого открыли где-то на севере Афганистана.

Каждый день мы старались вывезти этого песка как можно больше. Работали как одержимые, чтобы наши соседи нас не обогнали по количеству привезенного песка. В конце концов нам это удалось, и с каждым днем разрыв мы увеличивали. На радостях мы даже перестали брать автоматы и чуть было не заплатились головой. Возвращаясь очередной раз на базу, мы никак не ожидали, что будем обстреляны

в самом безопасном месте. Это было так неожиданно, что не сразу сообразили, в чем дело. Повторный свист пуль над головами не заставил нас долго моргать глазами на скалы. В мгновение ока в кузове грузовика никого не оказалось, и только пыль, поднятая ногами людей, указывала, что здесь кто-то пробегал. Мы кусали губы, ругая себя за беспечность. Каждый понимал, что сейчас появятся духи, и тогда нас перебьют, как куропаток. Странно, никто не появлялся, и никто больше не стрелял.

Так мы пролежали минут двадцать, недоумевая, куда делся «шутник», после чего сели в машину и благополучно добрались до лагеря.

Для меня эта боевая операция была самой трудной, самой жестокой потому, что я по-настоящему понял цену жизни близкого человека, которого по-братски полюбил. Он остался жить в моей памяти со своей чистой и светлой душой.

Тот, кто ходил в бой, поймет меня. Невольно обдумываешь каждое действие, каждый поступок в прошлом, чтобы не повторить его в новом бою. Именно обдуманность своих поступков, умение владеть психикой позволяло находить правильное решение в бою.

После двухдневного смотра готовности боевой техники и людей колонна батальона вытянулась на дороге и помчалась с максимальной скоростью на юг. Сидя в «бэтээре», я смотрел на унылую панораму степных и горных просторов, вспоминал письмо матери, которое пришло несколько дней назад. Она жаловалась на мое молчание, хотя я аккуратно отправлял письма каждую неделю. Наверно, где-то почта дала осечку.

Игоря с Юркой укачало, и они мирно похрапывали. Мне не спалось. Я хотел знать больше о том, куда мы едем. Ущелье Сахи-Садрат давно имело мрачную славу осинового гнезда. Сколь-

ко раз там били духов. Они упорно возвращались туда. Нам предстояла нелегкая задача выбить шеститысячную группировку. Это очень трудно, поэтому был намечен комбинированный удар. Как это будет происходить, я не имел понятия.

В заданный район мы подъехали к вечеру и сразу же блокировали все подходы к ущелью. Наша рота встала в боевое охранение в двух километрах напротив входа в ущелье. В этом было что-то жутковатое, и я без роптания зарылся в каменистую землю. Игорь с Юркой расположились рядом и все время всматривались в даль. В горах было что-то зловещее, и это невольно передавалось нашим сердцам. Но страха не было. Было чувство тревоги из-за неизвестности.

— Ты что-нибудь видишь в свою трубку? — спросил меня Игорь. — А мне все время мерещится чалма, но в разных местах.

— Это от напряжения, — ответил я, — глаза устают.

Мы замолчали, но ненадолго. Я слушал своих друзей и думал, как похожи судьбы многих парней в самом начале их жизни, как удивительно совпадают их взгляды на многие вещи.

Утром следующего дня передовые подразделения пехотного полка и афганской бригады начали атаковать вход в ущелье. Нас оставили в резерве. Через два часа наши углубились в ущелье и застряли. Что там было, трудно сказать, но наш батальон получил задание с вершин гор нанести удар.

Никогда не забуду этих лазаний по диким горам. Проводники сказали, что в этих местах еще ни разу не ступала нога человека. Значит, мы были первыми. Дело в том, что все подходы к ущелью разрезали глубокие каньоны, которые мешали нашему продвижению. Двое суток мы бестолково карабкались по скалам, после чего было принято решение возвращаться назад.

Было очень стыдно смотреть в глаза

ребятам из других подразделений, которые уже побывали в бою. Мы словно ходили на прогулку. Поэтому все просили пустить нас в бой. Командование долго не думало и дало добро: теперь у нас появилась возможность говорить с духами на «ты».

Под прикрытием танков мы двинулись в глубь ущелья, не встречая серьезного сопротивления. Меня это удивляло и настораживало. Обычно здесь духи дерутся как черти. Но на следующем километре каждый метр давался с трудом. Огонь был настолько силен, что мы заняли оборону. Пока командиры решали, что делать, я глазами поискал Игоря и Юрку. Не видать. Короткими перебежками я присоединился к минометному расчету, которым командовал лейтенант. Они только что установили миномет и готовились к уничтожению пулеметной точки. Он, паршивец, чесал так, что головы не поднять. Лейтенант повозился с табличкой и приказал расчету открыть огонь. Первая же мина не долетела до цели. Тогда лейтенант дал уточненные данные, и вторая мина, к сожалению, перелетела цель. Лицо лейтенанта стало мрачным. Он не на шутку рассердился. Ему явно было стыдно перед нами. Он взялся за установку прицела и через несколько секунд опустил мину в трубу. Она накрыла пулеметчика. Тут же раздался резкий, хлесткий выстрел. Я оглянулся. Никого. Вновь раздался выстрел. Подозрение вкралось в мою душу. Я смутно ощутил, как мурашки забегали по спине. Скорее интуитивно отпрыгнул в сторону, и тут же в то место, где я сидел, воткнулась пуля. Рукавом бушлата вытер лицо от выступившего пота. Еще чуть-чуть, и дух бы меня накрыл.

Через несколько минут я забыл об этом и в авангарде роты двигался вперед, в глубь ущелья, стреляя по видимым и невидимым целям. Танки отстали из-за невозможности преодолеть обломки скал. Духи, видимо, предвзвительно постарались, зная, что мы применим танки. Снова усилился на-

жим духов. Рота залегла, огрызаясь огнем всех видов стрелкового оружия. Положение складывалось критическое: дальше идти мы не могли, прервалась связь с соседями.

Вдруг огонь со стороны духов прекратился, и в тишине сверху посыпались бородатые. Сделав несколько выстрелов в набегающую толпу, мы вступили в рукопашную схватку. Духи, как и мы, дрались молча и с ожесточением. Только иногда раздавались стоны и крики раненых. Вот где мне пришлось применить все то, чему меня учили инструктора по рукопашному бою. Первый дух упал, не добежав до меня, сраженный выстрелом наповал, второй получил такой удар прикладом по голове, что больше не вставал, третий вдруг остановился и стал крутить что-то над головой. Свист, и... исцарапав руки, он вырвал у меня винтовку. Я опешил, но на мгновение. Снова свист, я едва успеваю присесть. Невидимое для моих глаз оружие вновь завертелось над головой бородатого. Похоже, этот собрался со мной разделиться, но мне никак не хотелось расставаться с жизнью. Я схватил камень и бросил его в эти ненавидящие глаза. От боли мой противник выронил оружие. Не раздумывая я бросился на него, но получил такой удар в лицо, что отлетел метра на четыре. Вытирая разбитое в кровь лицо, увидел духа, бегущего ко мне с ножом, но длинная очередь прервала его бег. Я поднял голову и увидел подающего мне руку Игоря.

— Порядок? — быстро поднимая меня и уводя под прикрытие скал, спросил он.

— Вот гад, видал, чуть не убил, — ответил я, занятый своим носом, из которого текла кровь. — Спасибо, выручил.

— Да ладно, — он высматривал пути отхода назад. — Рота отходит, и нам тоже пора, пока духи не опомнились после взбучки.

Я кинулся за ним, но резкая боль в

правом колене заставила меня вскрикнуть.

— Ты что? — с озабоченным лицом подбежал ко мне Игорь. — Ранен?

— Не знаю, — засомневался я.

— А ну, обопришь о мое плечо.

Так мы побежали, а сзади пристроились два афганских автоматчика, прикрывавшие нас огнем. На одной ноге много не пробежишь, и скоро нам пришлось остановиться, отдышаться.

— Игорь, ты Юрку не видел?

Он покачал головой.

— Я тоже его не видел.

Мы снова побежали, точнее пошли, так как нога отказалась слушаться. За очередным поворотом увидели стоящие в пятистах метрах танки, которые стреляли вверх по невидимым для нас целям... Жарко... Дальше идти было невозможно. Кто-то прицельно стал бить по нам. Мы залегли, осматриваясь вокруг.

Игорь вдруг оживился и предложил мне старый фронтовой способ с приманкой. Я согласился с его идеей. Мы несколько раз показывали каску, чтобы определить направление полета пули, а уж потом местонахождение стрелков. Это нам удалось, и я осторожно просунул между двух камней ствол снайперки. Игорь пустился на рискованное передвижение с места на место, чем вызвал азарт у духов. Мне только это и надо было, а сам молил бога, чтобы они его не задели. Поймав в прицел чалму, выстрелил. Больше она не появлялась. Затем точно так же перестали показываться вторая и третья. Духи после этого сильно забеспокоились, и когда я попытался срезать четвертого, они открыли такой бешеный огонь по мне, что, казалось, камни и я слились в одно целое. Рикошетом от валуна меня ранило в другую ногу. Это осложнило мое положение. Двигаться я практически не мог. Игорь, видя это, бросился ко мне, но не добежал. Он упал лицом вперед, будто споткнулся обо что-то.

Танки пробили снарядами брешь и устремились в глубь ущелья. Один

из них остановился рядом, выстрелив по террасе, где сидели душманы. Сила ударной волны была такой, что боль пошла по всему телу. А танк продолжал методично стрелять, и не было сил сдерживать боль. Я стал кричать, бить прикладом по каткам, просить танкистов не стрелять, но они не слышали меня. Очень скоро я перестал ощущать краски и звуки окружающего мира, провалившись полностью во тьму.

Очнулся я от холода, который пробирал до самых костей. Было уже темно, и ничего нельзя было разглядеть. Я не мог понять, где нахожусь. Попытался встать, но резкая боль повалила меня на спину. Где же Игорь? Тяжелая мысль обожгла голову. Он упал, а вставал он или нет, я не видел.

— Игорь! Игорь! — тихо звал я.

Работая одними локтями, я пополз. Голова разламывалась от боли в затылке. Остановился передохнуть, осмотрелся и снова позвал:

— Игорь!

Вдруг мне показалось, что кто-то застонал. Не жалея своих локтей, я лез в том направлении, откуда послышался стон. Очень скоро до меня донеслись хлюпающие звуки, и страшная догадка меня осенила. Не хотелось верить, пока не увижу Игоря.

Он лежал, неудобно подвернув под себя руку. Коснувшись его груди, ощутил под рукой липкую кровь. Усевшись рядом, я осторожно уложил его голову к себе на ноги. Жизнь Игоря висела на волоске, и мне плевать было на свои беды.

— Игорь! — вновь звал его. — Ты меня слышишь?

Я наклонился к нему, чтобы видеть его лицо. Он открыл глаза вроде бы улыбнулся. Значит, будет жить.

— Живой! — обрадовался я. — Значит, порядок.

Он помотал головой и тихо ответил:

— Нет, брат, не жилец я уже.

Меня это разозлило.

— Брось. Сейчас мы дойдем до наших, и тебя вылечат.

Сказал, а сам задумался, как нести Игоря. Но все же взвалил его на себя и пополз. Пять минут пыхтения, а продвинулся на один метр. Передохнул и снова продвинулся на один метр. Да, в таком темпе я сутки буду ползти до наших. Но тут от мрачных мыслей отвлек меня Игорь.

— Подожди, не спеши. Все равно не дойдем. Очень жжет в груди, — он замолчал и лишь спустя некоторое время вновь заговорил. — Хочу тебя попросить об одном деле.

— Ну, брат, ты вроде умирать собрался. Вместе решим твое дело.

— Нет, не успеем... и не спорь. Выполни то, о чем прошу. — Он прерывисто задышал, глотая открытым ртом воздух. — В Свердловске в пединституте на третьем курсе филфака учится Аня... она не знает, что я ее люблю... но ты передай ей это... и еще, зайди к матери, когда вернешься в Союз... пусть не думает обо мне плохо из-за того случая, который произошел между нами.

Я смотрел на него и не верил, что так можно прощаться с жизнью. Я не хотел верить этому.

— Ну уж нет, — закричал я в отчаянии, потому что спазмы начали сдавливать горло от сдерживаемых слез, — не отдам тебя так просто смерти! Не умирай, слышишь меня, не умирай!

Игорь затих медленно, чуть дернувшись всем телом, а я не мог остановить слез, которые капали на камни, молчаливые свидетели тех минут.

Нас выгнали санитары, которые отважились пройти ночью по входу в ущелье. Я преклоняюсь перед их мужеством, но если бы они пришли раньше... Игоря больше нет. С этой минуты я стал ненавидеть войну. Душа Игоря будет со мной во всех делах, словно он продолжает жизнь. Пусть память о нем, о тех, кто не вернулся из Афганистана, станет путеводной нитью в лабиринтах нашей жизни. Наши дети и внуки не должны слышать грохот пушек и свист бомб. Они должны жить, а не умирать.

В музее боевой славы

Афганец

«Саушки» (самоходные артиллерийские установки)

Обучение афганских саперов

КИШЛАК НАЗЫВАЛСЯ ЯХЧАЛЬ...

ОПЕРАЦИЯ

Увязнув длинными ногами в своей куцей тени, пастух-афганец стоял на обочине и держал руку шлагбаумом. Шестнадцать обшарпанных машин, шедших на юг, остановились. Колонна захлопала высокими дверцами КамАЗов.

— Чего тебе, отец? — старший колонны подтянул вымокшие от пота штаны, отлепив их от мускулистых ляжек.

— Дуст! Дуст! * — мягко клеил обе ладони к груди старик и тряс прокаленной спутанной бородой.

— Давай дальше, — старший постукал по электронному циферблату. — Цыгель-цыгель-ай-лю-лю! — он вел колонну на юг и спешил.

Колонна рычала выхлопными трубами. К старику и старшему подошли замполит и корреспондент. Пастух показал черной рукой на холм. Пастух вонял козами, молоком и тащил старшего и замполита на этот холм. Старший и замполит пошли за ним. Старик широко шагал калошами на босу ногу и резал воздух просторными серыми штанами. На обратном склоне холма сидел мальчик лет десяти. То ли сын, то ли внук пастуха. Пастуху можно было дать как сорок, так и семьдесят лет. Мальчик испуганно блестел глазами. Грязными руками он сжимал правую коленку. Босая его ступня багрово раздулась и матово отсвечивала гнойником. На взбухший этот гнойный вулкан села откормленная муха.

— Та-а-ак, — сказал замполит и посмотрел на старика. Тот ухватил его за рукав каменными своими пальцами и тараторил на угловатом фарси, протыкая заглядывая в глаза.

*ТЮТЮННИК Сергей Петрович,
капитан. В Афганистане —
с ноября 1982-го по январь
1985 года.*

— Шас сделаем операцию, — сказал замполит старшему.

— Как это ты сделаешь ему операцию? Монтировкой? — спросил старший.

— Отверткой, — подсказал корреспондент.

— Найду чем... — ответил замполит и пошел к колонне.

Мальчик испуганно хлопал ресницами и отгонял муху.

Замполит обошел колонну и собрал весь имевшийся в наличии одеколон. На склоне холма лежала груда «Консулов», «Гусаров», «Командоров», «Спартакусов». Рядом стоял раскрытый рыжий портфель замполита, автомобильная аптечка и два водителя — Сашунчик Червяков и Игорь Акимов. Они лили замполиту на руки одеколон из горлышек флаконов.

Пустыня пахла парикмахерской. Косматые черные козы задирали бородатые морды и самозабвенно чихали. Из ложбинки выскочила бежевая афганская овчарка без ушей и хвоста, чмыкнула носом и отбежала в сторону. За ней проковыляли четыре щенка.

— Теперь сюда! — показал замполит благоухающей рукой на ногу пастушку. Сашунчик Червяков, прозванный Сашунчиком за детские губы и стеснительные глаза, свернул белую голову московско-парижскому «Консулу» и вылил на грязную распухшую ногу афганского пастушка благовонный продукт международного сотрудничества. Замполит носовым платком смывал многодневную грязь. Пастушок, стиснув зубы, дышал шумно и часто, как щенок в жару. Потомок московского таксиста, рыжий и коно-

* Дуст — друг.

патый Игорь Акимов накручивал вату на спички. Старший колонны, корреспондент и старик молчали в ароматном чаду.

Замполит достал из портфеля безопасное лезвие «Нева» и вымыл его лосьоном. Пастушок сверкал глазами по сторонам.

— Я готов! — сказал замполит, сжимая в ароматных пальцах ароматное лезвие.

— Ты что же, лжехирург, собираешься этим резать?! — спросил корреспондент.

— Этим собираюсь... Лжесимонов. Садись ему на ногу! А ты, в случай чего, держи старика! — сказал замполит старшему.

Сашунчик Червяков и Игорь Акимов до побеления пальцев прижали худые руки пастушонка к земле. Тот заплакал. Тихо и обреченно. Когда корреспондент удобно и осторожно уселся на левую, здоровую ногу мальчика, у старика затряслась борода.

— Та-а-ак! — сказал старший и закурил.

— Э-э-эх! Цапала-царапала-корезила-рвала! — выпалил замполит, стиснул рукой налитую вздрагивающую ступню, задержал дыхание как перед выстрелом, и лезвие плавно легло на зеленую вершину нарыва.

Корреспондент силялся, но не выдержал — зажмурил глаза. Старший кинул окурок, схватил старика за костлявые плечи, оторвал от земли и резко развернул спиной к «операционной». Черное лезвие с хрустом вспороло нарыв. Мальчонка дернулся всем телом и заверещал. В стороне зарычала безухая бежевая овчарка. Сквозь парфюмерную завесу прорвался запах гнили.

...Афганчонок лежал без сознания. Замполит проодеколоненной ватой на спичках ковырялся в развороченной яме и отгонял трехцветную муху. Потом в рану вылили полбутылки лосьона. Ногу перебинтовали. Замполит вытер пот и закурил.

Корреспондент сказал:

— Фу, т-ты.

Рыжий водитель отстучал по щекам пастушка. У старика афганца тряслись каменные руки. Старший колонны сказал:

— А если загноится?

Замполит затянулся сигаретой:

— Не загноится. На них все как на собаках заживает. Сроду с медикаментами дела не имеют — организм идеальный.

Сашунчик Червяков принес банку голландского напитка «Зизи», по вкусу не дотягивающего до советского лимонада, и влил его в побелевшие губы пастушка. Тот отрывал газ и захлебывался. Сашунчик выбросил пустую банку и с высоты своего огромного роста посмотрел на пастушонка застенчивыми глазами.

— Ташакор... * — простонал пастушонок, задрал голову к Сашунчику Червякову.

— Будет жить, — сказал замполит.

Старик афганец попылил калошами ловить козла в благодарность. Замполит переглянулся со старшим.

— Козами не берем. Берем борзыми щенками... И стадо небось не его, — замполит перевел взгляд на пастушка. Тот пытался встать. Это у него получилось. Но идти он не смог.

— Завтра походишь, — замполит махнул рукой: мол, садись!

Старик подтащил упиравшегося козла. Старший принял его из рук пастуха и тут же выпустил. Старик вопросительно посмотрел. Замполит показал на овчарку и жестами стал объяснять, что нужен щенок. Бежевый щенок был помещен в рыжий портфель замполита.

...Пастушонок выполз на холм, белая повязкой. Старик стоял на обочине. Шестнадцать обшарпанных машин шли на юг мимо старика, мертвых телеграфных столбов и рычащей безухой овчарки. Косматые черные козы обнюхивали сгоревшую траву.

* Т а ш а к о р — спасибо.

Опухшее солнце заглядывало в кабину, где бежевая лапка щенка дрожала и топала по вытертому сиденью.

СВЯТОЙ

Кишлак назывался Яхчаль. Этот кишлак сжигали несколько раз. В первый раз его сожгли душманы. Люди плакали, отражая слезами розовое пламя. Высушенные солнцем и бедностью старики цеплялись костлявыми пальцами за грязную шерсть угодных овец. Душманы били стариков по рукам палками.

Яхчаль залезал раны. Люди, как муравьи, подмазали, склеили свои дома, залепили на них дыры. Из тайников достали остатки зерна. Но через две недели снова пришли душманы. Они устроили в Яхчале засаду и обстреляли колонну машин, которая шла на юг. Потом душманы сожгли все, что можно было сжечь. В длинный кузов грузового «мерседеса» погрузили награбленное.

Люди ушли из Яхчаля. Они ушли километров на десять к северу, в город, который славился старой крепостью, каналами, кишащими красным карасем, и публичным домом, укомплектованным французженками. Правда, душманы эвакуировали вскоре французенок вместе с расчетными книгами, приземистыми небьющимися стаканами и парфюмерией.

Начальник ХАДа приехал в Яхчаль после погрома. Он ходил по кишлаку и вздыхал. Мертвый Яхчаль заминировали. Когда через несколько дней душманы решили устроить в кишлаке засаду на проходящую колонну, акция сорвалась. «Мерседес» взлетел на воздух. Белую «тоёту» разнесло в щепки.

Неподалеку от Яхчаля был наш пост. Он прикрывал мост через широкую реку. На горбатом бугре врылась в землю батарея под началом капитана Жени Васильева.

Васильев сжег Яхчаль в третий раз. Душманы устроили засаду и расстре-

ливали колонну машин с продовольствием. Орудия Васильева палили по кишлаку с остервенением. Со стволов лохмотьями летела краска.

Пока начальник ХАДа со своими людьми добрался до Яхчаля, душманы унесли с собой и трупы, и раненых, и исковерканное оружие.

В честь победы на батарее был устроен петушиный бой. Афганцы вместе с нашими солдатами стояли кругом и ревели от восторга, глядя, как два рыжих петуха долбят друг друга клювами. Васильев в честь гостей организовал уху из серебристой рыбешки маринки, выловленной в мутной реке. Уха была молниеносно истреблена в самодельном кирпично-глиняном домике с целлофаном вместо стекла в окнах. Целлофан в окнах был не по бедности Васильева, а из-за орудийного грохота. Стекла не держались.

— Как Яхчаль, Марк? — спрашивал Женя Васильев у начальника ХАДа.

— Все унесли... — Марк опустил пуштугские глазищи.

Никто из наших артиллеристов не знал, как на самом деле зовут начальника ХАДа, Васильев называл его Марк Бессмертный. Душманы считали Марка святым.

Душманы убивали Марка четырежды. В последний раз в него стреляли почти в упор. Мощная, как снаряд, пуля от английского карабина попала в пряжку солдатского ремня, подаренного Марку Васильевым. Пуля срикошетила, ушла в сторону, вывернула Марку полбока. Марк, отброшенный выстрелом метра на два, рухнул на пол и брызнул фонтаном крови.

В душманских лагерях восторженно молились. Автор удачного выстрела, сидя на корточках, рассказывал главарю о том, как начальник ХАДа летел от удара английской пули. Все улыбались. А в госпитале шелковыми нитками пришивали Марку оторванный бок. Марк кряхтел, скрипел зубами, закусив окровавленную простыню. Вскоре он вышел из госпиталя. Осведомители

передали в банду, что начальник ХАДа — жив. Банда была в шоке.

Главарь хотел расстрелять обманщика, несколько дней назад рассказывавшего о том, как умер начальник ХАДа. За того вступились другие бандиты. Многие видели, как Марк летел от удара пули, как лежал, фонтанируя темной кровью. Перепуганный душман, округлив глаза, ползал на коленях, хватал всех за посеревшие от грязи штаны и кричал, что вернет гонорар за убийство начальника. Он кричал, что Марк — святой. Главарь стал бить его по морде, размазывая по развороченным губам зеленый жеваный чарс *. Он хотел заткнуть эту вонючую пасть, но фраза «Марк — святой» висела в воздухе бомбой.

Так начальник ХАДа был удостоен звания святого. Теперь в него не стреляли, считая это дело не только бессмысленным, но и грешным.

Хадовский джип почти въезжал в город, когда его остановили. На обочине стояло четыре человека. Все с автоматами и напряженными лицами. Марк вылез из машины и спокойно осмотрел их. Он думал только об одном: как бы поумнее противопоставить единственный пистолет, имевшийся у него, четырем автоматам. Душманы смотрели на него распахнутыми глазами, хорошо были видны желтоватые белки. Марк протянул руку и равнодушно положил ее на автомат стоящего ближе других молодого парня. Остальные трое развернулись и побежали, цепко держа в руках снятое с предохранителей оружие. Марк мягко вынул из рук душмана автомат и закричал бегущим, чтобы они остановились. Он прокричал два раза. От него убегали быстро, поднимая пыль и почему-то никуда не сворачивая с дороги. Марк стиснул зубы и дал очень длинную очередь. Пустые горячие гильзы вылетали из автомата и бились в грудь стоящего рядом душмана. Мертвые какое-то время еще бежали

по инерции, а потом спотыкались и падали в пыль лицом. Белый как молоко четвертый душман, не отрывая взгляда, смотрел на начальника ХАДа и не слышал, что тот говорит. Марк спрашивал почти на крике:

— Вы ночью зарезали троих моих людей?!

ОТЧЕТЫ И ВЫБОРЫ

Касьянов долго мучился над отчетным докладом. В парткоме ему выдали кучу рекомендаций по поводу собрания. Какие разделы в докладе, на сколько минут, порядок выборов и т. д. ...

Касьянов был секретарем парторганизации роты. Кроме него коммунистами были еще ротный, и командир третьего взвода. Касьянов командовал первым взводом и не умел выявлять и сцеплять фразы об углублении, дальнейшем расширении, поднятии на должный уровень, вскрытии резервов. Он мучился с докладом целый день, потом выпросил у замполита батальона старый доклад, «передрал» его, вставляя свежие факты, и успокоился. Собрание намечалось на послезавтра.

Ночью роту подняли. Полусонные люди суетились возле БМП, запикивая снаряженные патронами магазины в карманы курток и брюк. На засаду рота налетела под утро. Машина ротного подорвалась на mine и сгорела... Машину командира третьего взвода расстреляли из гранатометов.

Касьянов пришел с докладом в руке к секретарю парткома и, краснея глазами, спросил:

— Что мне делать?

Секретарь парткома вздохнул:

— Черт его знает!

Касьянов протянул доклад секретарю:

— Это вам отдать?

— Оставь себе... На память.

Касьянов вышел из парткома и скрутил в трубочку доклад. Доклад начинался так: «Товарищи! В знаменательное время мы живем...»

* Ч а р с — дешевый наркотик.

Северный Саланг. Уходят саперы

Бой за господствующую вершину

Кишлачный люд

ГРАНАТА

Тот небольшой, зажатый со всех сторон горными теснинами, утопающий в зелени кишлак запомнился мне на всю жизнь.

С самого рассвета заблокировали мы его и тщетно пытались выбить из него банду духов, которая по данным разведки появилась там накануне. Каждая наша вылазка встречалась плотным прицельным огнем из «зеленки». Даже основательные обработки вертушками и артиллерией мало что изменили. Мы теряли людей, а осажденные и не думали сдаваться.

К вечеру поступила команда: «Снять осаду». Изрядно потрепанная и измотанная боем рота вернулась к колонне боевых машин. Не успели мы немного перекусить и расслабиться, как нас с командиром вызвал комбат. Не вернулась из оцепления пятая рота. Она ищет свой третий взвод, который должен был находиться на блоке с восточной части кишлака, то есть на посту, которые выставлялись на господствующих высотах. Вот уже несколько часов со взводом не было связи. Командир пятой роты просил помощи. Надо выручать. А это значит, нам предстоял обратный путь в горы. И следовало торопиться. Приближалась ночь.

Перед выходом снимаем с себя все лишнее: каски, бронежилеты. Оставляем минометчиков, гранатометы вместе с боекомплектом. Берем лишь автоматы, ножи, патроны и ручные гранаты. Ворчания, недовольства солдат не слышно. Все понимают, на что предстояло идти.

Расстояние до кишлака было около двух километров. Преодолевали мы его больше часа. Сказывалась усталость. Когда были почти у цели, стало смеркаться. Ночь в непосредственной близости от банды ничего хорошего не сулила. Старший лейтенант А. Гуляев, наш ротный, принял решение заноче-

*СЕКАЧЕВ Александр Викторович, майор.
В Афганистане — с ноября 1979-го
по ноябрь 1980 года в должности
заместителя командира
парашютно-десантной роты
по политической части в Баграме.
Награжден орденом Красной Звезды.*

вать на высотках неподалеку от кишлака, заняв круговую оборону до утра. Командиры взводов развели людей по выбранным для ночевки местам.

Моему взводу, то есть взводу старшего лейтенанта А. Маркова, которого не было с нами из-за болезни, досталась остроконечная, с крутыми, почти отвесными склонами гора. Высотой метров четыреста. Среди других она выделялась своей конусообразной формой, но и тем, что возвышалась как-то обособленно от длинной скалистой гряды, уходящей в глубь гор.

Перед тем, как приступить к подъему, я обернулся, обвел взглядом серые от пыли и усталости лица ребят. Подумал: досталось им сегодня. Но ничего, это последний рубеж уходящего дня.

Не помню, сколько длилось восхождение. Мне показалось, очень долго. Ноги и руки деревенели. Пот щипал глаза. Были слышны лишь хриплое дыхание солдат, легкий лязг оружия да глухая дробь падающих камней.

И вот наконец-то вершина. Из последних сил взобрался на небольшую ровную площадку. На ней еще никого не было. В глазах плыли желтые круги. В горле будто застрял сухой ком. В изнеможении откинулся спиной на высокий, с чуть приплюснутой поверхностью валун, нависающий над отвесным склоном горы. Камень еще сохранил дневное тепло и сейчас приятно согревал насквозь промокшую спину.

Послышался хруст щебня. Следом за мной взобрался младший сержант Петухов. Он смахнул ладонью пот со лба, достал флягу с водой, сделал несколько жадных глотков. Затем

не спеша расстегнул грудную перемышку десантного рюкзака, снял его с плеч и поставил подле себя. И в тот момент, когда рюкзак коснулся земли, я вдруг отчетливо услышал сухой привычный щелчок, похожий на жесткий удар кнута. Где-то в подсознании мелькнуло: запал! Смотрю и глазам не верю: прямо к моим ногам катится осколочная граната Ф-1. В ее горловине зловеще поблескивает стерженек запала. Граната без кольца... Видно, душманы приготовили нам сюрприз — подложили под камень гранату.

Секунду мы с сержантом как завороченные смотрели на «лимонку». Это мгновение мне показалось целой вечностью. Потом во мне сработала невидимая пружина, породившая сильный толчок внутри. Резкий выдох: «Бросай!» сорвал с места сержанта Петухова. Его рука тоже метнулась к гранате. Еще через секунду за моей спиной раздался оглушительный взрыв. Осколки гранаты со скрежетом впелись в спасительный валун, просвистели над головой.

Не чуя ног, я сполз по камню. Наши взгляды встретились. Бледные губы сержанта дрогнули, глаза ожили. Мы обнялись.

Два сердца били в набат, отсчитывая мгновения новой жизни...

Между тем площадка заполнилась людьми. К счастью, никто из солдат не пострадал от этой злополучной гранаты. Взрыв прогремел со стороны отвесного склона.

Вскоре в наушниках моей радиостанции раздался взволнованный голос командира роты:

— Что случилось, комиссар? — без всяких позывных спросил Гуляев.

— Все живы-здоровы, Сан Саныч, подробности позже, — так же игнорируя правила радиообмена, ответил я.

Ранним утром все спустились вниз. Ротный собрал командиров взводов, сержантов, сообщил новости. Пятая рота, не сумев отыскать взвод лейтенанта Чулкова, возвратилась. Нам предстояло продолжать поиски.

Вытянувшись в цепочку, подразделение двинулось на восток. Обогнули невысокую гряду, за которой открылась уже знакомая нам картина. В продолговатой впадине среди зелени садов виднелись желто-серые крыши приземистых глиняных домиков. Кишлак будто вымер. Вокруг царила какая-то зловещая тишина.

Впереди идущий дозор уже достиг восточной окраины впадины. Чуть в стороне от козьей тропы, бегущей вдоль кишлака, громоздились большие, с человеческого рост, валуны. Рядом с ними мы нашли тех, кого искали... Раздетые и разутые, безоружные ребята лежали в застывших позах. Лица были изуродованы до неузнаваемости. Среди истерзанных тел заметно выделялась фигура лейтенанта Чулкова. Этого высокого офицера с далекого Сахалина хорошо знали в полку, уважали за веселый нрав и открытый, добродушный характер. Сейчас, вместо озорных цвета чистого неба глаз в его глазницах торчали два автоматных патрона... Зрелище было ужасное...

Погибших несли на плащ-палатках, меняясь поочередно. Бойцы шли молча, подавленные увиденным и скорбью о потере. Лишь к полудню достигли цели. Там нас давно ждали, уже зная о случившемся.

Перед самой посадкой в боевые машины для движения на базу ко мне подошел замполит той самой пятой роты, которая потеряла взвод, — лейтенант Богатырев, мой одноклассник и закадычный приятель. Юрка вполне искренне стал извиняться передо мной за свой «душманский сюрприз», который чуть не стоил нам с сержантом Петуховым жизни. Оказалось, что накануне нашей ночевки на «розе ветров» (так нарекли ту высотку солдаты) на ней уже побывал и мой коллега. Уходя, ему захотелось оставить духам презент в виде боевой гранаты без кольца, прижатой чекой к камню... Тронь ее, и начнется краткий отсчет времени, отведенного на жизнь...

Саперы

Вертушки

Штурмовики

Огонь по перевалам

„ПИШИ ТОЛЬКО ПРАВДУ..“

Вспоминать об Афганистане я начал уже после службы. Не вспоминать, не писать об этом не могу. Еще там, в горах, пообещал своему другу Василию Хомко из Черкасской области написать правду о нашей нелегкой службе, о войне. Вася погиб, а мне не дают покоя его слова: «Напиши, Толя, так, чтоб никто не сомневался в ребятах из Афгана. Пиши только правду».

Вот и стал вспоминать. Пока об отдельных боевых операциях, а в будущем надеюсь написать книгу, даже если потрачу на это всю жизнь.

ВАСЯ МИХАЛЬЧЕНКО

Боевое задание получили уже в дозоре, когда, поднимая столб пыли, «бэтээры», другие боевые машины мчались по раскаленной пустыне. Большая банда под покровом ночи напала на мирный кишлак. Там душманы содеяли кровавую расправу, не жалея ни стариков, ни женщин, ни детей. Разведгруппе надо было найти эту банду и следить за ней до прихода основных сил. С первым заданием справились успешно на исходе дня. Бандиты расположились на отдых среди руин старой крепости.

До темноты окопались. Машинами перекрыли дорогу, по которой, как мы предполагали, должны были пройти душманы. Между техникой выкопали траншеи, установили пулеметы, приготовили гранаты и стали ждать. Августовская ночь потихоньку остывала. Теперь на земле уже можно было посидеть.

Было тихо. Разговаривать и спать нельзя. Кое-кто курил, когда не видел командир, накрывшись плащ-палаткой. Сидели на дно траншеи и чадили. Василь, опершись спиной о стенку окопа, жевал холодную кашу из жестяной банки. И вспоминал мамин

ТОМИЛО Анатолий Иванович, рядовой запаса. В Афганистане — с сентября 1983-го по февраль 1985 года в должности пулеметчика десантно-штурмовой группы.

борщ. Как там, в Старой Рудне? Отец, наверное, в поле. Время уборки. Трактористу в колхозе всегда хватает работы. Мама тоже вечно в хлопотах.

Рассветало. Чужие холодные звезды мерцают над головой. Вася всматривается в темноту. Никого. Ни звука. Вдруг завыл шакал, грустно так, мороз по телу пробежал. Ему отзывается второй, третий. Чуют, видать, горячую кровь...

Засада не получилась. Душманы исчезли. На месте их стоянки были только остывающие следы костров. Командир разведроты старший лейтенант Напетов, увидев такую картину, ругался. Солдаты молчали, знали — лучше не трогать командира. По радиции был получен приказ возвращаться.

Снова знакомая дорога. Ехали, как всегда, осторожно. Головной дозор, дальше основные силы, замыкал колонну тыловой дозор. Десант — на броне. Часто останавливались. Саперы с миннорозыскной собакой Диком проверяли дорогу. Во время одной из остановок Дик зарычал, стал лапами разгребать землю на дороге. Саперы выкопали оттуда две ребристые иностранные мины.

До базы оставалось около трех километров: три километра отделяли наших солдат от желанного отдыха, горячего обеда. Никто не думал, что именно здесь может что-то случиться.

Место для засады душманы выбрали удачное: брошенный кишлак, зажатый сопками. Обехать его невозможно.

Бандиты прекрасно знали, что рядом база, но тем не менее решили именно здесь встретить нас огнем.

Перед въездом в кишлак остановились. Обработали его огнем боевых машин. Взрывы подняли только столбы пыли. Луна покатила далеко в горы. Медленно двинулись. Головной дозор не успел проехать. Вдруг увидел дымный след гранаты, которая ударила в переднюю командирскую машину. Вмиг ожил кишлак. Громко зацокотал крупнокалиберный пулемет, задробили автоматы. Пули засвистели рядом. Ребята как горох посыпались с брони. Быстро занимали оборону, боевые машины открыли ответный огонь. Дымила командирская машина. Но добраться к ней было нелегко. Душманы прижимали огнем к земле.

«Прикрой!» — успел крикнуть товарищу Вася Михальченко и бросился спасать командира.

Непросто давались эти метры. Снайпер охотился за ним. Но это его не останавливало. Пригнулся и бросился к спасительному дувалу. Немного отдышался.

Пули ложились рядом, поднимая фонтанчики пыли. Одна ударила в камень, за который уже перебрался Василь. Осколки камня посекали лицо. Василь поднял голову и увидел на крыше дома белую чалму. «Ага! Вот, кто стреляет». И он, удобно разместившись с автоматом, поймал бандита в прицел. Выстрел был точным.

Последние метры Василь полз. Но не успел добраться. Автоматная очередь прошла руку и ногу. Боли сначала не чувствовалось. Он только видел, как в алый цвет перекрашивается его одежда.

Всего несколько минут длился бой, а для разведчика он казался вечностью.

На БМП Василь взобрался из последних сил. Бандитская граната попала в бок машины. Огонь бушевал внутри. Василь открыл люк и увидел в дыму раненого механика-водителя. Он поднял товарища и вытянул на броню. Через несколько секунд они были на земле. Василь взвалил на спину раненого и пополз. Уже в безопасном мес-

те, за дувалом, механик застонал.

— Где командир? — спросил Василь. — Где старший лейтенант?

— В машине...

Василь мог остаться здесь, перевязать товарища, себя и спокойно дожидаться завершения боя. Никто бы его не осудил. Но Василь знал, что там, в пылающей машине, раненый командир и его нужно спасать. Сделать это может только он...

Он бросился навстречу опасности. Подняться Василь не смог — стреляли, да и сил не было...

Всю машину обволокло черным, густым дымом. Василь нашел люк и опустился внутрь. Нашупав тело командира, потянул на себя. И в это мгновение страшный взрыв оборвал молодую жизнь...

Так, 21 августа 1982 года, перестало биться мужественное сердце нашего земляка, рядового разведывательной роты Василя Михайловича Михальченко. За этот подвиг он посмертно награжден орденом Ленина. Через два месяца и четыре дня ему бы исполнилось двадцать лет...

ЛОВУШКА

И все же Хасан нас встретил. Дорогой ценой заплатили ребята из третьей боевой группы за эту встречу. Мы в это время вели «блуждающий» бой с духами на перевале. Они не атаковали, а усиленно обстреливали наши позиции. Стреляли отовсюду, а мы отвечали. Но это были цветочки, ягодки были внизу, когда группа залетела в засаду. Не всех ребят я еще знал, многие из них пошли на операцию впервые. Первый и последний раз. Саша Тимофеев по прозвищу Тимоха рассказывает потом мне: «Наша группа четвертый день бродила, точнее, преследовала банду Хасана. По Куфабскому ущелью прошли больше ста километров, и все коту под хвост. Приходили в кишлаки, когда след банды уже остывал.

Последнюю ночь провели в забро-

шенном кишлаке. Спали — не спали, словом, перемучились ночь. Утром собрали что у кого осталось съедобного. У кого банка риса нашлась, у кого — гречки или гороха. Сделали такой винегрет, разогрели на костре. Родниковой водой запили и — вперед.

Что-то не по себе было в этот день. А он был, как назло, хороший, хотя и солнечный. Горы зеленели, а вершины сияли. Так было тихо, что если бы не пулемет да десантный ранец, коробки с патронами, то можно было представить себя в турпоходе.

Настроение у ребят было не очень. Который день лазили по горам, а толку... Только ноги натерли сапогами. Первый номер танкового гранатомета Вова Очкур просто ругался матом.

— Ефрейтор Очкур, прекратите, — грозно говорил замполит Радчук.

— А я чего. Я ничего. Дутая эта затея. Ходим, ходим. Чей-то палец водит по карте, а мы топай. Доходимся...

Кого-кого, а Вовку мы знали хорошо. Хулиган первый, но и друг хороший. Парень честный, добрый. В бою на него можно положиться, а вот в часы отдыха... Не мог Очкур на базе жить без приключений. Ходит, мучается, что бы сотворить такое.

Где-то около девяти часов двинулись дальше. Впереди — дозор, по бокам — тоже. Топали молча. Слышно было только тяжелое дыхание, да изредка брякнет оружие.

Через два часа сделали привал. Помню, Володя Очкур бросился вспоминать, как он влюблялся на гражданке. Может, и правду говорил, а может, и врал. Но смешно.

Покурили, посмеялись, снова замолчали. Тыловой дозор обнаружил какого-то старика в драном халате. Майор и переводчик Зарипов долго беседовали с ним в сторонке. Потом командир подошел к нам: «Подъем. Становись. Слушай меня».

Как неохота отрываться от теплых камней, брать в руки надоевший пулемет.

— Дело такое: дехканин говорит,

что впереди Хасан устроил засаду. Двести духов где-то засели и ждут нас. В прошлом году они здесь тоже устроили ловушку. Тогда наших много полегло. Сейчас посоветуемся с командованием. А вам быстро занять круговую оборону и — максимум внимания.

Через несколько минут мы уже лежали на изготовку за валунами. Да, конечно, двести штыков — сила, а у нас меньше даже с афганскими солдатами. Да и какой с сарбозов* толк?.. Одна обуза. Вот хадовцы помогут. А сарбозы... ведь среди них есть и бывшие духи.

Майор просил у командования остановить рейд и подтянуть подкрепление. Но там не прислушались. Вперед и только вперед, а на помощь борта привезут группу прикрытия.

«Мы же не самоубийцы!» — кричал в радиостанцию майор. А сверху отвечали: «Выполняйте приказ». Делать нечего. Надо выполнять... После короткого совещания наших и афганских командиров поход продолжили. Шли осторожно. Часто останавливались, осматривались, прислушивались. Вроде все спокойно.

Все было тихо до 12 часов 46 минут. Я как раз посмотрел на часы. Тогда все и началось.

Спас нас Сергей Куртин. Он первым заметил снайпера. Удачное место выбрал для засады Хасан. Представьте себе открытое место, до реки метров сто. По обеим сторонам склоны гор с густыми зарослями. Там можно не двести, а тысячу человек спрятать. Проход — по узкой тропинке. Здесь и прятались снайперы и один пулеметчик. Они и должны были отсечь наш отход. План у них был простой: мы заходим туда, отрезают нас и щелкают, как цыплят. Но мы туда не дошли.

Сергей увидел снайпера, выстрелил по нему, и тот упал с простреленной головой. Стрельба мгновенно поднялась

* Сарбозы — афганские солдаты.

сумасшедшая. Я за какой-то камень спрятался. Командир что-то кричит, но в грохоте слышно только: «...отходить! стрелять!» Куда? Лежим, стреляем короткими очередями вверх по деревьям. Ищу глазами второй номер расчета пулемета. У него запасные коробки с лентами. Он молодой, впервые в бою, испугался, бросил коробки и мотается, словно теленок, впервые увидевший белый свет. Шарахается из стороны в сторону. Кричу:

— Ложись, дурак! Ложись! — А пули только звякают над головой. Подползаю к Сергею, толкаю его ногой. Тот лежит, мертвой хваткой вцепился в автомат, позеленел, слова не вымолвит. — Лежи здесь, — говорю. Складываю ему из камней небольшой бруствер и за него укладываю своего салагу. — Сиди и не двигайся. — Тот кивает головой и смотрит на меня сумасшедшими глазами.

А сам ползу, вжимаясь в землю, к коробкам. Но снайпер не пускает. Только протянул руку, перед рукой — фонтанчики пыли от пуль. Не понимаю, почему предупреждает, а не бьет по мне...

Бой затягивался и складывался не в нашу пользу. Выстрелом в голову убило Сергея Орлова, ранило в руку командира отделения. Положение усугублялось тем, что сарбозы самолично вышли из боя, попрятавшись в укрытия. Среди них так и не появилось ни одного раненого. Только хадовец Шурало стрелял из автомата, пока ему пуль не выбили глаз.

И все-таки я перехитрил снайпера. Притупил его бдительность, сделал ложное движение в сторону. Потом рывком прыгнул, схватил коробки и перекатился в сторону. Грохнул выстрел. Пуля звякнула сзади. Теперь снайпер стал охотиться за мной. Это я чувствовал кожей. Казалось, что вот вот поймает в прицел, и тогда — молись...

Пули ложились все ближе и ближе. На одном месте оставаться было страшно, нужно двигаться, стрелять.

И вдруг похолодело внутри. Поймал гад. И точно — пуля угодила в приклад пулемета. Щепки брызнули в лицо...

Сколько пролежал без сознания, не знаю. Очнулся от запаха крови. Ладонь была прострелена насквозь. «Тимоха», — слышу, кто-то зовет. Смотрю — командир.

— Ранен?

— Да чуть-чуть.

— Ползи потихоньку к реке. Мы прикроем.

— Вы что, товарищ майор. Не могу. Пусть ребята. Я прикрою пулеметом.

— А, будем вместе, — махнул рукой майор.

Ему было трудно. Трудно от того, что ребята погибли, и трудно, что впервые за три года его службы в Афгане попал в ловушку. Снайпера за ним сильно охотились. Пришлось даже антенну отвинтить от рации.

Лицо майора почернело от пыли, но скорей всего от горькой досады за погибших ребят. Он понимал, что паника всех погубит. Часто останавливался, отстреливался. Много раз вызывал по рации борта, но машины застряли где-то на перевале.

Давно прозвучала команда «отходить», но никто не решился, никто не хотел прикрываться грудью товарищей. Пришлось командиру пинками требовать выполнения приказа.

«Деды» остались прикрывать отход молодых. А вы говорите — неуставные отношения... «Деды» остались подбивальным огнем не ради славы, а ради жизни ребят. Мы не боялись умереть, боялись того, что после смерти духи могут поиздеваться над нашими телами.

Вова Очкур не выполнил приказ командира. Он подчинился только своему сердцу... Тот хотел силой вытянуть его из пекла.

То, что было дальше, поразило всех. Вова не спеша, как на стрельбище, установил АГС (автоматический гранатомет), присоединил коробку и навел

на горы. Снайперы притихли, не понимая, что делает глупый шурави.

— Отходи. Прикрою! — крикнул Очкура.

Первая очередь легла шахматным порядком среди зелени, откуда велся наиболее интенсивный огонь. Духи снова притихли. Это и позволило основной группе добежать к реке, в безопасное место.

Второй номер гранатометного расчета Сережа Михайлов отполз несколько метров и вернулся. Он не решил оставить своего командира. Сережа стал корректировать огонь, снаряжать ленты.

Первую коробку они расстреляли без приключений. Но на второй Володя ранило в руку; от боли он упал на землю, но быстро поднялся и бросился к гранатомету. Стрелять долго не пришлось — вторая пуля разворотила ему грудь. Его отбросило назад на камни.

Володя заплакал. Слезы ручьем катились по грязным щекам. Плакал не от боли, от досады, что ранило, что силы, как снег весной, быстро таяли. Но он не смирился со своим положением. Стиснул зубы и пополз к «агэсу». Но выстрелить не сумел, курок не поддался. Тогда он схватил автомат и ударил сочной очередью. Больше не сумел — упал без сознания.

Тапочкин поразил всех. Без команды молодой солдат бросился спасать Очкура. Полз быстро. Пули щелкали рядом. Наверное, духовский снайпер нервничал. Еще метр, еще, и вот он у окровавленного Володи. Тонкие руки Тапочкина взваливают на хрупкую спину раненого товарища, он ползет к спасительной реке. К нему бросается наш комсомольский бог Сергей Санников. Несут друга вдвоем. Второй номер, отстреливаясь, тянет АГС.

Но добежать они не успели. Снайпер все же поймал в прицел нашего боевого брата — Владимира Очкура. Дух методично добивал его. Сначала бил по ногам, потом по рукам, а когда они спрятались за камнем, нашел и там.

Не успели на какую-то долю секунды. Пуля вошла в затылок и вылетела изо рта, раздробив всю челюсть. На камни брызнула кровь и упали передние зубы вместе с костями. Вова только вздохнул и затих.

Вова, Вова, наш дорогой... Он лежал такой знакомый и уже чужой. Изуродованное лицо, разорванная грудь ежесекундно напоминали, что нет уже нашего балагура, нашего хулиганчика. Только глаза, голубые, неподвижные, смотрели в небо.

А день тем временем катился на убыль. Борта все не летели. Подмога где-то завязла в бою на перевале. Радиостанция командира была разбита пулей, а вторая, у командира взвода, молчала без питания...

Мы постепенно откатывались к реке. Духи атаковать почему-то боялись. Появились еще раненые и убитые.

Их спасти бросился Тапочкин. Дополз к Саше Орлову, который лежал с простреленными ногами. Под прикрытием друзей дотянул его к реке. Бросился за вторым. Тапочкин спас еще двоих. Но когда полз в безопасное место, тогда попался и сам. Первая пуля вошла в спину, следующие прострелили ногу в трех местах, шею. Семь пулевых ранений вынес наш Вася, но еще полз, пока не потерял сознание.

А дальше все было, как в страшном дурном сне. Стреляли, бежали, точнее — пятились. По воде тащили раненых и убитых. Река мутилась кровью. Всех вытащили. Потеряли, правда, автомат Очкура. Да что значит это в сравнении с десятью жизнями наших братьев и четырнадцатью ранеными... По дороге умер Колька Сериков.

Пока брели по холодной воде, стемнело. Только тогда упали на привал. Долго слушали ночь. Но странно, духи притихли и почему-то не преследовали. Только ветер, пронизывающий до костей, да грохот горной реки, да стоны раненых. Вася Тапочкин подозвал меня: «Скажи Вове Очкуру, что я на

него не злюсь за все, что было. Скажи, что я не злюсь...» Я киваю головой, хотя прекрасно знаю, что рядом лежит уже холодное тело его друга. Наконец-то связались с начальством. Вставили из разбитой радиостанции батареи в целую. Но нас ничем не обрадовали. Вертолеты ночью в ущелье не сядут, никто нас не найдет. Придется самостоятельно карабкаться на вершины от греха подальше.

Шли всю ночь. На плащ-палатках несли убитых и раненых. Сарбозы тоже помогали, вернее, наравне со всеми несли горькую участь.

Под утро совсем очумели. Перед глазами вместо камней виделись разноцветные пятна. Очень болела пробитая ладонь. На ходу многие засыпали, валялись на камни. Хуже всех было раненым. Вместо покоя —

сплошная тряска. Хорошо хоть родники часто встречались.

К полудню выбрались на вершину, повалились.

— Не спать! Не спать! — тормозил каждого командир. — Нужно занять оборону. Хоть несколько дозоров выставить.

Командир замолк. Сам взял пулемет и пошел осматривать местность.

Еще день духи не давали нашим бортам сесть. Раненые и убитые еще сутки были с нами. Только под вечер удалось сбросить для нас подкрепление, паек, боеприпасы. Ночь была «веселой», с перестрелкой. Умерло еще двое ребят. На третий день борты наконец сели.

Долго мы отходили от Кудгаба и, наверное, не придем в себя никогда.

Горная река

Дехкане

6 Афганистан болят в моей душе...

По дороге на Саланг

Тропы «зеленки»

Из дневника

31 января 1980 г. Неделя, как пересекли границу. Чужая земля, необычные дома, люди. Все ново. Марш прошел не очень организованно. Водители молодые, учились в пути. Да и мы, офицеры, не все тонкости знали, как быть в новой обстановке. Местное население относится к нам хорошо. Все мы потрясены бедностью афганцев.

1 февраля. Началось непредвиденное. Двое солдат напильсь из источника — желудки расстроились. Рядовой Бегут отравился жевательной резинкой, которую ему дал кто-то из местных жителей, двое курили подаренные сигареты — еле сумели откачать... Вот так, еще не слышали выстрелов, а уже несем потери.

6 февраля. Заняли оборону у тоннеля. Начальник дороги, которую мы охраняем, — афганский офицер Кафиль Ходжетуло. Член Народно-демократической партии Афганистана. Надежный человек, преданный Апрельской революции. С подчиненными держится ровно. Солдаты у него из трудовой армии, а дорожная техника наша, советская. Самый важный объект обороняем — тоннель. Все могут лечь, но тоннель должен действовать. И он будет действовать!

10 февраля. Разбитые банды бегут через наше ущелье. Уже второй пистолет отбираю у задержанных в автобусах. Объясняюсь (не очень успешно) по-английски, стараюсь обходиться без переводчика.

Ездил в пулеметный взвод в середине тоннеля проводить комсомольское собрание. Прошло по-боевому. Настрой хороший. Хотя очень трудно там, на высоте, но хлопцы еще шутят. Кое-чего им не хватает: фляжек, посуды для воды и пр. Завтра еду в штаб части требовать необходимое.

*ФИНОГЕЕВ Евгений Анатольевич,
старший лейтенант, заместитель
командира мотострелковой роты
по политической части. Погиб
в Афганистане 24 мая 1981 года.
Награжден орденами Красного Знамени
и Красной Звезды.*

11 февраля. Сегодня комсомольское собрание роты. Люди уже съезжаются. Солдаты интересуются, как вступить в комсомол, в партию. Радостно мне от этого. Раньше читал об этом в истории гражданской и Великой Отечественной войн, а тут свои примеры. Люди хотят идти в бой, выполнять свой интернациональный долг комсомольцами, коммунистами.

Инструктировал актив, как работать на марше, в бою поддерживать высокий моральный дух, боевую активность, оказывать взаимовыручку. Главное — личный пример!

19 февраля. Метет страшно. В горах обвалы. Сошла лавина на трассу метров сто длиной и до четырех метров толщиной. Весь вечер беседовал с застрявшими у нас афганскими воинами. Один из них окончил военную академию в Москве, неплохо говорит по-русски. Много интересного порассказал. Кое-какие выводы я и для себя сделал.

...Снег идет и идет. Его уже столько, что даже мины, выпущенные из миномета в ущелье, ложатся мягко, не взрываются.

25 февраля. Трудно поверить, что все это было. С 23-го на ногах. В тоннеле не работали несколько вентиляционных люков, вышла из строя связь, образовалась страшная пробка: техника, люди. В труднейших условиях пришлось вести спасательные работы. Досталось так, что еле стою на ногах.

3 марта. Пишу наградные листы. Надо бы наградить очень многих: героически вели себя ребята. Погиб во-

дитель машины из Подмосквья. Раскрываю военный билет, а там фотография улыбающейся девушки с надписью, что помнит, ждет, любит. Эх, парень, парень...

Сегодня кинопередвижка приехала. На целых три дня. Двухсерийный фильм «Москва слезам не верит» крутят чуть ли не круглосуточно, чтобы все смены и посты посмотрели. Большинство афганских аскеров* и не знали, что такое — кино. Пригласили посмотреть. Кино — это, пожалуй, самая лучшая пропаганда и агитация. Увидеть гражданскую, мирную жизнь, отдохнуть душой, вспомнить дом, любимых, помечтать — это просто необходимо для разрядки.

15 марта. Получил первое письмо. Конечно же, от мамы. Как будто дома побывал. Теплое, сердечное письмо. Беспокоится.

15 апреля. Писать было некогда. Много событий. Душманы активизировались. 5-го был на собрании комсомольского актива. Боевые были выступления. Потом нам показали отличный концерт. Хлопцы мои расцвели, улыбаются: настроение на месяц создали. Корреспондент «Красной звезды» был, фотографировал. Лишь бы он не подумал, что мы здесь только и делаем, что веселимся. Пока горячих днейков бывает много.

5 мая. Отметили праздник 1 Мая. Провели в батальоне и моей роте военнизированной эстафету. Великое дело — соревнование. Победили наши. Настроение у ребят поднялось. На последнем этапе, после стрельбы, было водружение флага на сопку.

9 мая. День Победы! В этот праздничный день орден Красной Звезды вручили комбату Тарновяну и моему Белобородову. Рады за них.

13 мая. В районе Хинджана была обстреляна наша колонна. Послали подвижную группу. Душманы пытались обойти прочесывающих и напасть на БТР, но жизни им не дали: четырех

из башенного пулемета накрыли, все пали и остальным...

17 мая. У соседей двух парней тягло ранил переодетый в афганскую форму душман. Подошел, попросил закрыть — и из пистолета обоих. Оружие забрал. Расширяется террор. Ночь слышен был бой. Уехал в отпуск за полит батальона капитан В. Иващенко. Я — за него.

Здесь нельзя быть чистым замполитом. Ты и замполит, и командир. Каждый офицер должен уметь проводить воспитательную работу, грамотно в тактическом отношении организовывать бой. Ведь действовать приходится самостоятельно.

22 мая. Душманы обстреляли колону. Из ущелья их не выбить. Ранили нашего Саидова. Рота пошла в горы. Вызвали вертолеты, они помогли здорово. Но времени потеряли мы много при преодолении брода, который душманы обстреляли. Гранатометчик и Ефлов вовремя уничтожил. Молоде солдат! Снайпера взяли. Ночью очистили город и аэропорт от душманов.

23 мая. Ездили в ущелье, затем направились в пос. Дукани. Митинг. Население собралось быстро, с красными флагами. Старик выступил: «Мой сын вместе с другими охраняет деревню от душманов. Если у вас будет так, как у нас — душманов не будет». Народ бурно приветствовал. По всей дороге, как ехали, проводили митинги. Встречали нас приветливо.

26 мая. Готовимся к маршу на перевал Шату, за ним — базы подготовки мятежников. Там еще никого не было из наших. Беседую с солдатами и с командирами, активом, разъясняю предстоящую задачу, интересуюсь настроением. Люди понимают, что от них требуется, заверяют, что роту не подведут.

2 июня. Ходили несколько раз вместе с аскерами прочесывать ущелье. На отвесной горе — мощный опорный пункт с дотами и дзотами. Следы пешного бегства. Авиация здесь хорошо поработала.

* Аскеры — воины.

В газете помещена фотография, где я вручаю рядовому И. Рябикову медаль «За боевые заслуги». Написал другу своему лейтенанту Александру Краузе: «Саня, достань газету с фотографией. Я — ладно, а вот солдату будет приятно. Я тебе маленькую заметку для газеты написал».

Вот она: «В районе населенного пункта Горисохта на скользкой после дождя дороге по неосторожности водителя сорвалась афганская машина с пассажирами. Одними из первых на помощь афганским товарищам бросились рядовой Н. Чеканов, сержант Б. Хозраткунов, ефрейтор И. Рябиков, лейтенант О. Поселяев. Все подразделение участвовало в спасении людей. Было спасено восемь человек, среди них старики и дети. Пострадавшим была оказана медицинская помощь на месте. Афганцы благодарили нас».

9 июня. Провели собрание во взводах. Воины настроены по-боевому. Ночью стреляли в солдат из второго взвода, которые несли караульную службу. Привели двоих душманов, допрашивал Саша Пивоваренко. Развязали языки, выдали склад оружия. Поехали. Дуканщик, у которого было спрятано оружие, показал тайник.

11 июня. С колонной вернулся в город. Прошли маршрут тихо. В городе нормальная жизнь. Я написал рапорт на отпуск, ведь скоро Иващенко вернется.

22 июня. Печально памятная для нас дата. Помянули минутой молчания героев Великой Отечественной и героев Афганистана. Провели военизированную эстафету с афганской командой. Победили мы. И в волейбол тоже наша рота всех обыграла.

29 июня. В город приехала группа старших афганских офицеров и подполковник Богородский. Беседовал об обстановке и пр. Был член ЦК НДПА. Вместе пообедали, спели афганскую песню под гитару.

10 июля. Колонна подразделения в четыре часа выдвинулась из города. Вся дорога спокойно, по обочинам

лишь сожженные машины. Дорога жизни и смерти. Километрах в пятнадцать от города нас обстреляли. Пропустили всю бронированную технику и начали лупить по центру колонны. Слышу в эфире: просят о помощи. Не дожидаясь команды, развернулись и прикрыли солдат своим огнем. Загрузили раненых в машины. Стреляли душманы справа и слева, но гранатометов у них, видно, не было.

19 июля. Борт самолета Ту-134. Вот и отпуск. А мысли летят то домой, то обратно, в Афганистан: там очень много дел. Никак не могу забыть картину, когда прощался с товарищами...

25 сентября. Вновь в деле. Марш прошел тихо, не то что в ту сторону, когда в горах несколько человек держали полдня отряд. Прокопали посреди дороги ров, несколько снайперов засели в горах. Мы с Пономаренко Сашей взяли взвод, хотели его завалить, но не дают головы поднять: пристрелялись. Просидели час за бортом танка и вызвали БТР. За его броней спокойнее, вести наблюдение можно. Подавили точки душманов, а уничтожить трудно.

25 октября. Третья ночевка на марше. Продвигаемся медленно, по дороге прочесываем ущелья, освобождаем кишлаки. Нас здесь явно не ждали... Неприятность со мной вышла. Когда был на склоне горы, взял у солдата винтовку, а ему — свой автомат. Выбивали мы там душманов. Так, с винтовкой, спустился вниз, вошел в дом. Выбежал оттуда и шагах в десяти увидел душманов с автоматами. Как и я, они опешили. Успел за угол отпрыгнуть, выстрелил с бедра. Кинул в них гранату. Один все-таки ушел. Только потом сообразил, что я их внезапностью взял, ведь могли очередями резануть.

10 ноября. Наконец-то выдалось время! Занимаемся благоустройством, учебой. Приятно, что моя рота заняла второе место по строевой выучке и по исполнению строевой песни. Мо-

лодцы парни! Две грамоты получили. Награжден грамотой и я.

Прошло партийное собрание батальона. Меня опять избрали секретарем парторганизации.

24 ноября. Что-то температура не спадает. Сегодня в госпиталь поведу. Интересную сценку наблюдал в штабе части. У ворот стоит часовой, шагах в десяти несколько афганских мальчишек балуются: делают вид, что через проволоку пролазят. Пролезут наполовину и смотрят на солдата своими озорными глазами, ждут, когда побегит за ними. Но тому, видно, уже надоела эта игра, и он вроде не замечает их. А они шумят, звенят проволокой. И тот шагает на месте, будто идет к ним, а они со смехом разбегаются. И опять все сначала. Дети всегда чувствуют, кого не надо бояться.

29 января 1981 г. Получил новую задачу. Надо выйти в ночь, подняться на вершину, где на небольшом участке скалы стоит сторожевой пост. Возглавить его. Мой позывной — «Передовой». Вышел в метель, дорога знакомая, через несколько минут догнал наших саперов. Они дорогу знали. Подниматься часа два. Но метель, ничего не видно. Часа через полтора мы поняли, что сбились с пути. Пускаем ракеты — никто не отвечает. Возвращаться назад? Так что же мы за военные, если не достигнем цели?! А тут вдруг заметили ракету, которую выпустили метрах в ста выше нас. Это минометчики. А мне — дальше. Пришел ночью. У солдат — ни жилья, ни печки, сухой паек на исходе.

Утром послал пятерых солдат за пайком и палаткой, аккумуляторными батареями (они сели и связи нет). Прошли сутки, заканчиваются вторые, а солдаты не вернулись. Алик Кричер и я несем службу вдвоем. У него от мороза опухли ноги и руки. Пришлось медико быть. Решили согреть банку перловки, но щепки сырые. Своими письмами, которые носили и так берегли, пожертвовали, а щепки только дымят. Снег и ветер гу-

ляет. Спички кончились. К вечеру пришли наши хлопцы с палаткой, печкой и топливом. Не могли подняться вчера. А сегодня вышли группой с грузом. Шесть человек — шесть национальностей. Молодцы, хорошо держатся. Все сделаем с ними как надо.

23 февраля. Нахожусь во взводе лейтенанта О. Поселяева. Утром поздравил личный состав с Днем Советской Армии и Военно-Морского Флота. Организовал прослушивание открытия партийного съезда по транзитному, которым наградил ефрейтора Рябикова главком Сухопутных войск.

27 февраля. На комсомольском собрании разбирали рядового А. Шарпило за ослабление бдительности на посту. Говорили просто, но серьезно, требовательно. Вынесли строгое взыскание. На пользу многим пойдет этот разговор.

6 марта. Провели ночные занятия с бойцами, пробовали стрельбу с ночными прицелами на 100 м. Все пули в кругу диаметром 6—8 см. Неплохо.

8 марта. Сегодня получен Указ Президиума Верховного Совета СССР. Мой командир пулеметного взвода прапорщик Л. Синицын награжден орденом Красного Знамени, командир отделения Н. Прохоров — орденом Красной Звезды.

19 марта. Сегодня на имя замполита батальона майора Иващенко пришло письмо из Курска от матери погибшего Николая Бологова. Трогательное письмо, пронизано болью и патристическим пафосом. Прочитал его перед всем личным составом роты.

8 апреля. Вчера вечером из штаба полка приехали комбат и ротный, сообщили, что приказом министра обороны СССР мне присвоено звание старший лейтенант досрочно. Радостная весть, конечно. Сегодня новые погонны вручили.

16 апреля. Сегодня мой день рождения. Вот и стукнуло двадцать четыре. Представлял на заседании парткома части принятых на собрании коммунистов: Хабибова, Косова, Вителюева.

Достойные люди! Хабибов только в последнем бою уложил четырех душманов, смело действовал при отходе группы, обеспечил вынос раненых. Пример коммунистов много значит.

«ПУСТЬ НАС ДЕТИ ПО ПИСЬМАМ УЗНАЮТ...»

О Евгении Финогееве вспоминает его сокурсник по Новосибирскому военно-политическому училищу Александр КРАУЗЕ. Награжден медалью «За отвагу».

Знаете, каким он парнем был, старший лейтенант Евгений Анатольевич Финогеев... Офицер, политработник, награжденный двумя орденами — Красной Звезды и Красного Знамени. Ну а для меня он так и остался другом Женькой, с которым четыре года были вместе в нашем родном Новосибирском училище. Вот, пожалуй, с курсантских лет и начнем.

Познакомились мы с Женей на первом курсе. Правда, поначалу, как и все, знали друг друга только по имени, а потом нашу троицу — Женя Финогеев, я и Слава Кириак — уже трудно было представить по отдельности. Что нас, таких разных, соединило вместе? Учились в одной роте, в одной группе — спортивной. Мы с Женей оба были командирами отделений. Сразу столько общего — и служба, и учеба, и спорт. Это здорово сближает. Ну и еще, наверное, были в каждом качества, которые мы уважали. В общем, на четвертом курсе, когда жили втроем в одной комнате, каждый уже знал другого, как говорится, как свои пять пальцев. И в училище мы всегда были вместе, и в отпусках не расставались. Женя жил в Краснодаре, Слава — в Молдавии, я — на Украине. Так что за курсантские годы везде успели побывать.

Что можно сказать о Жене как о курсанте? Ведь, в сущности, он был таким же, как все, как я, как Славка,

как другие наши ребята. И все же я хочу сказать о том, что его все-таки отличало от остальных: во всей роте не было другого такого парня, которого бы так уважали и любили, как Женьку. Чем это объяснить? Вот есть в любом коллективе всегда свои лидеры, временные ли, постоянные ли... В одних привлекает эрудиция, в других обостренное чувство справедливости, умение дружить, доброта, третьи ребята просто заводные, с ними легко и весело. У каждого свое, но вот такие и ведут чаще всего за собой. Так вот, в Женьке все эти качества прекрасно сочетались. Был у него и авторитет положения — все-таки командир отделения, секретарь ротной партийной организации, но в целом авторитет его был истинным среди ребят — его уважали за него самого, за его личные качества, за его прямоту и честность, общительность, жизнелюбие, за высокую культуру, которая проявлялась во всем: в начитанности, умении держать себя с людьми, безукоризненном внешнем виде.

Он был самым младшим из нас троих: Славка пришел в училище после армии, я — из армии, а Женька — после суворовского. Он был младше, но никогда этого не чувствовали. И если, например, Кириак был грамотным и умудренным от жизни, Финогеев — от высокой внутренней интеллигентности, воспитанности. Я не могу припомнить случая, чтобы с Женей кто-то разговаривал резко, выяснял, как это бывает, отношения: ни он сам, ни ему никогда не давали повода для этого. Сам-то я взрывной, но Женькина сдержанность, спокойствие всегда действовали на меня да и на всех его близких отрезвляюще.

Каким он был в учебе, дисциплине, общественной работе? Отличник учебы, командир отделения, секретарь ротной партийной организации, участник художественной самодеятельности — все это само за себя говорит.

Об основных этапах становления курсанта Евгения Финогеева можно

судить по публикациям в училищной газете «Ленинец». О Евгении Финогееве много писали. Писали об учебе, об умении прийти на помощь товарищам, о его умелой работе как секретаря с молодыми коммунистами. Велик был соблазн дать выдержки из всех этих материалов. Но все же лучше всего о воинском и гражданском становлении Евгения Финогеева говорит он сам:

1-й курс. На вопрос корреспондента газеты «Какие впечатления оставил у тебя первый месяц занятий?» среди других первокурсников отвечает Евгений Финогеев: «Я пришел сюда из Казанского суворовского. И военной дисциплиной, распорядком дня меня, казалось бы, трудно удивить. И все же я удивлен! Предельно насыщенная программа! И если есть среди нас такие, которые «постанывают» от высокой нагрузки, то чуть позже они, я думаю, тоже поймут, что дорожить временем нужно именно здесь, в стенах училища. В этом нам помогут и командиры, и преподаватели. («Ленинец», 9 сентября 1975 года. «Как дела, первокурсник?»)

4-й курс. Сержант Е. Финогеев, секретарь ротной партийной организации: «Вступление в партию обязывает коммуниста к еще большей работе над собой, большей активности, большему трудолюбию, даже — героизму. Право «первым подняться в атаку, первым рвануться навстречу огню» должен заслужить каждый коммунист». («Ленинец», 31 марта 1979 года. «Заслужить право»)

В год нашего выпуска в училище был организован самодеятельный театр. Ребята в нашем театре подобрались талантливые, сами писали стихи, музыку, сами были и актерами, и режиссерами. И Женька с его начитанностью, музыкальностью — он прекрасно пел и играл на гитаре — стал в нем незаменимым.

Еще на третьем курсе решили мы с ним вместе научиться играть на гитаре. Я к этому делу быстро охладел, а

он гитару хорошо изучил. И песни у него всегда были прекрасные. Не те, что поют в компании для веселья, а те, что для души: о любви к земле, к дому, к женщине. Такие песни! Думать заставляет... Вот и за эти песни ребята его уважали...

Была в Женьке еще одна подкупающая черта: его чистое отношение к женщине. Он презирал легковесность отношений и поверхностность чувств. Парень он был красивый — высокий, статный, с пшеничными, как он сам говорил, усами, девчонки в него с ходу влюблялись, а он ждал большой, настоящей любви. Мы иногда в шутку посмеивались над ним, но, честно признаться, в душе даже завидовали: не каждому такое дано.

И вообще это вот ощущение, что Женька тебя в чем-то обскакал, никогда не покидало меня. Это не было завистью, а вызывало желание дотянуться, сравняться с ним. Это был умнейший человек, культурный, образованный. Это был большой человек: в дружбе, в отношении к людям, в преданности делу. Я вот живу и не знаю, встречу ли еще такого. Раньше, когда он был рядом, об этом не думалось. Ну, Женька и Женька, прекрасный парень, отличный друг... А сейчас, когда его не стало, когда начинаешь все вспоминать и сравнивать его с другими, многое видится по-другому. А ведь он-то, каким я его сейчас вспоминаю, всегда таким был, я несколько его не приукрашиваю.

...Ну, а потом был выпуск, и мы все разбежались. Женя уехал служить в Северо-Кавказский военный округ. Слава — в ГСВГ, я — в Среднюю Азию. Первое время не до переписки было — изматывался вконец на работе. Приходишь в шесть утра, уходишь в двенадцать, а иногда и вообще задумываешься, стоит ли уходить. Так я начинал, да и у Жени, наверное, то же самое поначалу было. Это потом, с опытом, приходят размеренность и умение.

И все же вскоре после выпуска мы

встретились. Встретились совершенно случайно перед отъездом в Афганистан. Страшно обрадовались, но времени не было, поговорили наспех, на коротке, договорились найти там друг друга. Вскоре я узнал, что Женя служит на Саланге.

А потом были письма. Дела у Жени шли хорошо, много раз я слышал о том, что он хороший политработник, солдаты любят его. Уже в Ташкенте увидел его фотографию в газете: политработник Е. Финогеев вручает медаль «За отвагу» рядовому И. Рябикову. Вскоре получил от него письмо, где он просит выслать ему этот номер газеты и сообщает, что награжден орденом Красной Звезды.

«Саня, хочу поделиться своими радостями. За этот месяц произошли изменения в моей личной жизни. (Спокойно! Я остался холостяком.) Стал досрочно старшим лейтенантом, и вчера мне вручили Красную Звезду».

Получил я это письмо и пораздовался за Женю. Но это ж надо — Красную Звезду получил, а написал только, когда вручили! Знал же, за несколько месяцев знал, что представлен, а ни словечком не обмолвился. В этом тоже он весь. Да и написал-то как-то скользь, ничего толком, что да как.

«Лейтенант Евгений Финогеев возглавлял одну из групп советских воинов, которые спешили на помощь жителям кишлака, подвергшегося нападению душманов. Когда группа продвигалась по ущелью, ее обстреляли. Оценив обстановку, лейтенант Финогеев с боевым расчетом остался прикрывать дальнейшее продвижение группы, рискуя жизнью, вынес из-под обстрела раненого пулеметчика. Обойдя засаду с обратной стороны, группа лейтенанта Финогеева вынудила врагов отойти в глубь ущелья и скрыться в пещере, к которой был лишь один подход по открытому и узкому участку местности.

Лейтенант Е. Финогеев, приказав двум пулеметным расчетам и группе автоматчиков подавить огонь, первым

бросился вперед, увлекая за собой подчиненных.

За умелое руководство боем и проявленные при этом мужество и героизм награжден орденом Красной Звезды» (из наградного документа).

В это же время Женя написал в письмо матери, Надежде Андреевне Финогеевой: «Вот я держу его в руках, мой орден. Сколько в него вложено труда, пота, соли. Дорого достаются награды».

Шло время, близился срок возвращения Жени в Союз. Наконец-то должна была состояться наша встреча. За это время я женился, жена моя Таня много знала о Жене от меня, тоже ждала его. В одном из писем он просил меня достать ему гитару, жаловался, что одна уже в шепки разбилась, вторая еле дышит.

«Устаю страшно. Но когда вечером ребята просят спеть им, отказать не могу. Пересиливаю себя, беру в руки гитару и начинаю: «Вьется в тесной печурке огонь...» Ребята притихнут, слушают. Вижу — посветлели лица, отошли дневные заботы, можно и спать отправлять. Эти вечера здесь прозвали «финогеевскими спевками» (из дневника Евгения Финогеева).

Я гитару Жене купил, надпись сделал, что вот, дескать, другу Женьке от меня. Писем уже не ждали, ждали звонка в дверь. А 22 июня из письма нашего однокурсника Михаила Янина узнал, что Женя погиб.

«24 мая 1981 года крупная банда афганских контрреволюционеров, устроив засаду на высотах вдоль дороги по горному ущелью в районе населенного пункта северного перевала Саланг, напала на советскую колонну с материальными ценностями для мирного афганского населения. Заместитель командира роты по политической части старший лейтенант Е. Финогеев в предельно короткий срок первым прибыл к месту боя с резервной группой. Грамотно оценив обстановку, расставив огневые точки в наиболее опасных местах — противник вел

огонь с разных направлений и из разного вида оружия, — две группы направили для подавления огневых точек с флангов. Увлекая за собой подчиненных, личным примером и стойкостью в безвыходном положении смог организовать отражение нападения мятежных банд. Потом, поставив задачу на вынос раненых и вывод техники из-под обстрела, сам бросился к миномету и тем самым обеспечил выход советской колонны с незначительными потерями. Но сам на завершающем этапе боя был смертельно ранен.

За проявленные мужество и героизм, стойкость и умелую организацию боя награжден орденом Красного Знамени» (из наградного документа).

Через год я решил побывать на месте службы Жени. Высадил меня вертолет на склоне горы, где расположена часть, и полетел дальше. Никто меня, конечно, не встречал. Я пошел наверх по тропинке и, глядя на встречных, чувствовал себя здесь чужаком: и форма не та, и загар не тот, сразу видно — приезжий. Именно как чужака и остановил меня идущий навстречу офицер: «Кто такой, почему здесь?» Я не помню дословно, что я ему отвечал, помню только, как преобразилось лицо офицера, когда я назвал Женину фамилию. Офицер, а это был коман-

дир части, чуть не расцеловал меня. Я понял, что здесь я был дорогим гостем.

Я ведь приехал с какой целью — как можно больше узнать о Женьке. Я не задавал командиру никаких вопросов. Он сам говорил, да так, что любой журналист позавидует такому собеседнику. Он так говорил о Жене, что можно было подумать, что они были близкими друзьями. А ведь у него в подчинении десятки офицеров, должность-то какая! И так знать ротного замполита... Вот каким человеком был Женья!

Командир прощался с частью, уезжал служить в Союз. Он сказал, что первое, что он сделает в Союзе, — заедет к Жениной матери. Я тогда еще подумал — а ведь он семью два года не видел, дети его ждут.

— Я должен это сделать, — сказал офицер. — Знаешь, последние слова Жени были: «Маму не напугайте!»

Он сказал это и отвернулся. А потом, посветлев лицом, вдруг тихонько запел и спросил меня:

— Ты слышал, как он пел? Сколько жить буду, его песни слушать буду!

Пусть нас дети по письмам узнают
И целуют старый конверт.
Их улыбка — твои медали,
Ограниченный контингент.

Востротинцы на Саланге

Радист

Саперы-десантники

Боюприпасы для горной заставы

Солнце медленно опускалось за вершины. Стало темнеть, показались огоньки военного гарнизона. Автомобильная колонна прибыла на место стоянки. В огне трещали ветки — кипятили чай. Солдаты пели любимые песни:

В России дождь грибной идет,
И соловей в лесу поет.
Гуляют пары, и вокруг цветут сады,
А здесь жара и нет воды...

В короткие минуты отдыха между рейсами они вспоминали родной дом, мечтали о будущем. Воины отдыхали, готовились к завтрашнему дню. Вскоре прозвучала команда «отбой», все улеглись и быстро уснули после напряженного рейса. Всю ночь, не закрывая глаз, бдительно несли службу часовые, охраняя автомобили и боевых друзей от нападения душманских банд. Но эта ночь была спокойной.

Только поднялось солнце, автоколонна двинулась в путь. К вечеру надо было добраться до Кабула, а ехать было очень трудно. В горах колонны двигаются медленно — крутые спуски и подъемы, высокие перевалы. Невыносимая жара, и вода в радиаторах машин быстро нагревается, к тому же еще боевая напряженная обстановка.

Когда подъезжали к первому кишлаку, к автоколонне выбежал афганец: — Шурави, помощи маркомат!

Минуто-вторую с афганцем разговаривал младший сержант Джурамбаев, немного знающий афганский язык. Выяснилось, что небольшая банда душманов терроризирует местное население. Капитан Скороход (старший автоколонны) повел своих солдат на проческу кишлака.

Тишину разбудила стрельба, ударили вражеские пулеметы. Вокруг свистели пули, попадая в камни, за которыми залегли наши воины. Но, не

КОВАЛЬЧУК Николай Валерьевич, рядовой запаса. В Афганистане — с 1985-го по 1987 год проходил срочную службу.

обращая внимания на численный и позиционный перевес врага, сопротивление защитников нарастало, и через некоторое время они все как один пошли в атаку. Простые советские парни в экстремальных условиях, с первой минуты в Афганистане научились понимать друг друга с полуслова. Душманы (оставшиеся в живых) начали удирать, оставляя своих убитых, а раненых расстреливая на месте. Ничего не скажешь: в волчьей стае — волчьи законы!

Тяжело передать на словах, как после боя со слезами радости на глазах к советским воинам подошли жители кишлака, благодарили их за помощь:

— Ташакор, шурави! — слышалось со всех сторон.

— Спасибо, командор! — благодарили Скорохода жители кишлака.

Подошел старый седой афганец — староста кишлака. Он разговаривал со Скороходом на афганском языке, но капитан сразу понял, в чем дело. В этот день был далеко не первый «визит» душманов в кишлак. Они издевались над жителями, мешая им заниматься хозяйством, обрабатывать землю, отбирали у них продукты. Воины поделились с афганцами запасами воды, продуктами и двинулись дальше.

Под вечер приехали в Кабул. Сколько было радости и волнующих встреч с друзьями родной части. Они были рады тому, что мы из рейса вернулись живыми. Не было между нами только рядового Соколова, который остался в госпитале. В этом бою он был тяжело ранен. За руль его КамАЗа тогда сел капитан Скороход.

...Позднее за проявленные мужество и героизм при выполнении интерна-

ционального долга Соколов Андрей Иванович был награжден медалью «За отвагу».

Несколько дней были в расположении части, отдыхали, приводили себя и свои боевые КамАЗы в порядок. И снова в рейс. Как тяжело было расставаться с друзьями (они тоже ехали в рейс, но в другом направлении), потому что не знали, встретимся еще когда-нибудь или нет. Но все жили надеждой на лучшее будущее.

Вскоре наша автоколонна выехала на аэродром, где ей надо было загрузиться и отвезти груз в Баграм. После длинных рейсов в горах не могли оторвать глаз от Кабула. Столица ДРА — большой красивый город.

...Держали курс на Баграм — гарнизон, расположенный в семидесяти километрах от Кабула. По пути находится единственный кишлак, называемый Аминовкой, где душманы часто устраивают засады.

Подъезжая к кишлаку, заметили дым, а затем и пожар. Это горели «наливники», попавшие под град душманского свинца. «Наливниками» здесь называют автомобили, перевозящие горючее. Горело несколько автомобилей, а оттянуть их не было возможности, потому что те, которые остались невредимыми, везли много тонн горючего. Когда подъехала наша автоколонна, первым безо всякого приказа к горящему «наливнику» направил свой КамАЗ младший сержант Джурамбаев, в условиях боя, под обстрелом, будучи раненным в руку, взял его на буксир и оттянул с дороги. Его примеру последовали другие водители, и таким образом все горящие машины были убраны с дороги.

За этот героический поступок младший сержант Джурамбаев был награжден орденом Красной Звезды.

Стрельба усиливалась, с воем взрывались мины, подымая перед нами песок. Не умолкая свистели пули. Тогда заговорила наша зенитка, установленная на кузове одного из КамАЗов.

И вдруг стало тихо. Оценив обста-

новку, капитан Скороход послал в разведку несколько бойцов во главе с сержантом Онищенко. Через некоторое время вдали, где-то в тылу врага, послышалась перестрелка. Все оставались на своих местах, пока группа сержанта Онищенко не вернулась обратно.

— Товарищ капитан, рад доложить, что ни один душман не удрал от нас, — докладывал сержант Онищенко.

— Молодец, а также твои друзья! — Скороход крепко пожал руку Онищенко.

В этом бою Онищенко был ранен, только не подавал никакого вида. Еще два боевых товарища погибли на этом месте.

Во время боя опять загорелось несколько «наливников». Наши воины помогли соседям справиться с горящими автомобилями, и дальше две колонны вместе поехали в Баграм.

Я часто думал над таким вопросом: что такое мужество, героизм? И пришел к такому выводу. Героизм — это не количество (не всегда, конечно) уничтоженной техники или врагов. Он проявляется в то время, когда человек переступает границу возможного, когда в экстремальных условиях проявляются наивысшие черты его характера.

Приведу один пример. Наша автоколонна перевозила грузы от афгано-советской границы. В одном из рейсов нас обстреляла банда душманов. Был тяжело ранен старший колонны. Водитель Каримов Рашид, рискуя жизнью, под свистом пуль вынес тяжело раненного офицера с поля боя.

Когда Каримова спросили, что его заставило пойти на такое, он ответил: «Я хотел быть похожим на своих боевых друзей». Да, ответ простой, как и этот парень, а на самом деле, когда человек совершает подвиг, он в это время не думает о себе, о своей жизни...

И тогда я подумал: какое счастье жить на Земле! Жить и бороться за мир, за жизнь!

Сарбозы

Саланг

Оружие

Санитарный самолет

В ПРОВИНЦИИ ДОШИ

Из дневника

18.05.80. Небо с утра было хмурое, тучи грозно затянули небо, надвигая на нашу провинцию грозу. Но почему-то все оттягивают без всякой причины. Вот, по-моему, он сейчас и грянет. И он грянул — дождь как из ведра. Это последний день перед рейдом. Завтра-послезавтра уходим, сегодня-завтра сборы.

По правде говоря, все ребята рвутся участвовать в открытых боях, где можно увидеть противника.

6.06.80. Первая операция нашего полка прошла благополучно. Единственный недостаток у наших командиров, это неуверенность в своих силах.

8.06.80. Операция длилась 9 дней. За это время мы потеряли двух человек, четверо были тяжело ранены. Казалось, что дни были бесконечные, длинные, утомительные, но как только наступал вечер, стрельба утихала, слышен был треск дров в костре, звон гитары, которая собирала бойцов, чтобы те могли немного прийти в себя и поделиться событиями прошедшего дня.

Одно скажу, каким бы ни было опасным и тяжелым наше стремление победить, мы были довольны, вернее, мы просто на 10 лет стали взрослее. Понять это непросто, когда ранен твой товарищ и ты, рискуя собой, должен преодолеть бурлящую реку и доставить его к своим. Откровенно говоря, мне было немного страшно, нет, не потому, что убьют, а только потому, что я мог остаться навсегда в реке. Обидно было, но все-таки, достигнув цели, просто перестал понимать, что я должен остаться жить. Единственная мысль была в голове — это скорей переправить раненого на тот берег.

Пришел в себя только тогда, когда мы доставили его на КНП. Это было

ПАХОМОВ Юрий Викторович, рядовой запаса. В Афганистане — с 1979-го по 1981 год в должности пулеметчика.

полное облегчение, все — позади: река, горы, выстрелы. Да что там говорить, многие отличились тогда, при выносе раненых с поля боя.

Все осталось позади. Мы сейчас на старом месте, в Доши. «Маленький курорт», как привыкли называть его. Речка у нас рядом. Да, скоро поздравления со света людского буду принимать, день рождения. Не забыть мать поздравить, у нее ведь юбилей.

13.06.80. День сплошного невезения. Судьба капризна и наивна, преподносит такие подарки, что просто не хочется жить. По стечению обстоятельств я теперь далековато от Доши. На самой маленькой сопке несю службу. Внизу автострада и речка. На нее приходится только любоваться с высоты. Кругом одни горы, бесконечные, как степи. По крутым склонам давно уже выгоревшая на солнце трава. Ветер словно хочет вырвать горы из своего основания и разнести по камешку по белу свету. Но горы твердо стоят на своем месте. Только могучие вершины не могут сладить со своим врагом — ветром. Единственное местное население — это фаланги, жучки, кузнечики и всякая другая тварь. Кроме черных воронов, которые иногда прилетают позавтракать остатками человеческой пищи, гречневой кашей, черным хлебом, парят над нами и орлы, которые почему-то боятся приблизиться к нашему жилью. Природа гор по-своему прекрасна, и ее надо уметь понимать. Порой они и дружелюбны, порой и яростные.

Через час обед.

Получил долгожданное письмо от Веры. Сначала обрадовался, но потом стало худо. Весть о моих блокнотах

была погибельной. Единственная мысль, смогу ли все восстановить, мучила меня. Сколько трудов вложено, сколько бессонных ночей, и все это напрасно, даром, зря. И так глупо. Любую бы перенес утрату, но только не эту. И вот наказала меня судьба за тебя, за то, что любовь моя была вся выдуманной, из стихов.

15.06.80. Время уходит, а с ним уходит все: талант, молодость, лучшие годы жизни. И все это неприкосновенно для самого человека. Он привык жить благополучно, иметь все и в то же время ничего. Так создана человеческая натура, чтобы человек никогда не был удовлетворен. В детстве от недостатка лет, в старости от избытка.

В своих детях они хотят видеть самих себя, таких, которыми когда-то они не смогли быть. В лучшем случае, они бросают их на произвол судьбы. И сколько бы мы ни старались вбивать детям мысль о благополучии, они всегда будут отрицать наши действия.

Сегодняшний день не отличается от других, так же, как и другие не отличаются от него. Та же жара, те же звуки насекомых, песчаный ветер и та же неутолимая жажда. Каждый день становится вечностью, ждешь, когда начнется, и когда, наконец, он кончится.

Наша жизнь просто превращается в копейку, в обыкновенную копейку, все идет кругом без начала и без конца. Хоть и часто задумываешься над тем, что со мной будет дальше, все равно ни к какому выводу никогда не приходишь.

Мы все обречены или на глупую смерть, или, на худой конец, пьянство. Еще полгода, и мы будем бросаться на те вещи, на которые раньше не обращали внимания. Наши умы просто психологически гибнут. Нет, не от перенапряжения, а от недостатка духовной пищи. Мы будем наносить ущерб на Родине, дома, если не пойдем того, что являемся свободными гражданами и в прошлом — защитники своей Ро-

дины. К сожалению, этого мы, видимо, не пойдем...

Увы, но ты сейчас совершенно думаешь о другом, безразличие ко всему окружающему. К сожалению, это так. Любовь, любить наверняка сможет каждый. Ждать — девичий долг, такой же долг, как и наш, солдатский. И знаешь, мы не любим друг друга, а стараемся любить, и это самое страшное для меня. Пройдут годы, и ты будешь укорять меня за то, что я погубил твою прекрасную жизнь, ты будешь считать себя дурой, идиоткой за то, что вышла за меня замуж. И это самое страшное. Пока я пишу это все в дневник, а что может случиться завтра, послезавтра, через неделю, через год, не знаю и не могу представить. Лучше умереть молодым, чем в старости начать жить.

Кстати, моей маме исполняется сорок лет, не много, не мало, сорок лет — юбилей. За свою жизнь, которую она прожила, она не видела счастья, обыкновенного человеческого счастья. И как ее сын, не самый любимый, я постараюсь ей отдать все, что будет у меня в жизни.

Пока все, «встретимся» вечером. Очень жарко.

16.06.80. И снова неугомонный ветер несет со стороны Союза прохладу. Скучно без запахов родимого края. Все чуждо в этой стране.

Жарко сегодня что-то, может, на речку искупаться да урюка пожевать — не отказался бы.

17.06.80. День прошел немного необычно, после обеда поехали на речку. Немного отвлеклись от этой жары, да и от всего служебного. Постирались, потревожив покой вшей, наелись шелковицы, просто побегали, попрыгали, со стороны мы были похожи на голеникх детей, которые безумно ошастливились, увидев впервые воду.

Да, с водой трудновато, но солдат должен привыкать к нужде, и мы поневоле привыкаем, вынуждает жизнь.

Приехали, когда солнце село за горы, благодать. Свежий ветер обдувает

запекшиеся лица, и чувствуешь такое удовлетворение, что забываешь все на свете. Кузнечики запели, наполнив таинственную тишину гор. Переливаются звуки, как будто мелодия. Хорошо жить!

Одинокая луна застыла посреди голубого неба и странно улыбается, как будто напоминает о приходе ночи и желает спокойного сна.

И все-таки загадочный этот мир — природа. Сколько известного, а сколько неизвестного. Было бы так всегда, как сегодня, когда все кажется приятливым и знакомым.

Жалеть, любить и радоваться с нею. Смеяться, плакать и горе пополам.

Темнеет, скоро вечер ляжет на вершины таинственных гор, и вся природа, а с ней и люди, уснут до утра.

18.06.80. День моего двадцатилетия. Необычно он начался и необычно кончился. В три часа уехали на операцию, которая проходила в 700 метрах от нашего поста. Духи там вчера обстреляли колонну бензовозов. Сгорел один бензовоз; к счастью, все живы.

У местного населения узнали о том, что душманы приходят всегда ночью за продуктами, а с рассветом уходят в горы. Вот мы их решили встретить.

Когда окружили кишлак, «зеленые» пошли обыскивать дома баев. Кто убежал в горы или пытался убежать, тот был там и похоронен. Всем нам уже стало привычно убить «зверя». Не надо удивляться, ведь здесь война.

Операция прошла успешно. Трофеи были сданы афганским властям. Восемь душманов уничтожено. О своем «дне», откровенно говоря, я забыл, вспомнил уже под вечер, когда получил поздравления из дома, от тебя.

Двадцать лет — немалый срок, оглянуться назад, что осталось, что сделано и что забыто. И вот все, кончилась юность, дни студенческой жизни, вечера, рассветы, вечеринки, провожания, свиданья, всего этого больше нет и не будет. Жизнь в напевах, юность увяла.

Все мимолетом, из-за угла, без вся-

кой суеты, кончилось. Хотя не верится, что уже двадцать, третий десяток пошел.

24.06.80. Неделя пролетела быстро. У нас опять новое место, несение боевого дежурства. Охраняем водопровод, который тянется из Союза сюда, в Пули-Хумри. Существенных изменений нет, кроме того, что у нас появился еще один член экипажа, это — Бонасье Констанция, да, да, собака с необычным именем. Единственная наша радость.

Сегодня отправили колонну в Союз. Ребята все счастливые, все-таки Родина лучше всего.

Надвигается вечер, прохладно. Вали готовит ужин. Мы и повара, и едоки. Чему только не научишься, вернее, жизнь сама заставляет научиться.

27.06.80. И опять у нашего взвода новое место, охрана правительственной связи. От нашей старой стоянки километров 15, не больше. Новое место. Появился транзистор, теперь все время уделяем ему, но с этой радостью мы лишились другой, нашу Констанцию мы потеряли. Обидно и глупо потеряли, забыли нашего непосредственного собеседника. Вторая Констанция покинула наши сердца навсегда.

Дни летят, июнь на исходе, кончается первый месяц лета. Хоть бы один дождик пролил свою слезу, ни капли за месяц. По правде говоря, надоела эта жара, а особенно пыль.

Вчера опять басмачи совершили диверсию, обстреляли дежурный БТР, убили водителя, а ночью взорвали трубопровод. Живешь и не знаешь, из-за какого угла тебя подстрелят, как утку охотник.

А все-таки жить надо, хотя бы поэтому, что тебя ждут дома.

Письма писать — конвертов нет, да-да, нет, и кто знает, когда они будут. По транзистору концерт, хоть какая-то удовлетворенность.

Уже час дня, время летит, вечером кино, потом караул — и так каждый день. В нашей армейской жизни уже

не стало ничего особенного и удивительного, все привычно, и даже как-то не представляешь себя без этого. Придя на гражданку, забыться — это, по-моему, самое главное у каждого из нас, забыться, но не забывать то, что было пройдено, нелегкий путь, который представила нам жизнь без всяких благ, удобств. Не представляю, как дома лягу на кровать с белыми простынями, не могу даже себе представить, не в силах сейчас. Кому ни рассказывай, мало кто поверит, даже рассмеется вслед кто-нибудь. Но если он пережил хотя бы четверть того, что мы сейчас переносим, он бы не только перестал смеяться, но и забыл, что такое улыбка. Конечно, это все чушь, такого у него не будет, а по-моему, лучше промолчать, когда будут спрашивать. Уж лучше, чтобы никто не знал. Ладно, не буду разводить дискуссий на тему, кто прав, кто виноват. Если доживу, то я буду благодарен единственному, это тебе, мой дневник, только ты смог и сможешь понять меня и мое сердце.

28.06.80. Еще один прошел день, навсегда исчезнув в сизой мгле, оставив след за собой, как оставляет след метеорит.

5.07.80. Прошла неделя, одна из тех, в которых нет ничего такого, чтобы можно было рассказать что-то. Сейчас главное — память, это главное. Память все-таки подводит, но возрождение ее будет, обязательно будет. День заканчивается, но жизнь продолжается.

Какой вечер, так и хочется слететь с горы, подобно птице, и подняться так высоко, чтобы можно было рассмотреть весь земной шарик. Такая тишина, шум речки сливается с тишиной, придавая особый оттенок этой всегда чарующей тишине. Сидишь и любишься. Лягушки музыкально сопровождают песни кузнечиков. Все это сливается в одно под чьим-то дирижерством. Закат какой-то интересный, светло-розовый с желтизной, наверно, жарко будет завтра, на-

доедает жара, но всему в конце концов есть предел. И когда этот предел настает, удивительно, просто слов нет, хорошо. Темнеет незаметно, близится ночь. Именно в такие вечера, беззаботно тихие, после жаркого обычного дня, насыщенного всякими шумами и суетой, становится такое легкое сердце, которого, может быть, больше никогда и не будет. Так стремитесь узнать всю красоту одиночества и как можно чаще открывать свою внутреннюю сторону самолюбивой души.

Не стесняйтесь и не уходите от боязни угрызания совести.

Ты, мой друг, дневник, и в то же время врач. Но для тебя, вернее, в тебя, уходят те мысли, те чувства, те эмоции, что вряд ли когда-то мной будут сказаны или выражены. Вот так, пойми правильно.

Человек живет одной жизнью, а пользуется несколькими, и эта черта никогда не сможет умереть. Люди алчны и жадны, чем больше им дают, тем желания больше возрастают.

6.07.80. Воскресенье. Вроде бы выходной, если мне память не отшибло еще. Что понедельник, то и воскресенье — здесь одно и то же. Просмотр художественного фильма, вчерашнего; горы, речка, небо, ветер. Название тоже прежнее.

Ох, устал от жизни этой. Все скудно, паршиво, нудно. Напиться сейчас до «зеленых чертиков» и уснуть где-нибудь в лесу. Бессмысленно, конечно, бессмысленно заливать свою душу интенсивно вином. Жизнь просто опаскудится, станет собачьей, и никому и никогда ты не докажешь свою правоту.

Уж лучше жизнь перевернуть вверх дном. Нет, пьяницей я не смогу стать, хотя не исключено. Если сразу займусь делом, то все образуется. Получить диплом и уехать на какую-нибудь стройку.

Развел опять свои дискуссии, хватит, и так все надоело.

Скучно, умираю от тоски.

8.08.80. Вот вроде и опомнился, дошло до разума, что пора уже заглянуть в свой маленький таинственный остров, где скрываются сотни слов, фраз, чувств. Во-первых, я приношу свое извинение по поводу своей лени и незначительной беспомощности, а также даю слово впредь уделять хотя бы полчаса своей душе и своей голове. Одним словом, одиночеству.

Прошедшие события во мне почти ничего не оставили, уж слишком наивен стал за последние дни, которые так летят, что даже становишься порой дальтоником.

Много я передумал и представлял, но пришел к одному выводу: если человек теряет свой талант, то это еще не говорит о его растерянности, он ищет, упорно ищет свою точку опоры на этой неживой и бесцеремонной земле. И самое обидное для него в этот момент то, что, попадая в тупик, он все больше начинает понимать бессмысленность своих поисков, нервы сдают даже у самых сильных. Мое желание, вернее, решение: если ты почувствовал свой кризис, то не удручай себя мыслями, что ты беспомощен и бессилен что-либо сделать, этот шок пройдет со временем, и ты снова увидишь свою звезду и будешь доволен жизнью.

Боюсь, что все зря: и стихи, и дневник, и письмо, и сама жизнь, вот пройдут годы, и новая жизнь просто-напросто вытолкнет те события или ту большую любовь (как привыкли ее называть), и ты просто останешься бугром земли, огражденным зеленой оградой.

Ладно уж, слишком я зашел за те границы, когда собственное удушие становится легче, чем нежеланное.

25.08.80. И снова, и снова я виновен. Вроде бы времени хватает, а как подумаешь, почти его нет. Все закономерно уйдет со временем, и ты останешься один спорить с миром.

Конец августа, конец лета, но ничего не напоминает о конце. Нет настроения, даже мысли не лезут в голову, обидно. Ладно, прекращаю.

31.8.80. Последний день лета, последнего лета в армии. Каждый день приближает тот долгожданный день возвращения на Родину.

Я расскажу только о главном, о нас, солдатах и сержантах. Мы живем, откровенно говоря, в условиях тяжелых. Не знаем, что такое кровать, не знаем, уже забыли, как это спокойно спать.

Одиночные выстрелы, очереди из автоматов — все это стало привычным до такой степени, что порой просто забываешь или не замечаешь. Вы не поверите, вот, например, сейчас час ночи, слушаю магнитофон фирмы «Сони», хотя в Союзе редко кто из солдат будет слушать магнитофон, притом купленный на солдатскую получку. Так вот, мы здесь имеем все, от часов японских кончая самыми дорогими вещами; кто возьмет в магазине, а у кого и как трофей. Но из-за возможности хорошо жить мы теряем самое дорогое — саму жизнь. Тысячи трупов встретила наша Родина, и сколько еще встретит. И это не считая калек и людей уже неполноценных... И единственное я хочу сказать, какими бы ни были наши грехи, мы все же заслуживаем уважения. Мы повторили подвиг наших отцов и дедов для того, чтобы наши внуки жили под светлым небом, как и мы однажды, ради мира отдаем свои молодые годы и свою жизнь. И не плачьте, наши матери, гордитесь своими сыновьями, они умирали за мир. А с нашей стороны: мы постараемся вернуться живыми. Ждите нас только, и мы вернемся.

Если умру я... после меня останется мой дневник, и кто ни прочитал бы его, поймет, что нам тяжело было умирать только потому, что после нас почти никакого наследства... Так простите нас, мамы, сестры, за то, что мы убиваем, нужно для Родины. Вот и все, что я хотел сказать.

3.09.80. Третье сентября 1980 года. Дети 3-й день учатся, да, у них все еще впереди, а у нас давным-давно это кончилось. Пролетело детство, и нику-

да не деться от старости, а она уже через десятилетие даст о себе знать. Вообще-то о старости говорить рано, но все-таки не помешало бы.

10.09.80. Вот и закончилась еще одна страничка моей жизни, безукоризненно дешевой в своем роде и не совсем полноценной. Чем больше хочешь сделать, тем больше проявляется один из таких недостатков, как лень. Да, именно лень, она во всем виновата, вот и надо с ней бороться. Да, моя судьба удивительно капризна, как будто ею командую не я, а какая-то равнодушная сила. Я вновь в восьмой роте. Откровенно говоря, не так уж и плохо. Жизнь становится на колеса, обыкновенные колеса БТРа — целый день ездить, почти в одном и том же направлении.

Ладно, не будем вдаваться в подробности, они изо дня в день сами приходят сюда. Хочу сказать, моя память пока что не подводит меня, за это я ей благодарен. Воспоминания всегда будут помогать в жизни, даже тогда, когда они недобрые. Ладно, не будем задерживаться, надо чуток отдохнуть. Пока.

20.09.80. Я вас приветствую и сразу прошу извинения уже который раз. События, происходящие сейчас, все больше тревожат душу. Сгорел 43-й БТР, ранено пять человек. А Баглан как был, так и остался еще неуспокоенным. Обстрел колонн все продолжается, появились у душманов гранатометы. Обстановка складывается не из лучших, хотя в газетах пишут, что Афганистан уже строит социализм. В некоторых местах, а вот в других все еще продолжают диверсии. Гибнут ребята с каждым днем все больше и больше, и нет простого объяснения — за что? Мы не предвидим судьбу, но и не пытаемся ее предвидеть. Ну а пока наша будничная солдатская жизнь течет рекой, встречая на своем пути все больше и больше преград. Всем хочется вернуться, но есть одно но... над которым порой приходится не думать. И как бы мы ни старались,

а она ходит рядом, по пятам. Нет, я и мои товарищи не боимся смерти, нет, это, может быть, будут чьи-то доводы, а нам просто (я уже не раз об этом говорил) обидно умирать на чужой земле, так и не увидев Родины.

20 сентября, через шесть дней будет почти десять месяцев, как я в Афганистане. Немалый срок, сколько уже всего пережито и перевидено, ужас. Война, проклятая война научила нас убивать со спокойным сердцем и с ненавистью к врагу. Советский народ надолго запомнит Чехословакию, Даманский полуостров и Афганистан, солдатские жизни навсегда останутся в памяти тех, кто смог дожить до того счастливого дня, когда он вернется домой. И не удивляйтесь, что мы немного огрубели, простите нас, милые подруги, если, конечно, вы еще нас ждете.

Пока!

22.09.80. Все тоскливей и тоскливей становится. Домой тянет в последнее время ужасно. Светка написала письмо, глупенькая, она даже не представляет, как трудно вернуться. Эх, судьба — удача или неудача, черт ее знает. То везет, то не везет, то бросает в пропасть, то как на крыльях взлетаешь куда-то в поднебесье.

Скучно и мрачно становится на душе, чертовски хочется исчезнуть куда-нибудь подальше и вернуться через десятилетие или через два. Самое страшное — это, наверно, быть под колпаком смерти. А вообще, что такое смерть? Как мирный человек относится к этому? Скорей всего равнодушно. Для них — она просто пока еще не существует. Почти все проблемы решены: и жизненные и политические, а вот проблема смерти — не решится, невозможно ее просто решить, не в силах никто.

Паршивое настроение сегодня, даже писать и то — скучновато. Вместе с этой скукой еще появляется лень, та самая лень души, с которой трудно думать и все обосновывать. Исчезла та непоколебимая воля, с которой можно

было спорить, исчезли мысли, как в пропасть все проваливается.

24.09.80. Новый день, новая жизнь, новые дела, а на самом деле все по-прежнему. В казарме тишина, только дневальный лениво наводит порядок.

Наши уехали сопровождать колонну. Скоро должны уже вернуться. День какой-то мрачный, небо все обложено странными облаками, с которых даже капли не выпросить. Скучно. Еще немножко бы дотянуть. Вот так лежишь и забываешь, что с тобой.

Сесть письма, что ли, написать. Давно не писал, да и мне ведь не пишут. Забывает потихоньку она в своей студенческой жизни.

Мухи надоели, мочи нет их переносить, вроде бьешь, бьешь их, а их все больше, как назло.

26.09.80. Сегодня день приказа!

3.10.80. Все больше уходит в неизвестность все прошедшее, но за этой неизвестностью стоит та неприступная стена ненависти и злобы, которая горит в наших молодых сердцах. Как хочется душевной ласки, слов и взглядов, отключиться от страшной жизни к своему мирному постоянству. Разве мы не люди, сколько можно слез, мужских слез. Ох, кажется, выговорился, немного отошло, ладно, тему «Душевную ласку иметь я хочу» отложим до лучших времен.

Колесная жизнь продолжается. Баглан — Пули-Хумри и обратно.

4.10.80. Начинается новый день, как обычно, с выезда. Все остальное второстепенно и безразлично.

Тоска одолевает все с большей силой, не знаешь, чем себя занять.

13.10.80. В день по шесть часов мы в пути, наш путь через Баглан всегда проходит с обстрелом. Пора этот Баглан с лица земли стирать, а потом разбираться.

В моей жизни, вернее, в моем репертуаре появились еще три новые песни, которые отличаются от других тем, что они написаны открыто и их исполнение тоже независимое.

23.10.80. Снова размышления, гиб-

кие, всесторонние. Голова не подлежит восстановлению, что утрачено, то жизнью растрачено. Каких-нибудь полгода, и там — дом, где будет радость встречи и слезы счастья, каких-нибудь полгода. Человек думает, и это приятно наблюдать. Его жесты и гримасы, все говорит о том, что человек пытается спасти положение, в которое он попал, и его спасение заключается в его собственных руках.

Не могу представить себя другим.

Мои нравственные убеждения достигли самой цели, но здравый смысл этой цели ничтожный по своим масштабам и прихотям. Только поэтому теряется равновесие, как говорят, наступает психологический кризис, да, тот самый психологический кризис, от которого человеку становится противным все живое. Избежать? Увы, понадобятся силы, о которых сейчас и речи быть не может, которые бы восстановили определяющий путь твоей оборванной жизни, тяжело, а все-таки придется со временем.

Быть полезным, быть при любых обстоятельствах уравновешенным. Это главное, быть человеком, определяющим тот или иной сюжет своей или чужой роли, полностью убеждающим самого себя, свои нервы. Стремиться к этому всю жизнь? Постой, но ведь существуют самые человеческие понятия — любви, дружбы, работы, собственного разума?!

Увы, я любимец судьбы. О нет! Уж слишком моя судьба противоречива. Меня можно разобрать по полочкам, а не найти всего одного места, где кроется необъятная надежда моей многострадальной души. Сколько переживаний, а они все сопровождаются смехом и юмором.

28.10.80. Становится все холодней. Ночью уже приходится временами топить. Да, построили дом, печку, крышу перекрыли, обои наклеили. Кажется, что едем в купе поезда, в котором топится печка. Если тебе надоело одиночество в четырех стенах маленького купе, то выходишь на улицу и дышишь

свежим воздухом, любясь красотой осеннего мира. И на душе так прекрасно и хорошо становится, что опять заходишь в одиночество четырех стен. И опять катится вагон куда-то далеко-далеко, и жизнь становится такой медленной, что забываешь счет времени.

А служба считает свои прожитые часы и минуты и уходит навсегда в прошлое.

31.10.80. Вчера получил письмо. Да, ты совершенно изменилась, не только внешне, но и морально. Конечно, как-никак!.. Нет, Вера, с высшим образованием я стану другим, другим для всех, для тебя, даже для себя. Мои взгляды на жизнь не такие уж перспективные, но моя мечта живет, и она, уверен, когда-нибудь сбудется. С моими, как ты говоришь, недюжинными способностями не отгрохает славу и идеал. Моя слава — это мои добрые знакомые, дневник, стихи, гитара, желание писать песни, они, по-моему, помогают жить нам. Не знаю, может, моя голова в чем-то и уникальна, но одно могу с уверенностью сказать, моя жизнь удивительно прекрасна. За ее двадцать лет многое увидено и понято, пережито и испытано.

А все-таки ты не права. Ты, значит, еще даже не догадываешься о моей большой любви к тебе, и все, что я делаю и пишу, это только для тебя.

Моя жизнь — это ты, постоянное чувство, что тебя ждут и любят, и если я смогу, отблагодарю за все тебя и свою судьбу.

Человек хочет верить в свою безмянную судьбу, которая была бы подвластна ему, что значительно бы улучшило человеческие отношения к самой жизни, все потребности, которые он раньше испытывал, просто бы исчезли.

Если он перестает об этом думать, недоверие к людям и к самой жизни нарастает, и он начинает терять свой человеческий облик.

2.11.80. Второе ноября, какой день недели, забыл. Немного на душе тоскливо, стараюсь не показывать это,

хотя и очень заметно. Бежит и бежит по бездорожью маленькая, ничем не знаменательная моя крошечная жизнь. Бежит неведомо куда, спотыкаясь о каждый камень, а ими усыпана вся дорога, и усталость одолевает, и жажда мучает и ноги все перебиты и исцарапаны. Но не сдаётся жизнь, борется с неведомыми силами, пытающимися остановить ее... Так и человек пытается вернуть в старое русло речку. Каждый из нас имеет право на свое маленькое душевное счастье, и запретить иметь его никто не сможет, уж слишком богатая фантазия у людей, чтобы придумать, как найти выход.

3.11.80. Еще раз убеждаемся в том, какой непоколебимой воли русские люди, какой интуицией обладает солдат. Хоть и глупое бесстрашие, но просто некоторые могут не поверить. Утро началось хмуро. Тучи заволокли все небо, ночью шел дождь и на улице стоит такая свежесть, что хочется за раз вдохнуть весь этот воздух. Первый дождик за полгода, просто невероятно. В Союзе снег давно лежит, а здесь только прошел первый дождь. Сейчас бы погулять по мокрым улицам, не обходя лужи, и долго-долго наслаждаться прохладой этого утра. А время идет, приближается с каждым днем знаменательная дата. Не верится, неужели за спиной осталось полтора года службы. Вроде бы вчера только службу начинал, а смотри, завтра уже домой.

А там, дома, там все иначе.

9.11.80. Вот, пожалуйста, вам и сюрприз. Доши вновь вползла в мою историю без всяких там церемоний. Да, да, я опять в Доши! Как и следовало ожидать, на самой высокой точке. Пейзаж, курорт, никто тебя не тревожит и не беспокоит.

С уверенностью могу сказать: моя жизнь — приключенческая сплошь и рядом. Все видишь и слышишь, и это отражается на тебе.

Я благодарен еще раз тебе, моя судьба. Я раньше не упоминал прямо

о причинах моего постоянного кочевания из одной роты в другую.

Винюен я, не отрицаю, но если бы вы знали, как это с другой стороны положительно: ты узнаешь людей, знакомишься с их характерами, идеями, нравом, ошибками, горем, радостями; все это хорошо врезается в память, и потом, много лет спустя, ты будешь вспоминать и говорить о неповторимости твоей жизни детям. Да, моя жизнь неповторимая, случайная, вот она была, и нету. И не посмею себя в том упрекнуть, что моя жизнь прошла бесцельно. У каждого человека есть цель, мечта, надежда; моя цель — это бесцелье, мечта — стать артистом, и надежда — вернуться живым. Те, кто будут читать дневник, наверное, много будут смеяться, или многое им покажется непонятным — значит, в их душах другие чувства, каждый по-разному видит жизнь.

13.11.80. Даже не знаю, как и начать. Вчера убили Кольку... Глупо, боже мой, как глупо. Не верится, не могу даже себе представить. Ведь только позавчера он еще улыбался и шутил, а сегодня его нет... Нет человека, и никто и ничто его не возвратит в этот безжалостный мир. Когда человек рядом, не замечаешь как-то его, и лишь потом мы тщетно пытаемся вспомнить все его движения, разговор, улыбку. Улыбка — он мне запомнился таким непринужденным, отчаянным парнем. Вам трудно будет понять это, но мы потеряли любимого человека, человека с открытой душой и сердцем. Мы никогда не забудем тебя, Николай Кузько.

Не верю, не верю, не верю... не хочу смириться с мыслью, что тебя больше нет, почему именно тебя, почему?! Коля, наша Констанция будет всегда мне напоминать тебя.

Прощай, Николай, да будет тебе пухом наша советская земля.

Извини меня, дневник, я не могу перенести тяжелой утраты. Жизнь паскудна, лжива и жестока. Где ты получишь пулю, где? Если бы знать,

почему она ищет нашей смерти, почему?

Ему было двадцать. Что он видел? Ничего, кроме того, как убивать. Война — страшное слово. Если доживу до светлого дня, то я клянусь, узнают люди правду, правду о событиях в Афганистане, пусть мне придется потратить на это всю свою оставшуюся жизнь.

Вера, наверное, тебе я не расскажу этого никогда. Боюсь причинить и тебе эту страшную боль.

Человек рожден не для того, чтобы умирать, а для нормальной человеческой жизни.

Сегодня я услышал: «Я хочу жить...» А разве не хотел Колька жить?

«Черт знает, что будет завтра, надо жить сегодня, сегодня, а не когда-нибудь!» — говорил Колька. Он был прав, сотни раз прав. Умирая, я уверен, он улыбнулся, и его улыбка была вызовом смерти. Он умер как советский солдат, почтим его память минутой молчания...

Разрыдаться до боли хочется, но слезы не утешат его могилы, мы, мужчины, перенесем достойно эту утрату, и заплатят враги за Кольку Кузько, заплатят.

Пройдут годы, десятилетия, может, и о нас, советских солдатах, выполняющих свой священный долг, напишут книгу, и она не оставит равнодушным никого, я уверен.

А пока мы будем жить ради того, чтобы жить, жить.

Вечная память советским солдатам.

16.11.80. Болит душа человеческая, душа, которая, я думаю, у любого из нас имеется.

Жизнерадостный, веселый, любит пошутить, в коллективе уважаемый, но все это можно противопоставить только одному слову: равнодушие.

Свое горе, свои печали он никому не поведает, он страдает, ему мучительно больно, а он веселый, жизнерадостный и т. д., значит, он равнодушен ко всем этим описаниям его характера,

права, поведения, эмоций, разговора. Вот когда кто-то из нас сможет заглянуть этому человеку в душу, вот тогда мы будем ему сострадать, станем сострадальцами его души.

18.11.80. Будничный день повседневной жизни. Непримечательный и без всяких неувязок. Прожит день, что будет завтра, смогу ли, как сегодня, думать, улыбаться, писать, никто не знает — и никто не сможет предсказать, что в будущем. Велика человеческая душа и неисцелима. Сотни предчувствий мучают, морально убивают.

Молодые, юные ребята превращаются в закаленных водой и холодом, жарой и голодом настоящих солдат России. Россия, как далеки мы пока от нее, все это только нам снится. Сейчас бы на Родину, пройтись по знакомым улицам, посидеть на скамье в парке, почитать свежую газету, почувствовать свободу своего разума и тела.

27.11.80. Вечер. Подымался на сопку, оглянулся... и вдруг стало немного не по себе, как будто красоту гор, синего неба мне больше никогда не увидеть... Нет, я себя не похоронил. Но она, Вера, была там, она окликнула меня. Может, это просто бред? Что это, страх, или просто нервы отключаются?

2.12.80. Вот и последний декабрь. Через шестнадцать дней — сотка, сто

дней до приказа. Вроде и ничего, а если так подумать, сто дней, это же надо еще их прожить. Ладно, не будем об этом.

Спустя десять, двадцать лет будешь читать дневник и не поверишь, что писал именно ты, и твои разносторонние размышления остались на бумаге. Что может быть дороже памяти, по моему, ничего кроме памяти. Если, даст бог, выживу, то клянусь, сберегу ее до гроба.

Домой тянет.

5.12.80. Темнеет. И опять в батальоне несчастный случай — старшему лейтенанту оторвало кисть.

В одном селе, раскинувшемся на берегу полноводной реки, жил один мальчик. Никто не знал, кто его родители, на что он живет, да и вообще он никого почти не интересовал.

Не по своим годам одетый, растрепанный и курносый, он отличался от своих сверстников своей зрелостью. В нашей компании он был постоянным рассказчиком всяких жизненных приключений.

Мы по-детски его любили и уважали, собираясь у костра, отдавали ему ворованные или выпрошенные ломти хлеба и сахара.

Никто и никогда не задавал себе вопросов, почему я это делаю? Без слов понятно было нам, он — сирота. И вот много лет спустя я вдруг вспомнил о нем здесь, в Афганистане...

На дальнюю заставу

Колонна

*Возвращение с высокогорной
заставы*

«Письма твои получаю...»

ПЕРЕПИСКА С ДРУГОМ

Июнь 1985 года. В Кабуле жара — в тени за сорок, и кондиционеры уже не справляются с нагрузкой. Свежеоттиснутые полосы дивизионной газеты, принесенные для читки, шуршат, как высохшие осенние листья. Теплый графин с противной хлорированной водой ни на секунду не утоляет жажды.

— Разрешите! — на пороге появляется незнакомый молодой офицер. Он высок, голубоглаз, на голове щетинится хохолок упрямых светлых волос.

— Лейтенант Чуприков, — представляется он. — Зовут Иваном. Зашел познакомиться.

Через минуту все выясняется. Иван прибыл в отряд пропаганды и агитации вместо тяжело раненного старшего лейтенанта Александра Теперева. Сам Чуприков по профессии военный журналист, а здесь выполняет обязанности пропагандиста. Родом из Крымской области. Там живут его родители, жена и маленькая дочь.

Мне нравился этот молоденький лейтенант. На круглом русском лице добрая, отзывчивая улыбка, что-то в ней мальчишечье, задорное. Ивану тоже, видно, нравится у нас. Он попал в родную стихию, здесь все свои, понимающие люди.

Потом пришла беда, и он надолго пропал, исчез из нашей жизни. Он снова предстал передо мной, когда я получил вдруг от него письмо.

Письмо первое

Здравствуй, Валерий!

Извини, что не называю по отчеству — просто не помню. Решил вам написать о себе. Лежу в госпитале после операции. Много думаю, пытаюсь собраться с мыслями. Получается плохо. Сообщите, что случилось со мной...

*Иван ЧУПРИКОВ.
Ноябрь 1985 года.*

ПИНЧУК Валерий Николаевич, майор. В Афганистане — с 1984-го по 1986 год; служил в воздушно-десантных войсках. Награжден орденом Красной Звезды.

— Мужики, Ваня объявился! — я выхожу из своего кабинета с конвертом, на котором виднеется ленинградский штемпель. Редакционная почта вдруг валится у меня из рук. Все бросаются поднимать письма и газеты, а я стою и не могу сдвинуться с места.

— Какой Иван? Тот самый, Чуприков? — тормозат меня офицеры.

— Тот самый!.. Оклемался, Ванюша, ожил, — еле слышно шепчет наша машинистка Валечка Севостьянова и начинает тихо плакать. Все молчат. Я плотно закрываю за собой дверь, еще раз перечитываю письмо.

Значит, он ничего не помнит? Неудивительно — тяжелейшая травма головы. Две недели был на грани смерти. В палату реанимации кабульского госпиталя мы пробивались почти силой. Тягостное впечатление осталось от того посещения. Иван смотрел на нас, но никого не узнавал, пытался что-то сказать и беспрестанно плакал, как младенец...

Врач вытолкал всех из палаты, усталое прислонился к холодной стене:

— Жить он будет, — словно предупреждая наши вопросы, быстро проговорил хирург. — А за остальное — не ручаюсь...

Что же произошло с лейтенантом Чуприковым? В октябре восьмидесят пятого отряд пропаганды и агитации был направлен в район боевых действий для работы среди местного населения. Лейтенант Иван Чуприков выполнял свои обычные обязанности: писал тексты для листовок, помогал переводчику готовить обращение к афганцам. В его распоряжение была выделена

боевая машина, оснащенная звуковещательной установкой, небольшая охрана. Рядом с ним постоянно находился военный переводчик лейтенант Дмитрий Шевляков.

В тот день обстановка складывалась непросто. Здешнее население, поддавшись уговорам оппозиционеров, стало покидать кишлаки. Вскоре на шоссе стихийно образовалась колонна афганских автомобилей и устремилась в сторону пакистанской границы. Там их встретили пулеметным огнем. Афганцы в панике бросились обратно. В этот момент и встретилась им на дороге боевая машина с расчехленными громкоговорителями. Но разговоры не получились. Лавина машин неслась прямо на БТР.

Молодой механик круто взял вправо, и вдруг случилось непоправимое. Бронетранспортер не удержался на узкой кромке дороги. В считанные секунды машина превратилась в груды металла, похоронив под собой рядового Константина Каплина и тяжело ранив Чуприкова.

Легкими ушибами отделался лишь переводчик Дмитрий Шевляков. Смерть снова обошла стороной молодого офицера. Год назад в ходе боевых действий был сбит вертолет, в котором находился Дмитрий. Ми-8 упал и сгорел, только переводчик чудом тогда уцелел.

Выбравшись из бронетранспортера, Шевляков нашел истекающего кровью товарища, оттащил его подальше от дымящейся машины. Вскоре подоспели медики.

Когда Иван очнулся в госпитале, он не знал и не помнил ничего. Ни как его зовут, ни своих родителей, ни жены и дочки. Единственная буква, которую он пытался произнести, была «ч». Наверное, потому, что с нее начиналась фамилия — Чуприков. Заново пришлось учиться говорить, читать, писать.

Кабульский госпиталь не оставил в его сознании ни малейшего следа. Не запомнился ему и ташкентский госпи-

таль. Лишь в Ленинграде он окончательно очнулся, «проснулся»... Помогли нейрохирурги.

Страшно болела голова, но Иван, кусая губы, молчал, терпел. И никаких сил не было, когда на сердце накатывала тоска. «Что будет со мной?» — часто задавал Иван себе один и тот же вопрос. Ответа не находил. Только уныло гудели люминесцентные лампы под потолком, да тихо поскрипывала на ветру оконная форточка. В госпитале любили тишину.

Здоровье пошло на поправку. Ивану разрешили самостоятельно гулять, читать книги, писать письма. Жить стало легче.

Приближалась выписка из госпиталя. И сразу же на повестку дня встали две главные проблемы — где жить и работать. Их надо было решать незамедлительно, ибо строгая врачебная комиссия определила бесповоротно — инвалид. Это означало и увольнение из Вооруженных Сил, и потерю работы, и смену места жительства. Правда, последнее особенно не пугало Ивана — у родителей была просторная квартира в одном из курортных городов на Черноморском побережье. «С жильем в порядке, — рассуждал он, — а работу со временем найду, если здоровье не подведет, да и военкомат не позволит пропасть. Проживу...»

Его как магнитом постоянно тянуло в редакцию. Сделав все дела в отряде, он подошел к командиру и попросил отпустить его на полчаса. Майор Сергей Назаров хмурился: «Опять к ним. Знаю я твои полчаса, полдня проторчишь. Навязали на мою голову журналиста...» Иван понимал, что командир говорит это без зла. Кому нравятся частые отлучки подчиненного из подразделения. Но так или иначе, Иван заходил в «Гвардейскую доблесть» ежедневно. Приносил мелко исписанные листы стандартной бумаги и оставлял на столе редактора. Первая его заметка помечена 4 июня 1985 года.

А два дня спустя газета опубликовала первую корреспонденцию лейтенанта Чуприкова «Их второе дыхание». Еще два дня прошло, и на первой полосе «Гвардейской доблести» появился обстоятельный отчет о работе отряда пропаганды и агитации на одном из кабульских предприятий под заголовком «Вокруг приветливые лица».

Лето восемьдесят пятого было для редакции особенно горячим. Сменяя друг друга, отправлялись в горы десантники, а вместе с ними и журналисты, на месте постоянно находился только один офицер. На нем лежали обязанности по выпуску газет и листовок, заботы по отправке почты в район боевых действий. В этой ситуации помощь Ивана Чуприкова была для нас неоценимой. Его материалы шли почти в каждом номере, за исключением тех дней, когда он участвовал в агитрейдах или отправлялся в горы.

Иван вырослел у меня на глазах. Это проявилось и в его внешнем облике — огрубела под солнцем нежная кожа лица, стал строже взгляд; и в поведении — исчезли нерешительность и осторожность, появилась смелость, твердость духа, целеустремленность. Эти перемены отражались и в его материалах.

Я понял, что место Ивана — в редакции, и стал думать о том, как решить непростой вопрос его перевода на должность корреспондента-организатора. Начальник политического отдела полковник Н. Шиденко с моими доводами согласился. Москва также дала «добро», чему я сильно удивился. Осталось дождаться формальности — выхода соответствующего приказа. Уверенный в том, что дело решено окончательно, в конце августа 1985 года я спокойно отправился в отпуск. Сердечно попрощавшись с Иваном в кабульском аэропорту и сказав ему: «До встречи!», не знал, что встречу с ним в госпитале, чтобы снова с ним проститься, теперь уже надолго.

Письмо второе

Чувствую себя хорошо, голова почти не болит. Но проблем пока хватает, даже не опишешь в одном письме. Выберешь время, черкни пару слов, как там у вас дела. Только больше не пиши на адрес родителей. Я теперь живу в поселке Химзавода, дом 63.

Иван ЧУПРИКОВ. Зима 1986 г.

Проблемы у Ивана начались там, где он их меньше всего ожидал, — с приездом отца в госпиталь. Разговор не клеился. Отец рассказывал о домашних делах, сетовал на нехватку денег, а в конце заявил: «Ты достаточно заработал за границей и обязан возместить мои расходы на эту поездку».

У Ивана похолодело в груди. Какие деньги? О чем он говорит? Расстались холодно, как чужие. Ивану было горько и обидно, ведь он знал, что деньги дома никогда не переводились. Курортников в его родном городе полно круглый год, а комната, которую сдавали родители, всегда шла нарасхват. Наверное, жена с дочерью уменьшили доходы, вот его и прорвало...

От Ленинграда до Крыма — путь неблизкий. Иван добирался домой со смутным ощущением надвигающейся беды. Он настраивал себя на предстоящую радостную встречу с родными, но не выходил из головы разговор с отцом.

Он не ошибся в своих предположениях. Обстановка в доме была накалена до предела. «Тебе обязаны выделить квартиру, — говорили родители. — Ты просто не хочешь просить». Иван пошел сначала в военкомат, затем в горисполком. «В нашем городе с жилплощадью — просто беда. Курорт, сами понимаете», — объяснили ему с привычным презрением к докучливым просителям. Ивану стало не по себе — ждать придется несколько лет, а как же жить?

Родители были неумолимы: «Требуй,

добивайся квартиры любым способом». Иван понял, что придется искать комнату на стороне. Жена молча согласилась — она здесь никто. Возмутились соседи: «Они не имеют права. Судись — и ты получишь свою законную комнату».

Судиться с отцом и матерью? Иван сжал голову руками — боль усиливалась, темнела сознание. Что делать? Как быть? Но судиться с родителями он не станет.

Иван бросился на поиски квартиры. Они были, но на короткое время и очень дорогие. На курорте как на курорте, одним словом. И все-таки Ивану повезло. Далеко на окраине города, в поселке Химзавода он нашел жилье для семьи. Переселение было нерадостным, хотя родители и сочувствовали, и обещали помогать, видимо, из вежливости...

Письмо третье

От всей души поздравляю с праздником, Днем печати, всех наших журналистов. О себе пока ничего не сообщаяю. Жду вашего ответа. Мой новый адрес: Тюменская область, поселок Комсомольский.

*С уважением, Иван ЧУПРИКОВ.
Май 1986 года*

Комната в крымском поселке, где обосновались Чуприковы, оказалась временным жильем по многим причинам. Теснота, холод, нет элементарных удобств. Все это не могло не сказаться не только на самочувствии дочери, но и не повлиять на здоровье будущего ребенка, которого ждала жена. На семейном совете решили: «Так дальше нельзя, нужно менять место жительства». Жена настаивала на отъезде в Тюменскую область. Там у нее родственники — примут и обогреют. Иван согласился, но предложил повременить с окончательным решением до его возвращения из Прибалтики, где требовалось сдать бывшее офицерское жилье.

Он хоть оттаял немного там, в своей учебке, где начинал лейтенантскую службу. Ребята из дивизионки помогли решить все проблемы, живо откликнулись на просьбы Ивана. Он опять попал в родную стихию, и уезжать не хотелось, хоть плачь. Поговорив с офицерами, Иван через них обратился к генералу из Москвы с необычной просьбой — посодействовать в его восстановлении в кадрах Министерства обороны СССР. Капитан Артур Матюк, которому довелось разговаривать с высоким начальством, передал однозначное: «Нет». Не увенчалась успехом и его попытка устроить Ивана в одну из минских газет, где работала сестра Матюка. На этот раз не согласилась жена Ивана. Все упиралось в жилье.

Иван Чуприков покидал Прибалтику с душевной болью, понимая, что решение о переезде в Тюменскую область принято окончательно и бесповоротно, что пора расстаться с мыслью о возвращении в армию, что надо подумать о будущей жизни.

Письмо четвертое

Мое положение немного изменилось. Сейчас работаю главным инженером управления спортивных сооружений объединения Тюменьтрансгаз. Не думаю, что это слишком высокое место, наоборот, здесь низкая зарплата. Никто не хотел сюда идти, а я пошел — без врачебного согласия. Боюсь одного, чтобы не предложили поменять. Надоело быть пенсионером.

*С уважением, Иван.
Зима 1987 года*

Меняются обстоятельства, но меняются ли люди? Об Иване этого не скажешь. Хотя поводов для того, чтобы замкнуться в себе, у него было много. Ведь все-таки инвалидность, двое детей... Сына он назвал в честь Кости Каплина, погибшего в Афганистане. Назвал неспроста — пусть это имя на-

поминает прошлую жизнь, друга-солдата, которого так любил.

Прошлое прошлым, но думать нужно и о сегодняшнем дне. Не только думать, а действовать. Правда, что возьмешь с инвалида... Иван ощутил это в первые же дни на тюменской земле. Куда ни обращался в поисках работы, всюду отказывали, едва взглянув в его документы. «У вас же пенсия, чего еще вам надо?» — удивленно вскидывали брови кадровики. И кому объяснишь, что семью надо кормить, что уже осточертело сидеть сложа руки, что стыдно быть пенсионером в двадцать пять лет.

Набравшись духу, Иван пошел в райком партии. Там ему, конечно же, отказали. Мол, не знает жизни района да и вряд ли справится. А кто его проверял?

После нескольких заметных публикаций в районной газете был почти уверен, что предложат работу литсотрудника. Но журналисты, в основном женщины, не допустили этого. Почему же не дают ему войти в газету со своим стилем? Все объясняется просто. У местных журналистов в большинстве учительское образование, хотя в округе так не хватает педагогов. Но кому охота трепать нервы в школе?..

Позже Иван написал мне: «Вообще-то всем вам, оставшимся в армии, — завидую. Здесь какая-то скованная жизнь, не разгонишься». Трудно ему было, первое время особенно. Ведь до этого он, кадровый военный, жил совсем иным, не замечая повседневности, множества мелочей, из которых складывается будничная жизнь. Но, оглядевшись, он вдруг понял, что нельзя жить только своими проблемами и заботами, что есть вещи и поважнее, пока вокруг столько яростных споров вокруг Афганистана, пока столько непримиримости к молодым ветеранам, пока столько ненависти к «афганцам», требующим к себе справедливости и человеческого отношения.

Письмо пятое

*Уважаемый Валерий Николаевич!
Высылаю Вам нужный материал. Однако в нем об Иване совсем немного, ведь мы говорили в основном про клуб «афганцев». Впечатления? Очень хорошие. И держится он так, словно все страшное у него позади. Спокойный такой, добрый, симпатичный человек. Еще не успели отрасти волосы на голове после недавней операции. Виден огромный шрам, идущий ко лбу. Есть еще у него в лице что-то детское, мальчишечье...*

Ирина Притчина. 9 декабря 1988 года

Долгое молчание Ивана трудно было объяснить обидами или забывчивостью. Наверное, ему было не до писем. Кто знает. Этот вопрос долго не давал мне покоя. И я написал в газету. «Тюменский комсомолец» откликнулся незамедлительно. Журналистка Ирина Притчина искренне порадовала меня и своим письмом, и интересной публикацией. «Без права на иждивенчество» — так называется корреспонденция, рассказывающая о войнах-интернационалистах поселка Комсомольский.

Вовсе не случайно стал он председателем клуба воинов запаса в поселке Комсомольский. Иван — личность, а без личности — сильной, увлеченной — никогда не бывает настоящего дела.

С рождением клуба в сентябре 1987 года словно заново родился и сам Иван — для жизни, для борьбы. В поселке всего два офицера запаса. На них вся надежда и весь груз ответственности. Иван, возглавив ребят, ощутил этот груз во сто крат сильнее. Ведь начинать пришлось практически с нуля. Первое — нужно было собрать вместе «афганцев», сплотить их. Второе — придать клубу деятельный, боевой характер. Третье — научиться деньги не только тратить, но и зарабатывать.

Что сделано? Есть у клуба свой устав и традиции, свой актив и добрые дела. Даже свой счет в сберкассе.

Из корреспонденции Ирины Притчиной:

«— Иван, у каждого «афганца» есть такой документ: «Свидетельство о праве на льготы». Скажи мне, осуществляется ли одна из главных льгот — обеспечение жильем в первую очередь?»

— Надо не забывать, что еще «первое» эта очередь у ветеранов войны. А они, увы, не везде и всюду живут в хороших условиях. Вот не так давно добивались мы квартиры для одного ветерана. Добились. Получил квартиру Юра Фомин, дают двухкомнатную Володе Сатикову, думаю, что скоро получат Саша Саранца и Садыков — они первые в списке. Другое дело, что все происходит не так быстро, как хотелось бы. Помочь тем, кто обращается, стараемся всегда. Но бывает, что более ничего человеку от нас и не требуется. И «братство» наше ему не так уж надобно, коли в этом «братстве» приходится чего-то постоянно делать, да причем бесплатно. Следить за общественным порядком на хоккейной площадке? Учить дружинников приемам самообороны? Да наплевать на все. Главное, лишь бы льготы да почет. К нам тоже приходили такие ребята. Иждивенцы, как пришли, так и ушли. А теперь, считаю, надо принимать сначала не в члены клуба, а в кандидаты».

Иван вправе так строго судить «афганцев». О себе он думает меньше всего. А ведь давным-давно нуждается в собственной квартире, занимая комнату у родственников с двумя маленькими детьми. Но об этом журналистке, конечно, никто не сказал. А по-другому в клубе и быть не могло...

Письмо шестое

Извини за долгое молчание. Сейчас лежу в больнице, решается вопрос о операции по трансплантации кожи. Освобожусь, наверное, если все будет хорошо, только к февралю. Сделай, пожалуйста, доброе: не обижайся. Напиши попозже.

Извинись за меня перед Назаровым. Ему ответил плохо. Нервы были никудышные. После этого прошли еще две операции. Дело поправилось. Сейчас очередная, что принесет — не знаю.

*Жму руку. Иван ЧУПРИКОВ
Декабрь 1988 года*

Судьба уготовила Ивану новое испытание. Какое по счету, трудно уже сосчитать. Выдержит ли? По-моему Иван уже давно привык к госпиталям и больницам, принял их как неизбежность, как неотъемлемую часть своей жизни. Жаль только времени — его уже не вернешь. Не операция волнует, а люди, живущие рядом. Он непримирим к иждивенцам, даже жесток, когда встречается с ними. И говорит об этом открыто, в глаза. В то же время мучается, если даже невзначай обидел человека. Написал обычное рядовое письмо своему бывшему командиру майору Сергею Назарову — и заболела душа. Просит извиниться. Что ж, это тоже его качества — совесть и доброта, удивительная человечность.

Отправляясь в больницу, Иван не боялся ни за семью, ни за клуб, который стал родным. «Афганцы» обо всем позаботятся. Дружат даже жены. И, наверное, будут дружить их дети.

А пока он уезжает на очередную операцию. Я же буду ждать его писем...

Картины войны

Боевые друзья

Механик-водитель

Десантники

ДОРОГА НА БАРИКОТ

Минная война. Столько трагедий она приносит. Душманами минируются все тропы, дороги, огневые точки, места, где удобно отдохнуть, оставленные жителями кишлаки, родники, реки. Поэтому впереди всегда идут саперы. Кто эти люди? Ведь никто не мечтает в детстве быть сапером. Вы видели, чтобы дети играли в сапера? Все они мечтают о профессиях романтических. Профессия же сапера — тяжелая, крайне опасная, не украшенная ореолом романтики, но требующая от воина стальной выдержки, быстрого ума, глубоких профессиональных знаний, бесстрашия и решительности.

О саперах можно было бы рассказать многое. На афганских дорогах они шли впереди со средствами разведки и разминирования и прокладывали пути танкам и автомобилям. Душманы наловчились — они имели в своем арсенале мины итальянские и американские, английские и бельгийские, пакистанские и других стран.

Мины без металла — пластмассовые, трудно обнаруживаемые. Саперы снимают их тысячами, но нет-нет и полыхнет взрыв под гусеницей, колесом или под ногой человека. Душманам все равно, кто подорвется, часто страдают кочевники, пастухи, дети. Самое изуверское изобретение убийства детей — мины-ловушки под видом игрушек.

Сколько требуется мужества и самоотверженности саперам, чтобы найти мину и обезвредить ее. Встречаясь каждый день со смертельной опасностью, сапер вырабатывает особое чутье на мину. Щупом, особенно в каменистой дороге, мину не найти, но можно заметить, почувствовать, что грунт в дороге отличается по своей плотно-

КУЦЕНКО Виктор Павлович, генерал-майор. В Афганистане — с сентября 1984-го по сентябрь 1987 года. Награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды, афганским орденом Красного Знамени.

сти, значит — здесь копали. Стой! Здесь может быть мина.

Не каждый может стать сапером. Не зря на работу с миноискателем подбираются воины с музыкальным слухом. Тональность сигнала миноискателя может подсказать многое. Но различить ее может не каждый.

Коварство минной войны состоит еще в том, что затаившиеся в земле мины могут сработать через многие годы после войны. И я знаю, представляю, как будут греметь взрывы на афганской земле под ногами детей, родившихся после войны. Как в настоящее время нет-нет да и гроыхнет в Смоленской или в Калининской областях взрывное устройство, уложенное в землю в годы Великой Отечественной.

В разных походах, на перекрестках афганских дорог завязывалась боевая дружба с удивительными людьми.

Запомнился сапер, подполковник Николай Зыбинский. Надежней в боевой обстановке товарища не сыскать. Крепко скроенный, смелый, неутомимый в походе, неистощимый на выдумку и шутку (последнее частенько тормозило его продвижение по службе), всегда готов на выполнение самых трудных задач.

Однажды, в походе, остановилась колонна. Первый танк подорвался. Экипаж во время боя под прикрытием брони менял катки, взамен улетевших на сотню метров. Николай из середины колонны от машины к машине короткими перебежками пробирается в голову колонны и под танком находит саперов. Вокруг свистят, тенькают пули,

а под танком, невероятно, — хохот. Это Зыбинский ухитрился рассказать байку — на это он непревзойденный мастер. Вытащил саперов из-под танка и повел на разминирование дороги.

Ночь у большого провала в дороге. Глубина — до семидесяти метров. Кипит работа — к утру во что бы то ни стало надо пропустить колонну. Всю ночь Николай Зыбинский работает ломом, двигая металлические прогоны. Которые сутки он не спит, которые сутки выжимает все соки жаря, а он все так же бодр, и солдаты стараются быть похожими на него.

В одном из походов сломалась машина, застопорила половину колонны; объехать невозможно — слишком узкая дорога. Зыбинский тут как тут: «Почему так долго ковыряемся?» — спрашивает у старшего лейтенанта, вытаскивая его из-под машины. «Да вот гайку отвернуть не можем», — отвечает тот. «Дай ключ». И ныряет под машину. Через несколько минут вылезит с гайкой и идет на старшего лейтенанта с таким свирепым лицом, что тот немедленно исчезает с глаз и долго обходит Зыбинского стороной... Он мог изобразить это так искусно, что и взаправду испугаешься, но это — шутка, а старший лейтенант не понял.

Сапер, майор Николай Еловик. Через два года — полковник. Но не завидуйте такой его скорой карьере. В Афганистане в боевых условиях проявился его талант организатора. Смелый, находчивый, без крика и шума находит решение в любой обстановке. Люди тянутся к нему: он найдет для каждого то слово, которое необходимо в данный момент.

На дороге в Джелалабад колонна попала в засаду. Николай не является начальником этой колонны, однако именно он организует умелый бой и без потерь заканчивает его в нашу пользу.

Рассказывает о себе всегда неохотно, но о боевых друзьях может увлека-

тельно, взалхлеб говорить часами. Увидишь такого человека один раз — и чувствуешь неодолимую потребность видеть его всегда.

Ущелье Боянхейль. Душманы горным рекам спускают мины в русло реки, по которой идут войска. Труд в воде найти мину, тем более что вода мутная. Полковник Еловик не знает откуда берутся мины, но догадывается поставить сети у впадения одной речушек в основное русло, а к утру более десятка мин, как рыба, попадет в сети. И так перекрываются все потоки — у душманов затея провалится. Машины ходили по этой реке без единого подрыва, а душманские мины служили нашим солдатам для дробления камня в работах по ремонту дороги.

Итак, где самая трудная задача там — Николай Еловик, а раз он там значит, все будет в порядке. Неустрашимость, мужество, веселый нрав простота в обращении с людьми — в образ настоящего командира и боевого товарища.

Несколько встреч на горячих точках в ходе боевых действий с майором Федотовым превратились каким-то образом в систему, удивительную и редкую.

Прилетаю на вертолете в Чемкан. Двадцать минут не можем сесть — идет интенсивный обстрел кишлака. Кружим между скал. Наконец — стихло. Садимся. И опять встречаю здесь черт-те где, сапера майора Федотова. Значит, опять вместе будем решать боевые задачи.

Он — скромный, неговорливый, но внутренняя сила проглядывает в каждой его поступке. На минирование позиций выходил вместе с подчиненными и днем, и ночью. В настоящее время он слушатель Военно-инженерной академии имени В. В. Куйбышева. Впервые после Афганистана захожу к

родные стены академии и первым из своих знакомых встречаю майора Федотова!

* * *

Май — июнь 1985 года. Поход на Барикот. Этот городок стоит в двух километрах от границы с Пакистаном. Живописный уголок на берегу реки Кунар. Обстановка сложилась такая, что даже вертолет с боеприпасами и продовольствием уже не может подлететь — сбивают каждый. Дорога к нему лежит через Асмар. Дорога над рекой Кунар пробита в скалах на высоте 70—100 метров. Разрушена душманами и заминирована. Другой дороги нет. Чтобы спасти гарнизон, надо было пройти. Душманы клялись на коране, что не пропустят, но под ударами афганских и советских войск — отошли и пропустили большую колонну машин с боеприпасами, солью и хлебом. Народ ликовал, встречая нас. Воины счастливо и смущенно улыбались.

Отдохнули несколько часов и — назад той же дорогой. Возвращение было тоже не из легких. Душманы крадутся следом, что называется, виснут на хвосте.

Ущелье Шинкарак. Здесь всегда сюрпризы. И точно: обстрел. Пули падают в грудь водителю. Рядом — подполковник Дмитрий Маслов, рвет провода зажигания — до тормозов не достать. БТР останавливается. Ныржаем в люки. В бойницах мельтешат искры от пуль, высекаемые из брони. У политработника майора Юрия Русанова пуля застревает в бронезилете в районе солнечного сплетения. На теле — синяк и только. Пуля была на излете... Это его боевое крещение. Чувствует себя неважно, но держится молодцом. КПВТ* — бьет решительно. Прошли. Выползаем наверх. Ух! Красота! На темном небе мчатся и исчеза-

ют тысячи зеленых и красных трассеров в разных направлениях: наши и душманские.

Таких походов в Афганистане не счесть. И всюду в горах, порой по отвесным скалам, прорублены дороги, узкой полоской нависающие над пропастью, как правило, разрушенные селевыми потоками или подорванные душманами. Кроме того, они и минируются. Мины ставятся таким образом, что от взрыва машину сбрасывало вниз. Смотреть страшно — высоко. А ведь надо по ней ехать. Внизу торчат скелеты сгоревших машин, не прошедших. Колонны продвигаются ощупью. Механик смотрит на дорогу, глотая густую пыль от впереди идущих. На броне БТРа или танка приютились воины. Цвет брони, одежды и лиц воинов — один — цвет пыли. Глаза красные, окаймленные белыми ресницами. На лице — потом промыты дорожки в пыли. Воины в готовности прыгать, хотя напряжения в позах не видно. В любой момент машина может сорваться вниз, или наскочить на мину, или, вдруг, засвистят пули, реактивные снаряды — засада! Внутри БТРа еще хуже: дышать нечем, а если нарвешься на мину — считай, все: удар о броню будет смертельным. У каждого есть свое любимое местечко на броне, где он считает себя наименее уязвимым. А каково механику-водителю? Он не сможет покинуть в минуту опасности машину, и сам знает об этом.

Когда кто-либо из участников этой войны скажет скромно, что был там водителем, посмотрите внимательно в его глаза. Даже если его грудь не украшена орденами и медалями, все равно это — герой...

Бывало и так, что в непогоду в горах мы остаемся без авиации. Поход из Чемкани — в Хост. Двадцать дней все ущелье в тумане, дождь и снег. Душманы обнаглели. Нет авиации — нет разведки, нет боеприпасов и про-

* КПВТ — крупнокалиберный пулемет.

довольствия и, наконец, не вывезти раненых.

В этом походе погиб подполковник Николай Коршунов. Осколком снаряда был тяжело ранен. Двое суток умирал на наших глазах, ожидая спасительный вертолет. Но вертолетчики — не боги. Сесть возле нас действительно было невозможно. А когда появилась дыра в тумане и вертолет сел — было уже поздно...

Справа и слева — скалы, высоты, вершины гор. Господствующие высоты занимают войсками, чтобы не дать душманам подобраться к колонне машин, но они ухитряются «укусить», выползая из ущелий. Охотятся на саперов, которые всегда идут первыми: разминируют и ремонтируют дорогу.

В походе на Барикот с отрядом саперов шли афганские добровольцы — рабочие из Джелалабада, Асадабада и Асмара. Их было около девяноста человек, из них несколько членов НДПА и ДОМА (афганские комсомольцы). Работали без принуждения. Таскали на спине громадные камни и укладывали их на разрушенные участки дороги, и так день и ночь — двадцать четыре дня. Под обстрелом не разбегаются — ложатся за камни на месте, где застанет обстрел. Затихнет — снова за работу. На страшной высоте, без страховки, спокойно, упершись в какой-то выступ ногой, принимают на себя тяжелые камни и мастерски укладывают их так, будто всегда они были здесь. Один из добровольцев, инженер, уверенно руководит работой. Осколок мины прочесал по щеке. Заклеил рану и не оставил свой пост до конца.

Никогда не забыть эти лица. Та же национальная традиционная одежда: свободная рубаха до колен, штаны и жилетка. Через плечо — одеяло, как и у душманов, но лица совсем другие. Я не раз видел пленных душманов — глаза загнанного зверя. С кровавым

оттенком свирепый взгляд. И рядом — защитник революции — нормальные и даже хорошие человеческие глаза. Вообще у афганцев красивые, выразительные лица, заряженные на улыбку. В самых невероятных условиях улыбаешься ему, ответит мгновенно.

Афганистан — красивейшая страна Востока. Кто побывал только в Кабуле, тот не был в Афганистане. И не потому, что не почувствовал по-настоящему войну, не побывал в переплетях боевых действий, а потому, что не видел красоты величественной природы Афганистана. Горы, быстрые реки, цветущие долины, утопающие в садах кишлаки.

Если бы не война — каждому воину, видевшему этот праздник природы, неизбежно приходит такая мысль, — для курортов, кемпингов и туристских походов краше места трудно найти. Вы видели когда-нибудь голубые скалы? А нежно-розовые, из чистейшего мрамора?..

Иногда поражает скупая, но удивительно гармоничная архитектура глинобитных старинных крепостей, замков, да и просто кишлачных построек. Стоят они тысячелетиями. За их полутораметровыми стенами в самую лютую жару — прохлада. Оттуда, из глубины веков, они вынесли и сохранили свои названия по именам шахов и народных героев. В доисламской истории Афганистан был центром культуры Востока. В Бамиане, по преданиям, хранились уникальные сокровища и библиотеки. Буддийские каменные фигуры до сих пор поражают искусством древних мастеров.

Ислам уничтожил многое, но не смог убить в народе гордость и трудолюбие. Террасы в горах для посевов — как громадные ступени для великанов, а сделаны человеческими руками. Система кяризов (подземных каналов для сбора и хранения воды) и арыков трудоемка по исполнению, зато мудро и целесообразно устроена.

Тысячелетьями жизнь афганского народа испытывается жестоким климатом, войнами и голодом. Каждый мужчина — не только работник, но и воин с пеленок. И поэтому приспособлен жить, трудиться и воевать в любых условиях.

Интересно наблюдать, как подразделения афганской армии размещаются по прибытии в новый район. Офицеры стоят, не спеша разговаривают между собой. Солдаты — сами по себе: разгружают машины, устанавливают палатки, расставляют технику. Одним словом, размещаются самостоятельно. Но так быстро, что ты вдруг неожиданно обнаруживаешь перед собой лагерь, будто бы всегда он здесь стоял, и уже приглашают пить чай. Это происходит так быстро и слаженно, размещение так удобно и рационально с военной точки зрения, что диву даешься.

Точно так — и при снятии с места. После команды «сбор» не успеешь оглянуться, а уже стоит загруженная колесная машина, все сидят на своих местах и готовы в путь. Афганцы объясняют эту организованность генами от предков-кочевников.

Машины — в основном ЗИЛы. Эта машина-вездеход, даже 130-й. Афганцы накрывают кузов палаткой, как двухскатную крышу, и без оборудованных сидений располагаются под ней битком. Иногда кажется, что у водителя остался в руках только руль и остов машины с колесами, а машина едет.

В гарнизоне на горе Нарай вода привозная. ЗИЛ-водовоз без кабины — снесло взрывом. На раме — бочка. Водитель — пожилой солдат-афганец — улыбается. Польщен, что мы смотрим на него, на машину и что произвел на нас впечатление. Надо отдать должное афганскому водителю в том, как он по горным крутым и узким дорогам лихо ведет машину. Внешний скат колес висит в воздухе —

не вписывается в дорогу, а водитель одной рукой крутит баранку, другой — жестикулирует, разговаривая с соседом, или ищет и ставит кассету в магнитофон. Будто едет по широкому проспекту, а не над пропастью.

Советские праздники мы празднуем обязательно, где придется и как, но — празднуем. Бывает, в ущелье, в БТРе или в какой-либо лачуге, но в какой-то час собираемся за ужином и говорим друг другу то, что не говорят сейчас за праздничным столом дома: «За нашу Советскую Родину!» Там, дома, эти слова кажутся пышными, излишне патетическими, а здесь они приобретают истинный смысл. Третий тост — святой: за павших. Все встают молча — тост не произносится.

В новогоднюю ночь устраивается стихийный салют. Строчат вверх автоматы и пулеметы всех систем, где-то присоединяются орудия. В Кабуле, да и во всех гарнизонах, фейерверк — со всех постов, крыш и балконов. На следующий день — разбор этого «мероприятия» и наказание виновных.

Афганцы называли нас «шурави». Но есть еще одно название — мушавер, то есть советник. Мушаверы оказывали помощь в строительстве новой республики Афганистан, на предприятиях и в вузах. Есть мушаверы и в афганской армии. Им, офицерам Советской Армии, досталась тяжелейшая доля. В боевой обстановке единственный действенный совет: делай как я. И они личным примером учат афганских воинов умелым боевым действиям.

Барикот, Нарай, Асмар, Ургун и Хост — самые горячие точки Афганистана, где живут и несут свою нелегкую службу наши офицеры — военные советники. Живут в глинобитных хибарах, в постоянном душманском окружении. Советских войск там нет. Каждый день, каждая ночь — это сложная, напряженная обстановка: выстрелы, атаки душманов, провокации, по-

кушения. Но стойко переносили наши ребята все. Когда к ним пробивается колонна и приходят войска — праздник. С удовольствием показывают свои достопримечательности: «Вот здесь вчера рубанул снаряд — дырку в стене еще не успели заделать. Ходить лучше вдоль этого дувала — меньше шансов поймать пулю. А вот здесь у нас убежище, а здесь — баня». И с гордостью показывают ее внутреннее оборудование, а там — полет творчества.

Стены в доме облеплены фотографиями своих любимых людей, рисунками детей. Календарь — на нем красными крестами зачеркиваются дни, прожитые здесь. Пустые гильзы от автоматных патронов выстроены в ряд — тоже календарь: с каждым днем эти ряды удлиняются. Книги и шахматы. Графики боевого дежурства и дежурства бытового. Готовит пищу обычно тот, кто лучше всех умеет (так он сам считает), и берет эту обязанность добровольно. Спокойно поестся удается редко: душманы вносят свои коррективы в распорядок дня. И так — два года. Не всем суждено дожить до замены. В таких гарнизонах афганской армии советников всего по четыре-пять человек, но это — героические люди.

Асмар. Гарнизон, отдаленный от крупных сил. До ближайшего гарнизона — километров двадцать. Вокруг — душманы. Удивительно обживается советский человек. Их здесь пятеро. Во дворе — как у себя на родине. Из досок ящиков для боеприпасов делают чудеса: беседка, душ, баня, наличники и ставни на окна, резные крылечки. В Асмаре — особенность: обезьянка Машка — забава нашим ребятам. Для нее из тех же досок сделан домик, по величине с собачью будку. Резные окошки. Над одним — надпись: «Пиво». Потеха, когда из этого окошка выглядывает Машка. Домик ей нравится. Когда начинался обстрел, она стремглав покидала его и ныряла в убежище, устроенное здесь

же, во дворе. Любила ласку и кочевала с рук на руки. Офицеры относились к ней бережно и баловали конфеткой или печеньем. Война не обошла и это безвинное существо: при очередном обстреле снаряд угодил во двор и Машка погибла.

Поход из Чемкани в Хост. Перевал Нарай. Трудная дорога. В полутора километрах от границы с Пакистаном. В Хост нужно доставить танки. Говорят — невозможно: перевал сильно разрушен, и на каждом шагу — мины. При подходе убеждаюсь: да, сложно. Но на то и инженерные войска, чтобы решать невозможные задачи. Дождь со снегом, туман. Дорожное полотно — месиво из глины и камней с поперечным уклоном в пропасть. Потоки сели. Вверх и вниз — скалы. Беспрестанный огонь противника. Обвалы. Машины, то одна, то другая, падают вниз. Но колонна продвигается вперед: чуть ли не на руках переносят их солдаты.

И так двенадцать километров за неделю. Руководит переходом советник, полковник Владимир Кайдаш; восстанавливает дорогу советник инженера, полковник Николай Мурзинцев. Стройная высокая фигура Владимира Кайдаша появляется на самых трудных участках. Твердо, без суеты и крика, отдает распоряжения — советовать, собственно, некогда. Все на нем промокло насквозь и перепачкано глиной. Лицо черно, глаза воспалились. Но как он красив! Движения — энергичные, взгляд — твердый. Весь облик точно вписывается в представления о командире в этой тяжелой обстановке. Провел он колонну в Хост! Говорил, смеясь: «Долго жить будем!» Через два месяца погиб в ходе боевых действий под Боянхейлем: лично решил проверить оборудование обороны на каждой из занятых высот. Вскочил на БТР и помчался по горной речке к той высоте. По речке ходили туда и обратно машины. Но его БТР нале-

тел на управляемый фугас. Выследи-ли-таки его душманы. Раненый переводчик, истекая кровью, по горной тропе добрался до КП, вызвал вертолет. Но было поздно. Какой прекрасный человек и блестящий офицер погиб! Перед походом, на командном пункте в крепости Бангист, я нарисовал Владимира Кайдаша и подарил ему рисунок. Может быть, этот рисунок и сохранился в его семье. Часто те, кого я рисовал, отправляли рисунки домой.

Есть при Министерстве обороны республики Афганистан такая группа советников, которая оказывает помощь руководителю боевыми действиями афганских войск. Эта группа составлена из офицеров всех родов войск. В 1985—1986 годах руководил этой группой замечательный человек, талантливый полководец, генерал-лейтенант Филиппов Василий Инакиевич. Группа почти не выходила из боевых действий. Василий Инакиевич наравне со всеми переносил все тяготы походной жизни, хотя страдал язвой желудка. Всегда доброжелательный к людям, неунывающий и подвижный, без какого-либо давления организовывал вокруг себя коллектив единомышленников. И офицеры подобрались у него толковые.

Его помощником был полковник Мухамедъяров Туллеу (мы его называли Толей), в настоящее время — преподаватель в академии имени Фрунзе. Человек одаренный, цепко умеющий держать обстановку, быстро анализировать изменения и безошибочно выдавать данные для боя. Круглые сутки — как заводная машина. В минуты отдыха для разрядки любит пошутить, повеселиться.

Оператор, подполковник Борис Хруленко, связист, подполковник Александр Зябловский, авиатор, полковник Валентин Разин, инженер Анатолий Букач, артиллерист Николай Анучин.

О каждом из них можно рассказать много интересного. Рассказать, как они с афганской боевой колонной, ночью, пробивались по затопленному ущелью, как сидели в Чемкани в каменном здании, как в мешке, в полном душманском окружении, под обстрелом — до восьмисот реактивных снарядов в день; о том, как ремонтировали под обстрелом крышу хибары, в которой жили и работали, а она, пробитая осколками, протекала, как решето. Рассказать о том, как ели из мисок, вымытых в арыке, а в нем — и стирка, и кое-что похуже; о том, как месяцами не мылись и спали где и как придется.

Меняется состав группы, прибывают на замену другие, но традиции коллектива живут, традиции боевой дружбы, взаимовыручки, доброжелательности друг к другу, заложенные настоящим коммунистом, генерал-лейтенантом Филипповым В. И. Чуть больше года прожил он на Родине после возвращения из Афганистана и умер от язвы. Ведь мог и не ехать в Афганистан: и возраст, и болезнь, но для него не существовало чужой боли. Он искренне оценивал как свои поступки, так и других с позиции большевиков и любил говорить: «Вы поступили, как большевик» или «Такой промах большевик не допустил бы». В устах другого это звучало бы декларативно, но когда говорил он — воспринималось очень серьезно.

Хост. Апрель 1986 года. Душманы вокруг скапливают силы, чтобы захватить город и ни много ни мало — организовать временное правительство. Еще бы! Большая долина, зажатая массивными горами, на которых укрепились враждебные правительству племена. Граница с Пакистаном — рядом. Сотни километров отделяют Хост от верных правительству гарнизонов. Советских войск — нет. Город держит афганский гарнизон; их вдохновляют несколько военных советни-

ков. Душманы знают их по званиям, именам. За голову каждого назначена крупная денежная награда. В двадцати километрах восточнее Хоста, в полутора километрах от границы, база Джавара — резиденция Джелалутдина, одного из лидеров душманского движения. Эту базу решено было взять. Величественные вершины гор укреплены душманами, они простреливают все вокруг. Дорога на Джавару одна, да и та не до конца проходима для машин. Но это надо было проверить: говорили часто не то.

Мощный танковый отряд по узкому ущелью ползет к намеченной цели. Слева и справа в горах идет бой за каждую вершину. Стоп. Дорога кончилась, и дальше идет ишачья тропа. Как же так: ведь есть следы от машин. Значит, душманы ездят? Проверяем все выходы из ущелья. Ищем пропущенный поворот. Есть! Он мало заметен, да и к тому же замаскирован камнями, вот мы и проскочили. Взрываем завал. Смущен генерал Асеф — афганский военачальник, он тоже доказывал всем, что дороги здесь нет. Ни одной мины. Душманы не рассчитывали, что мы пойдем по этой дороге. Узкое ущелье, жара за пятьдесят градусов. Трупный запах вместе с пылью. Засада может быть на каждом шагу. Напряженно всматриваемся в скалы. Рядом со мной на броне БТРа — полковник Валерий Кадетов. Улыбается в самый неподходящий момент и говорит: «Все же лучше бы прилететь на базу с Лещинским». Мощный взрыв справа. Сыпятся камни. Прижимаемся к броне плотнее. Засекли колонну? Нет. Шальной снаряд. Бывает. Идет интенсивный обстрел Джавары. И кто-то послал снаряд не туда. Кончилось узкое ущелье, как распахнулось. Езжай хоть в десять рядов. Первые танки, стреляя на ходу, врываются в Джавару. Десант спешивается. Воевать не с кем: покинули уцелевшие душманы свою базу. В отвесной, высотой более тридцати метров, скале — сорок одна пещера, все облицованы внутри кирпи-

чом и бетоном. А в пещерах — склады боеприпасов и оружия, госпиталь с новейшим оборудованием, мечеть, библиотека и огромные кучи свежеспеченных лепешек. Наверху — отель и ресторан. В одной из пещер — танк. Завели — поехал.

Все побросали защитники ислама, а ведь клялись, как всегда, на коране не сдавать Джавару. Джелалутдин сбегал еще раньше. Организовали вывоз трофейного имущества и боеприпасов. На третий день — прилетел Михаил Лещинский со своей группой и разочарлся: «Порядка здесь нет, что я снимать буду, все раскидано, разбросано...» — «Не горюйте, — говорю, — сейчас все взорвем и будет полный порядок!» (Нам было приказано уничтожить базу, и саперы уже раскладывали провода.) Загорелся знаменитый гость: «А откуда можно будет все это снимать?» Уточнили. Все заняли безопасные места. Дана команда: «Огонь!» Земля рванулась из-под нас. Мимо со свистом летят камни и куски металла. Пещеры выплевывают все свое содержимое. Одна из таких «пушек» стрельнула прямо на укрытие группы Лещинского, но оператор не прячется — снимает. Михаил Лещинский ведет свой репортаж, как всегда, со всему миру известным придыхом.

Под бронетранспортером рядом — Валерий Кадетов, опять улыбается: «Нет, сюда даже с Лещинским я не полетел бы».

А в ночь до этого ему было не до шуток. Он собрал в Хосте фоторепортеров афганских газет, доставленных самолетом из Кабула, посадил их на БТР и ночью привез на наш КП. Один среди афганских солдат и репортеров, не зная языка, ночью проделал двенадцатикилометровый марш и выполнил задачу. Об этом он тоже рассказывает с улыбкой, тем более что от первого же разрыва снаряда репортеры разбежались, и мы их больше не видели. Так, кроме группы Михаила Лещинского, никто базу и не сфотографировал.

Обо всех не расскажешь, но никогда не забудутся мужественные лица мушаверов, покрытые плотным афганским загаром и запорошенные серой пылью. И когда заходит разговор о тех или других районах боевых действий — выплывают из памяти те строгие, то улыбающиеся, то искаженные болью лица боевых товарищей Александра Ковальчука и Михаила Родькова, Николая Мархотко и Николая Глюзы и многих других.

И еще раз о Хосте. Часто бывая в том гарнизоне, я восхищался героической жизнью мушаверов. Один из них, подполковник Меренгельды Караев (все его звали Мишей) — советник командира афганского полка — выделялся энергией, жизнерадостностью и уверенностью в своих боевых действиях. Подполковник Караев при взятии одной из важных высот личным мужеством увлек афганских воинов на ее штурм. Высота была взята на рассвете по личному плану Караева, тихо, без огневой подготовки. Для душманов это оказалось настолько неожиданным, что они и сопротивления не оказали. А другое подразделение пыталось взять эту высоту несколько раз — и безуспешно.

Вернувшись с боевых действий в Хост, мы собрались на ужин у Караева на вилле, где живут советники и их героические жены. Я не оговорился: действительно вилла, и действительно жены героические. Вилла — красивое здание из камня и кирпича, построенное западными немцами, уютное, с великолепным дизайном внутри. Построено для нужд организации «Пружа» — конторы по строительству объектов мелиорации. Жены советников устроили прекрасный ужин, и мы, чуть отмывшись от пыли и пота, уплетали пельмени, вкусно приготовленные Светланой — женой Миши Караева. Миловидная молодая женщина, под стать мужу — заводная и веселая. До утра пели песни. Миша пел самозабвенно, дирижировал, когда вдруг получилось «кто — в лес, кто — по дро-

ва». За окном нам аккомпанировала перестрелка и разрывы снарядов, то далекие, то близкие, так, что звенели стекла. Из крепости Матун садила батарея соток.

Миша от имени всех попросил меня написать песню о Хосте. Я пообещал. Об этих людях не напишешь грустную песню, и она получилась энергичной, с улыбкой. Но не удалось Мише услышать ее: в боях, 27 февраля 1987 года, он геройски погиб. Посмертно он награжден орденом Красного Знамени.

На слете воинов запаса в Ашхабаде в октябре 1987 года в беседе с командованием гарнизона я случайно узнал, что Миша Караев захоронен в Ашхабаде и его жена Светлана с сыном Довляттом проживают здесь.

Мы встретились у нее дома. Собрались все ее родственники. Был тяжелый вечер воспоминаний, рассказов и слез. А на следующий день мы понесли на его могилу цветы. С фотографии смотрел такой дорогой, улыбающийся Миша.

И еще вспоминаются афганские друзья. Есть в афганской армии солдаты и офицеры по несколько раз раненые, смертельно усталые от затянувшейся войны, но они продолжают сражаться за революцию.

Полковник Омар — мягкий и добрый человек, быть бы ему учителем в школе. Но в бою — жесткий, решительный и смелый. Командир дивизии, генерал Хозрат. Красавец. Умудряется в любых условиях быть выбритым, подтянутым, в начищенных до блеска ботинках. Не раз водил своих солдат в атаку. Его родную сестру растерзали душманы и подослали ему жуткую фотографию с надписью: «Тебе будет то же». Командир взвода, старший лейтенант Якуб. Его родной брат — в душманах, но Якуб сражается отчаянно. Стреляет — без промаха. Работать может сутками по восстановлению дороги. И не просто работает, а с каким-то остервенением таскает громадные камни и укладывает их в про-

вал, и все — бегом. Сапер, рядовой Нурали — Герой Республики Афганистан. Лично обезвредил более пятисот мин. Воюет уже шесть лет и говорит: «Не уйду, пока не вытащу последнюю мину из родной земли».

Возвращаются войны из Афганистана. Радость возвращения сменяется грустью, тоской по боевым товарищам.

Еще странной кажется беспечная мирная жизнь. Нет, нет да потянется рука к тому месту, где столько лет находился пистолет! И память возвращает тебя туда, в горы Афганистана. А там поднимались по горным тропам, след в след, наши войны, обмотанные пулеметными лентами, опираясь на автомат, как на посох.

Раненый

Почта

Трофейное оружие

За работой

Нас, раненых, разбудили рано, на час раньше обычного. Утро было серым и сырым. Мы ежились под влажноватыми простынями, пробуя острожно шевелиться. Сон держался цепко, ничего не хотелось, но надо было собираться в дорогу. Слово «отправка» со вчерашнего вечера стало главным.

Саша и Сережа, выздоравливающие «афганцы», принесли ведро горячей воды и тазик. Они помыли мне голову, побрили, причесали. Теперь не стыдно было и на люди показаться.

Принесли завтрак — сырое яйцо, кисель и крошечный сухарик, тщательно пережевывая который я обстоятельно проклинал всех душманов вообще и одного, конкретного, в частности. Хотя я его никогда не видел, воображение нарисовало мне его облик столь явственно, что казалось, я давно его знаю.

Когда вошла наша медсестра, а с ней двое здоровенных ребят с носилками, Сергей делал мне массаж спины, чтобы не было пролежней. Вошедшие молчали, и Сергей, повернув меня на спину и прикрыв одеялом, сказал им, что потолок не рухнет, подпирать его не обязательно, а вот по русскому обычаю надо бы присесть на дорогу. Вошедшие, чуть помявшись, как-то скованно присели на пустую кроватку у входа...

Сергей весь напрягся. Он, конечно, понял допущенную оплошность. Только вчера эти же самые ребята и медсестра вынесли в морг лежавшего на этой кровати солдата, маленького такого туркменского мальчика с удивительным именем Мигель...

Сергей настороженно ждал, весь подбравшись, что же скажет сестра. Сестра какое-то время молчала, потом решительно кивнула парням —

*БЛИДЖАН Игорь Юрьевич, майор.
В Афганистане — с июня 1983-го по март 1985 года в должности заместителя командира десантно-штурмовой роты по политической части в Кандагаре, затем — заместителя командира танкового батальона по политической части в Газни. Был тяжело ранен. Награжден орденами Красного Знамени и Красной Звезды.*

берите, мол, носилки. Сергей и Саша подошли, пожали мне руки, мы поцеловались, остальным я махнул здоровой рукой. Слов не было.

Несли долго, к другому корпусу, потом погрузили в санитарный автобус. Он был почти полон, лица были знакомые — встречались в перевязочной. Только об этом лучше не вспоминать.

В автобус вошел молодой веселый доктор и спросил: «Как настрой?» И для поднятия же настроения сказал, что нас неправильно погрузили — ногами вперед. Надо перегрузить. Но этого делать не стали. Прибежали две сестрички с серьезными лицами и быстро, по-деловому, перекололи нас всех каким-то наркотиком, чтобы мы меньше мучились в дороге. А дорога была недолгой, но тряской. И вот мы уже блаженствуем, лежа на травке вдоль бетонной дорожки в тени громадного Ил-76. Теплый утренний ветерок шевелит волосы. Я жадно вдыхаю такие знакомые и ставшие родными запахи аэродрома.

Грузили нас быстро и сноровисто. В несколько ярусов. Мне повезло, заносили меня одним из последних. Место досталось на первом ярусе, в самом хвосте самолета у рампы. Это обещало после посадки первый же глоток свежего воздуха. Устроившись поудобнее, я внимательно огляделся. Обзор был плохим, я видел только соседа, лежавшего рядом со мной. Лицо его было бледным, взгляд тусклым, губы си-

ними, наверное, действие лекарства кончилось.

Вошли две сестры, сопровождавшие нас, с грустными глазами и прошли в свой уголок. Одна из них, взяв микрофон, буднично, по-аэрофлотовски объявила нам маршрут полета: Ташкент—Ростов-на-Дону—Рига. Время полета — четыре часа.

Ревели на холостом ходу двигатели самолета. Время как будто замерло. Сосед мой дремал.

Но вот ощутимо изменился тон двигателей, мигнул свет. Я смотрел, как плавно закрывалась рампа, как таял дневной свет, уступал место тусклому бортовому освещению. Думалось, что это, пожалуй, за мной закрывается дверь в прошлое...

Крошечный, размером в полсигареты детонатор вызывает мощный взрыв. С этой мыслью о прошлом происходило так же. По мере того как самолет погружается в облака, я погружался в воспоминания. Были они такими же клубящимися, с разрывами, цветными и черно-белыми. Возможно, временами я засыпал, и тогда размышления продолжались во сне, переплетались со сновидениями, приобретая какое-то самостоятельное и неуправляемое течение.

Оранжевая пустыня Регистана. Мы шли тогда всю ночь, стремясь, как говорится, по холодку (правда, холодок — градусов тридцать пять) выйти утром к кишлаку. Там был колодец, была вода. Мы не пили уже двое суток. Песок плыл под ногами, редкая верблюжья колючка цеплялась за маскхалаты. Рота длинной цепочкой вытянулась вдоль подножья красной скалы, торчащей обломком клыка из песка. Светало.

Мы торопились. Вдруг впереди почему-то стали. Я обошел тяжело дышавших, потных, смертельно уставших солдат и пошел в голову колонны. Все

отдыхали стоя, никто не ложился — берегли силы. Тяжело перевалив через гребень бархана, я увидел доктора и еще несколько человек. Они стояли над солдатом с белым лицом и пустыми глазами. Сумка доктора была открыта...

— Что с ним?

— Остановка сердца.

— Ничем нельзя было помочь?

— Ничем.

Потом был кишлак, колодец, вода и пара вертолетов, вызванных для отправки погибшего. Такой обычной была моя первая встреча со смертью. Вертолеты улетели, увозя погибшего и еще пятерых молодцов, отпивших слишком много воды из резинового ведра, сделанного из автомобильной камеры.

У колодца появился пожилой дехканин с чумазым мальчишкой лет четырех на руках. Мальчик был светловолосый и удивительно синеглазый. Вокруг стояли наши солдаты, и показывая сначала на глаза и волосы мальчика, а потом на свои глаза и волосы, весело смеялись и показывали большой палец. Дед тоже улыбался, гладил мальчика по голове и что-то говорил по-своему. Он несколько раз махнул куда-то рукой и что-то сказал про Кабул...

...Мой сосед беспокойно застонал во сне, зашевелился и попросил пить. Перекрикивая гул двигателей, я позвал сестру и попросил принести для него воды.

— Потерпите, ребятки, милые, немного осталось, скоро уже прилетим. Воды нет — при погрузке как назло бачок уронили, воду разлили, а поблизости нигде не было, — смущенно оправдывалась она.

Сестра хотела уже отойти, когда я остановил ее:

— Нож есть у тебя?

— Есть, а зачем?

— Арбуз разрезать. Неси быстрее. Сестра принесла нож — домашний

такой, дугой заточенный. Я указал ей на сумку в ногах и сказал: «Доставай, сестренка, режь, пировать будем». Осторожно, даже с опаской открыв сумку, она достала арбуз, подарок ташкентских друзей. С сомнением посмотрев на меня, она взяла у меня из рук нож, захватила арбуз и ушла к себе. Вернулась с тарелкой, на которой атели кусочки мелко нарезанного и очищенного от корки арбуза. Я кивнул на соседа:

— Сестричка, зайди с другой стороны, покорми его.

— Меня зовут Фархад,— откликнулся сосед.

— Меня Игорьь, а это наша сестричка-москвичка...

— Наташа,— сказала сестра.

В полутьме несущегося на высоте десять тысяч метров санитарного самолета, под рев двигателей, храп и стоны раненых мы ели сочный узбекский арбуз.

В тот раз я, кажется, тоже ел арбуз. Нет, в тот раз я ел гранат. Это было в апреле. Мы были на сопровождении колонны. Стояли в огромном гранатовом саду, цветовишемся взорваться розовым цветом. Но взорвалась машина на бетонке. Взорвалась как-то странно — бесшумно. Звук дошел позже — а потому... А потому было даже не особенно страшно. Уже из люка БМП я увидел, как так же бесшумно второй взрыв наполовину сбросил с шоссе «Урал»-бензовоз, окончательно перекрывая дорогу. Следовавший за ним КамАЗ-сухогруз как-то робко ткнулся в бочку бензовоза и задымил. Вот тут слух у меня включился...

Смявшаяся при ударе кабина КамАЗа медленно и мучительно убивала водителя. Он страшно закричал.. Топливо, растекавшееся большой лужей вокруг обеих машин, вдруг вспыхнуло ярким пламенем. Водитель кричал очень громко. Он звал мать, как и все дети...

Я не видел, кто тогда стрелял, но очередь чьей-то пушки в ключья разнесла кабину КамАЗа. Последний салют солдату...

Колонна стояла на дороге и горела. Водители с автоматами лежали под колесами и в кюветах. Пулеметы БТР сопровождения и наши пушки, казалось, рвали воздух на куски. Над головой свистело, пули ложились где-то рядом. Волосы не помещались в шлемофоне. Рев вертолетов смешался с залпами реактивных установок, бьющих по «зеленке».

Я увидел яркое пятно в одном из кюветов. Маленькая женщина барахталась в пыли, пытаясь оказать помощь раненым. Посмотрел через командирский прибор. В глаза бросились два красных пятна на ее светлых брюках — сбитые камнями колени. Женщина повернула голову, и я увидел ее лицо. Это была Санька-магазинщица, как мы ее называли. Да вот и ее голубая автотавка. Молодец водитель, ухитрился-таки соскочить с бетонки, спрятать будку за полотно дороги.

Санька... Интересно, что скажет, когда узнает обо всем этом ее земляк-прапорщик из роты связи. Недавно он ужасно ее напугал тем, что притащил и выпустил к ней в комнату ежа. Джинн-еж сидел тихо под кроватью, а ночью стал бегать по комнате и стучать коготками. Получалось очень громко, особенно на поворотах. Визгу было чуть ли не до утра...

Человек сам никогда не знает до конца, на что он способен, а окружающие знают это еще меньше.

Мы возвращались с блокирования высокогорных перевалов в долину Чарикар. Голодные, грязные и оборванные, смертельно уставшие. Сгибаясь под тяжестью ранцев, спускались мы по склону очередной горы. Вдруг шедший за мной солдат громко охнул и упал. Я резко обернулся, автоматически сняв автомат с предохранителя. Ря-

дом почти одновременно с ним упал, изготовившись к бою, и пулеметчик. С тех пор, как однажды мы с ним, промокшие до нитки, в одних лишь тельниках и маскхалатах, просидели всю ночь на горе, метров на двести выше линии снегов, обогревая друг друга, он всегда старался держаться поближе ко мне.

Противника, однако, не было. Был солдат Сагайдак со сломанной, как выяснилось при осмотре, ногой. Осмотрев и помяв ногу, я достал пакет и сказал:

— Не переживай, ерунда. Элементарное растяжение голеностопа. Сейчас я тебе быстренько наложу повязку восьмеркой на ногу, вколю промедол в бедро и будет полный порядок. Дойдешь до площадки своими ногами как миленький.

— Конечно, дойду, только мотайте покрепче.

— Дойдешь, дойдешь. Нести-то тебе некому, сил ни у кого нет, да и маршрут тяжелый.

Пока я мотал один пакет за другим на его ногу, подошел сержант. Я приказал раздать все содержимое ранца Сагайдака другим солдатам, а сержанту лично взять автомат. Сагайдак поднял голову:

— Автомат не отдам и ранца не отдам.

Закусив губу и опираясь на ствол автомата, он приподнялся, попробовав ногу, и, хромая, пошел вниз по тропе. Искусал губы в кровь, но автомата не отдал...

Проснувшись, опять застонал мой сосед. Он смотрел на меня долгим взглядом.

— Куришь, командир?

— Комиссар. А курить все равно нельзя, да и сигарет нету.

— Может, Наташу спросим?

— Стоит ли по мелочам ее дергать?

— Наташа, — позвал все-таки Фархад.

Сестра подошла.

— Наташа, очень хочется курить.
— Здесь нельзя курить, ребята.
— А ты сама куришь?
— Курю, иногда.
— Сигареты есть?
— Есть.
— Наташа, принеси нам одну сигаретку.

— Ну нельзя же, ребята, нельзя.

— Ну, пожалуйста. Может, это последняя сигарета, — как-то особенно грустно попросил Фархад.

Наташа отошла и вскоре вернулась с зажженной сигаретой.

Мы курили, затягиваясь по очереди и стряхивая пепел в кулек, свернутый из обрывка газеты. Наташа стояла рядом. Последняя затяжка досталась мне.

— Ты счастливый, наверняка выживешь, — тихо сказал Фархад и отвернулся.

Мы все-таки были чуточку суеверны. Каждый по-своему. Одни больше, другие меньше. Так, наверное, бывает всегда, когда человек находится рядом с опасностью. Человек должен во что-то верить. Одни верят в то, что их спасет фотография жены и детей, другие постоянно носят в кармане ключи от квартиры, третьи — какую-нибудь безделушку. Я всегда носил с собой трассирующую пулю, которая однажды воткнулась в дувал в трех сантиметрах от моей головы... Это было в один из моих первых боев. Подвела меня таки пуля. Не спасла. Одно слово — душманская.

...Последняя сигарета... Что-то такое уже было. Я мучительно вспоминал. Ну, конечно, это было, когда я только попал в госпиталь. Я лежал на палатке, и две сестры кривыми неудобными ножницами срезали с меня маскхалат, отдирая его от раны. Они протирали кожу чем-то приятно охлаждающим, делали уколы. Подошел знакомый хирург, он многих наших собрал и сшил, улыбнулся:

— Ну что, твоя очередь, комиссар, не уберешься. Что хочешь?

— Сигарету, если можно. И ноги сохрани,— я кивнул на свое снаряжение, сваленное тут же на полу.

Подхватив мое снаряжение, он ушел и вскоре вернулся с зажженной сигаретой, зажатой в медицинском зажиме.

— На, держи, ты теперь весь стерильный.

Я взял зажим, сделал пару затяжек и вернул его доктору.

— Все? Готов бороться? — спросил он.

— Готов.

— Тогда поехали.

В операционной было два кондиционера и после шестидесятиградусной жары здешние двадцать приятно стягивали тело гусиной кожей. Блаженство прохлады — последнее, что я помню...

— Тебя как ранили? — подал голос Фархад.

Я посмотрел на него, и мне показалось, что он недавно плакал.

— Обычно,— ответил я,— тяжело, из миномета накрыли. Мина упала прямо под ноги. А тебя?

— Меня снайпер застал, четыре раза стрелял, гад! Панаму сбил, руку прострелил и в живот попал.

— Пулю-то вынули?

— Да нет, в том-то и дело. Доктор говорит — плохо легла. Я вообще чудом в живых остался. Мы высоко сидели — тысячи три с половиной. Вертушки там уже не садятся, а вниз духи не пускают. Остался я в горах на ночь. Звезды крупные, яркие и особенно близкие, а внутри все горит. Я заполз в щель, от ребят подальше, достал гранату, стиснул зубы и думал, как станет невмоготу, подорвусь... Но потом сознание потерял — от большой потери крови. Очнулся уже в вертушке. Болтало очень сильно. Душманы обстреливали нас на взлете. Вертолетчик рвал машину, как мог. А доктор,

который с нами в вертолете летел, такой смешной попался, как жонглер. Все старался удержать в руках бутылочки, из которых мне и еще одному парню что-то капало в вены. Очки его упали, стекла разбились, а он их все равно на нос надел.

— Фархад, а тебя где шили?

— В Баграме, а тебя?

— В Кандагаре.

...Кандагар. С этим городом связана почти вся моя служба в Афганистане. Старая столица страны, некогда богатейший и красивейший город Востока, превращался постепенно в груды развалин. Это был один из центральных опорных пунктов вооруженной оппозиции.

Я помню Кандагарский аэропорт в июне 1983 года, когда только прилетел из Союза и впервые ступил на афганскую землю. Первое впечатление было в прямом смысле слова обжигающим. Мне показалось, что, выйдя из самолета, я попадаю под струи раскаленных газов, которые выбрасывают раскаленные двигатели. Сделал несколько шагов в сторону и испытал ощущение, более всего походившее на удар. Это было мое самое первое знакомство с неистовым афганским солнцем. Оказывается, засмотревшись на двигатели, я неосторожно вышел из полоски тени под крылом самолета.

Каким смешным показались мне тогда те маленькие детские хитрости, к которым я прибегал в Ташкенте, готовясь к отъезду в Афганистан. Я ходил по солнечной стороне, я старался не пить сырой воды и есть побольше соленого. Как это было наивно. Здешнее солнце было совсем другим. Это было абсолютное солнце. Его жар чувствовался и в тени, и даже под крышами домов.

Я отчетливо помню первое знакомство с городом — первое свое сопровождение.

Вот городок ООН, когда-то здесь

жили и работали представители этой организации. Вот «площадь артиллерии». На этом месте душманы напали на колонну нашего артиллерийского дивизиона. Машины с боеприпасами начали рваться. Теперь здесь вокруг огромная площадь развалин. Далее — поворот — и «площадь с пушками». Оживленный перекресток в торговой части старого города с памятными пушками времен войны с англичанами. Вежливо улыбающийся полицейский усердно машет руками, показывая, куда нам ехать. Впереди, после нескольких поворотов — «черная площадь» — окраина города. Все вокруг в воронках. Деревья, стены домов — все страшно изуродовано оспинами пулевых и гранатометных попаданий. Здесь стреляют почти везде. Стреляли и в этот раз. Оранжевый шар гранатометного выстрела рассыпался чуть впереди на обочине бетонки. Механик прибавил скорость.

Город кончился, остался позади. Мы мчимся по полосе. Впереди вырастает голубая громада купола одной из мусульманских святынь. Сразу за ней мелькает элеватор — знакомой советской конструкции. Там находится один из наших гарнизонов. Он охраняет мост через реку Аргандаб. Почти сразу за мостом дорога изгибается широкой дугой, образуя такое же проклятое место, как и «черная площадь» — Нангархарский поворот. Справа и слева от дороги поднимаются высокие заросли — излюбленное место душманских засад.

Об этом месте у меня особая память.

День 23 марта 1984 года был ярким, солнечным, небо было особенно синим и прозрачным. Колонна растянулась на много километров по шоссе. Наши три боевые машины шли с командным пунктом. Охраняли его. На первой ехал командир взвода Сергей Тырков, на второй я. Залп трех гранатометов, поднявшихся из-за дувала

метрах в двухстах, пришелся по его машине. «Одна, две, три, все три — в борт», — подсчитал я про себя. Нажав тангетку*, каким-то чужим голосом скомандовал:

— Механику: двадцать вторую машину обогнать. Впереди десять метров — стой! Наводчику: длинными, темп — максимальный.

Нужно было прикрыть машину, дать возможность экипажу и десанту покинуть ее.

Двадцать вторая машина задымилась, вильнула вправо и остановилась на обочине. Вот выпрыгнул механик-водитель Володя Перебейнос и зайцем скакнул в кювет. Время шло, больше никто не показывался...

Наша машина, обогнав двадцать вторую, остановилась метрах в пятнадцати. Наводчик молотил по винограднику. Над башней подбитой машины появилось обгорелое лицо. Это пытался выбраться сержант Жук — командир отделения. Перебейнос бросился к нему.

— Тащи командира, он внизу, а я сам выберусь, — прохрипел сержант, — и ребятам открой десантное отделение, их контузило, наверное, сами вряд ли выберутся.

Машина горела. Сквозь языки пламени увидел Володя лейтенанта, лицо и руки его были в ожогах, вместо ног — кровавое месиво. Он его вытащил, перевалил через башню, потом спустил на землю, в кювет. Снова рванулся к машине, открыл левый, правый десант, помог выбраться находившимся там товарищам, доползти до спасительного кювета. Прошло минуты три. Машина горела, и вдруг вспышка, грохот взрыва. Голова произвольно вжалась в плечи. Взрыв был страшным. На бетонке осталась лишь нижняя броневая плита и почему-то ведущие колеса. Пушка моей машины замолчала.

— Наводчик! Огонь! — кричал я, стоя в башне.

* Тангетка — переключатель переговорного устройства.

— Ничего, когда-нибудь обо всех песни напишут.

— И про меня?

— И про тебя, и про твоего земляка, про всех нас напишут песни. Должны написать!

Самолет падал на крыло, заходя на посадку. Двигатели ревели особенно громко и нудно. Разговаривать не хотелось. Думалось о том, что через несколько минут самолет сядет и откроется рампа. Для нас в будущее...

Душманы

Аэродром

После боя

Друг улетает

ПЕРВЫЕ КИЛОМЕТРЫ

Первые впечатления о службе в Афганистане начались для меня еще в Ташкенте, вернее, в военном аэропорту, через который проходила отправка всех, призванных исполнить свой интернациональный воинский долг.

Стою на пункте таможенного досмотра, уже пройдя его, в тесной толпе, состоящей, как мне показалось, из двух категорий людей.

Одни — такие же, как и я, попавшие сюда впервые. Несколько подавленные недавней разлукой со своими близкими, да и, собственно говоря, первой разлукой с Родиной. В то же время для них все интересно, все вызывает любопытство.

Другие — те, кто уже успел побывать там, на войне, где, как нам рассказывали, банды душманов под руководством иностранных специалистов творят бесчинства над мирными жителями. Большинство из них почему-то выглядят еще более подавленными, чем мы. Многие с сожалеющей улыбкой посматривали на нас.

— Ты веревку с собой взял? — услышал я вдруг голос, вздрогнув при этом от неожиданности. Это ко мне обратился невысокий плотный старший лейтенант в выцветшем хэбэ и с рыжими усами. Внимательно разглядываю его необычный для меня вид и настороженно всматриваюсь в обветренное, загоревшее до потускневшей меди лицо.

— Да нет. А зачем она мне? — пожимаю в недоумении плечами. Даже как-то растерялся — оказывается-то, самого главного я и не взял.

— Во-о-он, видишь, хорошая перекладина, — и показывает мне на металлический каркас потолка.

БОРОЗДИН Константин Николаевич, капитан. В Афганистане — с апреля 1983-го по июнь 1984 года в должности заместителя командира автомобильной (позже — мотострелковой) роты по политической части. Тяжело ранен. Награжден орденом Красного Знамени.

— Ну, вижу, — отвечаю уже более уверенно.

— Знаешь, так хорошо бы на ней повеситься.

Сказал и отошел... А я стою, как будто та самая перекладина уже на меня упала. Хорошо, что продолжалось это недолго. Тут открылись широкие металлические ворота и мы увидели ожидающий нас на аэродроме самолет...

Потом был Кабул с беглым его осмотром из кузова грузовика. Да, что ни говори, а совершенно иная жизнь, совсем иной мир.

Глинобитные мазанки одна над другой и высотные здания, ветхие лавки, так называемые дуканы, и настоящие дворцы иностранных посольств за бетонными заборами. Крики торговцев, вопли ишаков и верблюдов, пронзительные сигналы разукрашенных машин всевозможных марок.

И необычные люди. Степенно шагают мужчины в развевающихся белых чалмах, в сандалиях на босу ногу и с руками, сцепленными сзади под пиджаком. Быстро семенящие, закутанные с головы до ног в ткань защитного цвета женщины. Снующие всюду, неутомимые, оборванные и грязные, но, как и в любой стране, никогда не унывающие ребяташки, постоянно повторяющие, видимо, так нравящиеся им слова: «Командор, дай бакшиш!»

Более всего поражала яркость кра-

сок, особенно многое было впечатляющим после моего, теперь уже такого далекого, Забайкальского округа, где перед самым отъездом выпало много снега. Шел апрель 83-го года.

Направили меня в Кундуз замполитом автомобильной роты.

По прилету туда выяснилось, что надо лететь еще дальше — тоже в Кундуз, но Северный.

В политотделе представился начальству и получил короткий, но до предела ясный инструктаж.

— Твой предшественник — пьяница, одного из командиров взводов за контрабанду только что посадили на четыре года. Если будет и у тебя такое — мы тебя по всей строгости закона...

Разъяснять необходимости не было, все было понятно.

«Вдохновленный» такой встречей, я побежал в общежитие за оставленными там вещами и с удивлением обнаружил, что мое летнее пальто, пятнадцать минут назад висевшее на вешалке в одной из комнат, куда-то «ушло». Видимо, кто-то прихватил его в Союз, по замене...

На аэродроме мне разъяснили, что сегодня вертолетов на Северный уже не будет.

— Но как же добраться?

— Приходите завтра.

Завтра оказалось таким же — опять ничего.

«Ну что делать? Молодой лейтенант хочет как можно лучше выполнить свой долг. А ему не дают возможности попасть в свою часть. Вот поряdochки», — так или примерно так рассуждал тогда я.

— Ты Бороздин будешь? — раздался властный голос из остановившегося рядом «уазика».

— Так точно, — бойко, но с удивлением ответил я.

— Ты почему отираешься здесь, сколько тебя можно ждать?

— Да я вертолет никак...

— Залезай, — оборвали мои объяснения, — тридцать километров, а ему вертолет подавай.

Так я познакомился со своим командиром части капитаном Рябковым. Он был крепко сбитым brunетом в ладно сидевшем на нем обмундировании.

Часть была отдельным батальоном материального обеспечения. В тот же день я был представлен батальону. Вечером в общежитии, как и положено, была торжественно отмечена замена политических работников. Лейтенант Инцов, которого я заменял, был немногословен:

— Все нормально, посмотришь, увидишь, ребята неплохие.

— Понял, действительно посмотрим, — отметил про себя.

Командир роты тоже оказался лейтенантом. Представился: Буркин Вячеслав. Невысокого роста, довольно таки щуплый, с большими залысынами. На куртке — планка ордена Красной Звезды.

Оцениваю: лейтенант, а уже командир роты. Орден. Молодец, хотя тоже неразговорчив.

Уже от одних этих мыслей я начал улыбаться. Но когда после второй рюмки наш доблестный командир вывалился из-за стола, мне стало не до улыбок.

В голове замелькали тревожные вопросы: «С этого начинать? Служить с таким командиром? С ним жить в одной комнате?»

Поселиться решил с техником роты прапорщиком Тимониным. Его не было в части, но мне рассказали, что он годится мне в отцы, опытный, добросовестный человек.

«Ну, — думаю, — хоть у этого поучусь. Может, с пользой для дела будет совместная жизнь».

...Через несколько дней поступила телефонограмма: колонне, то есть нашей роте, прибыть в Термез. С раннего

утра все заняты подготовкой к рейсу.

Водители под руководством Василича, так мы звали техника, и командира взвода Сергея Железного выгоняют машины из парка, выстраивают их в линию для проверки готовности. Ротный вроде бы в штабе готовит документы, я бегаю ищу свежие газеты, боевые листки, прочее свое хозяйство. Первый рейс, надо показать свою работу, «воодушевить массы». Вот все уже готово.

Осмотрели машины, экипировку солдат. Все, пора трогать. Но где же ротный? Он ведь старший колонны?

Посылаю двоих солдат на поиски — в штаб и в общежитие. Там его нет. Отправляю в парк.

И там его нет. Ну, что же делать? Уже и охранение на мосту ждет. И документов нет. А одному неизвестно куда ехать не хочется.

Тут наконец из-за машин появился Буркин. Крутанул рукой: «Заводи!»

Все ясно: вперед! Что скажешь? Молодец, настоящий командир. Затасили его в кабину. Василич сел в другую машину, хотя и не должен был с нами ехать, и наши «Уралы», начиная с правого фланга, поднимая облака пыли, тронулись в путь.

...Ночью, когда находились в гарнизоне дивизии, прошел сильный дождь. И утро встретило нас голубиной небой, огромным солнцем и яркой, свежей зеленью. Ехать теперь было гораздо приятней — не было удушающей пыли, от которой не закроешь окна машины, потому что уже в апреле жара днем была невероятная. Вдоль шоссе расстились поля, поделенные на мелкие кусочки, на которых всходили посевы. Изредка на этих полях видны были их хозяева, но лишь вблизи кишлаков.

Чем дальше мы углублялись в «зеленую зону», тем тревожнее становилось

на душе. Руки невольно тверже сжимали автомат, когда видел на обочинах ржавые рамы и кабины подорвавшихся грузовиков. покореженные взрывами остатки бронетанковой техники. Перед глазами возникали старинные картины, как все это происходит в действительности, воображение рисовало взрывы, горящие наши машины, помогающих друг другу водителей.

Но мой водитель Гнел Саакян как ни в чем не бывало уверенно крутил баранку, маневрируя между воронками, что-то напевая на родном языке. Привык, видно.

— Что, товарищ лейтенант, жутко?

— Да есть немного.

— Ничего, скоро привыкнете.

Вскоре дорога пошла вдоль реки, которая была необычного цвета. От прошедшего дождя она, вспениваясь, несла в буквальном смысле коричневую воду.

Колонна остановилась. По своей старой курсантской привычке закинул автомат за плечо стволом вниз и пошел вперед.

Оказывается, дорогу преградил разлившийся поток. Ворочая камни, он нес коряги, мусор.

— М-да, придется ждать часа два, — размышлял седоусый капитан, командир нашего охранения.

Подошел Василич.

— Ты смотри, сколько ездю, ни разу такого не видел, — удивился он. — Придется ждать.

Водители подтагивали колонну. Некоторые из них что-то ремонтировали, другие, зачерпнув бензина из бака, разогревали тушенку.

За разговором у берега реки мы и не заметили, как кто-то из водителей вывел свой «Урал» из колонны и начал искать брод. Вот он сдал назад, взял левее и медленно пошел — к другому берегу потока.

— Куда он лезет, не вытащим же! — закричал капитан.

— Ротный проснулся. Он знает, —

засмеялся Василич, рассмотрев номер машины.— Вперед!

Взяв левее, пошла через брод и вся колонна. Ребята уверенно ведут свои «энки» (так называют они марку машины «Урал-375Н»). Вот притормозил возле меня и Василича Саакян.

— Ладно, давай вперед, я замыкающий,— машу ему рукой.

Оставалась уже последняя машина, когда к берегу подошла небольшая афганская военная колонна. «ЗИЛы сто тридцатые,— отмечаю про себя.— Не пройдут».

В этот момент с кручи на противоположном берегу реки ударили автоматные очереди. Пули с визгом отскочили от камней у самых ног подошедшего к нам афганского офицера.

— Командор, помоги,— обратился он к Василичу, как к более старшему по возрасту.

— Быстрее, быстрее давайте.

Огонь становился все плотнее.

Афганцы быстро прицепили буксиром первую машину к нашему «Уралу». И тут пули ударили по его правому борту.

— Пошли они к чертовой матери,— закричал водитель Василича — Дилмурадов, сбрасывая буксир,— я жить хочу!

— Ах, ты жить хочешь, а они? Живи, если совесть позволит.

Василич легко запрыгнул в кабину и потащил афганскую машину через поток. Так же быстро преодолели преграду и остальные грузовики.

Через несколько километров мы догнали свою колонну. Она опять стояла. Пользуясь свободной минутой, которая не часто выпадает на войне, каждый занимался своим неотложным делом.

— Что случилось? — спрашиваю.

— Мина, но вроде все обошлось,— отвечают мне.

Снова идем с Василичем в голову колонны. «21-41»,— читаю на заднем

борту перекосившегося на правую сторону «Урала».

— Мой же. Гнел! — кричу я и бегу вперед.

Мина попала под правое колесо, от которого остались лишь клочья дымящейся резины. Двигатель, а также правая дверца, на которую я так недавно облакачивался,— разворочены.

— Где Гнел? — спрашиваю у солдат, которые вместе с Буркиным быстро снимают колеса, другие узлы на запчасти.

— Да вон он с аккумулятором.

Оказывается, ему, как, собственно говоря, и мне, здорово повезло — просто выбросило на левую сторону. Улыбается. Жму его руку.

Тут вспомнил, что брал с собой фотоаппарат. Достая его из машины. Начинаю снимать, заходя с разных сторон.

Потом сфотографировались с ротным на память на краю воронки от мины, которая чуть не стала для меня роковой.

Уже когда почти закончили снимать с машины все детали, которые можно было снять, я увидел у себя под ногами какое-то желтое пятно. Как-то неестественно оно желтело здесь: черные клочья резины, вздыбленный асфальт, комья земли. Я наклонился, расчищая что-то плоское, как будто какой-то диск, не железо. Что это может быть?

— Товарищ лейтенант, мина! — крикнул все тот же Гнел.

Дрожь прошла по коже. Впервые реально ощутил, как она шла от макушки до самых пяток.

Распрямился, внимательно смотрю на это желтое пятно. «Интересно, что бы от меня осталось, если бы рванула? Наверное, ничего»,— размышляю про себя.

Ротный зацепил ее кошкой на веревке, все, отбжав, спрятались. Момент взрыва я решил сфотографировать. Дернули, но взрыва не было. С трудом вывернулась круглая ребристая

мина из коричневой пластмассы с желтым диском наверху.

— Итальянская, — сказал Буркин.

Мину отдали охранению и тронули дальше.

Через день мы были в Термезе.

Снова таможня. Проверка всех машин. В ожидании ее окончания томился в тесной пристройке. Довольно скоро послышались радостные выкрики таможенников. Здесь были они, что называется, молодчики — в черных японских очках с металлическими шупами в рюках.

Многие солдаты в беспокойстве зашушукались.

Потом причина их беспокойства стала мне понятна — в некоторых машинах, оказывается, была обнаружена так называемая контрабанда — дефицитные в те времена джинсы, японские платки, рубашки, часы и многое другое.

Буркину, уже не раз бывавшему здесь и знавшему всех и вся, удалось снизить число фактов контрабанды почти вдвое.

В полевом парке среди барханов, где была размещена наша рота, приехавший генерал сурового вида поставил нам задачу перевозить имущество складов, размещенных в Термезе, в речной порт. Оттуда они пойдут баржами на другой берег, в Хайратон, на создаваемую там базу.

И началась работа. Ничем особо не отличаясь от работы предков в древние времена. С утра получали приказ — такой-то склад, столько-то сотен тонн. Часто бывало, что некоторые, особенно из старослужащих, отказывались грузить машины. Солдат, выделенных для погрузки и разгрузки, не было.

Через несколько дней Василич, договорившись с Буркиным, уехал домой в Куйбышев. Сам же Буркин пропа-

дал где-то целыми днями. Изредка он появлялся вечером в парке.

Ну а мне одному пришлось страстным словом комиссара, а чаще всего личным примером воодушевлять своих орлов ворочать ящики со снарядами, патронами, консервами, мешки с мукой, крупами, цементом. Чего только мы не таскали на своих плечах.

«Я переболел желтухой. Мне поднимать тяжелое нельзя», — такой был у некоторых ответ. И передо мной вставала проблема: во-первых, жалко ребят; во-вторых, вижу, что многие, пользуясь нашим недавним знакомством, просто врут, и в-третьих, я обязан выполнять приказы по перевозке определенного количества тонн.

Вот так я и знакомился со своей ротой. Ухватившись вместе за ящик со снарядам, узнавал, как зовут и откуда родом, как служба и о чем болит душа. Так прошло почти две недели. За время этой каторжной работы я хорошо узнал, кто чего стоит. Однажды под вечер, когда мы заканчивали перевозить цемент, меня вызвали из склада.

— Я полковник такой-то, — представился мне важный черноусый полковник с сердитым лицом. — Почему у вас столько контрабанды? Да я вас, да мы вас...

И понеслось-поехало извержение русского матерного лексикона на голову полууголого, синего от цемента лейтенанта...

Наконец все было перевезено. При оформлении документов на таможне обнаружилось, что ротный потерял паспорт.

В батальоне командование роты ожидало указание сверху о проведении партийного расследования и наказания. А командный состав представлял я один. Взысканием мне стала постановка на вид.

Смешно и грустно. Несчастные

джинсы и платки заслонили тысячи тонн погруженных, перевезенных и разгруженных грузов, полмесяца тяжелейшего физического труда. Даже простого «спасибо» моя рота ни от кого так и не услышала...

Через день снова ушли в рейс. Снова дороги, мины, обстрелы. Снова новые лица, встречи старых друзей...

На обратном пути я все время думал

о превратностях судьбы человеческой. Ведь Буркин был в училище старшиной, лейтенантом стал командовать ротой, награжден орденом. Где, когда он сломался? Может, устал от всех этих тревог и опасностей, может, дома что-то неладно? Обязательно надо поговорить с ним, как приедет... но приехал мой ротный лишь... в августе, хотя с июля его ждал заместитель...

Разминирование

10 Афганистан болит в моей душе...

Пункт комендантской службы

«Вот опять летим мы на задание...»

...и снова в бой

ЛЕКАРСТВО ПРОТИВ СТРАХА

Андрей проснулся рано. Спать совсем не хотелось. Не привыкший долго разлеживаться, он вскочил со скрипучей железной кровати и вышел из палатки. На передней линейке под грибком стоял дневальный. Увидев Андрея, он встрепенулся. В это раннее утро солдат боролся со сном.

Было тихо. Лагерь осиротел, батальона здесь не было. Только вчера утром Андрей прилетел в Кабул. Возвратившись из отпуска, он застал в лагере капитана Тоевого, десять солдат и сержантов, оставшихся для охраны расположения, и прапорщика Балакалова, прибывшего из командировки в этот же день. А сегодня вместе с Балакаловым Андрей полетит в Панджшер, куда ушел на войну их второй батальон.

Немного размявшись, он пошел в палатку. Здесь еще спали. Тоевой открыл глаза и широко потянулся:

— Замполит, что-то ты рано встал, волнуешься?

— Кто рано встает, тому бог дает.

— И что же нам он на завтрак послал?

— Привет из Белоруссии в виде домашних пирожков, огурчиков и мяса.

Через час вся честная компания завтракала, разложив на столе домашние припасы, привезенные Андреем.

К десяти часам им надо было быть на аэродроме и потому, позавтракав, ребята не мешкая стали собираться. У дежурного по батальону сержанта Парфенова он получил автомат, четыре магазина с патронами. Когда к отъезду все было готово, как и положено по обычаю, присели на дорожку.

ГАЗ-66 стоял наготове. Андрей и Саша Балакалов сели в кузов. В кабине ехал Тоевой. Он же с машиной должен был возвратиться назад. Че-

РЫЖАКОВ Сергей Александрович, майор. В Афганистане — с января 1980-го по июль 1981 года в должности заместителя командира по политической части мотострелковой роты. Награжден медалью «За боевые заслуги».

рез тридцать минут, достаточно наглотавшись пыли, они были на аэродроме.

Вертолетчиков долго ждать не пришлось. Весело шутя, ребята в голубых комбинезонах подошли к своим вертушкам. Оба экипажа запустили двигатели. Лопасты раскручивались все быстрее. Машины задрожали и оторвались от земли.

Через минуту весь Кабул был как на ладони. Окруженный со всех сторон горами, он представлял не очень радостную картину. Каменные дома, особняки, виллы светлыми пятнами выделялись на грязно-сером фоне.

Андрей вспомнил свои первые шаги по этой земле. Тогда, в середине января 1980 года, Ил-76 принес около трехсот солдат и офицеров на Баграмский аэродром.

Погода стояла чудная. Ярко-голубое небо, сияющий под солнцем снег создавали настроение безмятежности, спокойствия. Всех посадили в грузовики и повезли в Кабул. Те первые впечатления остались в памяти на всю жизнь.

Кабул. Вдоль дороги стояли лавочки, где продавалось все подряд. Душанчики сидели на корточках, провожая нас настороженными взглядами. Над городом висела дымка, потому что дома отапливались дровами.

В это раннее утро жизнь в городе уже кипела. Рядом с дорогой торговец продавал дрова. Тут же стояли весы. В качестве отвеса были обыкновенные булыжники. Мальчишки бежали с лепешками в руках, купленными в лавке.

У Андрея стали мерзнуть ноги. И тут он увидел то, что поразило его больше всего. Рядом с их машиной, которая снизила скорость, шли старик и мальчик, которому было лет десять. На плечах у обоих были легкие накладки. Сами они были одеты в ситцевые рубашки и широкие штаны голубого цвета.

Они шли по снегу босиком. На ступнях у старика, видимо, многое испытывавшего, были глубокие трещины. Мальчишка, согнувшийся от холода и старавшийся хоть как-то согреться, прыгал с ноги на ногу.

Вертолеты держали курс на Панджшер. Через полчаса они шли уже над ущельем. В этом месте ущелье было довольно узким, не более четырехсот метров. С гор оно полностью простреливалось.

Справа внизу Андрей заметил оранжевый дым, значит, здесь, в горах, наши — обозначают себя. Он вспомнил, как в первом рейде афганская рота, шедшая по ущелью, не обозначила себя дымами. И тут же сильно поплатилась. С вертолета трудно различить, кто там внизу. Вот наши герои-вертолетчики и врезали нурсами... Слава богу, что первый залп был не очень точным. Обошлось без убитых, но четырнадцать раненых все же было. Законы войны суровы, и не соблюдать их нельзя — заплатишься головой.

Кабина вертолета была открыта, и Андрей слышал, как командир вел переговоры с землей. Видимо, авианаводчик давал целеуказания. Вертолет сделал круг над кишлаком и сбросил бомбу в «зеленку». Ведомый сделал то же самое.

Впереди ущелье сужалось. Его перегородила гора справа. Она нависала над ущельем и своим устрашающим видом предупреждала, что дальше соваться нельзя. Удобнее опорный пункт для духов придумать трудно. Вертолеты, сделав круг, поднялись

выше. Затем, наклонив носы, всей мощью своего оружия пошли на гору. Авианаводчик с земли наводил их на цель. Ни вертолетчики, ни Андрей, ни Саша не видели душманов, но всем своим нутром ощущали их присутствие. Нурсы с шумом сошли с подвесок. По камням прокатилась огненная волна взрывов. Вертолеты ушли влево. Обе машины шли, как привязанные, ни на секунду не отрываясь друг от друга.

Из кабины в грузовой отсек вышел стрелок-радист. Открыв боковую дверь и хорошо закрепив на стенке пулемет, он приготовился к стрельбе. Вертолеты пошли на второй заход.

Новая волна взрывов прошла по скале. За ней последовали длинные пулеметные очереди. Андрей впервые видел огонь с борта вертолета. Отсюда все выглядело впечатлительнее, чем с земли. Казалось, после такого огня среди камней не будет места ничему живому. Но это Панджшер. Хитро устроенные пулеметные гнезда оживали вновь.

Андрей еще чувствовал напряжение боя, который шел на земле. Не слыша свиста пуль, трудно понять, что такое война. Не увидев крови товарищей, их смерти, смерти врага, не испытав страха за жизнь людей и за свою жизнь, трудно познать весь ужас войны.

Вертолет садился на кукурузное поле. Андрей увидел, как к вертолету, пригнувшись, бежали люди с носилками. На носилках лежали раненые. Через белые бинты ярко проступала кровь. Только теперь он почувствовал себя на войне. За время отпуска и болезни это острое, ничем не передаваемое чувство войны ослабло. Теперь оно нахлынуло снова. Страх, настороженность, некоторая неуверенность в себе слились вместе. В душе стало гадко от понимания того, что полностью не владел собой.

Андрей и Саша спрыгнули. Подхватив носилки, они помогли поднять раненых на борт. Их было четверо. Двое

наших ребят, а двое из афганского полка. Действовали быстро, уверенно, но немного пригнувшись, как будто боялись, что лопасти вертолета саданут их по голове. Через несколько секунд машина поднялась в воздух.

Выйдя из «зеленки», Андрей и Саша оказались на краю кишлака. Между двумя дувалами сидели солдаты. На их измученных лицах видна была усталость.

Андрей почувствовал, что при виде этих солдат уверенность вновь приходила к нему, а страх, сковывающий тело, проходит от вида этих усталых лиц. Это были его солдаты, его бойцы, его родная пятая рота.

Увидев Андрея и Сашу, солдаты заулыбались:

— Здравия желаем, товарищ лейтенант. С возвращением вас.

— Здравствуйте ребята, спасибо вам. Как тут воюется?

— Воевать, так не горевать, а горевать, так не воевать,— вечно не унывающий рядовой Алексеев поглаживал свою снайперскую винтовку, лежащую на коленях. Рядом с ним сидел рядовой Тимофеев, связист, секретарь комсомольской организации роты. Этот розовощекий, круглолицый, крепко сбитый солдат сейчас был серьезен. Андрею нравился его общительный характер, простота и доброта, постоянно исходящие от него, серьезные мысли, редко свойственные парням его возраста. Но главное — он был надежным другом и товарищем. Не зря избрали его здесь, в Афганистане, своим секретарем комсомольцы роты.

Глядя на него, Балакалов, широко улыбаясь, спросил:

— Чего грустите, хлопцы? Неужто не рвутся комсомольцы-добровольцы в горы?

Начиная с самого первого рейда он ходил в горы с гранатометчиками. Этот взвод под командованием лейтенанта Заболотного в горах представлял большую силу. Когда раздавалась очередь автоматического гранатомета

и гранаты, очень похожие на охотничьи патроны, разрываясь вдалеке, создавали сплошную зону поражения, никто не завидовал душманам. Не раз этот взвод помогал батальону в самые критические минуты. И самую первую, самую неожиданную, самую уничтожающую очередь по духам делал Саша Балакалов — комсомольский секретарь батальона. После первого рейда батальона он был первым в дивизии прапорщиком, награжденным орденом Красной Звезды.

Андрей прошел вперед. Там, под деревом, в тени ветвей вокруг комбата сидели офицеры.

— Товарищ капитан, лейтенант Рыбаков из очередного отпуска прибыл,— доложил Андрей комбату.

— Вовремя ты прибыл. Сейчас в горы уходим. Готов? Здесь, сам знаешь, раскачиваться некогда. Садись.

Андрей поздоровался со всеми офицерами: замполитом батальона Блиновым, исполняющим обязанности начальника штаба Аушевым, командирами роты Хуштом, Сабуровым, Джадайбаевым; замполитами рот Трушковым, Изъяновым; командирами взводов Степановым, Чотбаевым, Вывро, Корженковым, Назаровым, Заболотным, командиром батареи Шварцем.

Данилов заканчивал давать указания на марш. Он говорил не спеша. Вся его большая, во всем округлая фигура говорила об основательности его натуры. Всем своим видом, голосом он придавал большую значимость каждому слову. Данилов по должности был начальником штаба батальона, а сейчас, когда наш комбат Кукса был в Союзе, оставался за него.

Непросто быть комбатом после Куксы. Таких людей, как он, по пальцам можно перечесть. Данилов был рассудителен, но ему не хватало остроты ума Куксы. Он любил командовать, руководить и постоянно добивался выполнения своих приказов. Кукса же так умел поднести свою командир-

скую волю, что каждый не только считал своим долгом и обязанностью выполнить ее, но и сама мысль в чем-то подвести комбата считалась позором.

Данилов был основателем во всем. Но если в повседневной жизни этого было достаточно, то в боевой обстановке, где все постоянно меняется, где голова должна просчитывать все возможные и невозможные варианты быстрее и лучше любого компьютера, где реакция мысли, умение и решимость идти на риск становятся важнейшим условием, в этой обстановке Данилов не мог сравниться с Куксой.

Андрей подошел к замполиту батальона капитану Блинову. Блинов не любил много говорить. Не вписывался он в стереотипные представления о политработнике.

Капитан Хушт стоял у головной машины роты. Его внимательно слушали сержанты:

— Душманы находятся, вероятнее всего, в районе этой высоты,— он указал точку на карте.— Особое внимание обратить также на эти высоты. Здесь, возможно, находятся опорные пункты.

Он говорил кратко и сухо. Веселый и даже чересчур разговорчивый в обычной жизни, Хушт сейчас рубил каждую фразу.

В батальоне было правилом отра-

батывать предстоящие действия на макете с песком не только с офицерами, но и с сержантами. Сейчас такой возможности не было, и сержанты прислушивались к каждому слову своего командира:

— Идти не растягиваясь. Командирам отделений постоянно держать своих людей в поле зрения. Воду расходовать экономно, возможна ночевка в горах. При появлении вертолетов роту дымами обозначает первый взвод. Сейчас всем вам проверить людей, оружие, снаряжение и через десять минут стоять в готовности к маршу.

Сержанты тотчас взялись за дело, и через несколько минут Андрей видел перед собой строй роты, собранные лица людей, готовых выступить в горы.

Это были уже не те неуверенные юнцы, какими он видел их в январе 1980 года.

Уже тогда, в первые месяцы афганской эпопеи, он понял, что лучшее лекарство против страха, неуверенности, паники — это крепкая дисциплина. Слово командира, произнесенное уверенным и четким голосом, ставшее законом, выводит из оцепенения растерявшегося солдата, превращает толпу в строй. Но сколько пота надо пролить командиру, чтобы его слово было сильнее страха, чтобы приказ стал законом...

Обед

Ожидание вылета

Танк с тралом

«Грады» в работе

„КАНДАГАР—ЭТО НЕ СОЧИ...”

Служил я тогда в Казахстане. 15 января 1985 года наш батальон был поднят по тревоге. Мы прибыли в город Талды-Курган. Нам сказали, что будем участвовать в каких-то экспериментальных учениях. Об Афганистане речи пока не было, хотя многие, в том числе и я, догадывались, что, видимо, предстоит ехать в Афганистан.

Переехали мы в другой город. Начали нас формировать. Дали новую технику. Всех офицеров, которые уже служили в Афганистане, от нас убрали, перевели в другие места службы. Сформировали батальон, началось слаживание.

Потом — беседы с офицерами. Помню, беседовал с нами заместитель начальника политуправления округа. Передо мной был на беседе офицер, который, так же, как и я, был согласен ехать в Афганистан. Но у него был вопрос: он перехаживал в воинском звании, должны были вот-вот присвоить капитана. Поэтому он и спросил, не повлияет ли его отъезд на присвоение воинского звания.

Его успокоили, что там будет присвоено очередное воинское звание.

Вослед за этим офицером зашел на беседу я. И первый вопрос был мне задан такой: «Вы тоже не желаете ехать в Афганистан?» Я говорю: «Никак нет, товарищ генерал. Я поеду». Потом, когда мы разговорились с ним, я сказал, что если честно, то не поеду сейчас — все равно поеду позже. В общем, он пожелал мне успеха, и я стал собираться.

Провели учение по слаживанию и поехали в Туркестанский военный округ, где готовились в учебном центре еще в течение месяца — вождение, стрельба, горная подготовка.

6 апреля мы прибыли в Кушку. И в ночь на 7 апреля пересекли государственную границу. Первое впечат-

КАЛЫБЕКОВ Тынычбек Мамбетович, майор. В Афганистане — с апреля 1985-го по июнь 1987 года в должности заместителя командира роты, позже заместителя командира по политической части мотострелкового батальона в Кандагаре. Награжден орденами Красной Звезды и «За службу Родине».

ление было, конечно, поразительным. Контраст был удивительный, словно попал в средневековье, совсем в иной мир.

Ехали своим ходом, на броне. Преобладающим, всеохватывающим чувством было осознание ответственности. Все были сосредоточены, четко выполняли команды, не было никакого баловства со стороны солдат.

В эфир мы не выходили, но были на связи. Слышали все многообразие переговоров в эфире. И это, конечно, поражало.

В Шиндане немного отдохнули. На следующее утро поехали дальше. И вот, подъезжая к Кандагару, остановились в пустыне, там стоял один из наших батальонов. Место было опасное, ужасно заминированное. Город обстреливался. Вдоль трассы — сторожевые заставы.

Кандагар мы должны были проскочить на большой скорости под прикрытием двух батальонов.

Кандагар считался одним из самых опасных мест. И действительно, боевые действия шли там интенсивно. Не случайно поется в одной из песен:

Кандагар — это не Сочи,
Не Бахчисарай,
Здесь путевки, между прочим,
Выдаются в рай.

С 10 мая по 11 июня 1985 года мы были на первых боевых действиях в провинции Гельмент. Мы должны были десантироваться с вертолетов, а бронемашины шли своим ходом. Погрузили нас в вертолеты по десять чело-

век. И вот мы десантировались неподалеку от населенного пункта Мусакала, вертолет улетел. Первым делом я увидел возле себя пыль, как-то странно поднимающуюся. Я и не сообразил сразу, что это по нам стреляют, что это пули поднимают пыль. Выстрелов-то не было слышно. Я упал, схватил какой-то камень и заслонил им голову. И думаю: лишь бы не в голову попало. Сейчас смешно вспомнить об этом, а тогда было не до смеха. Каждому ведь свойственно чувство страха. Особенно в первое время службы в Афганистане. И последнее время тоже. Последние месяцы службы — особенно. У нас было так, что, как только выходил приказ об увольнении, на боевые действия увольняемых не брали.

И вот мы в первой операции. Нам надо было подняться на хребет, блокировать его. Было, конечно, очень тяжело. Ведь все несли на себе, каждый солдат нес по две мины, и минометы несли, и продукты. Жара была ужасная. Воду всю выпили.

Солдат у меня один смалодушничал. Взял гранату, выдернул чеку и говорит: «Я, товарищ старший лейтенант, дальше никуда не пойду, хоть убейте меня, я не пойду никуда».

Я начал его уговаривать. «Ну что ты,— говорю,— Юрченко, у тебя же родители дома! Как же я могу тебя оставить». В общем, еле я его уговорил. Взял его за руку, в которой у него была граната, а чеку никак не могу вставить в отверстие — у самого руки трясутся. Забрал я у него гранату.

На задачу, конечно, мы опоздали. Блокировали мы эти вершины дня четыре. Первая операция обошлась для нас благополучно.

После этого мы блокировали Мусакалу. Два дня стояли. Потом меня вызвал командир батальона и говорит, чтобы я со взводом прочесал кишлак. Командир этого взвода был в отпуске. Вот я и пошел.

Прочесали мы кишлак. Нашли там килограммов около двухсот опиума, боеприпасы. Душманы, правда, ушли.

Самое, конечно, памятное — это эпизод, когда я подорвался. Было это 8 марта 1986 года на юге Кандагара.

Пришли мы с боевых действий и должны были заблокировать Кандагар с юга, пока афганские войска проводили там мобилизацию. Я в этом районе был уже дважды, местность знал хорошо. К этому времени меня назначили замполитом мотострелкового батальона.

Начали обсуждать, как лучше выйти к месту. Ну и, так как местность мне была знакома, я пошел первый.

Утром, часа в четыре, мы начали входить в город. Вышли на заданное место. Я остановил танк, на котором ехал. Но остановились мы на перекрестке, и бронетранспортерам, ехавшим за нами, невозможно было разъехаться. Я дал команду проехать вперед. И в это время произошел взрыв. Столб огня. Люки были все открыты. Заряжающего я заранее посадил на броню...

Меня выкинуло с брони, приземлился метрах в нескольких, ушибся, конечно. И помню, первым делом стал считать солдат. Одного нет. Кого? Механика-водителя. Танк начал гореть. Мы с двумя солдатами вытащили его из танка, оттащили за дувал. И в это время раздался страшный взрыв — боеукладка сдетонировала. Башню танка вырвало, откинуло метров на восемь. Хорошо, что успели этого солдата вытащить. В ушах звенит ужасно. Сообщил комбату по радиации о том, что подорвался. Помню, какое-то спокойствие было: «Лето», я — «Букет», — говорю, — у меня подрыв». Он мне отвечает: «Туши». — «Какой туши, — говорю, — тушить нечего...»

После этого попал, конечно, в госпиталь. Я не хотел, но комбат настоял. Сотрясение было, контузия. Пролежал я дней десять.

Своей тропой, своей дорогой

Постановка боевой задачи

Баграмский аэродром

Стрелок-радист

ИЗ ДНЕВНИКА МЛАДШЕГО ЛЕЙТЕНАНТА

31 августа 1983 г.

День отлета в Афган.

Провожали в аэропорту только родители, более никого не было. На таможне расстались. Слез не видел, это уже лучше. Было как-то спокойнее. Зашли на второй этаж в бар, выпили по две бутылки пива. Прошли еще одну таможню. Около получаса ожидали посадки. Наконец сели. Заняли три места, то есть я, Макар и Амирян. Сделали круг над Москвой, первый раз видел Москву такой неповторимой... В Ташкенте самолет заправили горючим. Летим дальше. Снова смотрим на лежащие под нами горы. Кабул. Первая мысль при выходе из Ту — хочу домой.

Зашли в аэропорт: кругом грязь, духота, жара. Снуют в своих грязных балахонах носильщики и всякий рабочий люд. Смотреть не хочется.

Сдали паспорта и получили по 50 афгани. Зачем, еще не знал. Около часа ждали свои вещи. В последней телеге прибыли мои. Грязные, изрядно потрепанные. А кругом такая свалка народу! Все налетают на эти телеги. И чемоданы и коробки разлетаются в разные стороны и как попало. Кое-как собрал свои тоннажные сундуки и с горем пополам дотащил к нашей общей куче. Подозвал носильщика. Тот кое-как приподнял мои чемодан и коробку и, через каждые пять шагов останавливаясь, потащил к выходу. Я тем временем тащил другой чемодан. Добрались до автобуса. Носильщик выманил у меня 40 афг. После этого я осмотрелся. Первое, что удивило, — это бесчисленные автомобильные гудки. Повсюду шныряли с ведрами грязные мальчишки лет 7—8 и предлагали выпить из консервной банки, оборудованной под кружку, холодной воды.

СТЕБУНОВ Андрей Сергеевич, младший лейтенант, военный переводчик. Погиб в Афганистане 14 ноября 1983 года.

Воду они брали тут же, из какого-то резинового шланга, который торчал непонятно откуда. Я вышел из автобуса. Начали подходить другие ребята. Нас тут же окружила детвора и начали наперебой предлагать кто жвачку, кто сигареты, а кто холодную воду. Наконец собрались все. Кто с вещами, а кто и без вещей (остались в Москве). Проехали какие-то мазанки и въехали в микрорайон. Подъехали к самому крайнему пятиэтажному дому (легендарный 115-й барак). Зашли в первую квартиру, называемую пересылкой, вид был такой, как будто здесь пронесся смерч. В 3 часа дня поехали в 4-й блок к Бартеневу. Дождавшись своей очереди, захожу. Сажусь за стол и читаю газету. Выслушав две строчки, говорит: достаточно. И добавляет: «Ты хоть не останавливался и не говорил, что не могу». Пошел получил аванс 4 тыс. афг., и тут же всей гурьбой повалили на «Маркеш». Поудивлявшись немного, пошли домой. Изрядно уставший за день, еле добираюсь до койки и, не раздеваясь, валюсь спать.

5 сентября 1983 г.

Приехал в свою дивизию. Сижу в мушаверской. Знакомлюсь. Ужасно болит голова. Это, наверное, от смены климата.

12 сентября 1983 г.

Еду на первую операцию. Все наши ушли ночью. И теперь я, М. Мищенко ехали на попутном БРДМе до Хайр-Хоны. Там высадились и пошли с советским войском. Там сказали, что уже вышли на операцию. Выделили БРДМ и поехали. Приехали на ко-

мандный пункт. Переводил очень мало. Зато очень много пил чая. Жара невыносимая. Кругом пыль толщиной в 15 см. Вечером поехали обратно в сторону Кабула. Не заезжая в Хайр-Хоны, встали на ночлег под горой.

13 сентября 1983 г.

Едем чистить немного дальше. Встали на КП, гора, а на горе кладбище. Стоим на этом мертвом месте. Внизу, под горой, виноградник. Пошли с бэтээрищиками за виноградом. Набрали винограда, кое-как помыли, сидим, лопаем. Вдруг в этой самой виноградной лозе взрыв. Побежали туда. Лежит афганец с оторванной ногой. Оказывается, там минное поле. Кое-как, с большой осторожностью вышли. На ночь остановились в саперной части.

14 сентября 1983 г.

Свой дневник не считаю нужным продолжать. Он получится слишком страшным...

ОН БЫЛ ЧЕЛОВЕКОМ ДОЛГА

Воспоминания об Андрее его боевых товарищей, военных переводчиков

Ашот Амирян:

Чтобы сказать самое сокровенное, доброе о человеке, думаю, лучше всего рассказать о том, почему мы с Андреем сразу же стали друзьями.

С первой минуты нашего знакомства я понял, насколько он чуток к людям. Он обладал удивительным талантом располагать к себе. Внимательность, я бы даже сказал, бережливость по отношению к людям были чертами его характера. Андрей единственный человек в моей жизни, который любой спор, даже если его оппонент не обладал тактом и интеллектом, спокойствием своим, логикой своих аргументов превращал в дружеский коллоквиум и тем самым поднимал его в глазах окружающих. Показывал всем, что главное, когда человек видит в тебе прежде всего личность, уважает твоё

мнение, старается спокойно разобраться и в самой личности, и во мнении этого человека, какое бы оно ни было. Андрюша был человеком долга.

Мне невыносимо тяжело писать об Андрее в прошедшем времени. Он мог не поехать в Афганистан. Но приложил все усилия и вылетел со своими однокурсниками, до конца исполнив свой интернациональный долг. Долг человека, любившего жизнь, людей. Он очень любил свою Родину. С удивительной любовью мог говорить о Москве, ее улицах. Первая книга, которую он приобрел в Кабуле, была «Москва и москвичи». Лицо его светилось, когда он вспоминал о своих маме и папе. Получив от них письмо, весь день сиял, улыбался. И был он поразительно скромным человеком. Писал стихи. Очень романтические, добрые, и сочинял музыку к ним. Но почти никто не знал, что это его стихи. Писал в записной книжке, с которой не расставался до последней минуты жизни.

Александр Васильев:

Познакомились мы с Андреем на сборах абитуриентов, поступающих в военные училища. С первых же дней знакомства подружился с ним. Подкупали его честность, скромность, отсутствие малейшего желания обидеть кого-либо (хотя в армии, то есть в отношениях между военнослужащими, такие явления бытуют). Наоборот, прослеживалось постоянное стремление защитить слабого, даже если силы были явно не равны. Очень интересно было беседовать с ним. Он очень много читал и о каждом произведении имел свое мнение. С великой человеческой любовью относился ко всему. Как мне казалось, его окружали только добрые люди, от них он впитал именно те качества, которые характеризуют настоящего человека. Наше общество сейчас как раз и ощущает дефицит в таких людях. Для меня в Афганистане это был один из тех друзей, поведение которых я мог заранее предсказать, основываясь на днях, годах зна-

комства. Принося добро или просто приятное, испытывал огромное наслаждение. Как командиры, так и просто старшие товарищи относились к нему с огромным уважением.

Сергей Антонов:

Андрей вошел в мою жизнь неожиданно, вошел раз и навсегда... Скромный мальчик в солдатской форме, с погонами под цвет глаз — голубыми, как небо. Мы встретились с ним в первый раз на сборах, когда поступали в Военный институт. Среди многих он выделил почему-то меня. Видимо, сыграл свою роль фактор родственности душ (я потом убеждался неоднократно, что мы видели друг в друге самого себя). Дружба зародилась и окрепла как-то сразу, мне стал очень дорог этот человек. Везде были вместе. Долгие разговоры по душам, прогулки, совместные встречи «союзного» поезда, сомнения: поступлю — не поступлю. И хотя уже и взрослые совсем мужчины, защитники Родины, но — «Знаешь, скорей бы увидеть маму...» Он очень любил свою маму, Андрюша...

Не было предела радости, когда узнали, что поступили. Теперь расстаемся, но ненадолго: все разъезжаются по своим подразделениям, потом — до встречи в Москве. «Ребята, приедете в Москву — сразу ко мне!» Ребята — это Саша Васильев, Юра Лазарчик, Юра Яковлев, Костя Сизов.

Так и собирались потом у Андрюши, все вместе порой, где нас встречали теплом и лаской Андрюшины родители, добрая Валентина Федосеевна, его мама.

Язык мы стали изучать экзотический — дари, а по окончании курса обучения собирались ехать на горячую точку планеты — в Афганистан...

Трудным был этот год. Шутка ли сказать, за десять месяцев выучить иностранный язык. Да еще так, чтобы стать квалифицированным переводчиком. Учились, служили. Вместе с Андрюшей ходили в увольнения, к его ма-

ме. Подолгу бродили по Москве, наслаждались ее просторами и красотой...

Летние экзамены подошли быстро. Мы не знали, что предстоит расстаться навсегда. Радовались, что все нормально, и учебу мы скоро закончим, и отпуск впереди, а там — Афганистан. Сразу решили: будем просить, чтобы служить послали вместе — так будет легче. Но получилось иначе. Мне не довелось поехать в Афганистан, хотя вот уже десять месяцев эта поездка занимала мои мысли, и я очень хотел поехать туда. Прошли экзамены, мы в кафе обмыли свои лейтенантские звездочки... Расстались 29 июня 1983 года на Курском вокзале, куда Андрюша пришел, чтобы проводить меня. «Пиши». — «Буду, и ты не забывай».

Расстались на год, до следующего отпуска, а получилось — навсегда...

Я не успел получить ни одного письма от Андрея. Вместо него написали другие.

Он героически погиб, этот золотоволосый мальчишка с такой доброй, необыкновенной улыбкой. Его друзья никогда не забудут о нем. У него было много друзей, а это значит, что каждый из нас сохранил в себе его частичку...

Мама Андрея, Валентина Федосеевна, вспоминает:

С первых дней жизни нашего сына мы жили его жизнью. Сначала заботами о малыше, чем старше он становился, тем интереснее было с ним, с его друзьями. Мы понимали с мужем, что только тогда сын будет понимать нас и уважать дом, в котором он растет, если мы будем идти в ногу со временем, уважать в нем человека. И мы почти всегда понимали друг друга. Почему почти всегда? Молодые спешат стать взрослыми. Наш сын не был исключением. Он тоже спешил. Но был очень добрый, ласковый, заботливый. Самые тяжелые дела по дому, которые некоторые считают «женскими», он взял на себя с 13 лет. В доме мы не слышали от него слов «нет», «не

могу», «не буду». Был надежным товарищем. Закончил музыкальную школу — говорят, подавал надежды как музыкант, хорошо рисовал, любил историю, а выбрал языки. Был очень скромным.

Его не стало так неожиданно, мы по сей день не хотим, не можем в это верить. Стоит его пианино, висят его гитара, его вещи, а он как будто уехал в долгую командировку. И я не знаю, что бы стало с нами, если бы не его друзья, его однокурсники, его сослуживцы по Афганистану, те ребята и девочка Ира, которые за эти годы стали нам так близки, что не рассказать о них я не могу.

По стечению обстоятельств нам пришлось перехоронить останки сына из города Тулы в город Москву. В этот день, 31 августа 1984 года, возвращались все мальчики, с которыми учился и служил наш сын. Были все, некоторые приехали прямо из аэропорта на кладбище. Они поклялись на могиле сына не оставлять нас, помогать нам в нужную минуту. Мы благодарны с мужем им всем. Они приходили в больницу к мужу, когда у него был инфаркт, они помнят о нас постоянно, звонят, приезжают, ходят на могилу к Андрюше. Вся боль, всю тяжесть утраты они, как родные, разделяют с нами. Они называют нас мамой и папой, мы — дедушка и бабушка их детей. А их родители, умные люди, добрые, поняли своих детей и приняли нас в свои сердца.

Я не знаю, как и чем выразить всю

благодарность за память о сыне нашем. У Саши и Ирины Васильевых растет сын Денис, ему три с половиной года, он однажды взял меня за руку, подвел к фотографии сына и так нежно, с детской гордостью проговорил: «Бабушка Валя, это наш Андрюша. Правда, он красивый?» Я прижала это маленькое создание, дорогое нам, мы так ждали его появления на свет, этот росточек с земли, на которой погиб наш сын. Ириша была с Сашей в Афганистане. Мужественно переносила и бомбежки, и вынужденные поездки, она работала там.

Так много хорошего можно и хочется рассказать о них.

Саша Васильев, Ашот Амирян и Андрюша вечер 13 ноября и время далеко за полночь провели вместе, говорили о музыке, спорили, мечтали. А утром Андрюша ушел на боевое задание. В 16 часов 20 минут 14 ноября (как рассказывали нам наши мальчики) они увидели с балкона здания, как вдруг винтом пошел вниз вертолет. Им сначала показалось, что вертолет упал на аэродром, но нет, он упал в ущелье в двух минутах лета до аэродрома, и они не знали, что в нем находился Андрюша. Не верили. Только на следующее утро узнали. Сколько надо было силы воли двадцатилетним юношам, чтобы опознать и бережно собрать останки своего друга, с которым расстались несколько часов назад.

Это могут понять только мать и отец. И до последних дней своих мы будем помнить это.

Саланг. Шауль

На улице Кабула

11 Афганистан болит в моей душе...

Офицеры царандоя

Рейд в горы

КАК МЕНЯ УБИЛИ

Однажды наш батальон принимал участие в крупной операции. Смысл ее заключался в следующем: афганским войскам совместно с советскими на площади в двести квадратных километров надо было очистить территорию от банд, находящихся в районе, называвшемся Марджа.

Душманы имели здесь свои органы власти, свое отделение банка и не выказывали никакого желания подчиниться народной власти. Чинили в этом районе грабежи.

Территория, на которой должна была проводиться операция, была очень своеобразной, изрезана системой ирригационных сооружений, каналов, которые еще в 1972 году строили американцы. Собственно, вместо пустыни, которая там была раньше, это место сейчас представляло сплошную зеленую зону. Поэтому душманам и не хотелось отдавать этот район. И несмотря на то, что с ними велись переговоры органами народной власти провинции Гельмент, они не желали им подчиняться.

Группе из нашего батальона в количестве семидесяти человек была поставлена задача: до начала операции высадиться на три шлюза крупного канала Бухра. Канал этот питал всю ирригационную систему района Марджа. Надо было опустить шлюзы, перекрыть воду в канале Бухра, другие же боковые шлюзы открыть, чтобы вода уходила по специально предусмотренным для этого ответвлениям. Это делалось для того, чтобы, когда начнется боевая операция афганскими и советскими войсками, техника не была потоплена на этих обширных территориях. Ведь своеобразие солончаковых почв в том, что даже малое количество воды на этих полях делало их совершенно непроходимыми.

*КОВАЛЕВ Валерий
Игоревич, подполковник.
В Афганистане с марта
1981-го по март 1983 года
в должности замполита
батальона, пропагандиста
полка. Награжден орденом
Красной Звезды.*

Мы подошли в назначенное время к этим шлюзам, и, как это частенько оказывалось, нас там уже ждали. То есть, когда мы проводили операции совместно с афганскими войсками, происходила определенная утечка информации. На этот раз случилось так же.

Пришли мы туда, а там нас уже ждут. Чувствуем, что каждый метр простреливается. Группу доверено было возглавлять мне. Со мной было еще три офицера. Не помню поименно всех, но помню, что был со мной командир взвода Сергей Жилкин. Вот практически вдвоем мы с ним взяли на себя руководство этой важной операцией. Если бы мы к назначенному времени не смогли перекрыть воду, то поставили бы под срыв всю операцию, которая фактически была начата. Уже выдвигались войска.

Особенно мне запомнилась остановка на одном из шлюзов. Во-первых, когда мы пытались подойти к шлюзу, — нас отсекали огнем с противоположного берега канала. Мы вели огонь из минометов, из стрелкового оружия. Берег, по которому мы вели ответный огонь, представлял собой плотную «зеленку», плотные заросли, в которых и были душманы. Потом, когда огонь поутих, мы выдвинулись вперед, и наши солдаты, которые побежали на шлюз, падали на спину и ногами крутили большие вентили, опуская одни заслонки, поднимая другие. Ногами крутить под обстрелом было не так опасно.

В это время мы открывали сильнейший огонь, не давая поднять головы душманам на той стороне.

Канал нам удалось перекрыть и сбросить воду в противоположную сторону.

В этот момент на нашем левом фланге на одном из каналов наши ребята с криками «ура» наконец прорвались на другой берег канала Бухра. Было их человек двадцать.

Душманы обратились в бегство, и в этой «зеленке» солдаты обнаружили хорошо замаскированный командный пункт, в котором взяли зеленое исламское знамя, печать, то есть те атрибуты, которые считаются самыми святыми в любой воинской части. Было также множество разных документов, которые мы собрали и сдали в местные органы государственной безопасности. Как потом нам сказали, они оказались полезными. В них были списки местных главарей, поддерживающих душманские банды и связи с Пакистаном и влияющих на дестабилизацию обстановки в регионе. Таким образом была у нас проведена эта операция.

По окончании ее нас посадили в вертолеты и перебросили дальше для участия в операции на других ее участках.

Один эпизод мне особо запомнился.

Помнится, залегли мы на берегу канала и вели огонь по противоположному берегу. Я в бинокль стал рассматривать «зеленку», чтобы разглядеть получше, откуда ведется огонь. И вдруг увидел гранатометчика — в чалме и в очках, который наводил на нашу боевую машину свой гранатомет, но очки ему все время мешали. Он их поправлял и снова прицеливался. Тут я понял, что медлить нельзя. Но когда отнимал от глаз бинокль, сразу терял его из виду среди зелени. Я начал внимательно присматриваться к опреде-

ленной конфигурации веток — привязался, как говорится, к местности, опустил бинокль — и выпустил в том направлении очередь наугад... И когда поднял вновь бинокль — увидел, что нет того целящегося в нас душмана, он лежал на своем гранатомете. И вот когда в этом месте мы перебежали потом на тот берег — солдаты взяли документы, гранатомет этого душмана и даже почему-то очки, так похожие на пенсне...

Второй эпизод. Его можно было бы назвать: «Как меня убили». Получилось так, что позывной у меня, как и у многих заместителей командиров по политической части, был 171. Это и сыграло злую шутку со мной. Операция проходила там же, в провинции Гельмент, в районе населенного пункта Калабуст.

Нам было сообщено афганскими органами госбезопасности, что там находится пришедшая из Пакистана банда. Довольно организованная, имеющая даже свою форму одежды. Органы госбезопасности сообщили: местные жители жалуются, что от банды этой нет житья. Численность ее была до семидесяти человек.

Мы стали готовиться к операции. Готовили ее два дня. Летали предварительно на вертолете, фотографировали местность, чтобы переходы животных и людей показали нам броды в реках.

Бродов оказалось четыре. И вот мы решили перед каждым бродом устроить засады. А утром, на рассвете, со стороны пустыни должны были выдвигаться сюда другие наши подразделения совместно с афганскими, с танками и боевыми машинами. Это делалось для того, чтобы банда вышла на засаду. Одну из этих засадных групп пришлось возглавлять мне. В ней было около двадцати человек. Командиром взвода был Владимир Рядовкин. Мы устроили засаду.

Надо сказать, что снимки сделать

было крайне трудно. Ведь было очень жарко. Растворы должны быть максимум 22 градуса, а у нас в палатке 53 жары, поэтому приходилось охлаждать воду.

Снимки изучили, вышли в засаду ночью четырьмя группами. И с наступлением рассвета слышали звук моторов. Это пошла наша броня, пошли афганцы.

Банды, естественно, сразу устремились к переправам, к бродам. Тут мы их и встретили огнем. И все было бы нормально... если бы данные о банде были правдивыми. Банда же оказалась гораздо большей. Их было не 70, а 160—170 человек. Короче, против двадцати на наш брод шло душманов около семидесяти человек. Поняв, что мы их останавливаем огнем, они сначала залегли, а затем, поднявшись с криками «Аллах акбар!», пошли в полный рост, стреляя на ходу. Было впечатление, что они какие-то обкуренные или принявшие наркотик — настолько противоестественно это выглядело. Мы тоже стреляли в них.

После очередной атаки духи залегли в такой близости от нас, что мы хорошо различали друг друга. Вели огонь, можно сказать, кинжальный — с расстояния всего лишь около семидесяти метров.

В этой операции особенно смело действовал сержант Родин. После боя я написал наградной документ на него. Он получил орден Красной Звезды. Помню, что хорошо себя в этом бою показал рядовой Хромков, который числился как бы в разгильдяях. Но в бою проявил смекалку. В трудную минуту, когда нас попытались с правого фланга обойти, он перебежал на правый фланг и своим огнем уничтожил двух пытавшихся проникнуть к нам душманов.

Собственно, положение потом усугубилось тем, что неожиданно из-за реки, в спину нам, ударила услышавшая звук боя другая банда.

Тут нам пришлось очень тяжело. В этот момент и погиб командир взвода Володя Рядовкин. А позывной у него был —71. У меня же 171. И когда радист стал докладывать, что убит 71-й, то в эфире пошли искажения. Комбату поступила информация о том, что убит 171-й, то есть я. Командир подумал, что убит его заместитель, да еще друг. Он решил, что группа осталась без твердого руководства. И бросил на помощь нам боевые машины, которые к нам прорвались и в значительной степени облегчили наше положение.

Душманы не сумели прорваться к переправе, а от тех, которые зашли нам в тыл, мы избавились по-другому. Мы вышли на связь с вертолетами, поддерживающими нас с воздуха, и они ударили по ним.

Но самое любопытное было потом. Оказалось, что этот радиообмен в эфире услышал один из наших офицеров, который не принимал участия в боевой операции. Не хочу называть его фамилии.

Этот офицер был большой любителем писать письма домой. Писал очень часто и подробно. По два-три письма в день. В это время он услышал радиообмен в эфире о том, что убит 171-й. И тут же в письме своей жене написал, что убит Валерка Ковалев. А жена его жила рядом с нашим домом. Так, собственно, и родилась версия о моей гибели.

Жене моей приходили высказывать соболезнования. Но, правда, все быстро выяснилось, так как моя жена обратилась в штаб. Там быстро вышли на связь и сразу же узнали, что я жив-здоров...

Отголоски этой истории сказались и позже, когда мы поехали с семьей отдыхать в Севастополь.

Вышли мы из троллейбуса и сразу увидели знакомую женщину, которую

не видели года три (я уже в то время вернулся из Афганистана). Увидев нас, она неожиданно побледнела и, чуть ли не заикаясь, проговорила: «Господи, ты же погиб». — «Нет, — говорю, — ошибаетесь. Как видите — жив-здоров». — «Ну как же так, мне рассказывал человек, что тебя убили, и он сам шел за гробом».

Короче говоря, нашли этого человека. Я его в лоб спрашиваю: «Ну как ты мог такое сказать?» На что он ответил, что слышал об этом из достоверных источников.

Так что бывают на войне и такие не веселые, но и не самые печальные ситуации.

Перед выходом в горы

*«Круче кашу посоли,
кашевар!»*

Караван

МЫ ВЕРНЕМСЯ

На рассвете колонна выстроилась на дороге. Раннее утро — самое лучшее время суток в Афганистане. Поют проснувшиеся птицы, их щебет заглушает тихое урчание моторов. Нет изматывающей дневной жары, от которой негде укрыться на марше. Последовал приказ двигаться вперед. Через 20 минут проехали небольшой бетонный мост, под которым проносился стремительный поток, петляя, уходящий в долину. Через час колонна свернула с бетонки на грунтовую дорогу. Вдоль дороги пошли кишлаки. На грунтовке появились прижимавшиеся к обочине брички, запряженные лошадьми. В одном из кишлаков колонна остановилась. Все экипажи вылезли на броню. Мы внимательно разглядывали жизнь кишлака, впервые видимую так близко. Недалеко от дороги на ровной утрамбованной площадке очень худой афганец раскидал небольшой стожок ржи, пригнал со двора ишака и погнал по кругу. Таким странным для нас способом обмолачивал рожь, оставшуюся от прошлогоднего урожая. Появились мальчишки, которые гнали скотину на пастбище. Они настороженно разглядывали нас в отличие от кабульских, которые сразу атакуют, прося бакшиш. У артезианского колодца собрались женщины, все они были в парандже. Со стороны можно было подумать, что они собрались в очередь за водой и заболтались, но они с любопытством рассматривали сидевших на броне русских солдат. Напротив нашего БТР из дома во двор вышла молодая афганка без паранджи и начала созывать кур для кормежки. Она стояла к нам спиной и не видела нас; почувствовав устремленные на нее наши взгляды, обернулась, взглянула повыше дувала. Заметив нас, а мы даже привстали, чтобы не мешал дувал, вскрикнула, закрыла лицо платком и убежала в

КУПРИЯНОВ Алексей Николаевич, рядовой запаса. В Афганистане — с 1981-го по 1983 год проходил срочную службу.

дом. Вдоль дувала присело несколько стариков, с любопытством всматриваясь в нас. Через несколько минут один из них подошел к нам и что-то сказал. Сабуров перевел нам:

— Русские, дальше не надо ехать, впереди — там, за горами — много душманов.

— Откуда знаешь? — спросил Сабуров.

— Старики все знают.

Переговорив с Сабуровым, старик, прищурившись, еще несколько минут разглядывал нас, повернулся и ушел на прежнее место.

Позади колонны на грунтовке поднялось большое облако пыли, а вскоре послышался рев дизелей. Это подошла обещанная подмога — танковая рота и афганский батальон. Мы потеснились всей колонной к обочине, афганцы встали параллельно нам у противоположной стороны дороги. Напротив нашего БТР остановился грузовик, в кузове которого сидело два сарбоза. Пока командиры подразделений договаривались о взаимодействии, между солдатами возникли оживленные разговоры. Сабуров был у нас переводчиком, у афганцев — их взводный, неплохо говоривший по-русски. Для начала диалога обменялись с ними десятком банок сухого пайка, очевидно, им так же надоела фасоль, как нам каша, но при обмене они внимательно разглядывали этикетки, не со свининой ли каша.

По рации пришел приказ от комбата о перестроении колонны. Вперед пошли два танка, за ними наш 282-й БТР, следом 280-й Задорожного. За БТРами пошел афганский батальон, усиленный несколькими минометными

батареями, потом еще один БТР, а уже затем машины с продовольствием и основные силы нашей танковой роты. Колонна, увеличенная почти вдвое, постепенно прибавляя скорость, двинулась из кишлака. Дорога приблизилась к горам, пошла вверх. Местами она становилась очень крутой. БТР и танкам пришлось подталкивать тяжело груженные ЗИЛы. Скорость колонны упала. Небольшой по километражу путь занял очень много времени. Только около десяти часов мы были в конечной цели своего пути.

Колонна остановилась на сопке, по которой проходила дорога, в полутора километрах от городка, вернее, группы слившихся кишлаков, растянувшихся вдоль реки по правому берегу. Река, стремительным потоком вырывавшаяся из Панджшерского ущелья, перед кишлаком укрощалась плотиной. На той стороне темнели железобетонные корпуса ткацкой фабрики. Рядом несколько домов, среди которых выделялся один шикарный особняк.

С этого плато начиналось Панджшерское ущелье, которое тянулось на сотню километров, вплоть до пакистанского города Пешавара, возле которого размещалось несколько подготовительных центров душманов.

Наш экипаж вылез на броню и с большим вниманием изучал городок.

— Странно, в кишлаке не видно жителей, как будто все вымерли, — с тревогой в голосе проговорил Фролов.

— Никто не встречает. Где же представители власти? Духи и те вымерли, а комбат пугал — крупное формирование, — удивился Бахтин.

— Твоими бы устами мед пить, подожди, будут и духи! — ответил ему Гоголев, не веривший в тишину кишлака. Через несколько минут комбат дал «добро» на продвижение вперед. Его так же озадачила обманчивая тишина, и, осмотрев в бинокль кишлак, он принял решение двигаться на ту сторону реки, к ткацкой фабрике. Посоветовавшись с афганским командиром батальона, машины с грузом оставили

на месте под охраной двух танков и двух зенитных расчетов, принадлежащих автороте.

Вертушки с ревом пронеслись над бреюшем над кишлаком, сделали прощальный круг над колонной, сопровождая нас во время всего пути. Доведя до цели, они повернули на базу.

Медленно сползая с сопки по дороге, танки направились в кишлак, за ними два наших БТРа. Следом афганский батальон, а за ним остальные БТРы.

Авангард колонны по узкой улочке медленно вошел в кишлак и запетлял к мосту, стесненный с обеих сторон высокими дувалами, из-за которых выглядывали крыши домов и кроны деревьев. Оба экипажа, 282-го и 280-го, выставив в бойницы автоматы, всматривались из-за дувала в крыши домов. Нервы обострились до предела. Танки, шедшие впереди, двигались медленно, временами останавливаясь совсем. Все ждали засады.

Тишина. Страшная тишина. Лучше сразу бой, чем эта выматывающая неизвестность. В БТРе стоял полумрак, Сабуров опустил на лобовые стекла щитки, предохраняющие водителя и командира от пуль снайперов, и вел машину, наблюдая в триплексы. В очередной раз машина остановилась, Фролов приоткрыл верхний люк и выглянул наружу, вводя полуслепший экипаж в сложившуюся обстановку.

— Афганцы отстали квартала на два. Прошли весь кишлак, вышли к реке, танки остановились перед мостом.

Через несколько минут Фролов продолжил комментарий:

— Головной танк медленно пополз на мост.

До нас донесся глухой раскат взрыва, и сразу же послышалась винтовочно-автоматная стрельба.

— Засада! К бою! Слева в садах духи! — крикнул Николай, пытаясь связаться по радию с командиром роты.

— Я — «Вихрь-один». Засада. Подорван мост с ведущим танком. Дорога вперед перерезана, ведем бой.

«Тайфун» — прием, — но в ответ слышался только сильный шум с раскатами грома, который полностью перекрывал команды. Серегин завертел башней, выискивая цель, очевидно что-то обнаружив, открыл огонь.

Фролов снял с головы ставший бесполезным шлемофон и, опасаясь гранатометчиков, скомандовал:

— Всем, кроме наводчика и водителя, — вправо с машин.

Бахтин открыл правый боковой люк и, высунув наружу голову, осмотрелся. Ногами вперед вылез из БТРа. В это время пулеметы замолчали — кончилась лента КПВТ. Боковые люки в 60-х, которые находились на вооружении в нашем полку, были расположены неудобно — высоко, поэтому приходилось сначала нащупать ногами землю, подставляя спину, а потом выкидывать тело из люка. Сабуров протянул мне свой автомат:

— Возьми, автомат в ближнем бою родней.

Поменявшись с водителем оружием, я вылез последним. Сабуров сразу закрыл за мной люк. БТР зашелся длинной очередью. Оказывается, грохот крупнокалиберного пулемета снаружи намного сильнее, чем внутри машины. Заныли от боли перепонки. Открылся боковой люк в стоящем за нами в нескольких метрах 280-м БТРе. Первым вылез Задорожный, затем весь его экипаж, тоже кроме стрелка и водителя. Оба экипажа, прикрываясь броней от шелестящих в воздухе пуль, открыли ответный автоматный огонь по садам и домам, в которых укрепились душманы. Услышав сильный взрыв, я обернулся в сторону отставших сарбозов. В двухстах метрах на дороге пылали афганские машины. Оттуда доносился сплошной гул автоматной стрельбы и частых взрывов. Афганцы, как и мы, прыгали с машин в правую сторону. Их офицеры пытались наладить оборону, отсесть душманов огнем от дороги, но в батальоне вспыхнула паника. Один из минометных расчетов успел развернуть миномет к

бою и выпустить по садам несколько мин, но тут же был сражен пулями снайперов. Остальные минометчики даже не пытались расчехлить минометы. Водители, побоявшись выводить машины с боеприпасами из кишлака, бросили их на произвол судьбы. Раздалось несколько хлопков гранатометов, и в колонне запылали новые костры.

Это была крупная засада, подготовленная заранее. Очевидно, душманы откуда-то узнали наш маршрут и подготовили засаду в конечной точке нашего пути, в очень удобном для себя месте. Техника, скованная дувалами, не могла развернуться, и афганский батальон расстреливался на марше.

Мотострелковая рота прикрыла афганский батальон огнем крупнокалиберных пулеметов БТРов, заставив откатиться душманов в глубь садов, укрыться за дувалами. Огонь душманов ослабел. Теперь дорогу держали под обстрелом несколько снайперов и два душманских ДШК. Несколько БТРов свернули на соседнюю улочку, прикрывая огнем и броней машины сарбозов. Машины не могли развернуться на узкой дороге, и для того чтобы им выйти из кишлака, нужно было продвинуться вперед до перекрестка.

Мотострелки разыскивали афганских водителей и силой заставляли сесть их за руль. Те, которые могли водить машину, садились сами. Пригнув пониже голову, рискуя своей жизнью, наши солдаты выводили машины с боеприпасами из-под обстрела из кишлака.

На перекрестке остановился один из БТРов, в котором находились командиры роты и батальона. Экипаж, покинув машину, прочесал угловой двухэтажный дом, в котором не оказалось ни одной живой души. Офицеры заняли этот дом под наблюдательный пункт.

Через перекресток с места засады на соседнюю улицу на бешеной скорости стали выскакивать афганские машины, резко притормозив на повороте.

По свободной дороге «газики» устремились из кишлака.

Через несколько метров дорога расширялась, образуя собой небольшую площадь, которая упиралась в мечеть. На одном из минаретов мечети ожила пулеметная точка с крупнокалиберным пулеметом. Душманы открыли огонь по отходившим машинам. Одна из машин вспыхнула, завилыла и стала поперек дороги, перекрыв и эту дорогу.

— Старший лейтенант, срочно уничтожить это осиное гнездо, — указал в сторону минарета комбат.

Командир роты повернулся к лежащему рядом с ним на крыше сержанту:

— Бережной, попытайтесь из КПВТ заставить замолчать этих на минарете, чтоб через минуту все было тихо. Выполняйте.

Бережной спустился с крыши в дом и уже через несколько секунд был в БТРе.

— Джафаров, — обратился он к водителю, — выкатись на дорогу.

БТР вынырнул из-за угла и стал посередине дороги, башня развернулась в сторону мечети. Бережной внимательно рассмотрел в прицел КПВТ оба минарета и обнаружил на дальнем, на верхней площадке, пулеметный расчет. Тщательно прицелился. По площадке, поднимая высокие буруны пыли, прошелся огненный смерч. Стрелявший из крупнокалиберного пулемета душман с развороченной пулями грудью упал с высоты на землю. Второй с покалеченной ногой попытался отползти за шпиль, но следующей очередей Бережной пригвоздил его к минарету.

С дороги, на которой пылала колонна, вырулила машина «скорой помощи». За ней, отстреливаясь из автоматов, отходило до взвода сарбозов. Машина остановилась напротив наблюдательного пункта, метрах в двадцати от БТРа. Заглох мотор. Из машины вылез командир афганского батальона, двое солдат вытащили носилки с раненым. Офицер взял у солдата автомат и открыл огонь в сторону

садов, откуда стреляли душманы. Солдаты, схватив носилки и нагибаясь, бросились к дому. Двое советских солдат выскочили из дома на помощь афганцам, останавливая отходивших сарбозов, а афганскому командиру батальона удалось собрать под своим началом около сорока человек солдат и двух взводных.

— Сергей Федорович, — обратился майор к старшему лейтенанту. — Вам придется пробиться к основным силам роты на БТРе. Связь отсутствует, на волне сильные помехи. Сконцентрируйте силы роты в кулак, по другой улице выйдите к реке, ко второму мосту.

— А вы? — спросил старший лейтенант.

— Оставьте в прикрытие экипаж Бережного, я выйду вместе с афганцами, дождусь авангард и наших советников. Выйдем, майор? — обратился комбат к командиру сарбозов. Тот утвердительно кивнул головой.

— В случае опасной ситуации дадим сигнал красными ракетами, тогда идите на подмогу всей ротой. Перекресток отдавать нельзя — душманы отрежут авангард. Выполняйте, старший лейтенант! — повысил голос командир батальона, прервав хотевшего возразить старшего лейтенанта.

Ротный распорядился, чтобы Бережной взял из БТРа два ящика патронов, и, оставив экипаж в доме, приказал водителю трогать, а сам сел на место стрелка.

БТР резко рванул с места и вырулил на пылающую улицу, где уже горело больше десятка машин. Целыми сериями взрывов взлетали на воздух боеприпасы. БТР, объезжая горящие машины, огрызаясь пулеметным огнем, уверенно двигался к основным силам роты.

Рота вела бой в начале кишлака, пытаясь отнять замыкающие машины у огня.

С отходом основных сил роты и афганского батальона из кишлака душманы перебросили часть своих сил на

дом, в котором находился экипаж 277-го вместе с комбатом и авангард колонны.

БТРы 282-й, 280-й и один оставшийся танк, отрезанные от основных сил горевшей колонной, находились у подорванного вместе с головным танком моста.

Экипажи покинули закованную дувалами технику, рассредоточились вокруг машин, приготовились к бою. Напротив нашего БТРа, в дувале, с левой стороны, откуда прилетели пули, был небольшой пролом. Осторожно заглянул в сад сквозь деревья. В конце, за следующим дувалом, разглядел нескольких душманов, которые, высунув голову, стреляли из винтовок в нашу сторону.

Немного дальше с крыши, укрытой ветвями старой груши, угадывались вспышки пулеметных очередей. Урадной выглядывая в пролом, наспех дал повыше дувала длинную очередь и вернулся в укрытие. В ответ по пролому прошлась пулеметная очередь, поднявшая облако пыли. Пули с глухим ударом входили в дувал сквозь полутораметровую толщину глины. Я всем телом почувствовал барабанную дробь. Несколько пуль влетели в пролом, срикошетив, звякнули по броне. Высунув в пролом автомат, не выглядывая, наугад, дал несколько очередей.

— Назад!

Я оглянулся через плечо, присоединил новый магазин. Под БТРом лежал Задорожный и махал мне рукой.

— Ползи сюда.

В одну перебежку добежал до БТРа и нырнул к Андрею. Еще несколько пуль цокнули по броне. Андрей и я за ним следом перебрались на ту сторону машины под прикрытие брони. Фролов, ждавший, когда я вылезу из-под машины, набросился на меня почти с кулаками. Его брань заглушал бас КПВТ; очевидно, Серегин уже вставил новую ленту. Переждав очередь, Николай продолжил:

— Тебе сколько раз говорить, без

команды не лезь на рожон. Духи только и ждут, когда мы головы начнем подставлять. Предупреждаю тебя последний раз. Ведь у тебя не две головы? Пусть они прутся на пули, а мы их встретим.

Оба экипажа 280-го и 282-го готовились к бою. Наш экипаж вскрыл новый цинк, набили магазины и карманы пачками патронов. Мне понравились предприимчивые Фролов, Гоголев и Задорожный, которые надели десантные плажилеты, но вместо поплавков в карманы на груди и на спине вставили магазины.

— Нужно помочь танкистам. Экипаж двести восьмидесятого, за мной. Задорожный, возьми из своего экипажа одного человека, пойдешь с нами. Остальным занять круговую оборону. Прикрывайте машины от гранатометчиков,— приказал Фролов и нырнул под БТР. Мы — цепочкой следом за ним.

Вся группа переползла на ту сторону дороги под машиной и, прижавшись к дувалу, перебежками добрались до реки.

Мост, подорванный фугасом, обломился посередине, из разбушевавшегося потока выглядывала башня ведущего танка и часть моторного отсека, на котором, захлестываемый волной, находился экипаж подорванного танка. Один из танкистов стрелял из автомата по противоположному берегу, по камышам. Двое других держали на коленях тяжелораненого товарища. Второй танк стоял поперек дороги. Командир танка вел огонь, по пояс высунувшись из люка. Оторвавшись от пулемета, он обратился к нам:

— Ребята, помогите переправить раненого на берег.

Несколько пуль, поднимая пылевые буруны, впилась в дорогу у наших ног. Мы присели на корточки и открыли ответный огонь по камышам. Командир танка нырнул внутрь, башня развернулась, и раздался гром танковой пушки, от которого заныло в ушах. Метрах в ста на той стороне, в камы-

шах, поднялся фонтан воды и грязи. Когда фонтан осел, в камышах образовалась большая проплешина. Стрельба с той стороны стихла. Часть нашей группы, держась за натянутый трос, по грудь в воде, с трудом преодолевая течение, перебралась к танку. Остальные прикрывали их автоматным огнем, кося камыши вверх и вниз по течению, где могли укрыться бандиты. Переложив раненого на плечи, мы переправили танкиста на берег.

Сверху по течению, с плотины, раздалась запоздалая очередь крупнокалиберного пулемета. Танк развернул в ту сторону башню, раздался выстрел. Метрах в пятидесяти от плотины поднялся сноп взрыва, раздался второй выстрел. Плотина вздыбилась. Вверх полетели камни, бревна, глина. Напор воды довершил разрушение. Вода с ревом, набирая скорость, стремительно понесла бревна вниз, через несколько минут они пронесли мимо нас. Душманам, оказавшимся под огнем, выбраться из воды на берег не удавалось. Всех их поглотил взбунтовавшийся поток.

Танкисты с подорванного танка были сильно контужены и с трудом понимали, когда к ним обращались. Механик-водитель пострадал больше всех. Фугасом у него были раздроблены ноги. От малейшей встряски он терял сознание и только тогда начинал стонать от невыносимой боли. Фролов и Задорожный перетянули танкисту ноги повыше ран, вкололи два тюбика обезболивающего. Положив раненого на плащ-палатку, прикрываясь танковой броней, медленно двинулись от реки в сторону кишлака, под прикрытием дувалов и пулеметов.

Справа, из садов, слышались выстрелы, над нами, пронзая воздух, прошелестели пули. Все залегли. Танк выдвинулся вперед и прямой наводкой несколько раз выстрелил по садам. Мы ползком, прижавшись к правой стороне дувала, добрались до первого дома. Фролов вскочил на крыльцо,

выстрелил в висевший на двери амбарный замок, сбил его прикладом, распахнул дверь. Несколько пуль, пронзив дверь, впились в глиняную стену. На крыльцо посыпались щепки от двери. Теперь мы оказались под огнем и с другой стороны. Николай нырнул в проем двери и скрылся в доме. Через десяток секунд послышался его голос:

— Все сюда!

Прикрываясь автоматным огнем (а как трудно под пулями оторвать тело от спасительной земли), осторожно внесли раненого в дом. Это оказался дукан.

В комнате стоял полумрак, пустые прилавки и полки. Следующая дверь вела в смежную комнату, очевидно, подсобку. Николай уже осмотрел ее и стоял у винтовой деревянной лестницы, ведущей на второй этаж.

— Гоголев, Хайрулин и танкисты, занимайте первый этаж. Остальные за мной.

По визжавшей разными голосами лестнице мы поднялись на второй этаж. Весь этаж занимала одна совершенно пустая комната. Во весь пол был расстелен дешевенький потертый палас, в центре которого был поднос. На подносе лежало несколько трубок-чилимов и стоял большой с красивым орнаментом кальян. Вокруг лежало несколько маленьких подушечек, обтянутых зеленым бархатом. Окна комнаты были завешены соломенными шторами. Вся обстановка дома говорила об ужасной бедности дуканщика. Дом был пуст, замок на входной двери ни о чем не говорит. Обычно афганцы закрывают дом снаружи от непрошенных гостей, а сами проникают в дом по скрытому лазу.

Фролов подошел к окну и осторожно отодвинул соломенную ставню, показав рукой, чтобы мы не приближались к окнам. Окна этой комнаты выходили на три стороны и только стена от дороги была глухой. Осмотрев двор, Николай повернулся к нам и шепотом дал команду:

— Бахтин, поднимись на крышу и оглядись кругом. Только осторожно, в соседнем саду духи.

— Есть,— ответил Александр и, закинув за плечо автомат, по металлической стремянке поднялся к люку лаза, ведущего на крышу. Осторожно открыл крышку, выглянул.

— Чудненько, здесь что-то типа чердака,— шепотом пояснил нам, подтянулся и закинул тело в проем люка.

Мы замолчали, ожидая его.

Где-то раздавались взрывы, сквозь которые изредка прорывались автоматные очереди. Через несколько минут спустился Бахтин.

— Над дорогой клубы дыма, видимость скверная. Взрывы, частая стрельба. Основная часть колонны вышла из кишлака, но машин двадцать с боеприпасами горят. По дороге нам не выйти.

— О выходе не может быть и речи,— перебил его Фролов.— Продолжай.

— На параллельной дороге — сильный бой, слышна минометная стрельба. В соседних садах много духов. Я насчитал человек тридцать. Хорошо вооружены: автоматы, винтовки, два гранатомета. Готовятся к атаке на дорогу, как бы наши БТРы не сожгли.

Фролов выслушал Александра и подумал вслух:

— Что будем делать? — Приняв решение, скомандовал: — К бою! Бахтин, возьми у Гоголева РПК* и на крышу. Без команды не стрелять. Раньше времени не рисоваться,— уже ко всем обратился Николай.

Через минуту Бахтин, скрипя стремянкой, поднялся на крышу, а мы подошли к окнам. Я встал у соседнего с Фроловым окна, открывавшего вид в сад вдоль дороги. Задорожный у окна, открывавшего обзор в глубь кишлака. Краснов из экипажа Задорожного расположился у противоположного окна в сторону реки. Отодвинув штору, я приготовился к стрельбе.

С фланга, с высоты второго этажа, просматривалась структура душманской засады. В ближайших с дорогой садах бандиты сконцентрировались в группы по 10—15 человек, готовясь к атаке на наши БТРы. Они, скрытые от огня с фронта, прикрывались пулеметным огнем из глубины кишлака. В соседнем саду я заметил гранатометчика. Сад, отгороженный от двора дукана низким дувалом, был как на ладони. Душман в форме сарбоза вставлял в гранатомет гранату. Рядом с ним на корточках сидело еще несколько человек: двое в такой же серой форме с автоматами и человек восемь в национальной одежде с винтовками.

— Огонь,— почему-то охрипшим голосом сказал Николай.

Нажимаю на курок, но на мгновение раньше гранатометчик, выронив из рук оружие, упал набок и подтянул к животу ноги.

«Фролов»,— мелькнула мысль. Длинной очередью прошелся по сидевшим на корточках душманам, которые даже не успели от неожиданности сдвинуться с места. Наконец опомнившись, они побежали к деревьям, но четверо остались лежать на земле. Фролов длинными очередями повернул их назад. Не торопясь, как в тире, выбираю новую мишень — бегущего к деревьям бандита с винтовкой в руках. Длинная пола халата путалась у него под ногами и мешала бежать. Догнал бегущего мушкой, выстрел. Он еще по инерции сделал шаг, споткнулся и упал, не добежав до кустов несколько метров. Фролов одиночными выстрелами за эти секунды положил на землю еще двух. Душманы, поняв, с какой стороны их обстреливают, поползли к дувалу, отделявшему их сад от нашего двора. Мы прошлись по кустам и деревьям соседних садов.

Бахтин, разместившийся на чердаке, длинными очередями из пулемета разогнал другие группы душманов, невидимые для нас за дувалами. Огонь из дукана ошеломил душманов, они отхлынули из садов, граничащих с доро-

* РПК — ручной пулемет Калашникова.

гой, забрав убитых и раненых, укрылись за дувалы и в домах, открыв ответный огонь. Пули целыми стайками стали залетать в окно и впиваться в противоположную стену, портя на них штукатурку. Укрывшись за стенами, мы изредка отвечали короткими очередями по окнам ближайших домов и снова моментально укрывались от ответных выстрелов.

Где-то рядом ухнула танковая пушка, послышались длинные очереди ДШК. Дом зашатался. С потолка через щели посыпалась на голову пыль и солома. Постепенно перестрелка с обеих сторон затихла, наступила относительная тишина, если не брать во внимание взрывы на дороге и выстрелы снайперов, которые заставляли передвигаться по комнате на четвереньках.

Эту тишину прервала очередь Задорожного. Откинувшись от окна, он, стряхнув рукавом пот с лица, сказал:

— Гранатометчика к аллаху отправил, в нас, подлец, метил. Аллах акбар, тарабах,— проведя руками по лицу, как бы совершая намаз, улыбнулся Андрей. Все улыбнулись в ответ, принимая шутку Задорожного, хотя уже давно было не до смеха. Фролов повторил его слова, добавив что-то свое.

— Что ты сказал? — спросил я у него.

— Аллах велик, благочестив, но на бога надейся, а сам не плошай.

Заскрипела лестница, и к нам поднялись двое танкистов.

— Ребята, кто у вас старший? — обратился один из них.

Фролов, меняя магазин, ответил:

— Что у вас?

— С механиком серьезно, без сознания, много крови потерял. Его нужно срочно в медсанбат доставить, а то плохи дела.

— Кто командир исправного танка? — спросил Николай.

— Я,— ответил один из танкистов, сняв с головы шлемофон.

— Танк на ходу?

— Здесь, через дорогу напротив в

саду от гранатометчиков замаскировались.

— Связь с комбатом есть?

— Нет, эфир забит помехами, рация словно взбесилась на нашей волне. Пробовали связаться по другим волнам, но пока безрезультатно.

— Вода есть? — спросил у него Задорожный.

При слове «вода» я почувствовал такую сухость во рту, что не смог выдать слюну. Запершило в горле, а язык стал огромным, квадратным. От прикосновения его к зубам возникала ноющая боль, а пустая фляжка только раздражала своим звяканьем.

— Там внизу две емкости.

Краснов, поняв взгляды присутствующих, спустился вниз за водой.

Мы на корточках собрались вокруг емкости с водой, которую поднял Краснов. Фролов задумался, анализируя обстановку: «Прав ли я, что мы остались у реки? Пожалуй, прав. Вокруг дукана мы собрали немало душманов, облегчая задачу роты. Мы даем ей время, а это сейчас немаловажно. Комбат говорил, что задачу мы должны выполнить во что бы то ни стало. Если мы сейчас начнем отход, потеряем технику. С танком на скорости из кишлака не выйдем, полно гранатометчиков. Если попробовать поднять вокруг шум, а Задорожному на 280-м выйти на соседнюю дорогу и на скорости выскочить из кишлака? Пожалуй, это единственно правильный вариант».

Пуля снайпера влетела в окно и в нескольких сантиметрах от склоненных голов впиалась в стену. Фролов пустил в ответ короткую очередь и отшатнулся от окна. На противоположной стене образовалась еще одна дырка. Лестница заскрипела, и к нам поднялся Гоголев.

— Я смотрю, у вас весело, стреляют...

Не успел он закончить, как от подсечки Николая растянулся на полу.

— Ты что, вытянулся точно каланча, «стреляют», — передразнил он Андрея.

— Курить есть? — спросил у него Задорожный.

Гоголев вытащил пачку «Стюардессы». Напившись вволю и наполнив фляжку, я взял у Андрея сигарету и на четвереньках направился к своему окну.

Фролов, что-то решив, повернулся к нам.

— Андрей,— обратился он к Задорожному,— придется тебе пробиваться на двести восьмидесятом из кишлака, повезешь раненого танкиста. Мы поднимем шум, а ты под эту музыку выйдешь на соседнюю дорогу и на скорости — к роте. Все уйти мы не можем, нет приказа и нет связи, чтобы его получить. Ротному скажешь, что мы будем на приеме на три деления ниже условной волны. А визуальная связь: три красных ракеты — отход, три зеленых — оставаться на месте. За нас не беспокояся, мы здесь, у реки, как у Христа за пазухой. В случае чего, пробьемся из кишлака вдоль реки.

— Я не поеду,— ошарашил Фролова Задорожный.— Пусть кто-нибудь другой. Я уеду, а вы здесь в кишлаке останетесь, в котором полно душманов, чтоб потом всю жизнь себя проклинать. Нет, никогда.

— Отставить,— повысив голос, перебил старший младшего сержанта.

— Пока ты в моем взводе, подчиняешься моим приказам, понял! Ты старший двести восьмидесятого. Все, волюнку хватит тянуть, я от тебя ничего не слышал. В кишлаке прижимайся поближе к дувалу, с какой стороны обстрел, жми на всю железку. Да не мне тебя учить. Тебе не впервой, и почище в переделках были, помнишь, перед Суруби?

Николай дружески толкнул Андрея в плечо, они обнялись.

Кто из нас мог подумать в этот миг, что мы последний раз видим Задорожного.

— Кравцов, давай с Андреем к «бэтээр». Сабурову скажешь, чтобы зарулил в сад, где танк, к Миканяну,

пусть подъезжает к крыльцу, погрузим раненого.

В этот момент на чердаке раздалась длинные очереди, очевидно, Бахтин заметил какое-то движение в садах. Все прильнули к окнам, а мы с Андреем начали спускаться вниз.

— Захватить побольше патронов и гранат,— вслед крикнул мне сержант.

Гоголев занял окно Задорожного и показал рукой, что все будет нормально. Раненый танкист лежал в углу около двери и слабо стонал. Второй танкист сидел у двери, наблюдая за подходами к дукану. Рукав комбинезона был засучен, на руке белела повязка, сквозь которую проступала кровь. Еще один танкист стоял в подсобке у окна, наблюдая за двором.

— Как механик? — спросил Задорожный у танкиста.

— Плохо, давно без сознания, лихорадит.

Я подошел к проему двери. Напротив, в дувале, через дорогу был большой пролом, а в глубине сада у деревьев стоял танк.

Из подсобки вышел Хайрулин и спросил у нас:

— Вы куда?

Задорожный просто махнул рукой в сторону горячей колонны, а я ответил ему:

— Андрей раненого будет вывозить, а я за патронами.— Сверху спустились Бахтин и Краснов.

— Готовьте раненого, сейчас подгоним «бэтээр»,— обратился к танкистам Андрей.

— Давай за мной следом, ныряем в арык и ползем, только голову не подставляй,— посоветовал он мне и первым выскочил за дверь. Под ногами взвились бурунчики пыли, но, не успев напугаться, в несколько прыжков пересекаю дорогу и кубарем лечу в арык. Упал лицом в грязь, закинув ноги, вытягиваюсь вдоль канавы, замираю. В бруствер входит пулеметная очередь. Всем телом вжался в ил. В голову пришла пугающая мысль: еще бы мгновение — и аминь, как бы выра-

зился Андрей. По спине пробежала дрожь. Из дукана послышалась яростная трескотня. Ребята, рискуя жизнью, прикрывали нас огнем. Поборов в себе страх, пополз за Андреем. Арык давно не чистили, в нем скопилось множество грязи и мусора вперемешку с илом. Работая руками и помогая себе ногами, медленно, по-черепаши, ползем вперед. В метре от головы в грязь со смачным шлепком нырнула пуля, на мгновение замерев, заставляя себя ползти дальше. Каких-то 50 метров мы ползли минут 15, которые мне показались вечностью, но до БТРов мы доползли благополучно.

БТРы, прижавшись к противоположной стороне дувалов, прикрывали друг друга огнем. Экипаж 280-го, заняв круговую оборону, держал под огнем ближайшие крыши домов, оберегая боевые машины от огня гранатометов. Мы подползли к крайнему. Там оказался мой земляк Слава Голунов. Его трудно было узнать, как и нас, вымазавшихся в иле с ног до головы.

— Привет, счет открыл? — спросил я у него.

Вытирая с лица пот вперемешку с грязью, он оторвался от прицела снайперской винтовки и ответил:

— Ни черта не видно — дым.

Дым от продолжавшей гореть колонны, прижатый сильным ветром к земле, временами совсем застилал глаза, заставляя чихать и кашлять.

— А ты как?

— Нормально, только когда дорогу перебегал, чуть не сшибли.

— Я видел — думал, задело.

— Экипаж, в машину! — крикнул Задорожный, чтоб услышали все.

Вячеслав по-приятельски пошутил: — А ты остаешься с духами, — и последним залез в боковой люк.

Могли ли знать, что следующая наша встреча будет через четыре месяца... Что он, после кабульского госпиталя, будет в Союзе в командировке, попадет на несколько дней домой, и в тот день, когда он уедет в полк, находясь в такой же спецкомандировке, не-

сколькими часами позже в родной город приеду я; встретимся мы только в полку...

— Сабуров, подгоняй «бэтээр» к крыльцу, — приказал Фролов. — Илья, — обратился он к командиру танка, — обстановка такая, что долго мы здесь не продержимся, перешелкают поодиночке. Нужно решать, куда отходить: пробиваться из кишлака или к реке. Времени прошло достаточно, а связи с ротой нет, значит, Задорожный застрял в кишлаке.

— Давай попробуем пробиться к реке, метров восемьсот вниз по течению целый мост. Там открытое место и нам с техникой будет проще, броня есть броня. От этой дороги вдоль реки не пройти, вернемся до перекрестка, свернем на соседнюю дорогу и по ней выйдем к мосту.

— Так и сделаем, — согласился с танкистом сержант. — Выводи танк на улицу, устроим небольшой тарарам — и по коням.

Сабуров и танкист спустились вниз. Под прикрытием ураганного огня душманам удалось подобраться к дувалу, который был всего в 20 метрах от дукана. Послышались их крики. Понимая, что они в мертвой зоне нашего огня, — осмелели:

— Мусульман, выходи, живой будешь. Шурави, сдавайся, не больно резать будем!

По окнам дома, не давая высунуть автомат, било несколько пулеметов. Фролов ползком подтащил ящик с гранатами к окну, вытащил одну «лимонку» из ящика, вкрутил запал. Задумался, прикидывая гранату на вес и свои возможности. Пожалуй, пятисотграммовую круглую «лимонку» через дувал не перекинешь, далековато. Окно узкое, в рост не стать, пулю сразу схлопочешь. Вот бы рычаг.

— Кто-нибудь видел здесь шнур или веревку? — спросил у нас Фролов.

Все с удивлением посмотрели на него.

— Вешаться собрался, — подковырнул его Гоголев.

— Нет, просто мысль, а мысль убивать нельзя. Если к запалу привязать шнур — удлиним рычаг, можно попытаться перебросить гранату через дувал. Представляешь, падает на голову такой маленький бакшиш,— и Николай улыбнулся.

— Внизу в подсобке есть бухта капронового шнура,— ответил ему Андрей, перебираясь на четвереньках к лестнице, ведущей вниз. Через минуту он поднялся наверх, держа в руке метров 10 капронового шнура толщиной чуть тоньше мизинца.

— Николай,— обратился я к Фролову.— Ты на Волге на резинку рыбачил?

— Правильно думаешь, был грешок, но не ради наживы, а ради забавы. Сейчас проверим — не разучился ли груз забрасывать.

Фролов пережег зажигалкой шнур на несколько метровых кусков и привязал их к запалам, а после этого вкрутил их в гранаты. Вплотную прильнул к стене, встал на ноги. В это время раздалось одновременно, слившись в одну, длинные очереди: автоматная Гоголева и пулеметная на чердаке Бахтина.

— Обнаглели духи, начинают через дувал сигать к нам в гости,— отшатнувшись от окна, пояснил Андрей.

В ответ в окна залетел целый смерч. Мы втроем: Гоголев, Сабуров и я — растянулись на полу, а Фролов, прижатый к стене, так и продолжал стоять минут пять, пока немного не затихла стрельба.

— Кравцов, ползи сюда,— приказал мне сержант. Фролов протянул мне гранату, а сам натянул конец, приготовившись к броску.

— Смотри не трахни об косяк, а то всем крышка,— предупредил спускавшийся с чердака Бахтин.— Пора сматывать удочки, пулемет плеваться начал, ствол перегрелся.

— Выдергивай чеку.

Я выдернул чеку, запал шелкнул на боевой взвод. Фролов резким взмахом метнул гранату в окно, осторожно

наблюдая за ее полетом. Граната — непривычная для глаза, с длинным хвостом, по низкой траектории,— едва не задев за дувал, скрылась за ним. Через мгновение раздался хлопок разрыва, над дувалом поднялось пылевое облако, послышались крики боли и ужаса.

«Лимонка» разорвалась рядом с группой душманов, двое были убиты наповал, несколько ранены. Следом за первой Фролов пустил еще две в другое окно, в глубь двора дукана, метров за тридцать к сараю, за которыми так же зашевелились душманы.

Послышался душераздирающий вой падающей мины, мы все растянулись на полу. Мина разорвалась в нескольких метрах от дома. Дом слегка тряхнуло. Через несколько секунд после разрыва послышалось падение новой мины. На крыше раздался взрыв, дом затрясло. На нас посыпалась пыль, зерно, глина, щепки, но перекрытие выдержало.

— Всем вниз,— крикнул Фролов. Нас всех моментально снесло вниз, последним спустился с ящиком на плече. «Даже в такой момент сержант не растерялся и не забыл про гранаты»,— отметил я про себя. Свернув крыльцо, Сабуров вплотную подогнал БТР боковым люком к проему двери.

— Всем в машину,— громко приказал Фролов.

Взревев дизелем, через пролом вылез танк, он развернулся в сторону кишлака и, все ускоряя движение, ринулся вперед. Наш БТР следом. Мы, выставив оружие в бойницы, обстреливали выходящие на дорогу окна и крыши домов. Танк на скорости врезался в догоравший ГАЗ-66. Раздвоив, смел его в сторону, освобождая дорогу. Дойдя до перекрестка, танк свернул влево и по узкому, петляющему переулку, едва уместаясь между дувалами, медленно пополз на дорогу, ведущую к соседнему мосту. 282-й, шедший следом, начал сворачивать за танком, и в этот момент в правый борт,

чуть выше боеукладки, впилась граната.

Внутри машины все заволочло дымом, граната, прогрызшая в броне дырку с пятак, извергнула внутрь струю расплавленного металла. Под ногами завибрировал пол машины, давлением откинуло верхние люки, резкой болью заняли перепонки, боль становилась невыносимой с каждым ударом пульса. Каждый удар походил на удар кувалды по голове. Превозмогая боль в ушах, Серегин развернул башню вправо, пулемет зашелся в очереди во всю ленту. Пока он прикрывал нас огнем, мы покинули подбитую машину и залегли в арыке, очумело открыв огонь поверх дувалов, по крышам домов, не зная, откуда нас обстрелял гранатометчик. КПВТ в БТРе замолчал, и из люков вместе с клубами черно-серого дыма, чихая и кашляя, вылезли Фролов с Серегиним. Они спрыгнули вниз, Серегин упал на дорогу и пополз в нашу сторону, а Фролов стоя с пояса открыл огонь из автомата в проулок, по которому к горячей машине бежали бандиты. Николай заставил их залечь.

Из глубины кишлака с крыши заговорил пулемет. Сержант забежал за горящий БТР, прикрыв экипаж, он последним спустился в арык.

— Кто ранен?

Мы осмотрелись, никто серьезно не пострадал. Всех немного посекло струей, опалило хэбэ, у Гоголева из одного уха пошла кровь.

— За танком, в проулок, бегом марш!

Мы выскочили из арыка и бегом углубились в проулок. Сзади слышались взрывы. Мы обернулись. Из люков 282-го вырвались высокие костры, слышалась новая серия взрывов — это начала рваться боеукладка. Последним бежал Бахтин, который часто оборачивался и с пояса грызлся пулеметным огнем. Свернули за поворот, в конце проулка стоял танк. Из

верхнего люка назад с АКСом * в руках выглядывал танкист.

— Давайте на броню.

Танк вышел на соседнюю дорогу. На этой дороге также горели машины афганского батальона. Дым стелился вдоль дороги и, ветром гонимый в нашу сторону, закрывал обзор в глубь кишлака. Кварталах в пяти от нас горело несколько домов. Около них стоял догорающий БТР. В местах пожара дорога расширялась, образуя собой площадь. За площадью из дыма выглядывала мечеть с двумя минаретами. Заметив сгоревший БТР, Фролов посуrowел лицом.

Отсюда доносились звуки яростного боя, отдельных выстрелов не слышать — все слилось в единый рокот. Частенько прорывался вой падающих мин.

«Неужели это двести восьмидесятый?» — подумал я про себя.

— Илья, сворачивай вправо, к подбитому «бэтэру», — обратился сержант к танкисту. Танк развернулся на перекрестке в сторону площади, и в этот момент по броне зацокали пули. Мы спрыгнули с танка; залегли на дороге, открыв ответный огонь по домам, откуда нас обстреляли. Танк продолжал медленно двигаться вперед. Из дома напротив раздался хлопок гранатомета, граната впилась в трак, укрепленный на башне. Кумулятивный снаряд прогрыз трак, но встретил броню уже обессиленный. Граната отлетела на дорогу, изрыгая из себя огонь, предназначенный для людей. Танк развернул башню влево и в упор выстрелил по дому, в котором находился гранатометчик. Снаряд насквозь прошел дом и взорвался во дворе, подняв сноп земли и глины. В верхний люк к пулемету вынырнул танкист, открыл по тому же дому пулеметный огонь, опасаясь повторного выстрела гранатомета. Танк взревел дизелем и, пятась, вернулся к нам. На перекрестке проломил

* АКС — автомат со складывающимся прикладом.

задом дувал и вполз в угловой сад. Мы, отстреливаясь, перебежками двинулись за танком в сад. Открылись люки, и танкисты во взмокших комбинезонах, с автоматами спустились к нам. Нас было двенадцать человек: пятеро танкистов, один с подорванного танка, экипаж этого и семеро нас — мотострелков.

— Гоголев, Кравцов, прикройте со стороны пролома, — приказал Фролов. — Серегин, Сабуров, в дальний конец сада — прикройте с тыла. Бахтин, Хайрулин, с пулеметом на крышу. Мы с вами подвижной резерв, — обратился Николай к танкистам. Один из танкистов вытащил из танка курсовой ПКТ с самодельной станиной, пулемет был приспособлен для стрельбы и помимо танка, второй танкист — три коробки с патронами.

— На крышу, — приказал им командир танка.

— Здорово придумали с ПКТ, сами сделали? — спросил у Ильи Николай.

— Жизнь заставит, — ответил танкист.

Мы с Гоголевым подобрались к пролomu. Андрей выглянул наружу и ящерицей прополз по пролomu в арык, который шел параллельно дувалу. Я за ним следом.

По склону арыка с обеих сторон поднималась высокая трава. На дне протекал небольшой ручеек. Где-то совсем рядом раздался винтовочный выстрел, над нами просвистела пуля. Оставив после себя выщербину на дувале, она ушла в сторону.

— Голову не высовывай. Сперва приглядишься и бей наверняка, чаще меняй место. Далеко от пролома не уходи. Тихо, — посоветовал Андрей. Отполз по арыку к самому перекрестку, где арык прятался в трубу и уходил под дорогу. Я отполз в противоположную сторону, нашел удобное место, осторожно руками раздвинул траву и выглянул из арыка.

Дома на противоположной стороне круто поднимались вверх, поэтому из-за дувалов немного просматривались

дворы. Внимательно оглядел крыши домов в пределах моей видимости. Домов через пять в сторону реки на крыше мелькнул пестрый халат. Крыша была в тени старого тополя, и без оптического прицела я вряд ли смог бы разглядеть бандита, притаившегося за лазом, представляющим собой такую же будку, как на дукане. С той стороны, куда отполз Гоголев, послышались короткие очереди. Обнаруженный мной бандит выглянул из-за будки и выстрелил в сторону Андрея. Я взял его в прицел. Душман, высунувшись по пояс, передергивал затвор бура. Оптика приблизила цель, я очень хорошо разглядел его лицо. Это был мужчина в годах, с густой кучерявой бородой, на голове темнела маленькая шапочка. Полосатый халат распахнулся в азарте, открывая волосатую грудь. Плавно нажимаю на курок. На лице у душмана возникла алая клякса, он осел. Что-то подсказало: сейчас будут стрелять по мне, я нырнул в арык. По брустверу, кося траву, прошлась автоматная очередь. На меня посыпалась земля, мелкие камешки. За спиной, за дувалом, послышались голоса родных «акашек», которые приободрили — ребята рядом.

Негромко окликнул Андрея:

— Тебя не ранили?

— Руку, гады, продырявили, но кость цела, до свадьбы еще далековато, заживет.

— Бинт есть?

— Уже перетянул. Ложись! — крикнул, предупреждая меня, Андрей.

На перекресток из-за дувала выскочил в джинсовом потертом костюме душман с ручным пулеметом в руках. Он направил в нашу сторону ствол. Через мгновение пулемет запрыгал в его руках, извергая огонь длинной очереди. Воздух над головой зазвенел. Я рухнул на дно арыка, а Андрей, падая, успел бросить на дорогу «лимонку». Раздался взрыв. Душман, пораженный осколком в живот, медленно опустился на колени, выронил из рук пулемет, упав на дорогу, забился в

смертных судорогах. Андрей выглянул после разрыва, пока не осела пыль, короткой очередью пригвоздил его к земле. Моментально нырнул назад, сменил место.

По нам усилили огонь, не давая поднять головы. Воздух загудел от переполнявшего его свинца. Я замер на дне арыка, стараясь вжаться каждой клеточкой тела в неровности земли. С домов напротив слышались выстрелы и автоматные очереди. Страх отпустил. Если не убили сразу, значит, не убьют. Отполз несколько метров в сторону, вытащил со дна два приличных булыжника и выложил их на бруствер, между ними положил винтовку, приготовился к стрельбе.

В саду наискосок угадывались сквозь зелень вспышки выстрелов. Несколько раз наугад выстрелил по саду. В ответ полетели пули, одна из них пополам расколола левый камень, лицо посекали мелкие осколки. Нырнул в арык. Затрясло. По телу прошел озноб, сменившийся жаром, по лицу потекли густые струи пота. Догадка, пришедшая в голову, напугала еще сильнее пули. Сейчас моя голова была на мушке. Только случайность — возможно, дрогнула рука у бандита при выстреле — и пуля прошла мимо. Страх с новой силой сковал тело, чувствую, во мне что-то надломилось, и никакая сила не заставит меня высу-

нуть голову из арыка. Я трус, самый обыкновенный трус, подлый человек. А как же другие? Андрей ранен, но продолжает сражаться. Нет, все равно не смогу. Возьми дух чуть поточнее, снес бы полчерепка. По телу опять пробежал озноб, руки затряслись мелкой дрожью. Этот страх — инстинкт самосохранения, но почему я так сильно напугался, ведь это не первая пуля, просвистевшая за сегодняшний день над головой. Но те были невидимы, а эта показала, что должно было быть с моей головой. Подтянул к себе винтовку, пытаюсь взять себя в руки, вставил целый магазин, но только смог, не высовываясь, наугад несколько раз выстрелить и опять упал на дно.

— Давайте сюда, мост разминирован, — послышался голос с той стороны реки. Мы всмотрелись в берег, но людей не заметили. Около воды раздвинулась осока, и показался солдат в маскхалате. В приветствии он махнул нам автоматом. Танк двинулся вдоль реки, вминая траками осоку в грязь. Пехота поднялась на берег и цепочкой вдоль дувалов направилась в направлении моста, который представлял собой по сравнению с подорванным довольно шаткое сооружение. Страшно заскрипев и просев, он все же выдержал, пропуская на тот берег тушу танка.

Глядя в глаза Востоку...

Друзья

Возвращение из боевого рейда

Сестры милосердия

ТРЕТИЙ ТОСТ

Записки военного журналиста

Когда я приехал в Афган, то почувствовал себя так, будто много лет сидел на тренажере и вот наконец мне доверили штурвал настоящей боевой машины.

Из разговора

I

В детстве он был слабым мальчиком, а из-за этого закомплексованным, иногда даже злым; и часто ненавидел себя, и мучился от своего бессилия утвердиться в кругу одноклассников, понравиться какой-нибудь девочке, достойно ответить на унижительную кличку Лапша.

А в Афганистане вдруг понял, что он и добрый, и сильный человек. Он возил на КамАЗе из гарнизона в гарнизон по опасным дорогам боеприпасы, продукты и стройматериалы. Возил в кишлаки муку и раздавал ее изможденным от нищеты и палящего солнца людям. Он бежал из плена, несколько часов подряд сидел в ледяной реке, шел в полной темноте по минному полю на огни родного гарнизона. Сумел выжить, не имея на то почти никаких шансов.

Дома он старался меньше и без подробностей рассказывать о том, что с ним было. Даже самому это казалось невероятным. Еще он заметил, что у него почти начисто пропало чувство страха.

Иногда он мечтал крепко-крепко заснуть и проснуться в большой темной палатке, у которой под ударами ветра колышутся стены и провисший потолок, где стоят в два яруса койки и вздрагивают, бормочут, кричат во сне его товарищи, спасая друг друга и погибая в сотый раз...

ДЫШЕВ Андрей Михайлович, капитан, военный журналист. В Афганистане — с сентября 1983-го по сентябрь 1984 года.

Мы виделись с ним только однажды, в очереди железнодорожных касс тбилисского вокзала зимой восемьдесят третьего. И я верил каждому его слову. Не поверил только тому, что он иногда мечтал вернуться на войну.

Я не встречал человека, который бы осмелился утверждать, что не испытывает при слове «Афганистан» чувства страха. Перед отлетом «за речку» с нами, группой политработников, беседовал член военного совета округа. И вот в ходе беседы вдруг выясняется, что двое офицеров не имеют жилплощади.

— Отправляйте их документы обратно, — голосом, исключаяющим всякие возражения, сказал генерал начальнику отдела кадров.

Один из бесквартирников — плотный капитан с проседью на висках — облегченно вздохнул и вроде как с сожалением ответил:

— Обратно так обратно. Что ж поделаешь!

Ему, правда, никто не сочувствовал.

А другой вскочил со стула с криком:

— Товарищ генерал! Да не нужна мне квартира! Для меня палатка в Афганистане — лучший дом. А жена всегда найдет, где жить. У свекрови ее, то есть у моей мамы, две комнаты, целый батальон разместить можно. У жены еще подруга в исполкоме работает... Да нет же, блат здесь ни при чем! Она получит квартиру на законных основаниях...

В зале смеялись.

Улыбнулся и генерал.

А бесквартирник все не унимался, и на его щеках заблестели капельки по-

та. Складно, однако, врал он про исполком. А утром, присмиривший и успокоившийся, он с двумя чемоданами, перевязанными проволокой, да загранпаспортом в кармане вместе с нами улетел в Кабул. Его укачало, и по рампе на землю он выходил, пошатываясь. По-моему, всем нам было его немножко жаль.

Больше мы никогда не виделись.

Вечером, когда надо связаться с начальником, коммутаторщику неизменно говорили: «Квартиру подполковника Добровольского!» Или спрашивали у дежурного по политотделу: «Сергей Палыч уже ушел домой?» В обоих случаях, конечно, подразумевалась простенькая комнатуха в общежитии-модуле. Обустраивая свои комнаты, жильцы изощрялись как могли. Лучше других жили офицеры и женщины медсанбата. Многие комнаты действительно напоминали квартиры: палас на полу, на стенке коврик, столик со скатертью, полутораспальные койки, «кухня», отделенная от жилой части фанерной перегородкой. Офицеры очень любили ходить в женский модуль медсанбата.

Похуже жили в управлении нашей части и соседнем мотострелковом полку. В каждой комнате по пять-семь человек. Под койками на всегда пыльном полу громоздились чемоданы, бронежилеты, рюкзаки, «лифчики»*, ботинки и прочее грязное тряпье. Обои в таких комнатах были обычно беспорядочно увешаны фотографиями детей, женщин, вырезками из журналов или открытками типа «Одесса — город-герой». Самые предприимчивые офицеры сбивали над своими кроватями каркас из реек, на который натягивали марлю, — это было эффективное средство защиты от мух. В темных коридорах модулей — длинных и

мрачных, как тоннели, — под конец дня беспрерывно шаркали шлепанцами полуголые офицеры, мускулистые, со смуглыми волосатыми торсами, с яркими полотенцами, обмотанными вокруг шеи, говорили громкими голосами, тарабанили в соседние двери комнат, виртуозно, как официанты, носили раскаленные с шипящим маслом сковородки или трехлитровые банки с чаем. Почти из каждой комнаты доносилась музыка, хрипел Высоцкий, пели безымянные военные барды... В женском модуле музыка обычно звучала тише, зато коридор всегда был наполнен букетом кулинарных запахов. Женщины редко ходили в столовую на ужин и предпочитали готовить сами.

Иногда я завидовал жильцам этих захламленных, шумных модулей, похожих на муравейник. В отличие от них у меня не было своего «дома». Я спал в кабинете.

Редакция в то время была в одной из двух саманных построек в гарнизоне. Второе «капитальное» здание — гауптвахта — стояло в нескольких десятках метров от фанерного штаба и восхищала своими белоснежными дувалами.

Мой начальник, Саша Шанин, тоже жил в кабинете. Спал на самодельном диване, сколоченном из двух водительских сидений, иногда жарил что-то вкусное на электроплитке, по вечерам закрывался и никого не пускал к себе. Несколько раз я видел, как утром оттуда выходила смуглая красивая девушка.

Как-то вечером Шанин зашел ко мне.

— Ты одинок, — сказал он, глядя на меня из-под опущенной на самый нос панамы. — У тебя еще нет друзей... Тут всем трудно на первых порах.

Я всем своим видом показывал, что увлечен работой и совсем не ощущаю одиночества.

— Пойдем ко мне, — предложил Шанин, совершенно уверенный в том, что я не откажусь.

* «Л и ф ч и к» (разг.) — спецжилет для боезапаса.

Конечно, я не отказался!

В теплом и уютном кабинете сидел финансист Валерий Беджанов и молча тарабанил пальцами по табуретке, не вынимая сигары изо рта. Смуглая девушка жарила на электроплитке увядшие, похожие на ножки подосиновиков, баклажаны. Время от времени она подходила к Шанину, брала его за руку и гладила ладонью его шевелюру, а он, будто не замечая этого, произносил тост за жен и детей. Она любила его? Ей хотелось нежности и ласки?

Беджанов вскоре заскучал и ушел «домой».

А мне вдруг мучительно захотелось, чтобы тихо зазвучала музыка, чтобы в этой тесной комнате начались танцы и смуглая девушка положила свои руки мне на плечи...

Я закрывал глаза и видел эти навязчивые баклажаны в кипящем масле. Где-то за окном внезапно заглох движок, и комната погрузилась в непроглядную темноту. Шанин вышел во двор, негромко позвал дневального.

— Вы боитесь темноты? — спросила девушка, когда я зажег очередную, десятую спичку.

— Боюсь...

И я продолжал чиркать спичками, с удивлением глядя на ее красивое, резко оттененное лицо, на ее закрытые глаза, на ее странную улыбку бесконечно счастливого человека.

Дали свет, и девушка снова склонилась над сковородкой. Мы подсели к столу.

— Третий тост, — сказал Шанин.

Я протянул свою кружку навстречу его, но Шанин резко отвел руку, избегая чоканья, и молча выпил.

Наконец Шанин посмотрел на часы и стал убирать со стола.

... В тот вечер я долго не мог заснуть. Где-то гремели сапогами солдаты, трещали в унисон движки, гудели вертушки, возвращающиеся с задания.

Афганистан щедр на солнце, но местные арбузы, продолговатые, похожие на гигантские огурцы, внутри бледно-розовые — почти несладкие.

Однако офицеры в столовой уплетали их с большим удовольствием и просили добавки у высокой, как баскетболистка, официантки Любаши. Та закатывала глаза, вздыхала, в который раз повторяла, что «все съели», но арбуз приносила. Вообще-то на столах редко когда оставались нетронутые порции. Даже жара не притупляла у людей чувство здорового аппетита. Многие офицеры после ужина уносили с собой в модули хлеб — продукцию полевого хлебозавода. Он всегда был свежим, пышным и очень вкусным. Его любило есть с тушенкой, сгущенкой и чесноком.

Чеснока, кстати, я привез с собой килограмма два — так посоветовал в письме Марат Сыртланов, которого я сменил в Афганистане. По случаю его отъезда в Союз и сдачи должности в кабинете сдвинули два стола, накрыли их газетной бумагой и поставили закуски — все та же тушенка, чеснок, хлеб и вместо гарнира поджаренный лук. На две бутылки водки, которые я привез с собой, оказалось слишком много желающих, но вечер прошел весело, уютно и шумно. Марат знакомил меня с офицерами и говорил: «У этого будешь брать тушенку, с этим пойдешь в разведку, этот свозит тебя в дуканы, у этого можно лечиться...» Взбудораженный, счастливый от такого изобилия всяких услуг, я не мог сразу запомнить эти лица и имена. С отъездом Марата все снова смешалось, спуталось, и я уже сам выбирал, у кого раздобыть тушенку, с кем идти в разведку...

Как-то в редакционный двор под маскировочную сеть пришли офицеры штаба по случаю награждения кого-то орденом. Гости сидели за длинным столом, накрытым простынями со штампами, ели салаты и закуски, приготовленные целой бригадой женщин. Потом кто-то принес сверкающий никелем «Шарп» и врубил музыку. Откуда-то из темноты появился Шанин и шепнул мне:

— Танцуй, пожалуйста, с Гулей...

И не давай никому ее приглашать.

Я танцевал со смуглой, красивой Гулей и никому не давал ее приглашать. А когда танцы закончились и гости разошлись, Шанин вышел к столу, вздохнул облегченно, обнял Гулю за плечи и, повернувшись ко мне, спросил:

— Ну и как? Тебе понравилась моя жена?

У них это было серьезно.

Шанин был совершенно беззащитен перед начальниками и не пытался возразить им даже тогда, когда они были явно не правы. Он безукоризненно выполнял их личные просьбы, не имеющие ничего общего со служебными делами. Он жертвовал своим достоинством и честью, как только дело касалось личного достоинства и чести Гули. И хотя его жизнь порою подвергалась смертельному риску, больше всего он боялся, что кто-то начнет копаться в его личной жизни и шить ему аморалку.

Как-то Шанин принес мне пачку копий наградных листов и попросил подготовить их к печати. Эти листы я несколько дней подряд читал как захватывающий роман.

Я отложил листы и вышел из редакции во двор. Черные горы на горизонте, словно аппликация, наклеенная на синюю бумагу, казались плоскими. Я еще не мог представить, почувствовать, что все, о чем я читал, происходило не где-то в далеком, недоступном мире, а здесь, рядом со мной, под этим же небом, вот в этих, очень близких и вполне реальных горах.

II

Чего мне здесь не хватает? Любимой женщины, докторской колбасы, пива... Да, и еще осеннего леса.

Из разговора

Муха сделала последний круг и стала заходить на посадку. И когда

она, чуть отдышавшись, стала протирать от пыли свои крылышки, ее неожиданно, с резким свистом размазала по стене линейка. Афганские мухи наглые, как голодные собаки. Их бесполезно отгонять от себя. Они не боятся ничего и умирают благородно.

Тоска беспросветная!..

На вертолетной стоянке я случайно познакомился с борттехником Валерой Бикинеевым. Он сидел на рифленном полу крохотного салончика, свесив ноги вниз, и, обливаясь потом, зевал.

Мы перекинулись ничего не значащими фразами, после чего Валеру уже невозможно было остановить. Он рассказывал мне о головокружительных полетах на караваны, о десантировании наших ребят в горы, о жутких обстрелах из ДШК, огонь которого сверху напоминает звездное сияние сварочного аппарата.

— Я тактику бабаев раскусил. В последнее время они стали хитрить: когда мы заходим по курсу на караван, они сгоняют верблюдов в кучу и подвываются под них. Пулемет не берет — на каждом верблюде по полтонны тюков. Терпеливые животные! Стоят не шелохнувшись, даже если шерсть на них загорается... Один раз удачно метнули бомбу. Когда вышли с курса, то такое увидели! Повсюду красно-фиолетовое мясо, потроха еще конвульсивно дергаются...

Я робко высказал мысль, что-де жалко животных. Но Валера на жизнь смотрел трезво:

— Если верблюды навьючены бабаями, то это уже не животные, а средство передвижения противника. И их надо уничтожать... Вертолет — хрупкая птичка. Хотя если его прошьет ДШК, то он редко когда рассыпается в воздухе. Обычно загорается и взрывается уже на земле.

Валера славный парень. Он внушал доверие, и я решился.

— Возьми на караван... Очерк напишу...

Как ни странно, он сразу согласился, хотя и с оговоркой:

— Ты знаешь, вертолетчики не любят случайных пассажиров. Суеверие, что ли... Но так и быть! Попрошу командира.

Он оглядел меня с ног до головы и добавил:

— Бушлат с собой возьми, автомат, побольше патронов. Шлем я тебе достану, парашют возьму у товарищей.

Пришлось признаться, что ни разу с парашютом не прыгал. Не моргнув глазом, Валерий ответил:

— Ничего, систему объясню в полете. Главное — хорошо нырнуть под крыло, чтобы не засосало, и раскрыть купол как можно позже. Меньше будет шансов, что подстрелят в воздухе...

Утром, несмотря на сорокаградусную жару, я пришел на вертолетную стоянку в бушлате, с автоматом за спиной. Командир вертолета капитан Лукин промчался мимо, кивнул в знак приветствия и скрылся под плексиглазовым фонарем.

— К запуску!..

Бикинцев тронул меня за плечо.

— Ты извини, что я морочил тебе голову,— сказал он, стараясь не смотреть мне в глаза.— Час назад ноль-шестой борт прошили из «дэшэка»... Опасно, золотце. Жизнь, конечно, говно! Но лучше сиди на земле-матушке...

Я не стал смотреть, как вертолет отрывается от земли-матушки, повернулся и, придерживая панаму на голове, пошел за ограду.

Пыль бушевала в воздухе, как пожар, неслась метель над землей, наметала грязно-серые «сугробы», и в десяти метрах от себя ничего нельзя было увидеть, кроме раскачивающихся на ветру тусклых лампочек.

А под утро я впервые продрог под одеялом. За окном было удивительно

тихо, и я не сразу понял, что не слышно привычного рокота и свиста вертолетных лопастей.

Я отдернул занавеску и не поверил своим глазам. Шел дождь, мелкий, осенний. Воздух был чистым и прозрачным, отмытым, как оконное стекло.

В этот же день в редакцию зашел капитан Калинин из разведбата. Представил мне его Шанин.

— Возьми Андрея на засаду.

Калинин взглянул на меня, оценивая. Я смотрел на разведчика честными глазами.

— Возьму,— не очень убедительно ответил Калинин.

Я еще не знал войны, но она уже дразнила, показывая мне жуткий оскал, не давая прикоснуться к себе, и вызывала тупую злобу.

— Выбрось это из головы! — возмутился анестезиолог Саша Кузнецов.— Сиди, успеешь!

Два-три раза в неделю, в свободное от операций время, он приходил к нам. Подкрадывался к кому-нибудь на цыпочках со спины и закрывал глаза своими потрясающе чистыми ладонями. Он всегда удивлялся, как мне удастся безошибочно его узнавать. Я пожимал плечами и не выдавал «тайны», что от него на десять метров разит лекарствами. Иногда Саша приносил спирт в стограммовой бутылочке.

— Промоешь печень, не будет гепатита,— говорил Шанин, тут же разбавляя спирт водой.

— Чушь! — резко отвечал на это Кузнецов.— Это я заявляю вам как врач! От спирта ослабевает защитная система, и никакой речи о «прочистке» печени быть не может. Это все утешение для пьяниц...

Капитан Рамазанов — предыдущий редактор газеты — по специальности был ветеринарным врачом и тоже убеждал в бессилии спирта перед гепатитом. Но что касается стройматериалов... В гарнизоне спирт был основной обменной единицей. На него можно было выменять дрова для бани, солярку, уголь, краски, бумагу, це-

мент, «экспериментальные» бушлаты, запчасти для движка и многое-многое другое. Рамазанов был всех умней и при помощи спирта редакцию построил из камней, обнес ее дувалом, провел воду, сложил баньку. Эта банька работала исправно года четыре, потом прогорела, ссохлась, перестала держать тепло, и ее разобрали. Своя баня при редакции — это был предмет роскоши. Нам завидовали. В этой бане в свое время мылись начальники, хлестали друг друга вениками члены всяческих комиссий, ее помнят многие...

Мы с Шаниным любили париться зимой. В феврале 84-го было на редкость холодно и снежно. Распарившись до красноты, мы выходили во двор. От нас исходил густой пар. Мы как угорелые носились по сугробам, падали в снег и орали во всю глотку: «Дневальный! Одежду украли!» Озябший солдат выбегал во двор и смотрел на нас обалдевшими глазами.

Иногда действительно было весело.

Сенсационная новость, о которой говорили как о забавном происшествии: прапорщик, озверевший от ревности...

Во избежание подобных недоразумений мужчины гарнизона старались своевременно обозначить «принадлежность» женщин. Фамилии подменялись предупреждающими ловеласов псевдонимами: Лена Видучка, Таня Валеркина, Любаша Старлея из разведбата... Часто можно было слышать: «Ирка нашего энша сегодня в Кабул улетела!» При этом собеседники таинственно ухмылялись: в кабульский госпиталь летали делать аборт.

У Гули из политотдела «псевдоним» был простой — ее называли по фамилии Шанина, будто она и вправду была его женой. И, видимо, потому, что Шанин составлял впечатление о людях исходя из того, как они относились к его девушке. Он не ходил в столовую, питаясь сухпайком, никогда его не видели на вечерних киносеансах в

доме офицеров, в общезитии: с малознакомыми посетителями он вел себя сдержанно, даже недоброжелательно, и всем своим видом подчеркивал, что не хочет иметь ни с кем никаких дел. Как-то он сказал: «Афганистан меня не любит. Я это чувствую».

Два местных самых богатых дуканщика — Паленый и Мирзо — нам всегда были рады. Афганцы их дуканы почти не посещали, так что основными клиентами были мы, шурави. По разнообразию ассортимента товаров и культуре обслуживания два крохотных дукана намного превосходили наши универмаги. Дуканщики конкурировали между собой, перехватывая покупателей друг у друга. Паленый (его прозвали так за огромный иссиня-черный рубец на пол-лица) был наглее и опытнее Мирзо. Он делал бакшиши (дешевые подарки: авторучки, жвачки, презервативы), аккуратно упаковывал покупки в пестрые кульки с изображением попы в джинсах, угощал сигаретами и ругался матом. Правда, его хитрая щедрость ограничивалась табличкой на витрине, где корявыми буквами было написано порусски: «Четки и афгани в долг не даем». Скромный Мирзо тосковал в своем пустом дукане, тупо глядя на наши бронетранспортеры.

Я до сих пор не могу понять, как два маленьких дукана на протяжении восьми лет обеспечивали офицеров и служащих нашего гарнизона теми товарами, коих желали их души. И для чего был нужен Внешпосылторг? Для того, чтобы несколько раз в год — по праздникам — выдавать согласно заранее составленным спискам черную икорку, копченую колбаску, шоколадные конфетки?.. Мы умудрялись и в Афганистане организовать дефицит, списки, очереди, привилегии.

Я сидел в чужом бушлате и неговорящем шлемофоне у распахнутой створки и смотрел на млеющую в теплой дымке землю-матушку. Валера Бикинцев все-таки оторвал меня от нее.

Маленький, серенький, похожий на замусоленный коробок спичек дувал у реки пускал в нас солнечный зайчик. Желтая звездочка трепыхалась, будто на ветру. Маленькая, холодная звездочка передавала нам привет, старалась задеть своим невидимым тараканьим усом днище вертолета.

Пол вдруг провалился куда-то вниз, задрожал, заскрежетал. С чудовищным ревом вырвались из своих черных гнезд ракеты и красным роем устремились к земле. Вертолет выпустил когти, спасая себе жизнь.

— Ты поблдеел! — заорал Валерка. — Я не предупредил тебя...

Ничего не понять! О чем он меня не предупредил?

Второй заход на цель, снова пикирование. И звездочка не гаснет, моргает колючим кристалликом огонька. Бикинеев на коленях скользит к пулемету, который крутится на створке как флюгер, прижимается к тяжелому казеннику грудью и дрожит вместе с ним. По рифленому полу катаются пустые горячие гильзы, похожие на сбитые кегли.

Сквозняк слизывает пороховой дым из салона. Валерка прижал ладонь к торлу и что-то говорит. Его голоса не слышно, только губы шевелятся.

Третий заход. Бикинеев что-то орет, но командир не оборачивается, крутит головой вверх и по сторонам. Под каблуками скрежет гильз. Пулеметная лента, как обрывок бумаги, колышется на ветру. Грохот, рев, визг, треск. Ракеты проносятся мимо створок, как ночные огни в окнах скорого поезда. Беззвучно отрывается бомба, медленно, как кит, разворачивает серебряное тело и уходит в дымку. Она летит будто в толщу воды. Летит мучительно долго, словно висит над самой землей. А потом огненный шар, обамленный черной бородой...

Четвертый заход. Холод и жара. Валерка корчится у пулемета, лицо его неузнаваемо исказилось. Он срывает перчатки с рук и скалит зубы. Вертолет подпрыгивает как на ухабах, ложится

на бок. Внизу ветер уносит дым пожара. Черные воронки смотрят на нас пустыми глазницами — это все, что осталось от звездочки. Мы возвращаемся.

Когда я прыгнул на землю, лопасти уже тихо покачивались над вертолетом, как хрупкая невесомая паутинка.

Я не успел отойти подальше от вертолета. Внезапно на «уазике» подехал комэска, подскочил к Лукину и Бикинееву и что-то сказал им резким тоном. Я услышал только: «А если б грохнули, кто отвечал бы за него?..»

«Пугает, дятел! — зло думал я, вышагивая по железному настилу рулежки. — Ребятам ни за что ни про что вставил...»

Я почему-то чувствовал себя чуть ли не на равных с комэска... Ровно через год в таком же вертолете сгорел мой коллега военный журналист Валерий Васильевич Глезденев.

III

После всего пережитого я воспринимаю жизнь не как нечто вечное, обязательное приложение к своему «я», а как подарок судьбы, великое благо, выданное во временное пользование.

Из разговора

Жизнь, здоровье, карьера — это были в Афганистане весьма зыбкие понятия. Командир роты старший лейтенант Саша Кавыршин казался мне слишком молодым для командира роты. Он был почти на полголовы ниже меня, сухошавый, немногословный, невозмутимый. Его привлекательная флегматичность почему-то вселяла уверенность в этом человеке, и что я мог без труда сделать, так это четко представить, как ведет себя Саша в бою.

Командиром роты он стал взамен бывшего ротного, тяжело раненного при обстреле колонны.

— Ему оторвало взрывной волной обе ноги и сильно повредило правую

руку,— сказал он таким спокойным голосом.

— И как же он будет таким?..

— Жена под его диктовку пишет нам письма.

— Она осталась с ним жить?

— Видимо, да,— Кавыршин, однако, пожал на всякий случай плечами.

— Что он думает о своем будущем?

— Из армии увольняться не хочет. Надеется преподавать в институте военное дело.

— Как это случилось?

— Колонной проезжали мост. Первая «бээмпэшка» прошла, а его подорвалась. Управляемый фугас... Сразу же увидели, как от шоссе в заросли бежит афганец — молодой парень, почти мальчишка. Хотели его расстрелять, но люди упростили. Сказали, что это сделал дехкан — конечно, соврали... Машину перевернуло вверх гусеницами, а башня отлетела метров на тридцать. Подобный фугас мы вчера откопали и расстреляли.

Слякотной и мокрой зимой к нам в гарнизон с концертной группой приехала Людмила Зыкина. Ее поселили в маленьком двухместном номере гостиницы, из окон которого была видна лишь бесконечная желто-серая пустыня.

Певица сидела на койке, застланной синим солдатским одеялом, выпрямившись, сложив руки на коленях, словно в президиуме торжественного собрания.

Но она оказалась по-домашнему простой; сразу же стала расспрашивать меня о том, как служится, о планах на будущее. Она ни разу не опустила глаза, внимательно глядя на меня. И тогда я снова почувствовал, что меня — пусть незаметно, неуловимо — жалеют; что эта необыкновенная женщина по-матерински страдает за всех нас: «Страдайте, если можете. Учитесь плакать. Чувствуйте боль — свою и чужую,— пока не переболит до

конца...» Низкий, грудной голос. Блестят глаза. Морщинки у глаз. Руки «лодочкой» лежат на коленях.

Усталая женщина в матерчатых мягких полусапожках. Сумрачная комната с видом на бесцветную тоскливую пустыню. Пуховый платок поверх высокой прически. И очень выразительные глаза — казалось, ей самой хотелось плакать...

Кого ни спроси — не услышишь четкого и вразумительного ответа на вопрос: чьи интересы мы защищаем в Афганистане и каким образом эта защита осуществляется?

Кладезь интересной фактуры для газеты — агитотряд, непосредственно связанный с местными властями, активистами НДПА, нашими советниками, дуканами и проч. Его работой ненавязчиво и тонко руководил Сергей Павлович Мишук — обаятельный и очень гибкий дипломат, способный убедить в своей правоте, кажется, самого дьявола. Афганцев он знал на уровне опытного востоковеда, держался с ними так, будто они находились на территории СССР, а не он в Афганистане. Мне казалось, что его даже душманы знали и любили, и потому ездить с Мишуком в одной машине было удивительно приятно.

Как-то мы остановились в тени тихой аллеи у гостиницы «Спинзар», почти в центре Кундуза. Я вышел размять ноги, прошелся несколько раз мимо воинственного вида солдата-афганца, стоявшего у входа в здание. Солдат долго водил туда-сюда зрачками, сопровождая меня, пока не попросил сфотографировать его. Сделать снимок, однако, я не успел. Всего минуту назад пустынная улица стала стремительно наполняться людьми. Забелели седые бороды и чалмы старцев. Замелькали землистые, неразличимые лица немолодых женщин с детьми на руках и за спиной. Люди шли толпой, молча, быстро; и в решимости, застывшей на их лицах, было что-то такое, от чего хотелось или на-

дежно спрятаться, или же встать рядом с аксакалами и молча идти, не спрашивая куда и зачем.

Ибодулло Шарипов — переводчик агитотряда, смуглый красавец-парень, к счастью, стоял рядом, и я вполголоса спросил его:

— Игорь (так, на русский лад, обычно мы его называли), кто эти люди?

— Кажется, это по поводу каравана,— вслух подумал он.

Люди остановились у входа в «Спинзар», несколько старцев подошли к солдату. Женщины встали ближе друг к другу, опустили на корточки, с волнением глядя на своих стариков, и, кажется, совсем не обращали внимания на истошный плач своих детей, лица которых, будто нарочно, были выпачканы в пыли.

Из дверей наконец вышел Сергей Павлович, которого даже душманы любили. Шарипов, как тень, встал рядом с ним. Оба были без оружия.

Три аксакала подошли к офицерам. Один из них заговорил. Поднялись с корточек и другие. Кольцо людей вокруг нас становилось плотнее с каждой минутой. У входа остались только женщины с невыносимо плачущими детьми.

Афганцы говорили долго, вплотную приблизившись к Сергею Павловичу. Остальные изредка что-то добавляли, кивали головами, соглашаясь со словами соплеменников.

Ибодулло быстро переводил:

— Вертолеты сожгли весь караван... Он вез из Пакистана товары для продажи... Во всем караване было только три винтовки — для защиты от бандитов... У торговцев огромные убытки...

Сергей Павлович внимательно слушал, лицо его было спокойным, без каких бы то ни было признаков сочувствия, словно он не замечал десятки обозленных глаз.

Я крепче сжал вспотевшей рукой ремень автомата, ощущая его тяжесть, ставшую вдруг приятной. Стоя за спи-

нами Шарипова и Сергея Павловича, чувствовал затылком дыхание толпы, тихий переговор, покашливание.

— Переведи, Шарипов,— начал Мишук.

На двух языках звучали одни и те же слова. Аксакалы слушали, чуть наклонив головы и приоткрыв рты, глядя то на Сергея Павловича, то на Ибодулло. Темные, глубокие глаза в обрамлении морщин мудрости отражали отношение к этим словам. Старики не верили.

— Целеуказания вертолетам дал ваш наводчик — торговец из Кундуза...— медленно говорил Мишук, чтобы Шарипов успел точно перевести, чтобы афганцы смогли правильно понять, чтобы успеть продумать очередную фразу.— Этот наводчик клялся аллахом, что караван вез оружие. У нас не было оснований не верить этому человеку. Вертолеты сделали то, что должны были сделать с караваном, везущим оружие против вас же... Винновники этой трагедии те, кто дал нам ложную информацию. Все.

Я вдруг совсем некстати вспомнил, как недавно просил Валерку Бикиневу взять меня «на караван», и почувствовал, как спину прошибло холодным потом.

Старики не расходились. Переговаривались между собой, обсуждая то, что только что услышали.

Неподалеку остановился БТР. Широкими шагами сквозь толпу шел высокий прапорщик.

— Едем, товарищ подполковник? — спросил он Сергея Павловича.

Мишук, думая о чем-то своем, машинально кивнул и, не оглядываясь, медленно брел к «уазику».

В тот день, казалось, даже неунывающий Паленый разговаривал с нами холодно и деньги, не считая, кидал куда-то под прилавок.

Обедать мы пошли в местную харчевню. Навстречу нам выбежал хозяин в когда-то белом фартуке и угодливо показал нам на дверь своего заведения.

— Поднимайтесь на второй этаж, — сказал нам Ибодулло. — А я что-нибудь закажу.

В сумрачном зале стояло несколько очень грязных столов. Два деревянных столба поддерживали провисший потолок. За ними на деревянных нарах сидела группа мужчин разных возрастов. Увидев нас, они замолчали, поставили в ноги пиалушки и исподлобья следили за нами.

Казалось, что весь город ненавидит нас из-за этого проклятого каравана!

Мы поднялись по крутой и шаткой деревянной лестнице на второй этаж, вышли в темный коридор, по обе стороны которого были двери, запертые на огромные амбарные замки. Коридор вывел нас в небольшой холл.

— Садись, братва! — сказал Юра Шилов — командир группы агитотряда, мой однокашник и земляк; он положил автомат на колени и устало опустил на стул, с наслаждением вытягивая ноги.

Мы сели вокруг стола, дружно сдвывая с его поверхности крошки и всякий мусор. Шилов передернул затвор автомата и поставил его на предохранитель.

— Рекомендую всем сделать то же.

Зачавкало железом оружие. Пришли пообедать, называется...

— Не стой там, — вяло посоветовал Юра Шилов.

Вошел хозяин с подносом в руках. Быстро расставил на столе железные миски, ложки, тарелку с горкой коричневых лепешек, что-то коротко сказал стоящему сзади Ибодулло.

— Нам желают приятного аппетита во имя аллаха.

— А руки помыть? — спросил Юра Шилов, болтая в воздухе своими серыми пальцами.

Афганец принес кувшин с водой, наверняка удивленный столь непривычной просьбой, тут же полил тонкой струйкой на руки, по полу заскользил ручеек.

Разобрали миски с пловом — мелкой вермишелью с мясом и изюмом,

рвали лепешки — невероятно вкусные, еще теплые, заливали плов мясным соусом из крохотных жестяных блюдец. Потом наливали во французские стаканы индийский чай из афганских чеканных заварников.

Ибодулло расплатился с хозяином. Мы вышли на улицу и плотно сбитой группой зашагали вдоль торгового ряда. Ибодулло Шарипов ежеминутно находил среди пестрого многообразия лиц, белобородья, чалм, паранджей знакомых, протягивал руку, здоровался, спрашивал что-то, что-то отвечал. Дукашники манили нас, показывали разукрашенные жестяные банки с чаем, пачки американских сигарет, бутылки кока-колы, лимонного сока, кульки с арахисом, кишмишем. Другие протягивали нам навстречу только снятые с мангала шампурсы с ароматными кусками мяса. Третьи поглаживали ладонями чеканные бока металлических чайников, ваз, кувшинов, овальных блюд. Отказываться от каждого предложения было настолько трудно, что мы вообще ничего не говорили — кроме Шарипова — и с натянутыми улыбками смотрели себе под ноги. Кажется, нам всем было стыдно, но мы стеснялись признаться в этом друг другу.

IV

Чувство смятения и одиночества: в столовой не накрыта почти половина столов. Люди уехали на боевые. О крупных боевых действиях можно было узнать и по тому, как в медсанбат приезжала дополнительная группа врачей.

Некстати приехала с концертом Эдита Пьеха. Исполнительница «Огромного неба» своими глазами видела, как на нашей взлетке грохнулся Ми-6, ярко вспыхнул, зачадил. Взрывная волна хлопнула по окнам модулей. Вечером на сцене она пела свою знаменитую песню, и весь зал плакал вместе с ней.

В гарнизоне надолго пропал свет.

Наших движков не хватало для всех полиграфических машин. Газета опоздала с выходом, ее печатали вручную. Утром Шанина посадили на гауптвахту, а меня вызвали к начальнику политотдела.

— До выборов осталось две недели, — негромко рокотал рослый, полнеющий подполковник. — На избирательных участках уже все должно быть готово... Ну, и самое главное... — Он остановился, заложив обе руки за спину и надолго обратил тяжелый взгляд в окно. — И самое главное: имейте в виду, что если кто-то из солдат в день выборов зайдет в кабину для тайного голосования, считайте, что вы прощаетесь с партийным билетом...

Шел второй месяц восемьдесят четвертого года. Агитотряд, усиленный офицерами политотдела, выехал по всем гарнизонам и точкам нашей зоны ответственности, чтобы подготовить солдат и офицеров к предстоящим выборам, чтобы не ложились партбилеты на стол начальника политотдела.

Три часа спустя после того, как мы выехали за пределы гарнизона, колонна была обстреляна. Василий Бенкеч — водитель бронетранспортера, на котором я был старшим, — не справился с управлением и на полной скорости съехал с дорожного полотна. Застрявшая в кювете машина стала отличной мишенью для перекрестного огня.

В машине, на командирском сиденье, в просторном бушлате с капитанскими погонами сидела медсестра из медсанбата — Ирина. Четверо солдат заняли круговую оборону, не давая засевшему в дувалах гранатометчику метко выстрелить по «бэтэру».

Через полчаса нас выволокла из-под огня «бэмпэшка» из батальона Саши Воронцова. Ирина долго ничего не могла сказать вразумительного, только тихо всхлипывала и не поворачивала лица. А потом тихо и обиженно произнесла: «Вы так ругались!» Она

оставалась женщиной даже в минуты смертельной опасности.

Когда я доложил старшему колонны подполковнику Скороглядову о том, что техзамыкание увлеклось боем и оставило нас на произвол судьбы, он, едва изменившись в лице, коротко отрезал:

— Надо было сразу выйти на связь и доложить о себе... Мы подумали, что это твой маневр.

А девчонка не скоро пришла в себя.

Мы шли с разведротой по узкой тропе над кишлаком Доши. Карабкался по крутому подъему следом за хромающим солдатом лейтенант Володя, который через месяц расстанется навсегда с ногами. Тяжело дышал рядом артиллерист Игорь, которого уже не будет через неделю, и умрет он мучительно и страшно. Гремел ботинками светловолосый ротный Михаил Порохняк, для которого предстоящий бой был первым, но далеко не последним, и который упадет на горном перевале от сердечного приступа в двадцать четыре года. Шел в «ниточке» артиллерийский корректировщик Николай, похожий на художника из-за пышной черной бороды, молчаливый, педантичный, совсем не похожий на офицера. Мы шли по тропе долго, и я как мог экономил силы, чтобы не наступил такой момент, когда меня будут вынуждены тащить солдаты. Обстрела никто не ожидал, и вся рота посыпалась как горох под откос, прячась от пуль. Мы с Порохняком укрылись за камнем в пересохшем русле реки.

Вжимаясь головой в песок, ротный кричал солдатам, чтобы прикрывали радиста, чтобы бежали вперед, к подножью сопки, куда огонь противника не мог достать. А когда рядом с нашей ямой стали разрываться мины, ротный громко произнес распространенное матерное слово, означающее крайне плохую ситуацию, и стал белым как бумага.

Бой не стихал до ночи; когда стем-

нело, для КП вырыли яму и застелили ее плащ-палаткой. Расставили посты. Ротный жаловался на адскую головную боль. Он скрючился в яме, поджал колени к животу и заснул.

Недалеко от нас, в низине, еще продолжалась стрельба. Красные трассеры вили гигантскую паутину над кишляком Доши, и в эфире сквозь треск помех звучал голос разъяренного энша: «Вот так из-за вас и погибают люди... Вы ответите... Ищите с ними связь, пока не найдете...» Четверо солдат выносили к технике своего товарища, тяжело раненного в живот. Они взяли с собой маленькую радиостанцию, но связь с ними вскоре прервалась. Никто не знал, где они.

Под утро в горах стихло, но не надолго. Когда взошло солнце, в районе появились вертушки. Они, а затем и артиллерия, густо обсыпали горы бомбами и снарядами, и снова приходилось прижиматься всем телом к земле, а на голову класть набитую теплой одеждой и сухпайком сумку, чтобы уберечься от горячих, как угли, осколков. В это же время к технике пришли четверо солдат — перепачканные глиной, с почерневшими до неузнаваемости лицами. На двух ишаках были подвязаны самодельные носилки. На них лежал уже отмучившийся и успокоившийся солдат, раненный в живот. Солдаты упали на землю у гусениц своих машин. Всю ночь они пробирались через линию огня.

Солнце обжигало округлые сопки, и не было нигде тенечка, чтобы спрятаться от его слепящей белизны. Пулеметчик лежал на позиции лицом в траву. Все подумали, что его убило, потому что солдат не реагировал на окрик. Он заснул под обстрелом.

Трое солдат принесли из долины воду в пяти пластмассовых флягах. Мы с ротным пили последними, вливали в себя теплую, отдающую болотом арычную воду. И мысли о гепатите и тифе казались сейчас смешными.

Порохняк вскрыл последнюю банку рисовой каши с мясом. Я не стал есть.

Мы думали, что вертушки сбросят нам воду и продовольствие. Ротный все утро бегал по склону с патроном красного дыма в руке. Ми-24 пронеслись над нами в каких-нибудь десяти метрах, но ничего не сбрасывали.

Эфир молчал. Штаб долго принимал решение. Мы мечтали только о том, чтобы дали отбой.

К вечеру рота спустилась к реке. Люди мылись, согрели чай на чадавших соляркой пустых цинках из-под патронов, спали, повалившись друг на друга, у катков боевых машин. Офицеры вытаскивали из своих сумок замусоленную снедь, откуда-то появились полиэтиленовые кульки с вонючим мутным шаропом, кто-то считал и расставлял на газете эмалированные кружки. Было спокойно, устало-удовлетворенно, по-фронтовому беззаботно. И сыпались за импровизированным столом истории одна невероятнее другой, и ржали, гоготали небритые парни в тельняшках... А потом третий раз нацедили в кружки из дырочки в кульке, замолчали, притихли, посуровели. И по очереди стали называть фамилии — русские, узбекские, украинские, грузинские... И поднялись на ноги ротные, взводные, корректировщики, наводчики. И, не чокаясь, шарахнули по глотку вонючей афганской водки. Покурили молча, поглазели на темнеющие тихие горы, разобрали кружки, ложки, ножи и пошли по ротам-взводам.

А с утра колонна выстроилась на шоссе и с рассветом стала ввинчиваться в горы. Нам предстояло пройти Саланг.

V

Не преувеличивайте! «Афганцы» — мужественные люди со стальной волей? Вы не знаете, они бывают беззащитны и беспомощны, как дети...

Из разговора

Неделю в баграмском госпитале лежал погибший солдат. При нем не

было документов, по которым можно было бы установить личность. Только на отвороте брюк — номер военного билета. Во все гарнизоны шли грозные звонки от высокого начальства: разобраться в потерях, выяснить, чей солдат лежит в госпитале, строго наказать... впредь не допускать и т. д. и т. п. Шуршали в штабах бумажками, искали списки, потрошили личные дела. Затерялся в бумажках человек. Перестал жить — и затерялся. Кто ж виноват, что он никаких данных о себе не оставил? А ведь был приказ — каждому солдату носить в петлице гильзу, в гильзе — бумажку, а на ней свои ф. и. о., адрес родителей, группу крови.

Так неделю и искали, кто этот солдат. На неделю больше, значит, прожил он для своих родителей.

Один мой знакомый замполит, большой любитель вести переписку с родителями солдат, решил мам и пап всей роты поблагодарить за отличную службу сыновей. Не мудрствуя лукаво отпечатал на машинке единый текст: «Уважаемая... Командование в/ч такой-то сообщает Вам, что Ваш сын, Иванов Иван Иванович...» — и так далее. Дочитав до этого места, мамы и папы либо падали в обморок, либо лишнюю прядь седых волос приобретали.

Необъявленная война коснулась не только солдат. Ее переживали их родители, жены, невесты. Каждый, конечно, по-своему. Борис Степанович Шишлаков, отец солдата, писал как-то замполиту части, где служил сын: «У него осталась девушка. Еще в октябре она перестала писать ему. В ноябре я встретил ее с другим парнем, но не хочу, чтобы сын знал об этом. Сын в каждом письме спрашивает: «Пап, как там Лена? Почему она ничего не пишет?» Мать Павлика разговаривала об этом с Леной, на что она отвечала: «Мы, тетя Галя, сами разберемся...»

Уволившись в запас и вернувшись в Союз, Павел Шишлаков написал сво-

ему замполиту: «Вроде недавно уехал, а честное слово — соскучились руки по автомату, а ноги по горам. Так что я по городу спокойно не хожу, а рву, как на стометровке. Всего две недели дома, но уже чувствуется, что нет рядом боевых друзей и командиров. Пусть не все у нас было гладко, но забыть не могу... Стоим как-то с земляком Паутовым, вы его должны помнить, — вот рядом какой-то институт проходит, одни девчата. И как заорут: «Привет десанникам!» И вся толпа: «Ура!!!» Приятно, черт побери! У Виталика на кителе Красная Звезда... Подруга любимая меня не дождалась, замуж вышла и вот уже ходит на восьмом месяце. С мужем не живет, разводится собирается. Я ее видел, поговорили. Видно, что она жалеет о случившемся, да не вернуть обратно былое... Вас вспоминаю. Помните, как мы на Панджшер десантировались?..»

Младший сержант запаса Миша Евчук в свое время много писал нам в газету. Уволившись, уехал работать в Тюмень, «снова испытать себя». Как-то прислал письмо: «Люди относятся ко мне хорошо, только если просишь помочь — матери или по дому, — часто слышишь слова: много вас тут развелось, таких героев. Иногда обидно становится. Почему так? Ведь мы же честно выполнили свой долг. Я знаю, что единицы таких людей, которые не понимают этого. А вообще-то жизнь такая хорошая штука, только работой. У меня мечта такая — попасть хоть на один день в РА в свою роту, хоть посмотреть, как там...»

Что ж это с вами, ребята? От себя бежите?

Сашка Шанин заменился в Белорусский военный округ, женился на смуглой Гуле из политотдела. Его хотели исключить из партии «за развал семьи». И снова он крепко-крепко заперся в своем кабинете...

Юра Шилов, мой однокашник, замкнулся в себе, угас его боевой нрав. Я встречался с ним во Львове, и это уже был не тот хладнокровный агитотрядовец, который первым входил в «нехорошие» кишлаки. Мне показалось, что Юрий хочет смешаться с многоликой толпой, чтобы его не было видно и слышно, чтобы никто ни о чем не спрашивал...

Ибодулло Шарипов потерял обе ноги. После операции он говорил, что не видит смысла жить дальше... Спустя два года он встал на протезы, сел за руль машины, стал подумывать о работе. У него растут двое детей, за ним ухаживает красавица-жена. Кажется, все у него хорошо, насколько хорошо может быть в его положении. Лишь бы люди, с которыми он сталкивается, не были жестоки.

Раскидала судьба каждому его долю жизни, не посоветовалась, не пощадила. Мы все были ее заложниками и покорно вверяли себя в ее руки. «Та-

кова судьба!» — философски говорили мы, теряя лучших, единственных, неповторимых людей, будто бы это могло быть оправданием потери, будто над нами и в самом деле висел жестокий рок, неподкупный, неуправляемый, независимый от воли человека. Каждый день война уносила из жизни наших советских людей. А сколько еще корчились от ран в приемных госпиталей, метались в бреду в тифозных изоляторах? А сколько калек начали отсчет своей борьбы за право жить? Каждый день чьи-то солдатские матери становились на колени перед гробами сыновей. Каждый день надевали черные платки двадцатилетние вдовы.

* * *

...В детстве он был слабым мальчиком, из-за этого закомплексованным и злым. А в Афганистане вдруг понял, что он добрый и сильный человек...

Горы Афганистана

Пуштунка

На отдыхе

*«А когда кончится война,
Мы все наденем ордена,
Гурьбой усядемся
за дружеским
столом...»*

ЗЕМЛЯКИ

Работаю я корреспондентом заводской многотиражки в Мелитополе. В армии служил в семидесятых годах. В Афганистане побывать не удалось, но я с уважением отношусь к ребятам, там воевавшим, «афганцам».

В газете я делал специальные странички, посвященные воинам-интернационалистам. Тогда и увлекся записями их рассказов, воспоминаний. Старался достоверно записывать слова очевидцев, сохраняя их собственную интонацию речи.

На заседании городского клуба воинов-интернационалистов решено было собрать как можно больше таких воспоминаний. Этим и занялся я. Но куда теперь идти с ними? В газету попадает лишь малая часть из собранного...

Пусть эти воспоминания ребят, бывших воинов, говорят сами за себя.

Сергей АВДЕЕНКО,
г. Мелитополь

СИМОНОВ АЛЕКСАНДР,

*сержант, военный водитель.
В Афганистане — с 1979 по 1981 год.
Место службы — Кушка, Шинданд.*

Армейскую службу начинал в Кушке, самой южной точке Советского Союза. Последние месяцы 1979 года прошли в постоянном напряжении. Граница с Афганистаном рядом, а известия оттуда поступали тревожные. 27 декабря наша часть была поднята по тревоге. Уже ближе к полуночи колонной двинулись к границе. Хотя точно не знали, куда движемся, но догадки насчет Афганистана были. А потом уже перед строем объявили, что по просьбе правительства Демократической Республики Афганистан Советский Союз вводит ограниченный контингент своих войск.

С 29 на 30 декабря, когда ночевали в пути, нашу колонну в первый раз обстреляли. Шел снег, враг бил наугад, чтобы посеять панику. Нервы у каждого были напряжены до предела. Настроение было не очень бодрое. Незнание всегда пугает.

На Новый, 1980 год были выставлены усиленные караулы. Разница с Москвой, как известно, два часа. Так что встречать Новый год пришлось дважды. Сначала по кабульскому времени, затем по московскому.

Год прожил в палатке, полгода в кабине машины. На задания стал выезжать с мая восьмидесятого. Участвовал в сопровождении афганских и советских автоколонн. Должность у меня была беспокойная — командир отделения технического замыкания. В поездке находился в конце колонны, в случае поломки какой-нибудь машины оставался вместе с боевым прикрытием до окончания ее ремонта.

Однажды по радиации передали, что вышла из строя груженная машина «Урал-375». А в это время как раз душманы приняли обстреливать колонну. Очень неприятное ощущение. Кажется, что целят именно в тебя. Вскочил в кабину «Урала», начал разбираться, что случилось. Двигатель работает, а коробка передач — нет. Водитель еще молодой, опыта мало, а тут такая нервная обстановка, вот и сплеховал. Каким-то образом сразу две скорости одновременно включил.

Вскрыли мы с ним пол в кабине, вытащили кулису с рычагом переключателя передач. Штык-ножом (первое, что под руку попало) поставили все шестерни в нейтральное положение и включили нужную скорость. Мой напарник удерживал штык-ножом скорость, а я был за рулем. Когда вывели машину из-под обстрела, только тогда

обнаружили, что сами с ног до головы в машинном масле.

Меня за то, что не растерялся в сложной обстановке, командир части наградил отпуском. Удачно получилось, что 1981 год встречал уже дома. И даже не верилось, что сижу за праздничным столом, в то время как товарищи все еще там. И дело совсем не в расстоянии, не в тысячах километров, а в том, что находятся они как бы в другом мире. Здесь музыка, веселье, смех, если и стреляют, то только пробками от шампанского, а там свистят настоящие пули, рвутся настоящие мины и снаряды, и совсем не до веселья. Пришлось мне повидать различные трофеи, захваченные у душманов: английские карабины, западногерманские короткоствольные автоматы, итальянские пластиковые мины, стрелковое оружие пакистанского производства... Американцы в этом деле тоже не остались в стороне — не скупятся для своих подопечных. Просто поразительно, что все это предназначено для того, чтобы сеять горе, убивать людей.

РУСАК ВЛАДИМИР, сержант, командир танка. В Афганистане — с 1979 по 1981 год. Место службы — Кушка. Шинданд.

Такое запомнилось на всю жизнь. 28 декабря семьдесят девятого года в пять часов утра пересекли советско-афганскую границу. Честно говоря, тогда еще не все понимали, что такое интернациональный долг. Это поймем позже, когда своими глазами увидим, кто такие враги афганской революции и что они творят. Когда на минах стали подрываться, когда ночью из гранатометов стали по танкам стрелять, когда у нас первые раненые появились... Один парень китайский фонарик поднял. Такой красивый, блестящий. А оказалось — мина. Руку ему оторвало. Мы и потом не раз встречали на дорогах такие «гостинцы».

202

Это очень страшно, когда кумулятивный снаряд попадает в танк. Прожигает броню в любом месте. Если люки в башне открыты, то огромная сила давления выбрасывает людей из танка. Если закрыты... Вот так погиб один из наших экипажей. Хорошие были ребята...

В нашем экипаже двое, наводчик Станислав Банков и заряжающий Арсен Ашижев, награждены медалями «За отвагу». Это случилось 9 мая 1980 года. У нас на Родине праздник. Народ отмечает годовщину Победы в Великой Отечественной, а здесь, в Афганистане, — своя необъявленная война. В тот день в горах одну банду душманов уничтожили. Мои товарищи помогали под огнем выносить раненых из ущелья. И показали себя настоящими героями.

За время службы мы все крепко сдружились. Можно сказать, на всю оставшуюся жизнь. Я и сейчас всех ребят без запинки могу назвать по именам и фамилиям. Вместе через такие испытания прошли... Встречаются, конечно, среди тех, кто бывал в Афганистане, любители покрасоваться, наврать о своих героических подвигах, но когда начинаешь такого «героя» подробно расспрашивать, оказывается, что он близко там не бывал или где-то просидел в тихом местечке. А те, кто прошел сквозь огонь, лишения, никогда не соврут. Как-то ночью, уже на гражданке, как заору. Отец, мать подскочили: «Что с тобой?» Говорю: «Ничего», а в мыслях — Афганистан...

СТОМАТОВ ВЛАДИМИР, рядовой, старший разведчик. В Афганистане — с января 1980 по 1981 год. Место службы — Кандагар. Награжден медалью «За отвагу».

Когда пересекли советско-афганскую границу, наша машина поломалась. Пока отремонтировали, другие машины были уже далеко. И все удовольствие было там. Двое суток го-

лодали. Колонну догнали уже возле Герата.

Первые восемь-девять месяцев спали где придется: на земле, в кабинах автомашин. Потом завезли матрацы, кровати, большие палатки поставили. С конца февраля до конца марта здесь постоянно дожди. Затем наступает страшная жара. Один лейтенант привез с собой термометр со шкалой делений до 50 градусов. Когда повесили на солнце, он лопнул. После уже достали новый со 100-градусной шкалой. Посмотрели, а ртутный столбик показывает на солнце 78 градусов!

В апреле первый раз поехали в рейд. Сопровождали продукты в Тиринкут. Там и узнали, что представляют собой душманы. Постоянные обстрелы на дорогах, все время в напряжении. Однажды в садах возле реки душманы устроили засаду. Спрятались на деревьях, привязав себя к стволам. Было очень сложно определить, откуда ведется огонь. Вызвали на помощь вертолеты. Те обстреляли птурсами сады. Мы после обстрела ходили их прочесывать. Некоторые мертвые душманы упали на землю, другие так и остались висеть на деревьях. Все оружие мы подобрали.

Запомнился эпизод, когда после штурма одной душманской крепости обнаружили брошенную черную пилотку с надписью по-английски. Знающие язык ребята перевели, что было написано: «Корпус быстрого реагирования». Ее владельца тогда не нашли. Одно с уверенностью можно сказать: неспроста оказалась она в бандитском логове.

Когда прослужили около года, пригласили меня в разведроту. Не одного, конечно. Пятеро нас тогда перешло, и никто об этом не пожалел. Все пятеро дослужили до дембеля.

От места нашей дислокации до границы с Пакистаном тридцать километров. Рядом пустыня Регистан. Вот ее приходилось держать под постоянным контролем. Через эту пустыню и шли по ночам в Афганистан обучен-

ные и вооруженные банды. Когда мы выезжали на задания, военных билетов с собой не брали. Только одна картонка в кармане. А там указан номер полевой почты, фамилия, домашний адрес и номер личного оружия. У убитых наших солдат душманы автоматы забирали. Им за это заграничные хозяева щедрые деньги платили.

Теперь о том случае, после которого меня к награде представили. Вылетели на вертолетах группой. Обычный облет территории, каких было немало. Вдруг увидели внизу свет фар. Мы так неожиданно появились, что душманы не успели машины замаскировать. Бой был короткий. Мы тогда трех главарей банд в плен взяли.

Под конец службы было немного боязно. Еще бы, два года прослужил, в разных переделках побывал, ни царапины, а тут вдруг за несколько дней до отправки домой в тебя могут попасть. Было отчего переживать. А настоящий страх ощутил, когда над головой граната пролетела. Спасибо нужно сказать тому душману — промахнулся.

Я один в семье. Так что родители очень за меня переживали. Мать в каждом письме писала: «Смотри, будь осторожен», а я отвечал: «У меня все хорошо». Одно время она успокоилась, думала, что у меня служба безопасная, а потом через родителей моего приятеля узнала правду. Тот парень писал домой обо всем. Так она после этого дожидаться меня не могла.

Когда вернулся домой, долго не мог прийти в себя. В домино на работе в обеденный перерыв играю, а сам думаю, как бы партнеры не заметили, что у меня руки дрожат. Ребята не раз говорили, что я очень нервным стал. До армии таким не был.

ФЕСЮН СЕРГЕЙ, рядовой, гранатометчик. В Афганистане — с января 1980 по 1981 год. Место службы — Кандагар.

Вообще-то я в армейской учебке на повара учился. Но потом скучно

показалось. Когда предоставилась возможность, переквалифицировался на гранатометчика.

Что больше всего поразило в Афганистане — это нищета. Когда мы приехали, зима была. Снега не было, но ветер, пронизывающий до костей, злой какой-то. Мы, солдаты, в ватных бушлатах и то мерзли. А местные крестьяне в это время босиком ходили. Все их жилища из песка и глины слеплены. Тогда же я увидел, как дерево продают на килограммы, тщательно взвешивая.

В первом же рейде вплотную столкнулся с вооруженными душманами. Мы как раз окружали один кишлак, а они внезапно выскочили из проходов между домами. Их была целая группа, а расстояние — метров двадцать. Все в тот момент делал машинально. Опомнился, когда полностью патроны в магазине расстрелял, и сразу испугался, что не успею новый вставить. Ничего, успел.

Было у меня и второе рождение. Этот день я запомнил на всю жизнь. Мы тогда помогали афганцам зерно для посевов в отдаленные кишлаки перевозить. Я сидел в кузове автомашины. Дорога в горах отвратительная, беспрестанно трясет. И вдобавок ко всему — жара. Я в армейских ботинках был. Штанину на ногу закатал, чтобы хоть немного ветерок тело обдувал, и этой же ногой в борт уперся, чтобы не качало. И вдруг картонный ящик рядом подпрыгнул, из него еще мелкая такая пыль посыпалась. Просто чудо какое-то. Кому расскажешь, не поверит. Пуля прошла скатанную штанину и угодила в ящик. Немного в сторону, и были бы другие дела...

Когда отслужил и попрощался с ребятами, комок к горлу подступил. Никогда не думал, что будет так тяжело расставаться. Домой приехал, дней пятнадцать прошло, когда улеглась радость от встречи с родными, и вдруг затосковал. Хотел уехать обратно. Там

как-то все по-другому было. И хоть трудно, тяжело, зато понимал, что ты нужен. Ну и, конечно, только там и ощутил, к чему приводит война. Когда несколько дней в мокрых окопах просидишь, никому такой жизни не пожелаешь. Что может быть лучше — жить всем в мире!

*ПЕЛЫХ СЕРГЕЙ, рядовой,
военный водитель. В Афганистане —
с февраля 1980 по 1981 год. Место
службы — Кундуз.*

Возил различные грузы год и семь месяцев службы в Афганистане. Когда сидишь за рулем, нужно все время быть начеку. Ведь бывало, что мины бросали прямо на дорогу. Вот и гляди в оба, чтобы не наехать. Иногда триста километров за восемь-десять часов одолеешь, а иногда целые сутки потратишь. Это когда на пути мины обнаружат. Вот и ждешь, пока саперы этот участок пройдут.

Случалось, что приходилось и оккупываться. Научился быстро рыть. Окоп в полный рост за полчаса в каменистом грунте вырывал. У саперов мы позаимствовали такое новшество. Вместо деревянного черенка в металлическую часть лопаты вставляли лом, тогда сразу можно и долбить, и рыть. Однажды пришлось машину окапывать. Такое на всю жизнь запомнится...

Как-то ехал груженный продуктами. Уже вечер, сумерки. А тут как раз стрельба началась. Трассирующие пули над головой пролетают. И вдруг ослепительная вспышка, мой ЗИЛ дернулся от удара, а дальше ничего не помню. Когда очнулся, вижу, командир надо мной стоит. В теле страшная ломота, и голоса едва долетают. Потом узнал, что душманы из гранатомета в заднее колесо машины попали, взрывной волной меня из кабины выбросило. Ребята еще шутили, что я в рубашке родился. Могло ведь и хуже быть, а так даже синяков не было.

Только вот до конца службы пришлось на другой машине ездить.

КАСИМОВ ВЛАДИМИР, рядовой, старший водитель-электромеханик. В Афганистане — с 1979 по 1981 год. Место службы — Кабул.

Запомнились дожди в начале службы. Казалось, им не будет конца. Неделями могли лить и лить. И жизнь армейская тоже не сахар. Сутки в карауле, следующие сутки в боевом охранении. Окопов тогда еще не было. Охраняли машины, лежа за камнями. Потом стали рыть окопы, ограждение устанавливали, палатки для жилья. С оружием не расставались. Придешь с охранения мокрый, уставший, упадешь на койку и спишь с автоматом в обнимку.

Однажды стоял в карауле. Камешек невдалеке упал. Может, случайно скатился, а может, кто-то бросил, не знаю. Поступил как положено по уставу: «Стой, кто идет? Стой, стрелять буду!» Затвор передернул, предупредительный выстрел дал в воздух. Прислушался, вроде бы никого, вздохнул с облегчением. В первое время, несмотря на усталость, не спалось. Частая стрельба по ночам, нервы напряжены. Но затем понемногу привык.

Часто приходилось ездить из Кабула в Баграм. Ребята все молодые, об опасности забывали. Как-то увидели возле дороги виноградник. Остановились, стали рвать ягоды. И тут вдруг по нас начали стрелять. Потом долго этот виноград вспоминали.

Когда год прослужил, попал в охранение кабульской телевышки. Подходы вокруг были заминированы. И в первую же ночь случился взрыв. Сразу полетели вверх осветительные ракеты. Всех подняли по тревоге. Заняли окопы, думали, что душманское нападение. Потом пришли саперы, выяснили, что это коза на mine подорвалась.

Самое большое потрясение, которое пришлось пережить, это когда че-

рез месяц после начала службы наш солдат застрелился. Я его хорошо знал, земляк был мой. Письмо матери оставил: «Так, мол, и так. Больше не могу. Тяжело». И в грудь себе выстрелил. Прямо в кабине машины. Пуля сердце пробила, через лопатку вышла, приборы в кабине разбила.

Нас тогда построили. Командир прощальное письмо перед строем зачитал. И говорить-то нечего. Плохо, очень плохо поступил замляк. Матери такие страдания доставил. И потом, всем ведь было тяжело. Нужно крепиться. Друг друга в трудную минуту поддерживать.

Питались в то время в основном консервами и сухой картошкой. Выйдешь из столовой, и есть хочется. Когда деньги появятся, пойдешь в военторг, купишь банку сгущенки, на двоих-троих разделишь. Рядом хлебокомбинат был. Буханку хлеба возьмешь и жуешь.

Когда на дембель уходил, тоже переживания были. На аэродроме трое суток самолет ожидали. Все нелетная погода стояла. А тут Новый год скоро. Домой приехал вечером тридцать первого декабря. Все родственники собрались. А тут я явился: худой, остриженный, с лицом почерневшим...

ФЕЩУК ВЛАДИМИР, рядовой, старший разведчик. В Афганистане — с 1980 по 1982 год. Место службы — Желалабад.

Афганский народ очень трудолюбивый. На полях люди работают не разгибая спины с утра до вечера. Почва плохая: песок вперемешку с камнями. Удобрений никаких. И все же два урожая в году снимают.

В первое время в Афганистане ходил на задания только со старослужащими. Ходил, присматривался, опыт перенимал. Потом уж и сам знал что к чему. Когда уходили на операцию, брали с собой сухой паек (консервы, сухари), фляжку с водой, гранаты, патронов сколько сумеешь унести, автомат,

штык-нож, каску, маскхалат... Всего на тебе снаряжения — килограммов тридцать. А в горах каждый килограмм вдвое больше весит. Магазины к автоматам готовили заранее. Вставляли патроны, клейкой изолентой присоединяли один магазин к другому с выступом, чтобы в бою без задержек менять. Там каждая лишняя секунда на вес человеческой жизни.

Был случай, когда наша группа в горах попала под обстрел. Я упал, ремень автомата зацепился за скалу. Душманские пули свистят над головой, а я лежу и не могу автомат отцепить. Те мгновения вечностью показались. Спасибо, афганские солдаты выручили. Вовремя открыли сверху огонь по душманам, те отступили.

А вообще выручить друга в бою считалось святым делом. И в гражданской жизни, уверен, каждый из нас всегда придет на помощь товарищу. И сейчас, бывает, снится, что я там, в окопе, веду огонь из автомата. Когда вернулся домой, нервы были ни к черту. Ведь столько времени находился в постоянном напряжении, и не так просто об этом забыть.

*БАБАК АНАТОЛИЙ, рядовой,
водитель-электромеханик.
В Афганистане с 1980 по 1982 год.
Место службы — Кабул. Шинданд.*

В Афганистан попал в конце декабря. А вскоре и Новый год наступил. Приходилось читать, слышать от старших, что во время Отечественной войны наши солдаты на праздники устраивали салюты из оружия. Здесь стрельба началась около двенадцати часов ночи. Все небо было разрисовано трассирующими пулями и ракетами. Я был новичок, личного оружия у меня тогда не было. Так что выстрелить в тот раз не удалось. Но зрелище было запоминающееся.

Что в первое время очень удивляло, так это намаз в мечетях. Пять часов утра, до подъема еще час самого сладкого солдатского сна, а тут вдруг

проповедь муллы из громкоговорителей. Жили в палатках — все было слышно. Голос у муллы какой-то жалобный и вместе с тем требовательный. Бывало, даже невольно посочувствуешь: уж больно беспокойная должность у человека. С утра до вечера служить аллаху. Потом узнал, что молитвы записываются на магнитофонную пленку, нужно только вовремя вставить кассету.

Возил воду из отдаленного колодца для своей части. Участвовал в рейдах по вылавливанию вооруженных душманов. Ну а в остальном — служба как служба. Вражеские пули миновали, только заслуг моих в этом нет. Может быть, повезло, не знаю. У меня товарищ был дважды ранен.

Запомнилась демобилизация. Четыре дня не мог улететь из Шинданда. Утром нас, дембелей, отвезут на аэродром, а потом обратно в часть. Почему-то все это время не было самолета.

Как живу на гражданке? Обычно, как и все. Разве вот иначе стал смотреть на жизнь. Раньше, до призыва в армию, бывало — никакой ответственности не ощущал за свои поступки. Все хиханьки-хаханьки. Сейчас себе этого не позволяю. Собираемся мы иногда, несколько ребят, служивших в Афганистане. Посидим, повспоминаем. На кладбище ездили. Там один парень похоронен. Тоже из наших. Тяжело все это.

*БЕРДЮГИН АНАТОЛИЙ,
рядовой, водитель автомашины.
В Афганистане — с 1982 по 1984 год.
Место службы — Ташкурган.*

Ездил на ГАЗ-66. Обслуживал полковой медицинский пункт. Место, где служил, весьма примечательное: пустыня, а неподалеку горы. По местному преданию через Ташкурганское ущелье проходил со своим войском Александр Македонский, отправляясь в Индию.

Вообще-то мне со службой повезло. Коллектив подобрался сплоченный, со

многими ребятами и сейчас переписываюсь. Повезло и с командиром. Старший лейтенант Владимир Степанович Куркин не только первоклассный врач (хирург и терапевт), но и замечательной чуткости и душевности человек. Ребята себя чувствовали с ним как за каменной стеной. А скольким он спас жизни, скольких буквально поставил на ноги. Ведь не случайно его наградили орденом Красной Звезды. Для меня он был больше, чем командир. Если можно, я назову его другом. Однажды мы ехали вместе в машине и нас по дороге обстреляли. Не покривлю душой, если скажу, что здорово повезло. А как иначе — пули пролетели рядом. А ведь я хорошо знаю, что бывает, когда враг не промахивается.

Сейчас Владимир Куркин служит в Гродно. Недавно ездил к нему в гости. Вспомнили и об этом эпизоде, и о многом другом.

То, что я стал после службы в Афганистане другим человеком, несомненно. Вот только каким, не берусь судить. Характер очень изменился. К жизни стал более ответственно относиться. Был у меня случай, когда пришлось пройти по грани между жизнью и смертью. Подробности ни к чему. Но после случившегося по-иному стал смотреть на окружающий мир.

Нет, доброты у меня не прибавилось. Наоборот, больше стало нетерпимости к различного рода приспособленцам, подлецам. Недавно прочитал в газете, как одну женщину сильно ударило током. После этого она вдруг обрела возможность видеть насквозь человека: то, что у него в желудке, как работают внутренние органы. Не берусь утверждать, что нечто подобное произошло со мной, но вот подлецов научился определять сразу. Конечно, это не облегчает жизнь, но иначе не могу. Я и в партию вступил, чтобы больше приносить пользы людям.

Жаль, что некоторые люди словно огорожены со всех сторон душевными перегородками. Ничто их не волнует, кроме личного благополучия. Я не мо-

гу видеть равнодушные лица, не могу. Когда кого-то просят остаться поработать после смены, а он начинает требовать за это отгул или вознаграждение, меня такая злость разбирает...

Если бы мы все, кто прошел через Афганистан, по-прежнему держались вместе, насколько больше пользы могли принести обществу. А так вернулись, поженились, свои интересы проявились, и потихоньку начинаем забывать, ради чего тогда сражались. А забывать об этом никак нельзя.

АКИМОВ НИКОЛАЙ, рядовой, военный водитель. В Афганистане — с 1985 по 1986 год. Место службы — Шинданд.

Это случилось 13 мая под вечер. Хорошо этот день запомнил, так как четырнадцатого у меня день рождения — двадцать лет как раз исполнялось. Я тогда ехал в населенный пункт Лашкаргах. Вез снаряды. В каждом ящике по десять штук. В машине таких ящиков тридцать два.

Дорога была выложена бетонными плитами. А тут впереди выбоина. Как сейчас помню, чуть свернул вправо, и вдруг машину подбросило вверх. В кабине дым, гарь. Еще метров десять по инерции протянул и стал. Первой мыслью было: что с грузом, скорее взглянуть в кузов. О самом себе в тот момент и мысли никакой не было. Из кабины вылез, вижу, одного переднего колеса нет. Мост оторвало, ступицу. Правую сторону кабины разворотило. Хорошо, что тогда один ехал. А тут вдруг темное пятно на груди увидел. Приложил руку — кровь. И потерял сознание. Очнулся в вертолете. Почувствовал боль в груди. Там же, прямо во время полета несколько осколков вытащили. Рана неглубокой оказалась. Говорят, повезло...

И в другой раз тоже повезло. Както в пустыне километров за двадцать перед Кандагаром остановились на ночевку. Начало уже темнеть, а в это время нашу колонну принялись об-

стреливать из реактивных минометов. Хорошо, что успели быстро разъехаться. Потом уже по радию передали, что на это место сто двадцать реактивных снарядов упало.

На горных перевалах высота 1200 — 1300 метров. Машины скользят, пробуксовывают. Если чуть растерялся, остановился — все! Потом тормози — не поможет. Твоя машина начинает сползать вниз. Ездили с открытыми дверцами, чтобы в последний момент успеть выскочить. Очень трудно психологически заставить себя остаться в машине.

О том, чтобы помочь товарищу в беде, напоминать никому не приходилось. Если увидишь, что передняя машина начинает назад ползти, сразу свою подставишь. Дашь газ, подтолкнешь. Если не получится, то тебя тоже подтолкнут. Если сломался, сразу на помощь товарищи придут. Друг дружку крепко поддерживали. Еще бы, из одного котелка хлебали, спали вместе.

Ну, и сам кое-чему научился за то время. В обычных условиях, чтобы колесо снять, бортировку сделать, камеру поменять, требуется двадцать минут, а там, даже не верится, за пять минут успевал.

Странное дело! В армии дом часто снился, родные, близкие. Домой вернулся, полгода вообще ничего не снилось, как отрезало. А сейчас все больше армейская служба снится, бывает, даже во сне кричу. Как-то в доме окно было открыто, и кто-то на улице несильно, протяжно засвистел. А у меня такое ощущение, что начался обстрел из минометов. Очнулся в поту, смотрю, ковер на стене висит, значит, я дома и все это приснилось.

БЕЛЯКОВ ВЯЧЕСЛАВ, сержант, командир танка. В Афганистане — с первого дня ввода войск по 1981 год. Место службы — Кабул.

27 декабря в 7 часов 15 минут переехали по понтонному мосту через

пограничную реку Амударью в Афганистан. Машины по дороге, танки по обочине, чтобы не разбивать гусеницами путь. В два часа дня перевернулся ГАЗ-53, отказало рулевое управление. Машину быстро разгрузили, столкнули в кювет. Подбежал замполит, взял из нашего танка два осколочно-фугасных снаряда. Появились саперы, установили взрывное устройство, протянули бикфордов шнур. Пехота спряталась в укрытие, танкисты закрыли люки. Взрыв — и машины как не бывало. Вот тогда я почувствовал в раздумье затылок, где это видано, чтобы неисправную машину так просто уничтожить. Значит, дело очень серьезное. А через два дня наш танк в первый раз обстреляли. Узнали мы, как пули по броне выстукивают смертельную дробь.

Несколько месяцев пришлось жить в полевых условиях. Высокогорье, тяжело ходить, дышать, а тут еще мороз донимал. Зимой до двадцати и больше градусов бывало в ночное время. Чтобы не замерзнуть, наливали солярки в пустые консервные банки, клали тряпку вместо фитиля, поджигали и грелись. Часа на полтора такой самодельной печки хватало. С едой тоже туго было. Одними консервами питались. С тех пор их есть не могу. Жена удивляется, что харчами перебираю. Только это трудно понять человеку, который не побывал в тех условиях. Случалось, что мочились с кровью пополам. Цыпки на лице, на руках. Вши по тебе строем маршируют. В баню в первый раз повезли только в мае.

Однажды из люка по пояс высунился, в бинокль местность осматривал. Вдруг оглушительный взрыв, меня заряжающий за ноги дернул, в танк втащил. Я сперва боли не почувствовал. Затем глянул, а у меня из пальца кровь течет. Ребята быстренько перекистью водорода рану обработали, осколок вытащили, перебинтовали. Я уж было подумал, что легко отделался,

когда на четвертый день вся рука опухла.

Меня в госпиталь отправили, операцию сделали. Три недели прошло, а опухоль не проходит. Случайно услышал, как врач, старший лейтенант, сказал обо мне, что если через два дня положение не улучшится, будут ампутировать руку. Я где стоял, там и грохнулся в обморок.

В это время в госпиталь группа медиков из Ленинграда приехала. Профессор Семенов рану осмотрел и успокоил: «Не расстраивайся! Все будет в порядке, сынок». А через полтора месяца меня из госпиталя выписали.

Когда вернулся в часть, мне отпуск по ранению предоставили, на целых тридцать дней. Домой приехал, мама спрашивает: «Почему так долго не писал?» Говорю: «Был на учениях». Сообщать об этом не положено. Военная тайна. Только когда совсем отслужил и вернулся из армии, рассказал все, как было.

В отпуске дважды случался конфуз. Двоюродный брат утром, когда я спал, решил подшутить. Крикнул над ухом: «Рота, к бою!» Я как ужаленный подскочил. Пот холодный прошиб. Через несколько дней шел с девчонкой по городу. И вдруг выстрел. Вздрыгнул, пригнулся. Моментально реакция сработала. Хорошо, что еще на землю не бросился. Смеху было бы! А это, оказывается, выхлопные газы из проезжавшей мимо машины так оглушительно «выстрелили».

ДУКА НИКОЛАЙ, младший лейтенант запаса, механик-водитель БМД. В Афганистане — с первого дня ввода войск по 1980 год. Место службы — Кабул, Шинданд. Награжден медалью «За отвагу».

Первое время все страшным сном казалось. Еще несколько дней назад был дома, в Союзе, где тихо, мирно. А здесь в тебя стреляют, ты стреляешь... Друзья гибнут...

Когда нашу часть к пакистанской

границе перебросили, одна группа на вертолетах полетела, а остальные с техникой по земле передвигались. Неожиданно по рации сообщают, что наши ребята в засаду попали. У всех одно желание — быстрее на помощь. А душманы скалу подорвали, единственную дорогу засыпали. Вот тогда по-настоящему жутко было. Где-то поблизости бой, наши товарищи из последних сил от врага отбиваются, а мы ничем им помочь не можем.

Раньше как-то не верил в приметы, предчувствия. Считал выдумками. Но вот такой случай. Был у меня друг Николай Омельченко из Новосибирска. На гитаре здорово играл и вообще веселым парнем слыл. Только однажды гитару в сторону отложил и говорит: «Что-то, ребята, сердце заболело. Мать, сестру вдруг увидел...» А утром на mine подорвался.

Когда постоянно приходится быть в напряжении, опасности уже не ощущаешь. Но однажды здорово испугался. 150-километровый марш-бросок по горам. Дорога отвратительная. День в пути, второй. В сон все время тянет. И вдруг машина бьется о скалу. Щебенка сыплется на броню. Схватился за рычаги, а самого пот прошиб. Ведь рядом пропасть. Чуть дернул не в ту сторону — и поминай как звали. К тому же не один ты в машине, сколько жизней мог бы погубить!

Приходилось и в душманскую засаду попадать. Один раз нас крепко в оборот взяли. С одной стороны душманские минометы лупят, с другой из гранатометов метят. Командир роты в соседней БМД находился. Кумулятивный снаряд броню прожег и ротно-го наповал. Хорошо еще, что в тот момент люки в машине не были на штопорах, и от большого давления их вывернуло из петель. Остальной экипаж контузиями отделался, а могли бы все погибнуть.

Командир взвода принял командование ротой, вывел солдат из-под огня. Подбитую машину пришлось оставить. На следующий день верну-

лись на прежнее место, а машина разграблена. Все приборы сняты, вещи унесены. За тот бой наш ротный был посмертно награжден.

Я за время службы девять полевых почт поменял. Где только не пришлось бывать. 21 ноября восьмидесятого года — долгожданный дембель, возвращение на Родину. Летели на транспортном самолете. Неожиданно командир корабля по связи торжественно объявляет: «Леди энд джентльмены...» А затем сразу открытым текстом: «Мужики! Пересекли границу...» И все, кто был в самолете, закричали «Ура!».

ПРИЛЮДЬКО ВИТАЛИЙ, рядовой, старший стрелок. В Афганистане — с января 1980 по 1981 год. Место службы — Шинданд.

О том, что находился в Афганистане, в первое время сообщать домой не разрешалось. Родители даже не знали, где я и что.

Однажды, когда уже прослужил несколько месяцев, вдруг перед строем объявляют, что одно отделение из нашей части попало в душманскую засаду. И спрашивают добровольцев — помочь. Командир взвода лейтенант Курицын отобрал десять человек крепче. Я тоже попал в эту группу. Пошли в горы и как раз вовремя подоспели. У наших солдат уже патроны заканчивались. Помогли им отбиться, раненого из-под обстрела вынести. Всей нашей группе за этот бой было поощрение: благодарственное письмо от командования части на Родину. (Когда после службы вернулся домой, родители показали письмо: «Ваш сын... отличился на учениях на Кушкинском полигоне...» Лишь в сентябре я первый раз открыто написал домой «Привет из Афганистана...»)

Одна наша БМП подорвалась на mine. Пехота слетела с брони на землю. Отделалась ушибами и синяками. А механику-водителю ногу оторвало, руку покалечило. Тем же взрывом

вырвало днище, два катка с гусениц.

Когда парня вытащили, перевязали, положили на плащ-палатку, он был в сознании. Вызвали по радию вертолет с врачом. Уже вечерело. А ночные полеты в то время в горах были запрещены. Но командир полка сказал: «Под мою ответственность...» Экипаж вертолета тоже согласился вылететь.

Я был рядом с раненым. Целый час, пока ожидали врача, он внятно разговаривал: «Знаю, что у меня нет ноги, рука болит. Крови потерял много...» Как мог, успокаивал, а на сердце тоска оттого, что умирает твой товарищ, а ты бессилён помочь.

Когда вертолет прилетел, он услышал шум двигателей. Успел прошептать: «Наверное, за мной...» В это время суета возникла, отвлеклись на мгновение. Врач подбежал, а он уже мертвый.

Нашли одно оторванное колесо с балансиром от БМП. В воронку поставили балансиром вниз, камнями, землей забросали. А на резиновом колесе вырезали фамилию и имя погибшего парня. Остался на афганской земле еще один скромный обелиск.

Мать этого парня через несколько месяцев прислала в часть письмо, приглашала в гости его друзей. У них в поселке его именем назвали школу, улицу.

Когда увольнялся в запас, участвовал в строительстве мемориала погибшим воинам-интернационалистам. С одной стороны на пьедестале подбитый БТР, с другой — БМП, а в центре на стене фамилии тех, кто положил здесь свои жизни.

ПАТРИКЕИ ВИКТОР, младший сержант, водитель-заправщик бензовоза. В Афганистане — с 1982 по 1984 год. Место службы — Кундуз. Награжден медалью «За отвагу».

Служить попал в отдельный батальон материального обеспечения. На гражданке водителем проработал

всего несколько месяцев, а в армии сразу на бензовозе пришлось ездить, да еще по горам. За спиной в бочке бензин, керосин, другие горючие материалы. Попадет снаряд или мина — и поминай как звали. В первое время страха особого не испытал, но, честно говоря, домой живым вернуться не рассчитывал. Понемногу к своей неспокойной должности привык, стал понимать, что нельзя все время думать о смерти. В любых, самых тяжелых обстоятельствах есть шанс на спасение.

Мой земляк Виктор Никитин как-то вез такой же опасный груз. Вместе с ним в кабине санинструктор находился. Посмотрел он случайно в зеркальце, а сзади бочка полыхает. Витек сразу на тормоза, а горящий бензин из пробоины на кабину плеснул. Ребята не растерялись, успели из кабины выскочить, легкими ожогами отделались. А если бы замешкались, могла быть беда. Я после видел эту сгоревшую машину: дюралевая бочка от огромной температуры вся расплавилась, остались лишь обгоревшие кабина и рама. Ткнешь пальцем, а металл, как труха, сыплется.

В первых рейсах настоящим теленком был. Сам мало что знал и умел. Проинструктировали нас: ехать след в след за передней машиной, чтобы на mine не подорваться. Вот об этом только и думал, все боялся в сторону съехать. Уже когда год прослужил, стал различать, когда наше боевое охранение стреляет, а когда душманы по нас лупят. Мог по звуку определить, что взорвалось: мина, снаряд или граната.

Случился со мной казус, о котором до сих пор с улыбкой вспоминаю. Принялись душманы нашу колонну обстреливать. По инструкции во время обстрела водители должны на обочине дороги залечь и держать оборону.

Обстрел идет вовсю, пули посвистывают, я быстренько выпрыгнул из кабины и угодил в рисовое поле, залитое водой. Стою и думаю, падать или не падать на землю. У меня обмунди-

рование новое, и так обидно его пачкать. После себя не раз ругал — нашел о чем размышлять. Уже лучше быть мокрым и живым, чем сухим и мертвым.

В пути нервы, конечно, на пределе. Когда вернешься в часть, не можешь сразу расслабиться, поверить, что опасность позади. Но самое удивительное, что все водители сами рвались в рейс. Если мелкая поломка, то слезно упрашивают тех, у кого машина на ходу: «Вы только вытяните меня на тросе, а я уж в дороге обязательно исправлюсь». У меня самого перед одним из выездов движок отключал, так мы с приятелем целую ночь провозились, пока не отремонтировали. В части, как правило, одни лишь «безлошадные» водители оставались.

Когда уволился, в Запорожье сел в такси, а шофер — лихой мужик попался, давай по дороге петлять, на обгон идти. У меня сердце вдруг замерло, испугался, что сейчас на mine подорвемся. Чуть было не схватил его за руку, чтобы по прямой ехал.

Уже дома, на десятый день гражданской жизни, в кинотеатр пошел. И надо же, такое совпадение: фильм об Афганистане показывают. «Горячие дни в Кабуле» назывался. Там есть такой эпизод: медленно ползет по узкой дороге колонна наших машин, а из засады душман в чалме целится в нее из гранатомета. Такое ощущение, что в этой колонне нахожусь и я вижу, как враг в меня целится, а помешать ничем не могу...

СОВЯК ВИТАЛИЙ, рядовой, старший радиотелеграфист. В Афганистане — с 1983 по 1985 год. Место службы — кишлак Мормоль у города Мазари-Шериф. Награжден медалью «За отличие в охране государственной границы Союза ССР».

Казалось бы, границы между государствами — понятие условное. Од-

на и та же местность что на одной, что на другой стороне. Раньше и я так думал. Но когда перелетели на вертолете из Союза в Афганистан, поразился тому, как все было непохоже. На нашей стороне поля ухожены, огни горят, везде видна заботливая рука хозяина, а там одни черные безжизненные пески, за ними горы, и не чувствуется присутствие человека.

Однажды по ходу боевых действий пришлось высаживаться из вертолета на вершину горы. Вся верхняя площадка была утыкана пулеметами, направленными вниз. Душманы ожидали атаку снизу, а мы свалились им как снег на голову. Они не успели даже выстрелить. Затем начали выкуривать тех, кто засел в пещерах. Помогла солдатская смекалка. На веревках сверху опускали гранаты, раскачивали до тех пор, пока они не срывались с кольца. Вскоре и остальные душманы сдались в плен.

Когда стали обыскивать местность, обнаружили семь крупнокалиберных пулеметов, 82-миллиметровый миномет, 116 единиц стрелкового оружия. В пещерах нашли различные документы, много боеприпасов в цинковых ящиках, склад продовольствия: мука в мешках, сливочное масло в металлических банках.

Но белым хлебом питались лишь единицы. У простых людей еда самая примитивная. Как-то мы остановились около одного кишлака. Ребята решили сфотографироваться на природе. Неподалеку женщины стирали в арыке белье. Когда увидели солдат, убежали. Но тут из-за дувала вышел старик и какие-то знаки подает. Подошли поближе, а он нам желтые лепешки протягивает. Я раньше никогда таких не ел. В них запах кукурузы, а вкуса никакого.

А в одной из операций попали в гор-

ный кишлак. Накануне перед выходом командир приказал продуктов не брать. Думали, что к вечеру на базу вернемся. А тут день прошел, есть захотелось. Стали спрашивать у местных жителей. Один крестьянин принес шесть круглых тонких лепешек. Одну сам надкусил, чтобы показать, что не отравлена. У этих лепешек вкус сырого зерна очень грубого помола.

Хорошо запомнилась последняя боевая операция. Нас, четверых связистов, сперва включили в группу доставки (вещи, продукты перевозить). Все, конечно, обрадовались, перед увольнением в запас лишний раз никому не хотелось жизнью рисковать. И вдруг объявили, что наша группа полетит вместе с группой захвата.

Загрузились, как говорится, по самую катушку. Двадцатидвухкилограммовая радиостанция с питанием, полный боекомплект, личное оружие, в рюкзаке сухой паек, ватные брюки (ночью в горах большой перепад температур, можно и обморозиться).

Когда высадились на указанное место, все было на удивление тихо, мирно. Даже поверилось, что на этот раз обойдется без стрельбы. Ребята стали окапываться, а я находился вместе с радиостанцией рядом с командиром. Вдруг что-то шлепнулось в десятке метров от меня. Подошел к тому месту, смотрю, а на земле пуля от крупнокалиберного пулемета валяется. Уже на излете упала. Стали определять, откуда могли стрелять. В это время вижу, как по земле маленькие фонтанчики пыли стремительно приближаются. Не сразу понял, что это пулеметная очередь. А звук от выстрелов позже услышал. Минут через пятнадцать опять повторилось. Уже стемнело, и — внезапный взрыв на краю поля. В ушах зазвенело. К счастью, никого осколками не задело. А для меня вот так война закончилась.

«Богатый урожай»

*Чарикарская
долина.
Застава 47*

На дороге

Будущие офицеры Афганистана

УЗЕЛКИ НА ПАМЯТЬ

«Ты спрашиваешь про Афганистан...» Так начинается одно мое стихотворение, которое я послал своему другу в письме оттуда. И не потому, что я считал, что сказал в стихах самое главное, самое важное. А потому, что все наши письма проходили контроль. (Сначала я этому не верил. Каково же было мое удивление, когда майор из особого отдела процитировал мое письмо жене. Прочитав по памяти.) Впрочем, контроль, наверное, бывает в любой действующей армии.

Любое слово, любое выражение могло быть истолковано не в мою пользу. Стихи же выгодно отличаются тем, что их не все понимают.

Но не потому я их писал все 15 месяцев, которые был в Афганистане. Для того, чтобы не разучиться, не озвереть. И пусть в них очень мало о войне (не хотел лишний раз напоминать своим родным о ней; кстати, я их почти что убедил, что в нашей провинции не стреляют).

И теперь эти стихи сослужили мне службу: я отлично помню, когда и при каких обстоятельствах я их написал, они — узелки на память... И все-таки одно дело — стихи, другое — воспроизвести в памяти события в хронологическом порядке, с документальной точностью.

Сколько раз я брался за это. Но столько же раз и бросал. Оставалось неизменным первое предложение: «Это мне надо запомнить на всю жизнь...» А бросал, потому что... хотелось побыстрее все забыть. Слишком уж велик был зазор между официальными сообщениями о событиях, происходящих там, и действительностью. И главное — я до сих пор не могу найти причину противоречия: запомнить на всю жизнь — скорее забыть...

*БАННИКОВ Александр Геннадьевич.
рядовой. В Афганистане — с июля 1985-го
по октябрь 1986 года, служил
в ремонтной роте.*

Начну с самого конца. Перед самым выводом из Афганистана с нас взяли подписку странного, скажу так, характера: «Я никогда не буду рассказывать про то, что видел, знаю и слышал про Афганистан...» Служил я в обыкновенной танковой части. Наверное, это была инициатива наших командиров, а не указание «сверху»... В середине октября 1986 года наш танковый полк пересек советско-афганскую границу. В Кушке нас встречали. Мы отмаршировали по вертолетной площадке перед приехавшими по этому поводу генералами и «мирным населением» (до чего же врезалась та, военная терминология, что даже сейчас, когда прошло два года после событий, я не могу подобрать другой фразы).

Но встреча была скомкана: нам дали полчаса на растерзание столов, на которых лежали арбузы, виноград, дыни, а потом — вперед, на место новой дислокации.

Но ведь нам-то хотелось посмотреть на наших, советских, которые и одеты по-нашему были, и говорили... Молодые, глазастые туркменочки глядели на нас без страха и брезгливости. Те ребята, что побойчей, уже завязывали знакомства, спрашивали адреса. Это и понятно, ведь кто-то год, а кто-то и больше не разговаривал с женщинами.

Когда полк отъехал от Кушки на приличное расстояние, то наша «летучка»* была вынуждена вернуться обратно. Причину я не помню. Тогда я

* «Летучка» (разг.) — ремонтная спецмашина.

попросил у прапорщика, чтобы нас с Андреем, моим напарником, высадили, а на обратном пути захватили. Прапорщик согласился.

Мы остались вдвоем.

Андрей по какой-то своей надобности спрыгнул на обочину. Совсем не ожидая от него этого, я заорал на него зло: «Ты куда, идиот, подорвешься!» И бросился к нему, вытащил за руку рывком на дорогу.

Андрей оторопел и тоже испугался... Только через несколько секунд и одновременно до нас дошла нелепость моего поступка. Здесь не минируют обочины...

Потом мы обнялись, сели прямо на дорогу. Нет, мы не плакали. Мне кажется, что мы тогда еще не умели плакать. Андрей сказал: «Это же птицы!» И точно — вокруг свистели, щебетали, чирикали птицы. Мы стали вспоминать: а были ли в Афгане птицы? Конечно же, были. Но почему мы их не слышали? Нам было смешно, мы перебивали друг друга... Мимо нас проезжали машины. Водители нажимали на сигналы, махали нам руками, смеялись. Наверное, им тоже было удивительно видеть двух отставших от полка солдат. Они-то ведь тоже знали, откуда мы...

Андрей куда-то ушел. Я осторожно лег на обочину дороги. Недавнее происшествие напомнило мне совсем иной случай.

В мае этого же года наша ремротовская «летучка» выехала «на дорогу»*. Старшим был лейтенант. Наша конечная точка — Диларам, где стояла полковая разведка. А по пути мы должны были заряжать аккумуляторы, ремонтировать технику и т. д. Впрочем, о каком ремонте могла идти речь, если наша собственная «летуч-

ка» дышала на ладан: капризничал двигатель, кипел радиатор. Но мы все четверо рвались «на дорогу», хотя знали, что может быть всякое. Но монотонные, изматывающие или бездейтельностью, или вдруг навалившейся работой будни были страшнее, чем обстрел или подрыв.

Одним словом, запаслись дистиллированной водой, я приготовил электролит, взяли боезапас, сухпай — и в дорогу.

Одному богу ведомо, как наша машина выдюжила первые полсотни километров. Причем ехали мы не в колонне, а в одиночку, что почти смерти подобно, ибо одиночный объект — лакомый кусочек для духов.

А почему не в колонне? Потому что так надо было лейтенанту. Он был совсем еще необстрелянный, служил в Афганистане какие-то три-четыре месяца. У него были три основополагающих черты характера, за которые сначала его невзлюбили солдаты, а потом уж и офицеры: это жадность, глупость и самоуверенность. От Афгана он хотел взять все: награду, третью звездочку и «бакшиш». (И он добьется всего этого. Только позднее.)

Все это было его любимой темой разговора. В качестве собеседника он избрал меня. А заслужил его доверие я тем, что был его старше, имел незаконченное высшее образование и... всегда с ним молчал, не рассказывал о себе. Только к середине нашей «дороги» он понял, что молчал я не из-за уважения перед его талантом рассказчика, а из-за того, что мне было скучно.

В нашу «летучку», помимо инструментов, запасных частей и прочего, лейтенантом и преданными ему солдатами были загружены водяная помпа и 200-литровая бочка с каким-то техническим маслом. Все это он хотел выгодно сбить жителям какого-нибудь кишлака. Уверовав, как в самого себя, в нашу алчность, лейтенант обещал

* «Н а дорогу» — устойчивое выражение среди «афганцев» (как и «на войну»), означающее выход в боевой рейд.

поделиться с нами, решив таким образом поднять наш воинский дух и рвение. (Ему одному не под силу была такая тяжесть.)

На семидесятом километре закипел радиатор. Нужна была вода. Заканчивался день. Значит, скоро должен наступить комендантский час, поэтому помощи ждать неоткуда. Да и местечко, в котором мы остановились, вынуждало поторапливаться: слева к дороге вплотную подступали горы, а справа виднелась «зеленка» — и то и другое очень удобно для засады. Мы с Олегом — водителем «летучки» — взяли пластмассовую бочку, вытащив из нее бутылку с электролитом, и пошли в сторону «зеленки». До нее было не менее 300—400 метров. Как же неприятно было делать за шагом шаг, мы молчали, ожидая или взрыва, или выстрелов из «зеленки». Думали об одном. Олег пытался шутить: «И раздалось из кустов два выстрела». Мне его шутка не понравилась. Видимо, у меня с чувством юмора было хуже... Воды в «зеленке» не было. На обратном пути я поймал себя на мысли, что, когда расстреливают людей и они становятся лицом к стреляющим, то, возможно, так они делают не из-за чувства безграничной храбрости, а по складу своего характера; на обратном пути Олег сразу как-то успокоился, даже не глядел под ноги (то, что поле заминировано, мы знали наверняка. Несколько раз видели растяжки, которыми соединяют две мины, чтобы уж если подорвать, то подорвать крепко...). Мне же идти спиной к «зеленке» было гораздо неуютнее, чем лицом. Нет, пусть уж стреляют в лицо.

Быстро темнело. Вдруг Мамед (азербайджанец, он был четвертым в нашей компании) ткнул рукою вперед и крикнул: «Там танк и машины». И в самом деле: на расстоянии двух-трех километров мы заметили какое-то движение. (Почему не видели раньше? Наверное, чувство безысходности обостряет и зрение.) Мы стали стрелять в воздух из автоматов очередями

(очередь — сигнал тревоги и опасности). Стрельба наша была, конечно же, безуспешной, так как стреляя мы на расстоянии от них 100—200 метров, то и тогда они вряд ли услышали бы нас — вся «дорога» сопровождается безумной стрельбой, по делу и просто так.

Лейтенант послал Мамеда вдогонку. Я залез в будку «летучки». Через некоторое время туда залез и лейтенант. Я был в счастливом неведении, считая, что нас охраняет Олег. Ждали полчаса. Вдруг где-то недалеко, с гор, послышались выстрелы. Засада? Стреляют наши с точки? Схватив автоматы и гранаты, подскочили к окну. Ждали худшего. Стреляли «дежурными» очередями туда, откуда был шум. Я спросил у лейтенанта: «Почему не стреляет Олег?» — «Я послал его с Мамедом...» Дела! Пытаться вылезти из «летучки» — нет резону. Мы — как на ладони. Стрельба как началась неожиданно, так неожиданно и прервалась. Окружают? Бросить в окно «летучки» гранату — пустяковое дело.

Бог миловал и на этот раз. Мы услышали шум двигателей — ребята все-таки успели добежать до машины прежде, чем те тронулись, отремонтировав на скорую руку закапризничавший танк.

Через час мы были на точке — Караван-гах.

Олег припарковал «летучку» вплотную к боевой точке, которая была укреплена, как дзот. Наверное, Олегу надоели сегодняшние приключения, и он под охраной решил спокойно выспаться.

Мы поужинали сухпаем, немного поболтали и легли спать. В «летучке» было очень душно, поэтому я забрался на крышу. Огромные звезды висели над головой. Я отыскал семизвездный ковш, потом нашел по всем правилам Полярную звезду (еще полгода назад я этому учил на уроках своих учеников). Теперь я знал, где мои родители, дочь, жена...

Отчего я проснулся? Только не от взрыва. Я готов побойться. Потому что крепко запомнил страшную тишину. Потом вдруг стало необычайно светло — и взрывы, спросонья они были страшнее, чем шлепающиеся где-то совсем рядом гранаты и мины.

И шобетали повсюду осколки,
красные клювы вонзавшие смело
в землю, в тела, в траву подростковую...
Я утром понял: Сад Смерти.

В следующее мгновение над самой крышей «летучки» пронеслась струя пламени — это уже били из укрепления, рядом с которым стояла наша машина. Били из крупнокалиберного пулемета. О, какими только словами я тогда не помянул Олега! «Летучка» опять была как на ладони, и к тому же она попадала в поле зрения нашего пулемета. Обстрел с двух сторон не прекращался в течение двух часов (об этом мне сказали утром, а ночью время тянулось, уж поверьте мне на слово, значительно медленнее).

После обстрела ко мне залез Олег, мы покурили, при этом он не показал и вида, что ребята боялись за меня. Когда подошла следующая ночь, то я без разговоров полез на крышу. Оказывается, в «летучке» было не безопаснее, о чем свидетельствовали пулевые пробоины и скрученная в трубочку алюминиевая обшивка — это от осколков. Земля вокруг «летучки» была словно вспахана неглубоким плугом.

Обстрел повторился и в эту ночь. А о том, что он будет, мы уже знали, так как эту точку духи обстреливали каждую ночь — она была расположена для этих целей настолько удобно, что, казалось, те люди, которые выбирали место, сделали это сознательно.

А на крыше было не так душно. Утром — даже холодно.

В той «дороге» мы были полтора месяца. Были ситуации более «веселые». Но они запомнились почему-то меньше. Наверное потому, что они были вторичными. Человек привыкает ко всему. Риск и смерть — не исключение.

В полк возвращались в великом нетерпении (кроме лейтенанта). Нас ждали письма. Когда приехали, то я получил 24 письма — 14 от жены, 6 из дому, 3 от сестры, 1 от друга.

А лейтенант был невесел. Дельце с помпой и маслом у него не получилось (не без наших усилий). Помогать ему мы отказались. А однажды ночью свалили весь его позорный скарб в какой-то темный угол, где лежала не одна тонна развороченного металла.

В полку, когда я встретился со своим любимым капитаном (наверное, теперь могу сказать так о нем, ведь я теперь лицо, не подчиненное ему), он мне сказал: «Больше без меня «на дорогу» — ни-ни». Зовут его Чернышев. Мне порядком доставалось от него (только за дело), но при нем даже зампотех полка не смел повысить голоса на «аккумуляторщиков».

Товарищ капитан! Как бы я хотел, чтобы в армии было больше таких офицеров, как вы...

Кажется, я заснул... Вернулся Андрей. Он что-то напевал. При этом вид у него был вполне безумный.

Счастьчик! Он не был ни разу «на дороге» — не успел. Поэтому ему будет проще рассказывать своим друзьям про Афганистан.

* * *

Было ли геройство? Не знаю. Если кровь и смерть, чьи бы они ни были, если стремление убить прежде, чем убьют тебя, являются признаками этого качества, то было геройство. Было.

Но не о нем я буду рассказывать. А о том, как все было на самом деле. Хотя бы о первой «дороге».

В полку счет службе начался с нуля. Писем из дома еще не было. Полевая почта... Есть ли на свете еще что-нибудь более медлительное? В роте жизнь «чижей» была невыносима. Хотя мне было и неизмеримо легче, чем ребятам моего призыва: мой возраст (я сразу же стал показывать

«зубы»), поддержка «кавказцев», которых сначала взбесила, потом удивила, а потом вызвала симпатию моя строптивость. До последнего времени я боялся, что ребята моего призыва не простят мне, что я не «летал»... Простили.

Но, чур меня! О «дедовщине» в Афганистане я расскажу как-нибудь в следующий раз. Если вообще расскажу. Хотя только первых, сказавших правду, называют сумасшедшими и изолируют. Кажется, правда начинает просачиваться сквозь подписки о неразглашении, сквозь отвращение ребят, которые воют от обиды, если «переберут» в компании своих однополчан. Но об этом после. А сейчас — моя первая «дорога».

Когда уже перед самым выводом я прочитал Сережке строчку из моего стихотворения, которое я написал у него на глазах в той «дороге», он совершенно счастливо заулыбался: «А ведь правда. Ведь сбылось...» А как все просто:

Мы так наглопались песку,
что стали часами песочными:
шуршит песочек — секунд
до дома осталось
вот столечко...

А тогда он смеялся: «Нам еще шуршать да шуршать»...

Сколько времени я уговаривал моего капитана, чтобы он взял меня на эту «дорогу»? 10 дней? Месяц? Но он ни в какую не соглашался. Вывал к моему родительскому благоразумию: «У тебя дочь. Ты ей нужен. Еще навоюешься...» Дело в том, что у капитана было двое сыновей («ефрейторы», как он говорил), а он очень хотел дочь. Но в ближайшем времени это не предвиделось...

Удобный случай уговорить капитана представился в одну ноябрьскую ночь, когда я дежурил в аккумуляторной. По обыкновению писал грустные стихи. Наверное, эти:

Украла, ослепила нас разлука.
Над нами опустилась ночь.

И душу радует разруха
небес, несущих ночь.
Как с суши в воду — я сошел с ума...
Я думал — это ночь. А это тьма...

Сойти с ума окончательно мне не дал капитан. Он пришел немного под хмельком. Ему было тоже очень тоскливо: жена писала редко, он соскучился по своим «ефрейторам»...

Потом мы сидели и разговаривали с капитаном в течение двух или трех часов. В это время я и уговорил его взять меня «на дорогу».

Через три дня, рано утром, с попутной колонной мы выехали. Наш экипаж: капитан, Серега и я. В этот раз маршрут был в сторону Диларама. Впрочем, это самый частый маршрут за те полтора года, которые я прослужил в Афганистане.

Всю дорогу я ехал в будке «летучки». Чувствовал себя не очень уютно (как кот в мешке), зато был рад, что целых две с половиной недели я не буду видеть осточертевших рож «стариков», измученных, бессмысленных лиц ребят моего призыва.

А места, которые мы проезжали, в другом случае я бы назвал живописными: горы, лоснящиеся в своем каменном блеске: «Эти горы, как шея буйвола, в жирных складках...»

Но все, что сейчас видел, называлось одним, неведомым мне раньше в такой откровенности словом — опасность.

Через несколько часов пути где-то совсем рядом раздался взрыв: духи умудрились поставить мину на бетонке между двумя плитами. Машина, захватившая колесом в эту бороздку, подорвалась. Что с шофером? Кажется, к нему спешила полковая санчасть. Колонна была вынуждена затормозить, так как подорванная машина загородила дорогу. Но стоять было нельзя: духи редко когда ставят мины и не караулят их. Главное — не подорыв одной машины, главное, что оставлена колонна. Стоящая колонна — как муха на ладони, которая вздумала чистить крылышки. Беспо-

мощнее ситуации придумать нельзя. Тогда впереди идущая машина решила объехать место взрыва по обочине и — новый взрыв. Обочина тоже была заминирована. Только подоспевший танк со сторожевой заставы, которая, как оказалось, находилась рядом, освободил нам дорогу. Когда мы проезжали мимо столкнутых на обочину «летучек», то, конечно же, водителей рядом с ними я не увидел. Искорженные груды металла оставляли мало надежд, что солдаты, которые были в будке «летучки», и водители остались живы...

В Диларам мы приехали самой ночью. Было уже очень холодно, хотя днем мы снимали хэбэ.

Капитан пошел спать к командиру разведывательной роты, с которым был большим другом. Мы тоже стали укладываться. Зуб не попадал на зуб. У нас были только матрацы, хлопчатобумажные одеяла и по парочке бушлатов, два из которых Сереге велел «сдать» афганцам каптерщик. Много за них, конечно же, не дадут, но тысячу «афоней» — могут. Свернувшись, даже не в клубки, а в какие-то неразвязываемые узлы, так чтобы каждым кусочком тела согреть другой кусочек, мы уснули.

А утром к нам пришел Сержкин земляк. Каким-то образом он еще ночью узнал, что приехала «летучка» из полка с его земляком. Он нам рассказал множество самых невероятных историй, в правдивости которых мы усомнились...

Капитан пришел только после обеда. Его красное лицо, еще более охрипший голос и сумрачный вид без слов говорили, что нашего капитана встретили как и полагается... Серега завел машину, и мы втроем поехали в город.

Конечно же, нашей первой точкой оказался базар. Мы словно попали в века минувшие: дехкане в рваных халатах, совсем нет женщин, около дуканов, как бы вмонтированных в стены, на корточках сидели то ли нищие, то

ли хозяева этих магазинчиков. Курили. Наши посвященные носы сразу же уловили: чарс, или план, или анаша — все едино.

Но когда мы взглянули на прилавки дуканов, то убедились, что это век будущий. Наимоднейшие шмотки, которые несколько недель назад были сшиты на какой-нибудь американской или английской фабрике. Рядом с ними беспорядочно лежали японские магнитофоны, телевизоры. Часы всех мастей, духи... Наибольший интерес у нас вызвал американский нож с выкидывающимися лезвиями. Эта штука нам бы пригодилась в любом случае.

Но капитан нас уже торопил. Он искал командира разведроты, который был здесь несколько минут назад, и сейчас, как сообщили проницательные торговцы, должен быть у царандоев.

Когда мы вернулись к машине, то наши руки инстинктивно потянулись к автоматам: она была облеплена людьми, как лошадиный труп мухами. Засада? Но такая? Все оказалось гораздо проще, но не слаще: неравнодушные до чужого, афганцы заимствовали с нашей «летучки» все, что легко откручивается. Какой-то бача освободил нашу машину от «запаски». Разогнав афганцев, которые вовсе не обижались на наши крики, и взобравшись на то, что осталось от нашей «летучки», мы поспешно отъехали.

Уже позже «служивые» нам рассказали много историй, подтверждавших ловкость афганцев, особенно пацанов («бачат», как их здесь зовут), по заимствованию необходимых им деталей. Вот случай почти что легендарный. Когда колонна машин проезжала через какой-то кишлак, то один мальчишка, воспользовавшись тем, что дорога шла в гору, а колонна двигалась медленно, взобрался сзади на будку «летучки» и, строя рожи водителю, который ехал сзади, стал откручивать «запаску». Ни сигналы все видевшего шофера, ни его попытки обогнать «летучку» с воришкой (мешала встреч-

ная колонна) ничего не дали. Бача открутил колесо, столкнул его, спрыгнул, и из-под самого носа «летучки», в которой вовсю «газовал» расшвирипевший солдат, укатил колесо домой. В этот же день он его продаст тысячи за две, а то и четыре «афоней»...

Командира разведроты мы нашли у царандоев. Капитан ушел с ним к гостеприимному начальнику ополченцев, а нас окружили царандо и люди, которые на ополченцев не походили. Началось что-то невероятное. Убедившись, что снаружи нашей «летучки» уже ничего открутить нельзя, они стали торговать у нас все, что попадалось им на глаза. По-русски говорили и понимали очень хорошо. Наши уверения, что мы ничего не продаем, пролетали у них мимо ушей. Скажу честно, мы не выпускали все это время автоматов из рук. Когда волна «покупателей» становилась особенно двусмысленной, наши пальцы тянулись к предохранителям. Что это, шутка? На их лицах уже не было улыбок, в руках некоторых из них появились ножи.

Выручил нас какой-то военный с непонятной символикой. Наши новые знакомые нехотя пропустили его, он взобрался в будку «летучки», успокоил нас, посоветовав, что если будет уж совсем невтерпеж, то надо дать несколько очередей в воздух. Потом он сам осведомился: не продаем ли мы что-нибудь. Тут же продемонстрировал свою платежеспособность — пачка денег, которую еле ухватывали две его ладони, весила, наверное, порядочно. Но убедившись в нашей твердости (он сразу же отгадал, что мы «в дороге» впервые), стал нас развлекать характеристиками, которые он давал окружившим нас афганцам. По его разговору выходило, что большинство из них, которые сейчас находятся в народном ополчении, еще недавно были в горах, то есть вели партизанскую войну с нами. Слушавшие нас афганцы с каким-то непонятным нам восторгом поддакивали. А не-

сколько из них добавили, что вот станет теплее, и они снова подадутся в горы. Сергей стал расспрашивать одного из них, который лучше говорил по-русски и был наиболее болтлив:

— А давно ты ходишь в горы?

— С тех пор, как вы появились.

— Много наших убил?

— Нет. Ваших немного. Мы на караваны нападаем, которые из Пакистана едут. Много добра везут.

— Весною снова к душманам пойдешь?

— Снова пойду...

Все это походило на какую-то фантазмагорию, на дурной сон, видя который, однако, не хочется просыпаться — важно увидеть, чем он закончится.

Уже ночью, когда на нас с Сергеем навалилась какая-то тянущая нервы бессонница, мы вспоминали события дня во всех подробностях. Отчего-то было обидно до слез. Мы ничего не понимали. Какого черта тогда гибнут здесь ребята? Что за жестокие шутки играют с нами? На кого каждую ночь уходят в засаду разведчики? С кем они воюют? С этими, в общем-то, безобидными духами? Тогда почему редкая засада обходится без потерь?

...Я до сих пор не могу понять этого...

Две с половиной недели пролетели быстро. Свободная жизнь без подъемов и отбоев, приличная (в смысле количества и калорийности) еда. Нам было даже весело. Лишь порою тревога как-то по-особому щемила. Будто сосущая боль, которая бывает, когда человек очень голоден, проникала в сердце. Вернее, какая-то тень внутри нас.

Уже потом, много времени спустя, эта боль, камни, тень, тревожно бьющееся сердце, ожидание развязки — все это, соединившись непонятным образом, станет вот такими стихами: Очеловечатся камни — только смотри долго. Окаменеет лицо — и хлынет в трещины облик. Сам в себе я всегда — в нераскушенной ягоде

вкус,
в теплом пламени плоти — сердечный
трепещущий кус.

И в этом счастье мое — собою всегда обладать.
 Волк-одиночество, волк человеческий — в этом
 беда.
 Я без себя — камень, мимо летящий, — легок и
 пуст,
 на деснах розовых ягода, от страха забывшая
 вкус.
 И только лицо твое — щемящее, ставшее
 совестью,
 завершаясь во мне, живым и теплым
 становится.
 Я — окончание чье? Глаз твоих? Запредельного?
 Смерть в себе я ношу, как вкус чего-то
 запретного.
 От тени падает «нет» — волком по следу
 слепым.
 Тень — очертание страха, который во мне за
 мною следит.
 В теле хворост хрустит — костру припасенные
 веточки.
 С боку на бок повернулся волк-одиночество,
 волк человеческий.

На других дорогах и выездах нам пригодилось с Серегой это приобретенное качество: трансформация тревоги в предчувствие, когда какие-то непонятные «волчьи» силы подсказывали нам: это опасность, ловушка. А удачный уход от этой опасности приобретал лица любимых. Но когда человек может еще быть таким одиноким, когда он один, только он один чувствует эту опасность? И вот тогда-то и появляется эта тень внутри нас, которая становится «нет». Какое удачное русское слово — «нет». Прочтите его справа налево...

Когда мы вернулись в полк, то в нем все было по-старому. «Чижи» летали, «старики» срывали на них всю злость, которая накопилась у них за долгие месяцы ношения в себе этой тени. Нас они приняли почти как равных. Теперь мой авторитет был подкреплён не только тяжелым характером, который все никак не ломался, не только возрастом и «семейным положением», но еще и «дорогой». Лучше дела стали и у Сереге. Только Ибрагим, который раньше даже благоволил к нему, как с цепи сорвался — не давал ему прохода. Мы сразу же его «раскусили» — он ни разу за всю службу не выезжал за территорию полка...

Не о геройстве речь веду. Хотя об этом было бы, наверное, легче. О геройстве напишут другие. А у меня это болит. Первая «дорога». Первый, но не единственный «проклятый» вопрос, который я вывез с собою из Афганистана вместе с музыкальными часами, которые потом подарил отцу, вместе с духовским фонариком размером с сигарету, но которым никто так и не воспользовался — батарейки лопнули, разорвав тонкую оболочку, будто созревший гороховый стручок... Вместе с желтухой, которую залечивал уже в Кушке. Вместе с тревогой, которая пока не стала предчувствием, что все повторится.

Тихое утро

Дуканы

Чарикарская «зеленка»

У горного источника

Как и всем офицерам, сержантам и солдатам нашего гвардейского парашютно-десантного полка, мне пришлось участвовать во многих операциях в качестве артиллерийского корректировщика.

Нужен правдивый и честный взгляд на все, что происходило с нами и на наших глазах в этой войне.

Постараюсь вкратце, но искренне изложить то, чему сам был свидетель.

В Афганистан я прибыл 16 ноября 1982 года. Почему я запомнил эту дату? Да просто день в день, так уж получилось, ровно через два года, 16 ноября 1984-го, я улетал из Кабула на Родину, и со мной тридцать два сержанта и солдата нашего полка. Не буду сейчас описывать, как мы добирались домой в Союз, эти мытарства большинству «афганцев» знакомы.

А вот в 1982 году мое прибытие в Афганистан совпало со смертью Брежнева. Нас с 11 по 16 ноября держали на пересыльном пункте в Ташкенте. За неделю нас накопилось там столько, что спать приходилось буквально на полу, укрывшись шинелью, или на табуретах.

Первый раз 13 ноября собирались пересечь границу, и уже когда сели в самолет, после того как прошли таможенно, неожиданно дали команду вещи оставить в самолете, а самим выйти — вылет на Кабул отложили до 16 ноября.

Еще двое суток без денег провели в Ташкенте, перед проверкой в таможене объявили, что с собой советские деньги брать не нужно.

Набили нас в самолет Ил-76 такое количество, что дышать было трудно. Но благо дело лететь до Кабула всего полтора часа, а там, как только люки открыли, мы отдышались — и по своим частям.

ПУЗИКОВ Владимир Николаевич, капитан запаса. В Афганистане — с ноября 1982-го по ноябрь 1984 года в должности помощника начальника артиллерии парашютно-десантного полка.

Я потом до места своего назначения еще вертолетом добирался: от Кабула в Баграм. Это через перевал буквально 15—20 минут полета.

По прибытии в свою часть сразу попал на операцию с полком. После проведенной операции в провинциях Парван и Каписа 21 декабря 1982 года наш полк прибыл, как мы говорили, на базу, в Баграм, где привели себя в порядок, помылись, пополнили боеприпасы, а самые счастливые получили из дома письма. Пришло и мне письмо от жены. Строевая часть оформила какие положено документы на погибших наших однополчан в последней операции. Были назначены сопровождающие гробы в Союз.

Как правило, отправляли сопровождать «груз-200» кого-нибудь из полкового оркестра. Но иногда, при необходимости, назначали офицеров из подразделений или из штаба части. И хотя это была реальная возможность попасть на короткое время в Союз, желающих было мало. Назначали в добровольно-принудительном порядке. Хотя если кто летел домой в отпуск, за сопровождение обещали даже добавить к отпуску пятнадцать суток. Но я не помню такого случая, чтобы отпускник на это соглашался. Я думаю, это понятно — нас всегда страшило, что сказать родным и близким погибшего...

Вообще надо сказать, что отдание последней воинской почести и прощание с нашими погибшими товарищами проходило стихийно, в суматохе. Да и,

надо признаться, было просто не до этого. Ведь полк снова находился в готовности к выполнению очередной боевой задачи, и у каждого были свои заботы и проблемы. Нужно получить боеприпасы, сухие пайки, радиоданные новые и, наконец, задачу на боевые действия.

Всех всегда волновал вопрос, куда идем; те из нас, которые прослужили в Афганистане более года, уже могли догадываться о том, в каком районе будем действовать, каким образом и что нас там ждет.

Но раз на раз не приходится, и туго было тем, кто по старой памяти или бесшабашности иногда то ли не захотел надеть бронезилет, то ли готовился к операции спустя рукава.

Мне после первой операции, можно сказать, повезло. Меня вызвал начальник штаба майор Сигуткин (в настоящее время он служит в Прибалтийском ВО) и приказал убыть в город Чарикар, столицу провинции Парван, и принять под свое командование группировку, то есть гарнизон советских войск в этом городе.

В состав гарнизона входила парашютная рота, которой командовал старший лейтенант Семенченко, минометный взвод, командиром которого являлся прапорщик Колтырин, и взвод зенитчиков, которым командовал старший лейтенант Носенко.

Еще была радиостанция на автомобиле для связи с родным полком в Баграме.

На какой срок я был туда назначен, было неясно, как-то не принято задавать в армии таких вопросов. Ну, думал, несколько недель, может, месяц, а пробыл там полгода.

Кто был в Афганистане, знает, что такое Чарикарская долина, или, как ее называют, долина Панджшер.

Жили в Чарикаре, что называется, одной семьей. Вот здесь еще раз пришлось убедиться, что самое главное — это наши люди, офицеры и солдаты,

с кем нас свела нелегкая десантная судьба. Все офицеры и прапорщики располагались в одной комнате; кроме автоматов, которые висели у каждого над койкой, на полу стоял пулемет, всегда готовый к бою, а под койками — по ящику с гранатами.

Солдаты и сержанты занимали тоже две большие комнаты, а на крыше у нас стояли два гранатомета, закрытые мешками с песком, где дежурили расчеты. Днем старались мы жить по распорядку, который есть в частях, расположенных в Афганистане: занимались стиркой, письма домой писали, когда положено, выходили в эфир, докладывали в полк о состоянии дел.

Кстати, автомобиль, на котором стояла радиостанция, был заминирован на случай чрезвычайных обстоятельств, которые могли возникнуть в любое время, кругом ведь кишлаки и «зеленая зона».

Главные наши воинские силы располагались в здании обкома НДПА провинции Парван, где находился штаб группировки, а один усиленный взвод — в здании, где располагался губернатор провинции и служба безопасности (ХАД), а уже за городом, в каких-то развалинах старых королевских казарм, находился еще один взвод с двумя 82-миллиметровыми минометами.

Днем шла обычная размеренная жизнь (если не было нападений или обстрелов), проводились политзанятия, даже играли в волейбол. Иногда между собой — сокращенным составом (дежурные расчеты были на позиции), а иногда с афганскими военнослужащими. Не помню сейчас, сколько раз доигрывали до конца, но зрителей или просто любопытных собиралось много.

Да, еще один важный, можно сказать, решающий момент нашей жизни в Чарикаре. Через город проходит дорога из Кабула на Саланг

и дальше в Союз, до Термеза. Мы ее уже тогда звали дорогой жизни. Часов до 15 шли советские колонны, а вечером дорога становилась совсем пустынной. До наступления темноты только изредка слышны были выстрелы. А когда танки покидали свои посты и на ночь уезжали в свои опорные пункты — начинался наш «рабочий день», вернее ночь.

Обычно в 6 утра танки возвращались на свои позиции вдоль дороги и находились там до 18.00. После 18.00 мы уже обороняли город и дорогу своими силами, почему-то партийный комитет духи больше всего не любили.

Сначала они начинали нас протупывать трассирующими очередями, но мы все окна обычно закладывали кирпичом и на это реагировали спокойно. Изредка дежурные расчеты вели беспокоящий огонь, остальные смотрели телевизор (работает в Афганистане «Орбита-4»). Но посты и расчеты на ночь усиливались. В случае нападения все занимали свои места согласно боевому расчету, который ежедневно доводился до каждого.

Нападали в основном во второй половине ночи, особенно горячо нам приходилось в дни праздников, наших, советских; и в свои, мусульманские, духи нас не забывали. В таких критических ситуациях по радио мы вызывали огонь артиллерии по заранее подготовленным участкам и использовали свое штатное вооружение на всю катушку. В общем, задача всегда была одна — продержаться до рассвета. А там ребята-танкисты приедут, тогда уже никто не сунется, хотя и им тоже достается, то из кустов обстреляют или мину подложат.

Еще одна немаловажная деталь. Вдоль дороги тянется тоненькая нить трубопровода, по которому из Союза поступал в Баграм керосин. Этот трубопровод зачастую простреливали не с целью, может быть, диверсии, а

чтобы набрать керосина (ведь в Афганистане дрова дорогие, и не каждый может позволить себе их использовать для отопления). Из простреленного отверстия керосин под давлением выливался на землю, образуя лужи.

Что тогда творилось возле этих керосиновых луж в черте города! Буквально через несколько минут собиралась огромная толпа афганцев, состоящая из детей, женщин, стариков. Прямо с земли тряпками собирали они керосин и выжимали его в различные емкости. В ход шло все, что может держать жидкость: ведра и баки, ржавые корыта, кувшины и даже гильзы от снарядов, благо дело у дорог их валяется в достатке. За короткий промежуток времени собирались сотни человек.

Зрелище было настолько странное для нас, что, сколько раз ни наблюдали это, привыкнуть никак не могли. Может быть, в такие моменты память возвращала нас в Союз, и невольно начинали переоценивать многое из своего прошлого, которое, увы, осталось так далеко, за целым океаном афганских гор.

По радиостанции я сообщал о повреждении на нашу ближайшую станцию перекачки, и оттуда довольно быстро, можно сказать, прилетал на КамАЗе лейтенант-трубопроводчик, как мы его звали, с ним было три-четыре солдата, они быстро меняли поврежденную трубу. Перекидывались с нами несколькими фразами (обычно или стрелнунт закурит, или спросят, есть ли земляки) и мчались куда-то дальше по своим делам. Часто вслед им ударяла из-за дувала очередь, да эти ребята настолько свыклись со своей работой, что не обращали на это внимания, так нам по крайней мере казалось.

Как-то при очередной встрече лейтенант-трубопроводчик нам похвалился, что в отпуск в Союз едет и уже паспорт готов, через неделю будет дома.

А примерно через неделю снова заезжали трубопроводчики по своим делам, но уже на бронетранспортере, сказали, что нет больше их лейтенанта, убили его три дня назад, у Таджикистана на засаду нарвались. КамАЗ выведен из строя, так им теперь БТР дали гусеничный.

Все же броня от пуль и осколков защитит может, ну а от мин никто не застрахован на афганской земле.

После Чарикара, в июне 1983 года вместе со своим полком ушел в горы и продолжал участвовать в боевых действиях до самой замены, то есть до ноября 1984-го.

В Чарикаре я пробывал в должности начальника группировки с 30 декабря 1982 года по 20 апреля 1983 года. Это было в то время, когда в районе ущелья Панджшер с марта 1983 года началось перемирие между вооруженной оппозицией Ахмад-Шаха и нашими частями, которые находились в этом ущелье. Правда, после наступления перемирия в ущелье остался только один батальон нашего полка. Обстановка вокруг этого батальона на протяжении всего периода перемирия — до середины апреля 1984 года была довольно напряженной. А примерно с 20 апреля снова начались боевые действия в этом районе. Но в Чарикарской долине боевые действия не прекращались.

Летом 1983 года мы проводили частные операции, были засады, а также реализация разведанных. В засаду обычно уходили часов в восемь вечера, когда наступали сумерки, в тесном взаимодействии с другими частями, которые располагались в нашем гарнизоне.

Далеко не всегда засады были удачными. Чаще всю ночь проводили в степи Хамп-Калан, часов до трех, а потом по сигналу двигались молча назад, на базу.

Но было и так, когда в результате внезапного боя удавалось разгромить караван, который, как правило, шел под усиленной охраной.

Опять же, помнится, летом 1983 года был захвачен караван, который вез лазурит — этот довольно редкий полудрагоценный камень голубого цвета.

Частные операции обычно проходили в течение суток, то есть с часу ночи выходили главные силы с базы, а накануне на блокировку в горы ушли наши роты. С рассветом начинался бой, а к вечеру, как правило, заканчивался. Но были операции протяженностью в несколько дней. В дальнейшем вообще по несколько недель и месяцев не спускались с гор. Так было, к примеру, летом 1984 года. У нас, офицеров полка, сложилось мнение, да и у солдат тоже, что полк используют как «пожарную команду» — то одно место пытаются заткнуть, то другое. Объявят, скажем, после очередной операции на несколько суток отдых. Надо и помыться, и письма написать, да и выспаться в конце концов. И вдруг опять куда-то надо идти, кого-то выручать, кого-то спасать.

Мне могут возразить: а что можно было сделать, это же война. Но нельзя же такое положение вещей превращать в систему, головотяпство одних прикрывать геройством других. Многие офицеры и солдаты нашего полка месяцами жили в горах, и не просто жили, а воевали.

Конечно, наш полк не единственный находился там, и не мы одни несли все тяготы и лишения в горах или при про-

чесывании «зеленки», но от этого не становилось легче. Порой такая смертельная усталость с ног валит, что когда лезешь вверх, в голову приходит совершенно немыслимое: хоть бы стрелять начали, упал бы и отлежался, а уж потом можно дальше идти.

Нам, офицерам, почему-то казалось, что, по крайней мере сначала, с первой замены в 1981 году, в Афганистан попадали те офицеры — не все, но большинство, — которые в прежних своих частях считались неперспективными по ряду причин, объективных или субъективных; проще говоря, в Союзе это были обиженные на судьбу люди.

И какая разительная перемена происходила с ними в Афганистане. Во всяком случае, я на всю жизнь сохраню в памяти взаимоотношения между людьми, офицерами, солдатами, которые волею судеб встретились мне там.

Летом 1983 года проводилась, помню, операция в окрестностях Баграма, в районе кишлаков Петава, Джорчи, по поиску нашего солдата. В этой операции совместно с частями соседней дивизии участвовал и наш полк, я тогда был корректировщиком артиллерийским и пошел с разведротой. С нами вместе в этой операции принимали участие и замирившиеся душманы.

Нас предупредили, чтобы вели себя с ними осторожно, все же как никак бандиты. Посадили мы их в таком порядке на БТР: один наш, один их, то есть через одного. До начала боя они были с нами, потом ушли вперед. Мне могут возразить, что это были кто угодно, но только не душманы. Поверьте мне, мы в этом тогда не сомневались.

Не помню сейчас, сколько часов велись тогда боевые действия, но к вечеру мы вернулись на базу, солдата того мы, конечно, не нашли. По слухам, его уже успели перебросить духи в другое место.

Вообще мы уже знали, что в полку пропали несколько солдат за последние годы, а в Анаве в батальоне с оружием исчез рядовой из артиллерийской батареи. Они якобы были в руках оппозиции и даже воевали против нас, но никаких фактов мы, конечно, не знали — просто ходили разговоры в среде солдат и офицеров.

Так как я являлся нештатным военным дознавателем полка, мне приходилось присутствовать на допросе в военной прокуратуре Баграмского гарнизона рядового, который был несколько месяцев в плену, а потом захвачен уже нашими частями и доставлен, я и сам не знаю, в каком качестве, в прокуратуру.

Конечно, не буду скрывать: у нас, особенно там, в Афганистане, отношение к таким людям однозначное, да и здесь тоже, чего греха таить. Ведь мы все, люди военные, давали клятву на верность Родине, где есть такие слова: «Если же я нарушу эту мою клятву, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона и всеобщая ненависть и презрение трудящихся». Так как после этих слов можно относиться к подобным лицам? А ведь легко в горах никому не было: ни офицерам, ни солдатам, солдатам особенно.

Вспоминается такой случай: где-то в июле в районе Панджшера я к роте был придан артиллерийским корректировщиком. Мы, как обычно, шли в горах, то спустился, потом опять вверх, и вот когда уже спустились и все буквально упали головами в горный ручей с холодной водой — в июльскую жару, кто был в Афганистане, тот понимает, какие чувства в это время у ручья испытываешь; все знали, что

после ручья снова вперед, вверх, и когда будет следующая вода, об этом стараешься не думать,— в это время раздался выстрел, все подняли головы вверх, это естественно. Но это выстрелил не душман...

Я не пытаюсь анализировать афганские события или делать какие-то выводы, просто каждый из нас, кто был в Афганистане, может многое рассказать.

Наблюдатели ООН

«И бог войны дает нам передышку...»

«Богатый урожай»

*Чарикарская
долина.
Застава 47*

На караван из Пакистана

Допрос

ДНЕВНИК ПЕРЕВОДЧИКА

Сборы, и в полк.

После того, как узнал, одну за другой выкурил 4 сигареты. Очень разволновался. Что делать? Должен согласиться! Решение принято! После разговора с Виктором К. (Виктор Александрович К., полковник, нач. бюро перевода в Кабуле) немного успокоился.

Дима дал оборонительную гранату: сигнальная ракета, оранжевый сигнальный дым, 7 патронов к ГТ.

У Чиха взял сапоги, у Богдана шерстяные брюки. На следующий день погода испортилась, не полетели. Отправились 13 февраля. Самолет АН-26 с герметизированной кабиной. «Молодой старик» на аэродроме. Кажется, он пытался проникнуть на летное поле вместе с нашей группой. Удивительное сочетание национальной одежды с чисто европейским изяществом; казалось, что это стилизованный под афганца актер Голливуда. Несоответствие между сединой и морщинами с одной стороны, и живым взглядом и энергичными движениями с другой.

В самолете.

Уже знакомое по первым дням пребывания в Кабуле ощущение полного и расслабленного равнодушия, об опасности — ни одной мысли.

С высоты 7—8 тыс. метров видно, что на самом деле город спланирован достаточно грамотно и не хаотично. Два часа полета. В Герате операция на фарси.

На аэродроме много раненых. Как выяснилось позже — ошибка в нанесении удара. Ранен командир 17-й дивизии. Добрались на БРДМ. Ужасно тесно.

Герат по уши в грязи, глина, гигантские лужи. Огромные сосны, целые аллеи сосен. Проехали по окраине в штаб 17-й дивизии.

Условия жизни, в сравнении с цент-

ТВИРОВ Владимир Владимирович, студент пятого курса Института стран Азии и Африки. В Афганистане — с сентября 1985 года. Его, как и всех воинов, побывавших там, называют «афганцем», хотя на его плечах не было погон. В Афганистане он проходил практику. В марте 1986 года погиб в Герате.

ром, весьма напоминают пустыню. Вода и туалет, как в блоке Чепелева. Все забито пылью (кругом пыль); еда — рис с мясом. Поскольку ранен командир дивизии, нас встретил его заместитель по политчасти.

С утра встречаемся с Усман-беком. Он всегда приезжает из города Герата в сопровождении родственников. Обсуждаем и совещаемся о создании его полка.

Я помаленьку перевожу. А до этого, в Кабуле, я перевел, что Усман-бек — обиженный человек, возможно, уставший. Он сказал, что 8 месяцев не был дома. Совершил поездку из центра в Герат и обратно. Советник принял решение, что мы будем дожидаться в Герате оружия и боеприпасов.

Погода весьма плохая, холодно. Каждый день ливни (дожди), почва раскисла.

Как я знаю из своих источников, Усман-беку не более 25 лет, но кажется значительно старше. Нет ни малейшего сходства с хазарейцами; рост высокий, зеленая в мелкую серебристую полоску чалма с шитым золотым верхом, такого же цвета патлуны и рубашка.

Весьма нелепо смотрится поверх всего этого зеленый штатский плащ. Усы и бороду бреет, нос орлиный, глаза темные, волосы темные с седой. Вождь. Это чувствуется, хотя держится очень скромно — это традиция. Сам из кишлака Какис-нау.

Шесть лет он был бандитом; его банда насчитывала более 300 человек.

Но после прочтения протокола я понял, что он был военным лидером этой банды.

Но общее руководство осуществлял Дуст Мохаммад («Черный»). Они все из партии ислама (Раббани). В местечке Кала-ке-нау один отряд Советской Армии. Ситуация нормальная.

Усман-бек раньше был ханом этого племени хазарейцев Калас Нави. Но советник сказал, что сейчас в его племени обстановка неблагоприятная, голод, порезали овец и коров. Важнее всего то, что советские дружественные войска пришли в Бадгис. Усман-бек решил присоединиться к правительству.

Протокол:

Признание госуд. власти; сдача тяж. вооружения (минометы — 6 шт.), гранатометы, пулеметы (ДШК, Горюнов); безоткатное орудие. Все это и боеприпасы покупали в Иране.

Много людей ушло в Иран. Он их склонял к возвращению на родину, многие вернулись. Берется обеспечивать безопасность дороги от перевала Сарок до Калас-нау, участвовать в боевых действиях, сдавать трофеи и захваченную контрабанду. Они организуют все государственные органы. Самое главное, дают 300 человек в 17-ю дивизию в Герат и потом сдают людей по плану призыва.

Их права: получают оружие (50% автоматы, остальное буры, карабины, ППШ); 3 радиостанции Р-104 и 11 модели Р-105, 4 грузовика и один «газик» в штаб. Кроме того, боеприпасы и продовольствие, оборудование.

В племенном полку 1100 человек. В него направляются кадровые офицеры. Малиши*, в отличие от территориальных войск, не есть составная часть армии ДРА.

Территориальные части прикрепляются к какой-либо кадровой воинской части (полк Усман-бека состав-

ная часть 17-й пех. дивизии). Батальон Арбоба Саиду (саид Мохаммад) прикреплен к 4-й танковой бригаде и является составной ее частью.

У Усман-бека две жены. Ранее было 1500 лошадей, сейчас мало — угнали бандиты. Один перстень с бирюзой (золотой), другой с темно-красным матовым камнем (серебро).

Герат.

До восьми добровольных батальонов. Север города — батальон Арбоба Саиду, 450 человек: 15 джерибов земли. До 10 тыс. жителей в кишлаках. 4—5 жен; было 4 взрослых сына. Осталось два; один из четырех погиб, другой пропал без вести. Кроме взрослых сыновей есть никем не считанное количество сыновей маленьких. Видел в 4-й танковой бригаде одного из двух взрослых сыновей. Мальчику 15—16 лет, традиционная одежда, но пластиковая куртка, как у Мелина, с двойным застегиванием. Несмотря на молодость, уже воюет, ранен три раза в ноги и руку. Сам Арбоб ранен два раза. Это весьма начитанный человек, на вид ему около 55 лет, бреет и лицо и голову, остались только брови; лицо старушечье (как у евнуха) и говорит шамкая; лицо в красных прожилках и морщинах; выражение лица глуповатое — ни дать ни взять пенсионер. Типичный европеид по строению лица. Очень хитрые карие глазки. Он один из первых формировал из своей банды добровольный батальон под покровительством 4-й танковой бригады; видимо, очень богатый человек (по местным меркам, впрочем). В его кишлаке нет электричества, но в доме самого Арбоба есть генератор; топливо к нему дает командир 4-й бригады.

За нами приехал сам Арбоб на «газике» и БРДМ сопровождения. Мы поехали с Арбобом на «газике». Гарат залит грязью; люди мрачные и диковатые на вид. Круглые сутки (идет операция) артиллерия и танки бьют по какому-то кишлаку. Проехали на «газике» мимо арт. батареи. На танках десант; есть люди Арбоба. Позднее в

* М а л и ш и — вооруженные племенные формирования.

беседе с начальником политотдела дивизии выяснилось, что люди из добровольных формирований, батальоны Арбоба Саиду, батальоны и роты Турин Расула, Адам-хана, Акима Балуча и пр. (это все бывшие люди Гурама Исмаила — крупнейшего вожака душманов на западе Афганистана).

А Арбоб Саиду возглавлял душманские формирования Герата. Все эти люди охотно принимают участие в совместных боевых операциях с 17-й дивизией, то есть в ходе их можно хорошо пограбить, но людей в армию дают весьма неохотно. Арбоб Саиду великолепный стрелок, что он не раз доказывал на сборах командиров территориальных войск в Кабуле. Три года назад Арбоб Саиду, тогда возглавлявший душманов Герата, разгромил и обложил в гератской крепости Шаха Наваза (Гани), он командовал в то время не то полком, не то самой 17-й дивизией в Герате. Недавно на встрече с нач. Г. Шт. Арбобу об этом напомнили. Он ответил — это дело прошлое. Шах Наваз сказал: с нами ты воевал хорошо, теперь посмотрим, как будешь воевать с душманами. Впрочем, все бывшие бандиты тесно связаны друг с другом, с теми, кто еще воюет с ДРА. Сам их шеф Гуран Исмаил ныне в Иране. Но его люди постепенно возвращаются в Герат на свои земли. Обстановка в городе потише, но в окрестностях все еще тяжело. До революции Герат был крупнейшим городом страны. По населению превосходил Кабул. Ныне здесь живет до 800 тыс. человек. Много людей ушло в Иран. В городе 3 крупных завода: цементная фабрика, текстильный и мясокомбинат. Все они не работают. Есть план восстановления цементного завода с помощью чешских специалистов (2—3 года на это).

Нужно прежде обеспечить безопасность. В прошлом году из штаба дивизии выкраден часовой. Это в 10 метрах по коридору от того места, где сидим мы. Дверь небольшого кабинета (три кровати, стол, кресла и печь-«бур-

жуйка») закрывается лишь на шпингалет. Сейчас там дежурит надежный солдат. Пуштун из Понтики, земляк Гулистана, член партии уже 4 года.

Длалъэддиг Каргяр, рабочий, 38 лет, работал в Кабуле в типографии, не женат — нет денег. Не курит, не пьет, очень молодо выглядит, смуглый до черноты. Прослужил уже 4 года, начальство им очень довольно за надежность и предлагает остаться на сверхсрочную службу. Каргяр невысок, крепок, голова и лицо обриты. Погоны обшиты красным хлорвиниловым галуном (дивизия гвардейская), носит роскошные, но грязноватые аксельбанты, укороченные сапоги и теплую солдатскую шинель. Он полгода пробыл на посту, где скрывал свою партийность, опасался ненадежных сослуживцев. Политически грамотен, предан. Совсем Макар Нагульнов. На дари говорит медленно, нараспев, с заметным пуштунским акцентом. Вместо звука «ф», часто произносит «п», хотя отлично может выговорить «ф».

Закончились боевые действия в дивизии (как всегда — безрезультатно). Потерь в результате огня в первый день — порядочно, но, впрочем, не первый случай в истории боевых действий дивизии.

25/II. Ужин у мушавера.

Возвращение из отеля «Герат» на виллу.

На ужине мушавер сообщил такие новости, что отношение к жизни сразу изменилось. Подробнее об этой информации чуть ниже. Раньше курил на балконе и побаивался, теперь прошел пешком эти 200 метров от отеля до виллы. Тьма кромешная, освещенная часть улицы. Могут захватить свои же.

Правда, комендантский час с 20.00, а сейчас 19.20.

Это, пожалуй, самое крупное преодоление себя за все время пребывания в стране. Это было действительно опасно. Мушавера не пустили с другой виллы в отель уже в 7.30. Правда, на улице не стреляли именно в то время, когда я шел.

Итак, новая информация. Поступили сведения от одного из передовых отрядов территориальных войск на северных окраинах Герата. Разведка предоставила более полную информацию — с иранской территории идет хазарейский полк, вероятно, до 300 человек.

Отлично вооружены; у всех автоматы, есть пулеметы, гранатометы. В избытке имеются лошади. Полк из хазарейцев (или исмаилитов Бадахшана). Мушавер не знает точно. Полк регулярный, сформирован из давно ушедших в Иран хазарейцев (или исмаилитов). Укомплектован кадровыми офицерами. Снят с ирано-иракского фронта, где получил большой опыт боевых действий. В первой боевой стычке с племенными формированиями уничтожено разведчиками этого полка 10 человек, но племенные будто бы взяли пленных из полка. Согласно полученной информации полк движется в Баглан или Бадахшан (и Вадуду — очень крупный душман в Бадахшане). Маршрут движения идет через север Герата (провинции), там расположены посты Фазль Ахмада и люди уже хорошо известного Арбоба Саиду. На Арбоба надежды мало (стар, хитер, имеет 450 стволов).

Фазль Ахмад пропустить не должен. О нем подробнее ниже. Значит, этот душманский полк должен пройти через Бадгис. Ему очень заманчиво напасть на еще не сформированный полк Усман-бека. У того лишь 300 вооруженных людей. Его сейчас в Бадгисе замещает какой-то левый Дуст Мохаммад («Черный») и т. д. Знает ли Усман-бек об этой опасности? Если знает, то должен сообщить нам. Мушавер думает, что уже знает, и Арбоб знает, но молчит.

Утренние встречи.

Адам-хан, 32 года, таджик; очень энергичный и воинственный. Сформировал батальон 2 года назад. Имеет 300 человек.

Хочет расширяться до полка. Че-

ловек темный и опасный. Держит в страхе весь Герат. На днях убил двоих людей и захватил 2 автомата. Выражает претензии, что у него в ходе последней операции взяты люди и 66 автоматов. Людей вернули, а оружие пока нет. Мы обещали помочь. Адам-хан в армейской куртке и нац. штанах и чалме, на ногах безвкусные и излюбленные афганцами лакированные (цветные) ботинки на высоком каблуке; нос хищный, ястребиный.

Это не добрый дедушка Арбоб. Руки непропорционально среднему росту огромные и, видимо, очень сильные, прямо лопаты, но очень чистые (барские). На среднем пальце золотой перстень с бирюзой (очень тонкой работы). Человек нервный, порывистый и решительный.

Хищник, молодой коршун. Активно стремится к власти в Герате, но имеет сильных соперников в лице Фазль Ахмада и Арбоба. Вскоре, после появления Адам-хана, приехали Усман, Арбоб и Фазль Ахмад. От этих сверхколоритных личностей голова идет кругом. Приехавшие не захотели [иметь дело] с Адам-ханом. Почему?

Примерно год назад у Адам-хана, Фазль Ахмади и некоего, мне неизвестного предводителя такого же формирования Арефа вышла ссора. Горячий Адам застрелил в упор из автомата двух людей Фазль Ахмада. Ареф входит в состав отряда Фазль Ахмада. Разбираться все эти деятели приехали в штаб 17-й дивизии.

Неказистое и неблагоустроенное жилое здание.

Советник рассказывал, как он их мирил. И Адам-хан и Фазль Ахмад (оба богатейшие в Герате люди) прибыли с огромной свитой-охраной на «тоётах» с мотоциклистами. Причем в охрану Фазль Ахмада поставили офицеров дивизии, вплоть до командира. Их люди толпились во дворе, а вожди чуть не дрались в кабинете. Мушавер их разнимал буквально. Горячий Адам-хан размахивал пистолетом и грозился застрелить и против-

ника, и советского советника заодно. Однако успокоили. С тех пор Адам-хан в холодных отношениях с Фазль Ахмадом; кроме того, Адам его весьма побаивается. Фазль Ахмад понимает, и это было видно с первого взгляда по его манере держаться (немного усталой и независимой). Впрочем, усталость его можно объяснить болезнью. Из-за болезни он долго не мог встретиться с мушавером. На вид Фазль Ахмаду около 40 лет, выше меня ростом, на голове традиционная чалма с вышитым верхом и длинным хвостом, лицо одутловатое, болезненное, но вполне интеллигентное, если бы не признаки большой властности (надменность, сдержанная холодность). Усы темные, редкие, очень чисто выбрит, чем не могут похвастаться Арбоб и Усман (с серебристыми сединами) и Адам со щетиной черной. На пальце у Фазля огромный золотой перстень.

Просторная бундесверовская куртка с карманами для обойм и черная национальная одежда. На ногах растегнутые зимние сапоги, очень ныне модные и изящные, ну прямо из «Березки».

История Фазль Ахмада, зятя знаменитого Шир Аги.

Шир Ага не то учитель, не то еще кто — одним из первых перешел на сторону народной власти и организовал отряд самообороны. Это было 4 года назад или еще ранее. Воевал очень успешно, к северу от Герата, где расположены его кишлаки. Но 1,5 года назад Шир Ага был убит душманами. Он приехал навестить кого-то в больницу, вышел из джипа и был расстрелян автоматами душманов в упор. Его дело продолжил зять Фазль Ахмад. Его уверенность в себе и сановность объясняются очень просто — это один из самых могущественных людей в провинции. Под его рукой в общей сложности находится 40 тыс. человек. Он способен выставить до 10 тыс. вооруженных людей, но сейчас располагает формально 2 тысячами бойцов. Его отряд называется отрядом самооборо-

ны. В штаб дивизии приезжает с мощной охраной. Его личный охранник немного говорит по-русски. Имеет страховидный вид. У него нет нижней челюсти, потерял в бою. Рот теперь не закрывается. Кажется, ему вставили искусственную челюсть, но зубов нижних нет. Командиры территориальных формирований, по словам мушавера, очень с ним откровенны. Рассказывают ему обо всех своих личных делах. Например, Фазль Ахмад жаловался, что женился еще раз и тем самым вызвал недовольство родственников.

Не скрывают они от мушавера и своих контактов с Ираном и неперешедшими бандитами.

Дело Гани Тимури.

Разговор о деле Гани Тимури зашел еще в наше первое посещение 4-й танковой бригады. Гани Тимури — предводитель крупной душманской банды.

Уже много лет собирается переходить, но никак не соберется. Сейчас уже почти собрался, но замешкался в связи с делом Дастагара. Дастагар один из предводителей или родственников командиров добровольных формирований. Он был замешан в перестрелке с людьми из ХАДа, двоих из которых убили. Ссора вспыхнула по пьянке. Хадовцы были в гостях у «добровольцев» и там поссорились. Теперь Дастагар арестован и находится в Балахисаре в Кабуле (это тюрьма). Все местные добровольческие формирования хлопочут за Дастагара — и Арбоб Саиду, и другие. Когда мы были в гостях у Арбоба Саиду, должен был прийти Гани Тимури, но не пришел. Прислал человечка с письмом к Арбобу Саиду, извинился, что не сможет прийти, дескать, далеко и снег в горах. Видимо, Гани Тимури не решился.

Байка из жизни советника территориальных войск.

Джаджи Майдан (это округ Хост).

В терр.войсках очень мало пуштунских формирований: 4 или 5 батальо-

нов и 1 полк. Все пуштуны отлично воюют. В бытность там мушавера выяснилось, что с этими пуштунскими формированиями работают две французенки.

Мушавер очень заинтересовался, расспросил.

Выяснилось, что их сейчас нет. Уехали по делам в Пакистан на лошадях. Пуштуны боялись показывать этих женщин мушаверу, дескать, ты их убьешь. Мушавер шутил, мол, оружия у меня много, можно было бы их купить.

В среднем по стране хорошая женщина стоит 500 тыс. афгани. Автомат стоит 100 тыс., карабин — 40 тыс., ППШ — 20 тыс., ЗПУ-1—800 тыс. и т. д. Так что мушавер вполне мог купить обеих женщин за 10 автоматов. Хорошее оружие для пуштуна значит больше, чем даже законы гостеприимства. Но женщины уехали. По описанию местных жителей — это были две молодые женщины. «Очень красивые, только много курят, очень красные губы». Вероятно, бедные пуштуны впервые столкнулись с губной помадой.

Эти дамы были одеты в джинсы, заправленные в высокие сапоги, рубашки, заправленные в брюки, и в столь здесь распространенные «натовские» куртки. Волосы длинные. С ними был переводчик. Формально они работали как медсестры, но, кроме того, проводили и идеологическую работу.

Мушавер видел привезенные ими спички. На этикетках искусно выполненные антисоветские и антиафганские плакаты.

Среди пуштунов женщина вообще пользуется большой свободой. С мушавером за одним столом ели и местные женщины, правда, в чадре. В терр. формированиях пуштунов есть командиры-женщины. Самая знаменитая — пожилая воительница из Джаджи Майдана. В положении по терр. войскам, кстати, не оговаривается, могут ли женщины быть офицерами и положена ли им пенсия.

Впечатления от Герата.

Город по сравнению с Кабулом провинциальный. Вся местность от штаба 17-й дивизии до отеля Герат — сплошь усажена корабельными соснами. (У местного вида несколько отличные от подмосковных иголки и шишки.) Дуканы пыльные и торгуют преимущественно товарами насущными. Такой бижутерии, как в Кабуле, нет. В городе часто можно видеть двуколки, запряженные лошадьми (их украшают красными помпонами и кистями).

Очень много ишаков, есть куры. Иногда встречаются пахотные буйволы. Здания из кирпича-сырца. Есть несколько крупных, европейского типа сооружений: гостиница «Герат», больница, здание провинциальной администрации.

Из достопримечательностей — древняя крепость Баша-Хасар. (Сейчас там советский полк.) А в полку не то чума, не то холера, 9 человек доставили в госпиталь в Шинданд. Из них 6 умерли. Откуда здесь быть чуме?

Знаменитая соборная мечеть. Ребята-переводчики говорят, она есть во всех каталогах, уже после революции ее реставрировала ЮНЕСКО. Один из минаретов упал в результате обстрела, но мечеть все еще поражает своей красотой. Я видел вблизи лишь кусочек здания и голубой купол одного из минаретов, когда на машине ездили в центр города.

Приписка (сделанная, видимо, одним из офицеров)

Вова! У тебя зоркий глаз и правильное восприятие. Зачем ты приехал с Сашей (как ты его зовешь — мушавером) к нам в Герат? Неужели только для того, чтобы я тебя положил поверх БТР-70 и отправил в последний путь? Я ведь отец. Твои папа и мама еще не знают.

Письмо сокурсника Владимира Твирова

Здравствуйте, мои дорогие мамуля, папуля и Танюшка, а также все, кого не хватает выдержки приветствовать в таких случаях. Трудно поверить в то, что произошло, просто не укладывается в голове. Все случилось по роковой случайности, которая бывает в таких делах всесильна. Как это было не похоже на Володьку, ведь он никогда не ввязывался ни в какие авантюры, предпочитал чисто созерцательный взгляд на вещи, из окна министерского бюро или дома. Но тут он не выдержал, заговорило самолюбие или лобознательность. Не прошло и двух недель, как выписался из больницы, только пошел на работу и вдруг с гордостью заявляет, что вырвался в Кандагар. Но тогда его опередил другой, более неутомимый парень. А в этот раз решили послать его, уж коль он так настоятельно просился. Я тогда просто улыбнулся с долей скептицизма, мол, Володька, мечтать не вредно. Да и куда тебя пошлют, как не в увлекательный вояж с целью немного развеяться. Но легкомыслие улетучилось, как только увидел его экипировку: граната-«лимонка», сигнальная ракета и всякие премудрости. Его путешествие имело целью подписать договор с дружественными бандами, изъявившими желание перейти на сторону правительства. Сейчас это вполне обычное явление. Да и провинция отличалась спокойствием и стабильностью. Можно даже сказать большее — там достигнута полностью незыблемость государственных институтов. Хотя, по записям Володьки, отношения племен были похожи на спутанный клубок противоречий. Каждому из племенных вождей хотелось урвать кусок пожирнее, и между ними постоянно случались стычки. Тем более учесть нужно непосредственное соседство с Ираном. Племенные формирования свои отношения к этой и другой стороне ставили на вес звон-

кой монеты. Боясь попасть в немилость, они лавировали между двумя огнями. Стоит оговорить, что в Бадгисе племена посылали свои отряды в Герат и были самым тесным образом связаны с тамошними выродками.

Поэтому, учитывая эти обстоятельства, можно заключить, что это был сугубо спланированный акт. Однако полной уверенности нет. Выполнив свою программу в Бадгисе, Володька с мушавером перебрались в Герат и там тоже вели переговоры с племенными вождями. Они уже выполнили полностью задание, но по прихоти остались на два дня. Ему понадобилось устроить свои дела перед отпуском в Союз, назначенным на 3.03.86. Может быть, что-то купить. Первого числа они возвращались из дивизии уже где-то под вечер, в 17.00. Советник заупрямился, махнул рукой на предостережение местных мушаверов и решил ехать на «газике», не дожидаясь БТР. Для того, чтобы представить обстановку, следует рассказать о Герате. В 1979 г. в начале марта был поднят мятеж в городе. Тогда там было жарко. Теперь же каждый год случаются какие-то провокации.

Дорогу до гостиницы охраняют посты ХАДа — госуд. безопасность. Как раз в это время они были сбиты душманами или перешли на их сторону. Скорее всего первое. После они стали держать под прицелом дорогу. За несколько минут до их проезда обстреляли БТР и КамАЗ, потом же пришла их очередь. Вырваться из огня они не смогли, т. к. стреляли прямо в упор — 100 м. Володьку посекло в первые минуты — он сидел впереди, и, слава господу, эти гады не измывались над ними. В этот момент подоспело прикрытие, но все было поздно. Советника пробовали спасти, по дороге в госпиталь он умер от потери крови. Я пишу это не потому, что хочу напугать вас. Мне нужно передать вам то, что произошло, с наибольшей правдивостью, т. к. затем, может быть, полезут слухи. Не хоте-

лось бы, чтобы пользовались ими и строили догадки.

Простите за горькую правду. Но думаю, что это лучший выход доказать, что Володька погиб как человек огромного мужества и великой души, верный сын нашей Родины. Я преклоняюсь перед его памятью. Мне больно чувствовать, что был когда-то несправедлив к нему. Когда его нет, ощущаешь огромную пустоту, заполнившую тебя. Вечная память Володе.

Теперь непросто доказать вам, что у меня все благополучно. Сознаюсь, я не попадал ни в какие переделки и был далек от риска, цена которому жизнь. Сижу до сих пор в Кабуле, у меня хватает своих дел в полку, сейчас идет полная реорганизация. Прошу вас, не переживайте, все, что я сообщил, искренне.

Ваш Владимир Логинов

После вылета

По караванной тропе

Духи. Фото Артура Боннера.

ДНЕВНИК БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

За бортом самолета проплывает пустыня. Наконец появляются кишлаки, глиняные хижины. Не верится, что где-то здесь находятся банды, на борьбу с которыми мы брошены сюда. Через несколько минут я впервые вступаю на чужую землю... Как встретит она?..

У нас приказ — без причины огня не открывать, соблюдать строжайшую конспирацию.

Вертолеты летят на малой высоте — делают резкий разворот, плавно садятся. Мы, как на тренировке, десантируемся, занимаем круговую оборону. Борты уходят.

Я — заместитель командира боевой группы. Ребят не узнать, все сосредоточенны и внимательны. Впереди метрах в двухстах — кишлак, там, по данным разведки, должна находиться банда. Кишлак кажется вымершим...

У командования — совещание. Что-то по карте не сходится место нашего десантирования.

Тут, кстати, задержали двух стариков — мирные дехкане. Через переводчиков узнают, что нужный нам кишлак находится километра три правее. Видимо, вертолетчики очень уж за нас волновались...

Приказ — с соблюдением предосторожности, в боевом порядке выдвигаться к заданному рубежу. Моя боевая группа прикрывает правый фланг подразделения. Я иду в правом боевом дозоре.

По пути осматриваем разные строения из соломы и тростника. При осмотре одного из них на нас бросились две собаки ростом с теленка, пришлось нарушить и без того не соблюдаемые меры скрытности...

Головной разведдозор сообщил, что в километре замечено передвижение каких-то групп. Над нами засвистели пули.

КНЕРИК Николай Иванович, старшина записи. В Афганистане — с осени 1982 по весну 1984 года в должности командира боевой группы.

Душманы засели как раз в том месте, где должны были десантироваться мы по плану. А место там действительно для засады очень удобное — старый дом-крепость, высохшие арыки, дувалы, деревья. Крепко окопались душманы.

Мы залегли. В дело вступили минометчики и взвод гранатометчиков, обработав район, который сразу же окутался дымом и пылью.

Уже без единого выстрела мы выдвинулись и заняли основные позиции противника, чтобы не дать уйти из кишлака басмачам. Но теперь задача наша осложнилась — в тылу оказалась еще одна группировка противника, которая обстреляла нас. Теперь она, захватив раненых и убитых, находилась где-то в нашем тылу.

Мне повезло — в первую боевую операцию (а я охраняю тылы — у меня три позиции) находимся в настоящей крепости с башнями. На каждой башне — по позиции. В общем, удобно: и тыл охраняем, и сами круговую оборону держим. До наступления темноты занимались оборудованием позиций. У меня «блик» — ночной бинокль, нужная вещь. Со мной на позиции замполит — капитан Бочков. Ночь отдежурили нормально, изредка срабатывали «сигналы». Место сработки сразу же обрабатывалось пулеметами и автоматическими гранатометами.

XI/1982.

Амударья — коварная река, меняющая русло и даже фарватер. Нас выбросило на узкий перешеек между

рекой и плоскогорьем на тропу, по которой, согласно данным разведки, проходили частенько банды, малочисленные и трудноуловимые. Сосредоточив четыре позиции на левом фланге, мы начали окапываться. Не заметили, как стемнело — у первой боевой группы чуть не произошло ЧП. Двое солдат — Голубовский и Сергеев — ставили «сигналки». Неожиданно одна сработала.

Охранение, увидев в свете ракет людей у «сигналок», открыло огонь по ним, благо товарищи успели укрыться в расщелине.

Но в свете ракет увидели другую группу — это были душманы. Мы, обнаружившие себя раньше времени, вынуждены были только обстреливать их издалека. Об огне на уничтожение не было и речи.

Мой наблюдатель, снайпер Кудрицкий, доложил, что у нас по фронту, метрах в двухстах, кто-то передвигается. Отсюда стрелять не имело смысла, и я, захватив Кудрицкого и Скажевского, на свой страх и риск, позабыв все инструкции, пошел туда, набрав побольше гранат. Но там никого не нашли.

Неожиданно метрах в сорока сработала «сигналка». Наши открыли по ней огонь, мы залегли, а то, не дай бог, заметят людей у «сигналки», то есть нас. Вокруг стали рваться мины. В общем, подавленные, но невредимые мы вернулись на позиции.

Утром оказалось, что басмачей мы все же пропустили. Они прошли всего в полукилометре слева, обогнув наши позиции.

Сплоховали наблюдатели, нужно смотреть не только вперед, но и на фланги.

XI/1982.

Разведка показала, что в ходе наших операций многие душманы скрывались на островах Амударьи. Нас срочно выбросили на их предполагаемое местонахождение, но, кроме тростника, мы ничего там не нашли. Там

и остались на ночь. Около трех часов ночи наблюдатели сообщили, что по ночным приборам видно, как на остров переправляется большой табун лошадей или стадо коров. Замечены также и люди.

Нас не очень прельщало, что стадо прокатится по нашим позициям. Пришлось открыть заградительный огонь.

Испуганные пастухи, поившие коров, разбежались, неуправляемое стадо всю оставшуюся ночь оглашало окрестности ревом. Утром пришли боюты.

XI/1982.

Нас предупреждали, что там, куда нас выбросят, раньше была неофициальная база душманов, поэтому мы готовились тщательно.

Утром нас бросили туда. Моя боевая группа расположилась сверху над кишлаком четырьмя позициями. Было тихо. Горный кишлак кажется вымершим. Задержали двух дехкан на ослах. При осмотре нашли исламскую литературу и пистолет, сразу же их отправили в тыл на КП.

А около ущелья всюду разгорелся бой. Душманы из пещеры отстреливались. Шура Шатров из станкового гранатомета вел обстрел пещер. Один душман не выдержал, побежал, остреливаясь, но его тут же подстрелили. Он свалился в яму. Для его захвата выделили восемь человек из моей группы и в том числе лейтенанта Лопушко. Долго спускались, наконец нашли раненого душмана — ноги у него были перебиты, рана в боку. Бура не было видно, только патроны. Он его, видимо, выбросил в ущелье.

Пошли дальше, напоролись на душманов. Они отстреливались.

В результате двоих мы убили, двоих ранили и четырех взяли в плен. Далее, при дальнейшем тщательном осмотре, нашли в пещере еще одного, а затем и винтовку. Надо было возвращаться,

как раз подошли сарбозы. Всех пленных сдали им. Но опять началась стрельба — еще в одной пещере нашли душманов, они скоро сдались.

В общем, поднялись наверх только вечером. Все очень устали.

ХИ/1982.

В районе Калай-нау, куда нас выбросили, европейцев ни разу не видели. Душманский район. И неудивительно, что при десантировании уже всю нас обстреливали. Появились раненые. Я, Лопушко и Поршневы пошли головным дозором и сразу же напоролась на двух душманов, которые открыли огонь. Перед собой мы увидели фонтанчики земли от пуль. Душманы явно уходили, а затем спрятались где-то в ручьях. Мы спустились за ними. Володя Поршневы молодец — увидел расщелину, услышал там шорохи.

Рисковать не стали и бросили гранату. И не ошиблись.

Затем из маленького кишлака, что был внизу, стали по нас стрелять. В целом, кроме обоюдного огня, за весь день ничего не произошло. Слишком нас мало, чтобы прочесывать местность. Бортов что-то не было.

Огонь душманов усилился, с соседских гор и сопки стали спускаться другие душманы.

Мы лихорадочно стали готовиться к круговой обороне. Но вот услышали долгожданный гул вертолетов, те сделали несколько заходов, обработали нурсами позиции душманов и взяли нас.

I/1983.

Эта операция в Андохе запомнилась на всю жизнь.

Густой туман, вечер. Борты идут низко, нас — человек сорок. Летим на засаду на пересечении дорог. Резко завернув разворот, высаживают нас и улетают.

Необходимо скрытно пройти кило-

метр и там окопаться. Подразделение стало передвигаться в данном направлении, я руководил отправкой грузов. Со мной — Скажевский, Кудрицкий.

Отправив почти все, мы еще раз осмотрели местность и пошли. Тем временем совсем стемнело, хоть глаз выколи. Естественно, мы пошли в другую сторону, не туда. У меня радиостанция, нас спрашивают, мы отвечаем, что идем. Уже прошли километра три — вместо одного. Услышали звон пастушьего колокольчика, пошли на него. Залаяла собака, на звук выскочили люди с фонарями. На свету мелькнуло оружие.

Скажевский, молодец, подлетел сзади, выбил у одного пистолет, остальные, увидев нас, вооруженных до зубов, подняли руки вверх. Захватив пленных и погрузив на них груз, мы нашли своих.

Быстро окопались, саперы установили на дорогах мины направленного действия с дистанционным управлением.

Где-то в полночь увидели свет фар двух машин. Они быстро приближались. Мы ждали команду открыть по ним огонь.

Неожиданно метрах в пятидесяти они остановились. В прибор ночного видения четко было видно, что в кузове сидят душманы. Около сорока человек. На машинах — пулеметы. Наступила тишина. Почему-то не сработали мины. А взрывы их являлись сигналом к открытию огня. Видимо, главарь с автоматом и гранатой в руке пошел на наши позиции, ориентируясь на звук колокольчика от антенны, приняв его за пастуший колокольчик.

Саша Михальков крикнул «стой!» и открыл огонь. Первый выстрел гранатомета не попал в машину. Душманы стали выскакивать из них и открыли ответный огонь. Небо озарил фейерверк трассирующих пулеметных и автоматных очередей. Со второго выстрела гранатомета загорелась, од-

на, а затем и вторая машина. Бой разгорелся. У нас появились убитые.

Бандиты в панике метались перед позициями.

Вдалеке остановилась и повернула назад третья машина. Так вели перестрелку всю ночь. Работали в основном снайперы и пулеметчики с приборами ночного видения.

Утром, осмотрев местность, нашли около двадцати убитых и несколько человек тяжелораненых. В этом бою погиб лейтенант Савин, наш командир.

II/1983.

Вокруг «зеленой зоны» — высокие холмы «Зеленку» прочесывают. Нас выбросили на холмы, чтобы бандиты не ушли.

Естественно, уже при высадке началась стрельба. Вертолеты не касались земли, и мы прыгали с высоты 2—3 метра. Заработал наш АГС, прикрывая высадку.

Бандиты переправлялись через ручей. В общем, проползали часа два по сопкам, но бандитов не выпустили. В сопках сделаны укрытия от пыльных бурь. Там они и укрылись. Мы повели прицельный огонь по этим щелям. Прямо-таки не верилось, когда из небольшой щели вылезало человек по семнадцать с поднятыми руками.

Но было и такое, когда один душман держал всю нашу группу в течение двух часов, не давал высунуться, укрывшись в пещерах. Вел прицельный огонь. Пришлось вызвать вертолеты и бомбить. Он там и остался. А все-таки удобно стрелять сверху вниз. Но удивительно, когда душманы бегут, вокруг рвутся гранаты АГС, а они не падают.

III/1983.

Самая длительная операция проходила месяц в Аккупруке. Началась с Мазари-Шерифа, где душманы захватили девятнадцать наших специалистов, работающих на заводе. Убили

охранника и хотели переправить их в Пакистан.

Нас срочно выбросили в горы Аккупрука, что в двухстах километрах от Кабула. Выбросили удачно — у сына главаря банды была свадьба... А то бы триста штыков встретили нас у вертолетов. Быстро заняли круговую оборону, оконались. Поставили минные заграждения и начали работать — где-то здесь прятали наших специалистов.

Работа была в основном разведывательная, так как конкретно местонахождения их мы не знали. Зарылись в землю, в скалы. Каждую ночь ждали нападения. Товарищи из Москвы использовали междоусобицы банд, но в течение трех недель результатов не было. Ночью иногда велись переговоры с представителями банды.

В конце концов захватили пленного. Но ночью он пытался бежать, захватив у сарбозов автомат. Его обнаружили — при побеге упал в яму и сломал ногу.

Утром, зная, что за побег его расстреляют, стал давать показания и все, что знал, рассказал.

Через двадцать минут в небе увидели борты, они шли штурмовать крепость, где находились наши специалисты. Был бой. Крепость взяли штурмом. В результате нашли наших: шесть раненых, шесть живых, шесть убитых, один был в тяжелом состоянии.

В целом операция прошла удачно, если не считать одного нашего подорвавшегося на mine солдата и нескольких раненых.

IV/1983.

Как обычно, выбросили на блокировку кишлака, кругом пески. И как всегда, высадили немного не туда. Впервые блокировали такое большое расстояние. Так что промежутки между позициями были до ста метров.

Надеялись на «сигналки». Одну из них поставили на мостике напротив

позиции, возле входа в кишлак. Быстро стемнело.

Не успели распределить дежурство, как «сигналка» сработала. В свете ракет увидели разбегающихся душманов. Двое из них бежали и с испуга прямо на нашу позицию. Повели огонь на уничтожение. Почему-то молчал пулемет Глинского. Отбились, никого не пропустили. Глинского, оказыва-ется, слегка зацепило.

Утром нашли чалму, несколько тюбетеек и... калоши, много крови. Что характерно, они своих раненых и убитых всегда забирают

28.V/1983.

На праздник прилетели на базу, пошли в баню, неожиданно «тревога», срочно на аэродром. Снова — на операцию. В беду попала наша маневренная группа. Душманы устроили засаду и расстреливали ее в упор из гранатометов.

Мы впервые в истории боевых операций совершили ночной десант на вертолетах в районе боевых действий.

Кругом все горело, было много подбитых машин. Оцепили район, чтобы ни одна живая душа не ушла.

Утром отправили раненых, нас бросили на прикрытие остатков маневренной группы. Душманы закрепились на одной стороне дороги. Мы — на другой. Ведем перестрелку. Огонь плотный. Я высунулся, и сразу же в лицо брызнула земля. Рядом со мной ранило в горло начальника заставы Койду. Но вот на дороге показались БМП и БТРы, теперь уже они из пушек и пулеметов поддержали нас.

VI/1983.

Прочесывали местность. Никого не обнаружили, хотя район считается душманским.

Стали ждать вертолеты, через час они пришли. Улетели на базу.

Нет нигде Кудрицкого, оставили там одного. А прошло уже полтора

часа. У него с собой только винтовка. Срочно выделяют три борта, и мы летим обратно.

Начинаем волноваться за Кудрицкого. Садимся. Наш Кудрицкий преспокойненько сворачивает плащ-палатку — только что проснулся.

VII/1983.

Жарко, кругом песчаные барханы и верблюжьи колючки с саксаулами. Нас выбросили, как обычно, с дневным запасом воды и двухдневным сухим пайком. На солнце жара шестьдесят градусов. Цель старая — не дать уйти банде из близлежащих кишлаков.

Кто-то что-то не рассчитал, но в такую жару днем вертолеты не летают, а ночью не могут. Вода кончается. Кругом пески. Остатки ее вскипятили с верблюжьей колючкой. Говорят, лучше жажду утоляет такой навар. Пьем через полчаса по глотку. На третьи сутки ребята стали закапываться по горло в песок, легче переносить жару. Начался «афганец» — ветер. Ничего не видно, но стало немного легче. Утром на четвертые сутки захватили небольшой караван из пяти верблюдов. Там должна была быть вода. Но ее оказалось очень мало — на полсотни человек.

Почувствовав на губах влагу, ребята одурели. Оставив заложников, отправили караван за водой. Через четыре часа они привезли воду, сами ее при нас попробовали.

Когда мы напились, как по заказу прилетели вертолеты за нами. До операции у меня было семьдесят два килограмма, после стало шестьдесят четыре.

VIII/1983.

К этому времени мои ребята поднакопили опыт, стали выносливее. Куда-то исчезли игривая показная бравада, детская невыдержанность, хвастовство. А отличаются они друг от друга не сроком службы, а мастерством и смекалкой.

Мы стали специалистами по рытью позиций, лазанию по сопкам, большим марш-броскам; одного нам не хватало: умения прочесывать большие кишлаки и городки. Вернее, мало-мальский опыт был, но мы ограничивались небольшими горными поселениями, стойбищами.

Ташкурган и стал тем большим населенным пунктом, где с лихвой хватало и домов, и населения, и бас-

мачей. Остановились мы в бывшей резиденции шаха — место очень красивое, зелень, дворец, бассейн. Жили в больших землянках.

Я взял только отдельные боевые эпизоды, они скорее похожи на донесение. В них моя память. Где сейчас мои боевые товарищи? Куда занесла их судьба?..

Возвращение

Твердо уверен в том, что книга «Афганистан болит в моей душе...» будет с интересом воспринята читателем, так как в ней каждая строчка дышит правдой о нас, о нашей молодежи. Пройдя школу Афганистана, наши солдаты принесли с собой осознанное чувство Родины, чувство боевого братства, готовность вступить в честную, открытую борьбу с равнодушием, бюрократизмом...

Не сомневаюсь, что каждого, прочитавшего эту книгу, она подтолкнет к раздумьям. Видимо, еще долго афганские события будут волновать советских людей, долго будут болеть афганские раны.

Б. Громов, генерал-полковник, Герой Советского Союза

С ПЕРОМ И АВТОМАТОМ

Вот уж никак не думал не гадал, что окажусь в Афганистане. А о необходимых своих принадлежностях — автомате и перьевой ручке — тем более не помышлял. И тем не менее через несколько дней после того, когда я впервые пересек государственную границу СССР, все это стало явью. Уже с августа 1987-го и до конца службы я был исполняющим обязанности корреспондента-организатора газеты «Ленинское знамя».

Воинские части, для которых наша газета выходила, были разбросаны по нескольким провинциям Афганистана. В их зону ответственности входил Южный маршрут — от Кабула до кишлака Суруби; Северный — от кишлака Доши, включая Чарикарскую «зеленку» и Саланг, часть Кабула, Баграм... Так что приходилось в один день покрывать немалые расстояния. Газета требовала и оперативности, и живого боевого материала.

Самое главное, конечно, — люди, многие и многие, с кем познакомился, чей опыт, чьи мысли, поступки для меня — самое ценное. Ведь это они — мотострелки, водители, разведчики, саперы, связисты, танкисты, артиллеристы — несли на себе всю тяжесть этой войны.

Только перечисление их заняло бы немало места. Назову лишь тех, с кем приходилось общаться особенно часто. Это воины подразделений старший лейтенант Майданюк, Петров, Васильков, майоры Наделько, Архипов. Разведчики Толя Ракович, Витя Пацюк, саперы Юра Попов, Валя Шиян и многие другие.

Во время любой операции без разведчиков и саперов не обойтись. Поэтому, наверное, в этих подразделениях, как нигде, были потери. И немалые. Вспоминаю Максима Тарана. Он должен был уволиться прошлой весной,

ЖИЛЬЦОВ Сергей Владимирович, рядовой запаса. В Афганистане — с мая 1987-го по январь 1989 года в должности корреспондента-организатора газеты «Ленинское знамя». Награжден медалью «За боевые заслуги».

но через несколько недель после приказа, когда многие его однопризывники, служащие на Родине, вернулись домой, подорвался на mine. Вспоминаю Павла Кухаря, водителя боевой машины, попавшего в засаду. Его ждали домой прошлой осенью...

В каждом подразделении были свои павшие, была своя боль. Не случайно по обочинам афганских дорог стоят бесчисленные обелиски — памятники нашим воинам.

Помню, однажды, по дороге в Джабаль-Уссарадж, сидя в кузове «Урала», разговорился с одним воином-ремонтником. Как раз проезжали местное кладбище. В нескольких метрах от него стояла наша застава, и чтобы попасть на нее, нужно было сделать большой крюк.

«Ишь, нашли, где своих жмуриков хоронить», — недовольно пробурчал ремонтник. Это как-то недобро резануло меня. Стало как-то стыдно за него. Ведь некоторым из нас так и не удалось до конца выйти из навязываемого войной мироощущения, к сожалению, иногда и укладом жизни в школе, ПТУ. Иначе чем объяснить пресловутую «дедовщину»... Да, да, бытовавшую и там, в Афганистане. Кстати, это явилось для многих воинов, прибывших сюда, новостью, неожиданностью. К счастью, болезнь эта в последнее время под мощным натиском командиров и политработников начала отступать.

Приходилось удивляться не только неуставщине, но и обилию беспризорных боеприпасов, что, в общем-то, в этих условиях было делом естествен-

ным. Ну и, конечно, каждая минута общения с местным населением и удивительна, и познавательна, в большинстве случаев — взаимовыгодна. Однако после множества таких встреч я все яснее отдавал себе отчет в том, что отношение афганцев к шурави далеко не однозначно, что многие вещи, казавшиеся на первый взгляд элементарными, далеко не так просты.

Помню, как в декабре, возвращаясь в часть и ожидая у баграмского госпиталя попутной машины, я разговорился с одним из офицеров афганской армии. Он рассказал об Апрельской революции, о преобразованиях, которые за ней последовали, о своей партии, партии «хальк», которая является, как известно, крылом НДПА, той, что, как он говорил, имела твердую программу политических и экономических реформ в стране и которая так и не смогла осуществить их из-за известных событий. То же самое я

слышал и от других афганских коммунистов. Тогда меня несколько удивил и озадачил вопрос: «Кого вы больше уважаете — «хальк» или «парчам»?» Но он заставлял размышлять о соотношении сил в Афганистане.

С выводом последнего советского солдата из Афганистана, казалось, можно было бы поставить точку в этой войне, хотя кое-кто, вероятно, предпочтет поставить на ней крест...

Но пока тот, кто, еще совсем недавно потеряв товарища, борется за установление памятника на его могиле; пока мать, у которой нет вестей от сына с 1980 года, мучительно ждет его; пока тот, кому удалось выбраться живым из этой купели, месяцами и годами простаивает в очереди за протезом, надо помнить об этой войне. И о тех, кто «чего-то» не учел, принимая решение о вводе войск в Афганистан. Помнить, потому что они и сейчас имеют возможность принимать новые решения...

МЫ ВОЗВРАЩАЕМСЯ...

Вот уже почти три года, как я вернулся из Афганистана. В первые дни все было для меня необычно, все, к чему мы привыкли настолько, что уже не замечаем, на что до армии я сам не обращал внимания.

Самолет Кабул — Ташкент. Обычный гражданский самолет. Девушки-стюардессы. Но в душе таится настороженность, ставшая уже привычной, не раз выручавшая. Своеобразный иммунитет к невидимой опасности. Ребята притихли. В иллюминаторе — совсем близко горы. И навязчивая мысль — обидно, если собьют, когда до дома-то не год и не два, а меньше часа. Да. Дом сейчас для нас — весь Союз. Мы были готовы целовать траву, березки, потому что они для нас тоже Союз, Родина. Даже этот уютный самолет с милой девушкой, предлагавшей лимонад, тоже кусочек дома, о котором мы мечтали, читая письма, который нам снился по ночам. И вдруг: «Наш самолет пересек границу Советского Союза». Все! Не слышно собственного голоса, пошуметь мы всегда умели. К посадке практически все успевают устранить недостатки уставной формы, так что, выходя из самолета, самому на себя уже и посмотреть не стыдно. Мы в Союзе...

Первое, что поразило — белые лица, настолько уж мы привыкли к вьезшемуся горному загару. До самолета на Ленинград еще оставалось время. Пошли погулять по Ташкенту. Выручили женщину с двумя маленькими детьми, у которой украли деньги и не на что было лететь домой. Она потом еще пару раз к нам подходила, но узнавала: «Тыфу ты! У этих я уже брала».

И вот уже другой самолет: Ташкент — Ленинград.

Помню, очень хотел вернуться «сюрпризом», но перед самым подъездом

ГАМАРОВ Владислав Евгеньевич, сержант запаса. В Афганистане — с августа 1984-го по апрель 1986 года в должности командира саперного отделения. Награжден медалью «За отвагу» и значком министра обороны СССР «За разминирование».

вдруг стало страшно за маму. Позвонил: «Мама! Я живой, я в Ленинграде! Сейчас приду!» И скорее бросил трубку.

Что было дома, я не помню — ничего не соображал. Помню только, что все плакали. А когда утром проснулся, в шесть часов, как по часам, увидел родные стены, кота, свернувшегося в ногах, понял, что все — Афганистан стал уже моим прошлым, и острая боль резанула по сердцу, захотелось стучать в стены, бросить все и вернуться. Вернуться туда, где я знал свою цель, где я знал цену жизни, где я был нужен. До сих пор еще мне снятся «афганские» сны, а проснешься — только боль и тоска, но уже ничего и никого не вернуть.

Меня часто спрашивают о том, было ли мне страшно? Это сложный вопрос. Первые полтора года я об этом не думал. Просто не думал. Было скорее любопытно. Пули взбивают фонтанчики пыли в нескольких сантиметрах от тебя, а ты лежишь, и мысли какие-то дурацкие в голову лезут: «Вот здорово! Надо об этом домой написать. Родителям нельзя, напишу другу». Но это не от смелости. Нет. Просто мы там, наверное, этим всем жили, а когда живешь рядом со смертью, ты о ней уже не думаешь, ты стараешься с ней пореже встречаться.

Помню, когда мы попали в засаду, мне надо было выскочить из-за камня и пробежать под пулями метров тридцать пять. В эти секунды я не думал о смерти. Только очень трудно было оторваться от скалы.

Лишь когда до возвращения домой оставалось полгода, я понял, что такое страх. И слышишь, что пуля не твоя, а все равно вжимаешься в землю. И действительно страшно, но не за свою жизнь, а просто страшно умереть, когда до дома-то осталось совсем немного.

Одни нас называют героями, другие убийцами. Зачем? Мы «афганцы». И этим все сказано. Просто там у нас была своя, другая жизнь, и мы ею жили, кто как мог. В этой жизни были другие ценности, другие мерки.

В одном бою простой парнишка, Александр Корявин, грудью закрыл командира, лейтенанта Иволина. Посмертно ему присвоено звание Героя Советского Союза. Но разве он думал в тот момент о том, что совершает подвиг? Просто он защитил своим телом и душой жизнь.

Передо мной портретный рисунок Саши Корявина, сделанный лейтенантом Иволиным. Трогательный человеческий документ войны...

Не мы ее затеяли, эту войну, но пройдя через нее, поняли, что означает это слово. И тем дороже нам другое слово — мир. А что толку, если семнадцатилетний парень бросит нам в глаза — «убийцы», а сам этим же вечером будет бить такого же, как он, по принципу «трое на одного»? Поэтому я не верю словам, Афганистан приучил меня верить только тому, что человек делает, а не что говорит. Там ребята проверялись в деле, каждый был на виду. Но не каждый выдержал эту проверку.

Одни считают всех «афганцев» отличными ребятами, от других слышишь: «А, «афганец»?! Был тут у нас такой...» Зачем всех нас стричь под одну гребенку? «Афганец» — это не профессия и даже не звание, это — имя. Не всякий должен, не всякий может его носить. Был у нас в роте старшина. Со своей должностью справлялся. По порядку, чистоте в своей роте мы были лучшими. Но вот на боевые задания не ходил, да и не стре-

мился, в отличие от остальных. Уехал домой с боевым орденом. Почему? Я и сам не понимаю. К сожалению, были там и трусы, и подлецы, немного, правда, но были. И тем дороже мне остальные ребята, с кем можно и в огонь, и в воду: Олежка Логинов, Андрей Гайворонский, Сергей Артемьев, Олег Зайцев, Сергей Матвеев, Сергей Василевский, Сашка Цвет. О них многое можно было бы рассказать. Это настоящие «афганцы», и этим все сказано. Но если вы увидите человека, который бьет себя в грудь и кричит: «Я «афганец»! Да я там в Афгане... а ты тут!» Знайте — это не настоящий «афганец». Подлеца война не сделает лучше, он таким и вернется. Поэтому, если вы встретитесь с кем-то из нас, разберитесь сначала, что это за человек. Ведь все люди такие разные. Но если «афганец» обратился к вам за помощью, не отворачивайтесь от него, постарайтесь понять. К сожалению, понимания как раз и не хватает. Многие считают: ну, вернулся ты оттуда, ну, молодец, отдохни. месяц-другой и давай вливайся в нашу бурную жизнь, работай, дерзай. Но ведь война — это не кадр из фильма, его не вырезать из памяти, она всегда будет жить в нас.

В Соединенных Штатах Америки действует 186 психологических реабилитационных центров по оказанию помощи вьетнамским ветеранам. А куда обращаться за помощью нам? У нас нет ни одного такого центра. И мы ищем ее у людей. Вот тут-то мы и сталкиваемся с непониманием. Отсюда и громадный процент разводов у «афганцев», все эти «замыкания» в себе. Ведь не у каждого хватит сил изо дня в день биться головой в эту стену непонимания: «Да чего ему надо? Чего ему не хватает? Чего он ищет?» И здесь уже начинается другая «война», более тяжелая, чем та, на которой мы были... И калечит она во сто крат больше людей. Тут-то и начинается борьба с самим собой, на войне, где не стреляют: не уступать своих пози-

ций, стоять на своем или все-таки легче отойти в сторону?..

У многих эта борьба переходит в протест против того, что им чуждо: «Долой панков, рокеров, брейкеров». Но зачем? Попытайся лучше понять человека, а не протестуй против непохожего на тебя. Я сам уже после Афганистана занимался брейком, работал в профессиональной группе. Для меня брейк — это язык без слов, язык движения, на котором я могу говорить. А многие люди удивляются: «Ты «афганец», а занимался брейком». К сожалению, многие из них судили о нем по дискотекам, насмотревшись на тех юнцов, которые, вызубрив бездумно несколько «слов», твердили их, тупо оставившись в пол.

Здесь мне вспоминается один случай, когда наша группа встречалась с американским хором, который прекрасно поет и американские и русские песни. Мы, провожая их на вокзале в Москву, стали танцевать для них, что собрало на перроне полвокзала. Они же стали петь русские песни. То, как аплодировал нам вокзал, забыть невозможно. Но когда они сели в поезд, я увидел парнишку, который смотрел на них с яростью и злобой. Я не выдержал и подошел к нему. Когда я услышал его слова: «Да я в Афгане! А эти гады... Да их ракеты...», — мне стало очень больно и обидно за него. Этот человек сваливал вину за американские ракеты на всех американцев, большинство из которых, как и большинство из нас,

искренне хотят мира и ненавидят войну. Недавно я участвовал во встрече «афганцев» с американскими ветеранами Вьетнама. Среди них был один американец, который потерял во Вьетнаме обе ноги от советской ракеты. И он приехал на эту встречу, чтобы помочь «афганцам»-инвалидам в производстве протезов. О чем еще можно здесь говорить?!

Меня часто спрашивают: не привыкли ли я там к смерти. Нет, не привык. К ней нельзя привыкнуть. В нее трудно поверить, но ее можно почувствовать. Был у меня товарищ из соседней роты. Как-то перед боевым рейдом он попросил меня сфотографировать его, чтобы послать фотографию жене. До рейда оставались всего сутки, но я успел сделать ему эти фотографии. Он при мне вложил их в конверт и заклеил его. Когда мы вернулись, я узнал, что он погиб. Долго не мог поверить, не мог смириться с этим... Все мне казалось, что он просто уехал куда-то, вернулся в Союз. И только когда пришел к нему в роту и увидел его аккуратно застеленную койку, а на подушке — тельняшку и берет, вот только тогда и понял — все, его нет. И острое ощущение смерти человека, который был тебе действительно дорог.

А я вернулся. Я рад, что мы возвратились. Возвратились не только на родную, такую дорогую теперь землю, но и к нормальным человеческим понятиям, к вновь постигнутым человеческим ценностям.

СОДЕРЖАНИЕ

а	Конец войны. Предисловие Юрия Теплова	5	Тынычбек Калыбеков. «Кандагар — это не Сочи...»	153
	Владимир Кубатин. Слово о друге	19	Андрей Стебунов. Из дневника младшего лейтенанта	157
	Николай Курган. «Кому нести печаль свою?..»	27	Воспоминания об Андрее Стебунове его боевых товарищей, родных	—
	Николай Фомин. Афганские истории	35	<i>Ашот Амирян</i>	15
	Первые впечатления	35	<i>Александр Васильев</i>	158
	Первый обстрел	36	<i>Сергей Антонов</i>	159
	Лейтенант Поляков	39	<i>Валентина Федосеевна Стебунова</i>	159
	Гауптвахта	41	Валерий Ковалев. Как меня убили	163
	Судьба	43	Алексей Куприянов. Мы вернемся	169
	Капитан Клоков	46	Андрей Дышев. Третий тост	185
	Не напрасно	48	Записки военного журналиста	201
	Юрий Сидоров. Бой в ущелье	53	Сергей Авдеенко. Земляки	201
	Сергей Тютюнник. Кишлак назывался Яхчаль...	65	Воспоминания	
	Операция	65	Александра Симонова, ...	
	Святой	67	Владимира Русака, ...	
	Отчеты и выборы	68	Владимира Стоматова, ...	
	Александр Секачев. Граната	71	Сергея Фесюна, Сергея Пелых, ...	
	Анатолий Томило. «Пиши только правду...»	75	Владимира Касимова, ...	
	Вася Михальченко	75	Владимира Фещука, Анатолия	
	Ловушка	76	Бабака, Анатолия Бердюгина, ...	
	Евгений Финогеев. Саланг. Из дневника	83	Николая Акимова, Вячеслава	
	<i>Александр Краузе. «Пусть нас дети по письмам узнают...»</i>	87	Белякова, Николая Дуки, ...	
	Николай Ковальчук. Колонна	93	Виталия Прилюдько, Виктора	
	Юрий Пахомов. В провинции Доши. Из дневника	97	Патрикея, Виталия Сояка	201—212
	Валерий Пинчук. Переписка с другом	109	Александр Банников. Узелки на память	215
	Виктор Куценко. Дорога на Барикот	117	Владимир Пузиков. Чарикар	225
	Игорь Блуджан. Полет	129	Владимир Твилов. Дневник переводчика	233
	Константин Бороздин. Первые километры	139	Николай Кнерик. Дневник боевых действий	243
	Сергей Рыжаков. Лекарство против страха	147	Сергей Жильцов. С пером и автоматом	251
			Владислав Тамаров. Мы возвращаемся...	253

ИБ № 6675

АФГАНИСТАН БОЛИТ В МОЕЙ ДУШЕ...

Заведующий редакцией С. Ионин
Редактор Л. Калюжная
Художник В. Васильев
Художественный редактор Б. Федотов
Технический редактор Н. Теплякова
Корректор Н. Хасаия

Сдано в набор 22.05.89. Подписано в печать 27.11.89. А12941. Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Литературная». Печать офсетная. Условн. печ. л. 20,8. Условн. кр.-отт. 83,8. Учетно-изд. л. 18,9. Тираж 100 000 экз. Цена 1 р. 30 к. Заказ 1521.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес ИПО: 103030, Москва, Сушевская, 21.

ISBN 5-235-01105-8

